

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт экономики и менеджмента

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ: ЧЕЛОВЕК И СОЦИУМ (ИТЭ-ЧС 2021)

**Материалы
VII Международной научной конференции**

Томск, 21–23 октября 2021 г.

Ответственный редактор М.В. Чиков

Томск
Издательство Томского государственного университета
2021

УДК 330 (082)
ББК 65я434
И71

Редакционная коллегия:

Р.М. Нуреев (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации),
Е.В. Нехода (Национальный исследовательский Томский государственный университет),
М.В. Чиков (Национальный исследовательский Томский государственный университет)

Институциональная трансформация экономики: человек и социум» (ИТЭ-ЧС И71 2021) : материалы VII Международной научной конференции. – Томск, 21–23 октября 2021 г. / отв. ред. М.В. Чиков. – Томск : Издательство Томского государственного университета, 2021. – 224 с.
ISBN 978-5-907442-40-5

В ходе конференции был рассмотрен широкий круг тем: теоретические и методологические вопросы развития институциональной и эволюционной экономической теории; итоги 30 лет институциональной трансформации российского государства; проблемы трансформации социально-экономического пространства и территориального развития; накопление человеческого и социального капитала; цифровая трансформация экономики и финансы в условиях меняющегося социума; отражение взглядов молодых исследователей на институциональную трансформацию экономики.

Содержание материалов конференции может быть полезно всем интересующимся теоретическими и прикладными исследованиями в области институциональной экономической науки.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

УДК 330 (082)
ББК 65я434

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Andreff Wladimir.</i> The relocation of International Mega-Sporting Events from developed to emerging economies: namely in the BRICS (Brazil, Russia, India, China, South Africa)	9
<i>Yeremian O.S.</i> Formation of culture of aging of population	10
<i>Pavlovets A.S.</i> Development of the human capital of the organization based on competence approach	11
<i>Chistyakova N., Bruni R.</i> Service dominant logic: what we can learn from for global competitiveness of regions	12
<i>Shevchenko M.M.</i> Methods for detecting falsification of financial statements	13
<i>Zhang Xiaoxia</i> The present situation and counter measures of urban elderly reemployment in China	14
<i>Агеева С.Д., Кравченко Н.А.</i> География неравенства и роль финансовализации	15
<i>Адова И.Б.</i> Библиометрический анализ категории «человеческий капитал»: выделение новых слагаемых будущих научных исследований	16
<i>Акерман Е.А.</i> Альтернативные методы оценки IT-проектов в условиях неопределенности и рисков	17
<i>Алексеев Т.Д.</i> Чувство места и отчуждение в караканском бору: эффекты хозяйственных изменений	19
<i>Антипанова О.А.</i> Развитие человеческого потенциала в условиях городской среды	20
<i>Антипанова О.А.</i> Мегаполисы в глобальной и региональной экономике	21
<i>Аранжин В.В.</i> Политика эффективной занятости в условиях растущей нестабильности и изменчивости среды	23
<i>Бабышев В.Ю.</i> Влияние количественных и качественных параметров рабочей силы на экономический рост	24
<i>Барышев А.А.</i> Дискурсивный подход к исследованию социально-ролевой реальности предпринимательства и ее развития	26
<i>Барышева Г.А., Бабышев В.Ю., Барышев А.А.</i> Между этосом и патосом: проблематизация характера занятости в условиях технологической революции	27
<i>Бачерикова Е.В.</i> Социальная дисциплина как ценностный аспект внутрифирменных институциональных структур	28
<i>Беломытцева О.С.</i> О методологических основах оценки фискальной эффективности налоговых льгот для частных инвесторов на рынке ценных бумаг	30
<i>Благовещенская О.К., Цой Гунвон.</i> Цифровая трансформация медицины: сотрудничество Республики Кореи и Российской Федерации	31
<i>Богданов А.Л., Шабанова Е.Ю.</i> Прогнозирование ИПЦ в России. Межрегиональная зависимость инфляционных процессов	32
<i>Буфетова А.Н., Коломак Е.А.</i> Оценка национальной гетерогенности в России	35
<i>Быстрицкая О.Н.</i> Сравнительная характеристика бюджетных систем Германии и России. Отличительные особенности	36
<i>Валиева О.В.</i> Институциональная среда: агенты и модели в здравоохранении России	37
<i>Васильев В.П.</i> Трансформация институтов социального государства	38
<i>Васильева Е.В., Тырсин А.Н.</i> Факторы заработной платы пожилых работников в России: обесценивание человеческого капитала и эйджизм	40
<i>Верников А.В., Курышева А.А.</i> Институциональный аспект долговой зависимости домохозяйств	41
<i>Вольчик В.В.</i> Институты, нарративы и спрос на инновации в России	42
<i>Воронина Л.И., Касьянова Т.И.</i> Оценка качества социального обслуживания граждан в условиях трансформации социального государства	44

<i>Гасанов М.А., Жаворонок А.В.</i> Структурогенезис в экономике с ядром человеческого капитала: институциональный аспект	45
<i>Геворгян О.И.</i> Трансформация институтов социально-трудовых отношений в условиях развития новых форм занятости	46
<i>Герман М.В.</i> Концептуальные аспекты капитализации профессиональных знаний для развития человеческого и социального капитала	48
<i>Голов В.А.</i> Институционализация управления знаниями в организациях высшего образования	50
<i>Горячев В.П.</i> Проблема оценки экономической эффективности институциональных изменений для рынка городского общественного транспорта	52
<i>Горяченко Е.Е., Малов К.В.</i> Трансформация системы местного самоуправления: взгляд руководителей муниципальных образований	53
<i>Гравчигова А.А.</i> Религиозная неоднородность как фактор социально-культурной политики: эмпирические оценки для регионов РФ	54
<i>Гурунян Т.В.</i> Институциональное регулирование цифровизации малого и среднего предпринимательства	55
<i>Дементьев В.В.</i> Производительные и непроизводительные транзакционные издержки	56
<i>Дзюба С.А.</i> Конкуренция, сотрудничество и власть как механизмы координации	58
<i>Диденко Д.В.</i> Пространственное неравенство в формировании человеческого капитала в регионах Европейской России, Сибири и Дальнего Востока (конец XIX – начало XX вв.)	60
<i>Дуткина С.Ю.</i> Западная модель студентификации через призму Новосибирского Академгородка	61
<i>Дымова И.А.</i> Платформенная занятость: проблемы и перспективы развития	63
<i>Епифанцев А.В., Литвинцев Д.Б.</i> Кризис системы управления многоквартирными домами в России как результат трансформации института собственности	64
<i>Жернов Е.Е.</i> Формирование институциональной среды Общества 5.0: научный и гуманистический аспекты	65
<i>Заостровцев А.П.</i> Критические моменты в институциональной истории	66
<i>Иванова А.И.</i> Демография российских ИТ-компаний: состояние и региональные особенности	68
<i>Иванова М.В.</i> Моногорода России: новый этап трансформации экономики	69
<i>Иванова К.А.</i> Проблемы развития индивидуальных инвестиционных счетов типа Б	70
<i>Каз Е.М.</i> Социально-психологические аспекты управления: роль фактора «доверие»	71
<i>Кайнов Д.В., Тарасова О.В.</i> О взаимосвязи уровня экономического развития и государственно-частного партнерства в регионах РФ	72
<i>Камзабаева М.С.</i> Институты гражданского общества и государства в сфере социального обслуживания взрослых инвалидов	74
<i>Капогузов Е.А.</i> Методология оценки трансформации импортированных институтов	75
<i>Капогузов Е.А., Чупин Р.И.</i> Нарративная регуляция брачного поведения в России: опыт количественной оценки	76
<i>Карпов А.Л.</i> Институциональные проблемы вакцинации	78
<i>Кашапова Э.Р., Рыжкова М.В.</i> Цифровые финансовые пирамиды: подход к исследованию	79
<i>Кирдина-Чэндлер С.Г.</i> «Институциональный синтез» в экономической теории: прошлое, настоящее или будущее?	81
<i>Кислицын Д.В.</i> Динамика уровня ресурсной зависимости российских регионов: роль субнациональных институтов	82
<i>Клисторин В.И., Седипкова С.В.</i> Региональные программы как инструмент трансформации социально-экономического пространства и территориального развития	83
<i>Козьминых О.В.</i> Финансовая глобализация на ипотечном рынке США	85

<i>Корженевская О.Н., Какшайская Е.А.</i> Институциональная роль федерального проекта «Содействие занятости» в формировании социального капитала уязвимых категорий населения	86
<i>Костина Е.А.</i> Влияние умного города на смертность во время пандемии Covid-19	88
<i>Котванов М.В., Котванова С.Г.</i> Институциональная трансформация спроса и предложения под влиянием цифровых технологий	90
<i>Котов А.В., Темир-оол А.П.</i> Институциональные аспекты развития водного транспорта в азиатской части России	92
<i>Коцербуба Е.М.</i> Оценка уровня и качества жизни населения	94
<i>Краковецкая И.В., Редчикова Н.А.</i> Университетская экосистема в условиях цифровой трансформации	95
<i>Краморенко С.В.</i> Проблемы и направления инновационного развития юга тюменской области	97
<i>Криволапова А.И.</i> Современные инструменты маркетинга в деятельности российских компаний	99
<i>Кривошеева-Медянцева Д.Д.</i> Пандемия, государственный патернализм и институты: как малый бизнес справляется с бременем ограничений	100
<i>Кривяков С.В.</i> ЕС как инструмент формирования универсальной европейской социально-экономической модели	101
<i>Куклина Т.В.</i> Институционализация охраны труда: по материалам нефинансовой отчетности российских компаний	102
<i>Курбатова М.В., Донов И.В.</i> Как рынки труда регионов ресурсного типа переживали пандемию	104
<i>Курбатова М.В.</i> Провалы импорта институтов научной политики в РФ	105
<i>Курышева А.А.</i> Прагматизм и институциональная экономическая теория	106
<i>Кэфэн Юань</i> Эволюция решений по распределению семейных бюджетов и их международное сравнение	107
<i>Лаврусевич П.Е.</i> Прибрежное пространство караганского бора: рекреационный ресурс общего пользования	108
<i>Левин С.Н.</i> Конфигурация экономических и политико-административных рынков в регионах ресурсного типа	109
<i>Леонов М.В.</i> Стратегия управления взаимодействием в рамках модели банковской экосистемы	110
<i>Лепихина С.Н.</i> Аутсорсинг как институт миниэкономики знания	112
<i>Литвина С.А., Тухватулина Л.Р.</i> Ключевые роли и задачи HR в современной организации	113
<i>Литвинцев Д.Б.</i> Институциональные трафареты в управлении многоквартирными домами в России	114
<i>Лысенко Е.А.</i> Конкурентоспособность выпускников вузов: внутренние и внешние факторы	115
<i>Макарова И.А.</i> Трансформация показателей благосостояния под воздействием концепции устойчивого развития	116
<i>Макашева Н.П., Литвина С.А.</i> Управление вознаграждением в условиях нестандартной занятости	118
<i>Маланина В.А.</i> Роль травмирующих событий жизненного курса в жизнестойкости пожилых людей	119
<i>Малкина М.Ю.</i> Трансформация российских фискальных институтов в условиях пандемии	120
<i>Малкина М.Ю.</i> Концепция неравенства возможностей в современной экономической науке	122
<i>Маслов М.П., Петров С.П.</i> Методические аспекты оценки цифрового потенциала экономики регионов России	123
<i>Мельников В.В.</i> Финансирование государственных и муниципальных закупок как фактор экономической политики	124
<i>Минаев Н.Н., Жарова Е.А.</i> Анализ подходов к управлению процессами накопления человеческого капитала в регионах России	125
<i>Мосейко В.В.</i> Рациональность и иррациональность в пенсионных стратегиях молчаливого присоединения	128

<i>Недоспасова О.П., Павлова И.А.</i> Мониторинг благополучия старшего поколения на основе индексов: проблемы и перспективы	129
<i>Недоспасова О.П.</i> Формирование современного технологического пространства во взаимосвязи с экономической активностью и качеством жизни пожилых людей в России и Вьетнаме	130
<i>Нефёдкин В.И.</i> Институционализация экономической власти и корпоративная рента в постсоветской России	131
<i>Нехода Е.В.</i> Институционализация новых форм занятости	132
<i>Ткаченко Л.И., Норенов У.А.</i> Проблемы подготовки финансовой отчётности по МСФО на примере АО «Алмалыкский горно-металлургический комбинат»	134
<i>Овсянникова Т.Ю., Рабцевич О.В., Югова И.В.</i> Пространственные диспропорции в развитии рынка жилищных инвестиций как фактор деградации территорий	135
<i>Ореховский П.А.</i> Структуры когнитивности и парадоксы современной экономической науки	137
<i>Орловский Р.Е.</i> Особенности и проблемы инвестирования физическими лицами в России	138
<i>Осьмук Л.А.</i> Человек и город: оборонительное поведение в пространстве риска	140
<i>Павлова И.А.</i> Ресурсный потенциал старшего поколения в России: институциональные ограничения и актуальное состояние	142
<i>Панкова Ю.В., Гильмундинов В.М.</i> Проблемы дифференцированного воздействия мер макрорегулирования на социально-экономическое пространство	143
<i>Пантеева С.А.</i> Человеческий капитал как витальная составляющая инновационной системы	145
<i>Пань Ли</i> Тенденции в сфере новой занятости в Китае	146
<i>Петров С.П., Гильмундинов В.М.</i> Интеграция цепей поставок в рамках теории фирмы	147
<i>Полбицын С.Н.</i> Роль социального капитала в развитии сельского предпринимательства	149
<i>Попова М.А.</i> Институциональные сообщества как особый тип субъектов управления развитием производительных сил региона	150
<i>Портенко В.А.</i> Классификация методов оценки эффективности хеджирования денежных потоков	151
<i>Потапцева Е.В.</i> Союзное государство в восприятии бизнеса: есть ли эффекты для экономической интеграции?	152
<i>Проволович Т.О.</i> Как методологическая экспансия нейробиологии в сферу экономики влияет на способы объяснения поведения экономического агента?	154
<i>Пыжжев А.И., Кытманов А.А., Слинкина О.А.</i> Институциональные предпосылки использования данных дистанционного зондирования земли из космоса в целях повышения качества управления лесным сектором экономики России	156
<i>Рахимова К.Р.</i> Применение фреймворка SAF для внедрения OKR на крупном предприятии	157
<i>Радионова Е.А.</i> Подходы к оценке государственной состоятельности	158
<i>Рождественская Е.М.</i> Формирование практики потребления в старшем возрасте	161
<i>Романюк В.Б., Сян Лю</i> Система комплексного финансового анализа Dupont	164
<i>Руцкий В.Н., Фукаляк А.А.</i> Формирование и оценка индекса благосостояния населения в регионах России	167
<i>Рыжкова М.В., Клемашева Е.И.</i> Включенность пожилого населения г. Томска в региональное технологическое пространство	168
<i>Рыжкова М.В., Чиков М.В., Блаженкова-Траутман Е.А.</i> Экономика малышей в виртуальном пространстве	169
<i>Рязанцева И.В.</i> Влияние креативных технологий и цифровизации на формирование качественных трудовых ресурсов	171
<i>Саблин К.С.</i> Инновации в экономике России: коммерциализация, престиж, рентоискательство	173

<i>Семиколенов М.В., Исанина Н.В., Ульихина С.М.</i> Исторический аспект развития института права собственности	174
<i>Сергеева З.Н.</i> Социальные медиа как новая институциональная структура отстаивания жителями социальных и экономических интересов в условиях городских конфликтов	176
<i>Ситкевич Д.А.</i> Теневой сектор экономики: легализировать нельзя терпеть?	177
<i>Скалабан И.А., Лобанов Ю.С.</i> Оборонительные сообщества как субъекты сопротивления инфраструктурным и девелоперским проектам: перспективы использования институциональной логики	178
<i>Слепенкова Ю.М.</i> Оценка накопленного человеческого капитала в России	180
<i>Стародубцева А.В.</i> Управление интеллектуальной собственностью в России: особенности передачи патентов	182
<i>Стрижак А.Ю., Манчева И.К.</i> Рынок люксовых товаров: современные тенденции развития	183
<i>Суворова А.В.</i> Нарращивание территориального капитала как основа методологии пространственного развития экономики	184
<i>Сумская Т.В.</i> Институт местного самоуправления в системе бюджетного федерализма	186
<i>Суслов Н.И., Исупова Е.Н., Иванова А.И.</i> Этническая гетерогенность и ее влияние на региональный экономический рост в РФ	187
<i>Пыжжев И.С., Таненкова Е.Н.</i> Основания концепции прямого измерения экономических институтов на уровне институциональных соглашений	188
<i>Ткаченко Л.И.</i> Генезис и методология финансового менеджмента в общественном секторе	190
<i>Токарев А.Н.</i> Особенности патентной активности в нефтегазовом комплексе: региональные аспекты	191
<i>Тутыгин А.Г., Чижова Л.А.</i> Экологическая активность молодежи в социальных сетях как маркер ценностных ориентаций (на примере северных и арктических регионов России)	192
<i>Тюленева Н.А.</i> Анализ и диагностика трансформационных процессов российских компаний в направлении устойчивого развития в цифровой среде	194
<i>Ужегов А.О.</i> Экономический потенциал индустриальных регионов РФ: возможности развития	196
<i>Фадеева О.П.</i> Пореформенная трансформация прав собственности на земли сельхозназначения в современной России	198
<i>Филатова Н.Г.</i> Инвестиционная экосистема приграничных регионов: институциональные и пространственные аспекты развития	199
<i>Фомина Ю.А., Глинска-Невеш А.</i> Поддерживаемое сообществом сельское хозяйство: определение программы исследования на основе библиометрического анализа	201
<i>Фролова Е.А., Маланина В.А.</i> Активное долголетие и жизнестойкость старшего поколения в Томской области	202
<i>Харченко И.И., Низовкина Н.Г.</i> О социальных издержках для молодого поколения в сферах образования и занятости и влияющих факторах	204
<i>Цитленок В.С.</i> Жизненный цикл геоантропной экономики как объект научно-экономического познания	206
<i>Чернова К.В.</i> Барьеры на пути внедрения электронной цифровой подписи в РФ	210
<i>Шатова М.Н., Барышева Г.А.</i> Влияние цифрового пространства нефтегазовой индустрии на труд пожилых людей	211
<i>Шевченко Н.А.</i> Накопление человеческого и социального капитала как важнейший объект стратегического планирования в экономике устойчивого развития	212
<i>Шибалков И.П., Недоспасова О.П.</i> Удовлетворенность качеством жизни в российских регионах в контексте реализации ресурсного потенциала пожилых людей	214
<i>Шмаков А.В.</i> Использование мягкого регулирования для снижения негативных последствий цифровизации	215

<i>Шорохова И.С.</i> Влияние экономико-финансовых эффектов концентрации на инновационную активность российских регионов	216
<i>Юсупова А.Т., Халимова С.Р., Кравченко Н.А.</i> Роль высокотехнологичного сектора в экономике регионов азиатской части России	217
<i>Ядгаров Я.С.</i> К вопросу об истоках теоретико-методологических основ эволюционной экономической теории	219
<i>Ярина П.А., Рождественская Е.М.</i> Трансформация деятельности вуза как социального института в эпоху цифровизации	221

Wladimir Andreff¹
University Paris 1 Pantheon-Sorbonne

THE RELOCATION OF INTERNATIONAL MEGA-SPORTING EVENTS FROM DEVELOPED TO EMERGING ECONOMIES: NAMELY IN THE BRICS (BRAZIL, RUSSIA, INDIA, CHINA, SOUTH AFRICA)

Since the first Summer Olympics in 1896 and until 1990, major international mega-sporting events (IMSEs) had been mostly hosted in developed economies with only ten exceptions (20% of occurrences), two in communist countries (Moscow 1980, Sarajevo, 1984) and eight in emerging or developing economies. The trend has changed during the past three decades.

Working on a sample of comparable of 18 IMSEs from 1990 to 2021 (217 observations), it is observed that, indeed, there is a move in IMSE location toward emerging economies, in particular to the BRICS (Brazil, Russia, India, China, South Africa) and to a much lesser extent toward post-communist transitional economies and developing (less-developed) countries.

From basic economic data collected it appears that the relocation of IMSEs in the world is following the path of economic development, more or less mitigated by the economic size of host countries. When they are not located in developed countries, IMSEs are hosted in emerging economies with, on average, an increasing GDP per inhabitant over time. The latter are big countries in terms of population (more than 100 million inhabitants on average) and of an increasing market size (GDP in million dollars). The minimal level of economic development and economic size of those countries which have been chosen by sport governing bodies (IOC, FIFA, etc.) for hosting their IMSEs are way beyond what developing countries can offer as potential hosts; this is not without concern about the ‘dream’ of relocating IMSEs in less developed Third World economies.

A final part of the paper checks (using the Transparency International Index of perceived corruption) that, since 1995, a number of IMSEs have been hosted in economies perceived as highly corrupt, which does not mean that corruption is always a determinant of their location; but in some cases corruption must have played a significant role.

References

1. Andreff W. (2001), The correlation between economic underdevelopment and sport, *European Sport Management Quarterly*, 1(4), 251-279.
2. Andreff W. (2013), Economic development as major determinant of Olympic medal wins: predicting performances of Russian and Chinese teams at Sochi Games, *International Journal of Economic Policy in Emerging Economies*, 6(4), 314-340.
3. Andreff W. (2017), New-Wave Emerging Multinational Companies: The Determinants of Their Outward Foreign Direct Investment, *Chinese Business Review*, 16(2), 55-81.
4. Andreff W. (2020), The economic determinants of the Olympics performance in Communist and post-Communist countries, in W. Andreff, ed., *Comparative Economic Studies in Europe: A Thirty Year Review*, Cham: Palgrave Macmillan, 377-412.
5. Matheson V.A., D. Schwab & P. Koval (2018), Corruption in the bidding, construction and organisation of mega-events: An analysis of the Olympics and World Cup, in: M. Breuer & D. Forrest, eds., *The Palgrave Handbook on the Economics of Manipulation in Sport*, Cham: Palgrave Macmillan, 257-78.
6. Scelles N., W. Andreff, L. Bonnal, M. Andreff & P. Favard (2020), Forecasting National Medal Totals at the Summer Olympic Games Reconsidered, *Social Science Quarterly*, 101 (2), 697-711.

¹ Honorary Professor, University Paris 1 Panthéon-Sorbonne; President of the Scientific Council at the Observatory of the sports economy, French Ministry of Sports; 2019 Chelladurai Award of the European Association of Sport Management; Honorary President of the International Association of Sports Economics and of the European Sports Economics Association.

O.S. Yeremian

Economic Research Institute of Ministry of Economy of the Republic of Belarus

FORMATION OF CULTURE OF AGING OF POPULATION

Keywords: aging of the population, macroeconomic consequences, social relations, health status

Today the phenomenon of "aging of the population" covers almost the entire world, but previously has referred exclusively to developed countries, and differences across countries and regions are quite noticeable.

At the national level, many developed countries are currently redefining intergenerational interactions, including the provision of social insurance and pensions, while emphasizing importance of countries with longer lifespan developing their own appropriate intergenerational mechanisms at the national level in order to ensure consensus between different generations within the whole society.

In this regard, the aging of the population should be considered as an object of management, in which four groups of problems can be distinguished, which entail this process of modern society and the search for solutions.

Firstly, these are demographic and macroeconomic consequences that will affect such characteristics as [1]:

- fertility rate;
- life expectancy, and especially the upper limits of longevity, as well as the number of older people who would like to reach them;
- distribution of material resources between representatives of different generations;
- attitude towards collective responsibility for ensuring the appropriate standards and quality of life of older people-retirees;
- level of labor productivity.

Secondly, the sphere of social relations will be affected, significant changes will occur:

- in the structure of family relations;
- in the support system for each other of different generations;
- in the nature of the choice of a future profession;
- in the structure of potential employment.

Thirdly, the change in the demographic structure will affect labor market, and in particular:

- the relationship between mental and physical labor and the attitude of society to work will change;
- there will be a need to retrain workers in old age;
- the attitude of older workers and employers to work, as such, and to the problem of retirement is being transformed;
- there will be a question about vocational guidance for people in old age;
- proportions of employment among women and men will change, since there are much more women in old age than men;
- age limits for retirement will increase.

Fourth, changes will affect the functional ability and health of older people, with serious consequences for social services. For example, you can assume that:

- opportunities for older people to functionally retain the acquired knowledge, skills and abilities, as well as opportunities to master new areas of fundamental and applied sciences, new professional knowledge;
- older people will become a necessary resource for the labor market and the life of society, both at the macro and micro levels;
- needs for caring for the elderly and for the consumption of social services will change;

– there will be major changes related to the intensity, efficiency and effectiveness of medical and social services for the elderly [2].

Thus, in modern conditions of society development, culture of aging of the population should be formed, in which an elderly person should be considered as a resource of society (and not as a burden) in order to expand freedom of action and increase the potential of the population of older age groups, ensuring the realization of their opportunities, who wants to have a decent standard of living and medical care, and who opens up the possibility of a constant increase in the level of education and continuation of work by the elderly.

References

1. Breev B.D. (1998), On the issue of population aging and depopulation, *Sociological research*, 2, 64–66.
2. Zelikova Y. (2014), *Aging Europe: demography, politics, sociology*. SPb.: Norma, 223 p.

UDC 331.552.4

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-3

A.S. Pavlovets

*Donetsk Academy of Management and Public Service
under the Head of the Donetsk People's Republic*

DEVELOPMENT OF THE HUMAN CAPITAL OF THE ORGANIZATION BASED ON COMPETENCE APPROACH

Keywords: human capital, competencies, personnel, management

Human capital is viewed as an intensive synthetic and complex productive factor in the development of the economy and society, including creative labor resources, an innovation system, highly productive accumulated knowledge, systems for providing professional information, tools of intellectual and organizational labor that ensure its effective functioning.

For the development of the organization's human capital, it is advisable to focus on the management of personnel competencies [2, p. 68]. Competence is understood as a complex of knowledge, skills, attitudes and personal qualities of a person, without which his effective work in a specific position or in a specific company is impossible [1, p. 251].

Competencies are not valuable in and of themselves, but only insofar as they help the organization achieve results. Competencies are a characteristic of a person, not a position, therefore they are transferred from one workplace to another together with the employee. An individual's willingness to demonstrate competence in practice serves as the basis for his recruitment, job transfer, remuneration, or other decisions in the field of personnel management.

The obvious difference between the competence-based approach to personnel management is the increase in labor productivity and organizational changes that increase the competitiveness of the organization and the effectiveness of management as a whole [4, p. 3]. Insufficient attention of many companies to the issues of competence development causes various problems. So, during the crisis, not all of them were able to avoid staff reductions. This became the reason for the deterioration of the moral and psychological climate in the teams, the loss of trust in management and owners, and increased competition between employees. Nowadays, in the conditions of the information society, qualified specialists have the opportunity to find a new job without much time and money. In such situation, the likelihood of losing experienced employees increases significantly. To prevent and correct the problem, management must create an attractive environment and a specific corporate culture that meets the demands and needs of employees.

Competencies are formed in the process of training and professional activity, and require constant monitoring and adjustment. They can and should be controlled; and then the team will ensure

the solution of the organization's problems. It is advisable to develop and supplement various types of activities aimed at developing employees and optimizing the use of existing potential [3, p. 114].

The personnel, who are constantly undergoing advanced training, work more efficiently, are able to quickly and efficiently solve professional problems.

References

1. Ionova M.L. Human capital, competence and competitiveness of a specialist / M.L. Ionova // *Geo-Siberia*. 2007. No. 6. – P. 250-253.
2. Kovalenko N.V. Capital of competences as an innovative factor of human capital / N.V. Kovalenko, N.G. Bryukhina // *Bulletin of Donetsk National University. Series B: Economics and Law*. 2018. No. 2. P. 66-70.
3. Chulanova O.L. Competence approach to work with personnel: theory, methodology, practice: monograph / Chulanova O.L. M.: SPC INFRA-M. 2016. 292 p.
4. Chulanova O.L. The concept of a competence-based approach in personnel management / O.L. Chulanova // *Science of Science: Internet magazine*. 2013. No. 5. P. 1-8. URL: Documents% 20and% 20Settings / User /% D0% 9C% D0% BE% D0% B8% 20% D0% B4% D0% BE% D0% BA% D1% 83% D0% BC% D0% B5% D0 % BD% D1% 82% D1% 8B / Downloads / kontsepsiya-kompetentnostnogo-podhoda-v-upravlenii-personalom.pdf

UDC 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-4

N. Chistyakova, R. Bruni

*National Research Tomsk Polytechnic University,
Universita di Cassino e del Lazio Meridionale*

SERVICE DOMINANT LOGIC: WHAT WE CAN LEARN FROM FOR GLOBAL COMPETITIVENESS OF REGIONS

Key words: Service Dominant Logic (SDL); Global Competitiveness of Regions; emerging countries, Siberia

Service Dominant Logic framework (SDL) (Vargo and Lusch, 2004) is widely used to explain the value creation through the interaction of actors. In particular, the framework presents the concept of service like the application of competences to create benefits to other parties and, at the same time, every actor involved in the process obtains benefits through service-for-service exchange. In the last years the framework has been applied in many research areas (Vargo *et al.* 2020) and the application to the study of territories is a recognized opportunity to approach to the territorial systems dynamic, analysing the relevant resources (operant and operand) and applying the ecosystems approach (Koskela-Huotari *et al.* 2018; Mele *et al.*, 2018), within the SDL research stream.

Global Competitiveness of Regions was studied in different aspects, such as spatial theories (Audretsch, D. B. and Feldman, M. P., 1996; Baptista, R., 2003; Boudeville, J.-R., 1966; Krugman, P. R., 1999; Christaller, W., 2009) and it has been developed for economic growth theory (Nelson, R. 1993; Platteau J. P., 2000; Radosevic, S. 2003; Cooke, P., 1996); as sustained by authors in field of territory marketing (Vargo, S. L., & Lusch, R. F., 2008; Musterd, S. and Murie, A., 2010), it is necessary to approach to the Global Competitiveness of Regions to understand the level of competition of the territories and, at the same time, to afford the limits and opportunities in countries development.

This work presents limits and opportunities in adopting the SDL approach to study the Global Competitiveness of Regions in emerging countries and it presents a case study about the Siberia region (Russia).

References

1. Koskela-Huotari, K., Edvardsson, B., & Tronvoll, B. (2018). Emergence of novel resources in service ecosystems. Vargo SL, Lusch RF, *The SAGE Handbook of Service-Dominant Logic*, 372-387.

2. Mele, C., Nenonen, S., Pels, J., Storbacka, K., Nariswari, A., & Kaartemo, V. (2018). Shaping service ecosystems: exploring the dark side of agency. *Journal of Service Management*.
3. Vargo SL, Lusch RF. Evolving to a New Dominant Logic for Marketing. *Journal of Marketing*. 2004;68(1):1-17. doi:[10.1509/jmkg.68.1.1.24036](https://doi.org/10.1509/jmkg.68.1.1.24036)
4. Vargo, S. L., Koskela-Huotari, K., & Vink, J. (2020). Service-dominant logic: foundations and applications. *The Routledge handbook of service research insights and ideas*, 3-23.
5. Audretsch, D. B. and Feldman, M. P. (1996) R&D spillovers and the geography of innovation and production/ D.B. Audretsch and M.P. Feldman// *American Economic Review*. 86,630–640.
6. Baptista, R.(2003) Productivity and density of regional clusters *Innovation Clusters and Interregional Competition*, 163–181.
7. Boudeville, J.-R. (1966) *Problems of Regional Economic Planning*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 192.
8. Krugman, P. R. (1999) *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade* / Krugman P.R. Masahisa Fujita, Anthony J.V. – The MIT Press, London, 367
9. Christaller, W. (2009) *Die Zentralen Orte in Suddeutschland*. Academic in Wissenschaftliche Buchgesellschaft – Jena, 340
10. Nelson, R. (1993) *National Innovation Systems: a Comparative Analysis*/ R. Nelson. – New York, Oxford University Press, 525
11. Platteau J. P. (2000) *Institutions, social norms, and economic development*/ J. P. Platteau. – Psychology Press: Routledge, 361
12. Radosevic, S. (2002) Regional innovation systems in Central and Eastern Europe: determinants, organizers and alignment. *The Journal of Technology Transfer*, 27 (1), 87-96
13. Cooke, P. (1996) The new wave of regional innovation networks: analysis, characteristics and strategy. *Small Business Economics*, 8, 159–171
14. Vargo, S. L., & Lusch, R. F. (2008) Service-dominant logic: Continuing the evolution. *Journal of the Academy of Marketing Science*, 36(1), p. 1–10
15. Musterd, S. and Murie, (2010) *A. Making Competitive Cities*/ S. Musterd, S. and A. Murie. – Wiley: Blackwell, 360.

UDC 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-5

M.M. Shevchenko

National Research Tomsk State University

METHODS FOR DETECTING FALSIFICATION OF FINANCIAL STATEMENTS

Key words: falsification, financial statements, indicator

The main task of reporting falsification is to embellish financial indicators. Therefore, companies often enter into transactions that lead to significant structural changes in financial statements that were not observed in previous periods. Such manipulations can be found when comparing the company's reporting of the falsified period and the previous one.

In the 1980s, M. Benish conducted an extensive analysis of companies that falsify their accounts and "honest" companies. As a result of this study, a system of indicators was developed, which was called the eight-factor model of M. Benish. The companies studied must be from the same industry and are comparable in size.

As a result of calculations, the indicator is interpreted as follows: if M_{score} is less than -2.22, then it can be assumed that the company does not manipulate reporting. If M_{score} is more than -2.22, then an assumption is made that the company is manipulating financial statements. I decided to test the Benish model in practice. To do this, I chose 3 industries: Energy, Utilities & Resources, Financial Services and Technology, Media & Telecommunications. I decided to check 5 companies in each industry using Formula (1). All results of calculations are presented in Table 1. A sign "+" means that financial statements of this company are suspecting in fraud.

According to a PwC report, the percentage of falsified financial statements for each industry is 13%, 14% and 16%, respectively. If we count the identified "suspicious" companies, we can say

that in the Energy, Utilities & Resources industry, reporting falsifications occur in 20% of cases, in Financial Services this figure is 60%, and in Technology, Media & Telecommunications it is 80%. In general, the upward trend across industries is obvious. However, the indicators in Financial Services and Technology, Media & Telecommunications are too high.

Results of Calculations

Energy, Utilities & Resources			Financial Services			Technology, Media & Telecommunications		
Company	M _{score}		Company	M _{score}		Company	M _{score}	
Phillips 66	-0,221	+	Berkshire Hathaway	-2,242		The Walt Disney Company	-1,855	+
CNOOC Ltd	-2,858		HSBC	-2,108	+	Alphabet	-1,810	+
EDF	-2,729		AXA	-2,197	+	Apple	-2,987	
Equinor	-4,025		Allianz	-2,245		Comcast	-2,188	+
Iberdrola	-2,414		Ping An	-1,720	+	Thompson Reuters	-1,559	+

This can be explained by the fact that this model of checking financial statements for the possibility of falsification is suitable for companies that produce something, for example, oil and gas (as we can see from Table 1, this industry has the least amount of fraud). In turn, this method is not suitable for service companies. I assume that this is due to the specifics of their activities and the specifics of financial reporting in the financial industry.

This means that the model needs improvement and further research. To do this, you can try to use the refined Benish model (or the Roxas model), which was developed in 2011 by Maria L. Roxas. It would also be interesting to check this formula for Russian companies. In the case of Russian companies, you can use the adjusted Benish model for Russian companies, developed by HSE economists.

Thus, we can say that there are several ways to detect falsification of financial statements. They are all based on the Benish model. If we consider exclusively the "standard" Benish model, then it should be noted that the scope of its application is limited only to manufacturing companies. However, this hypothesis requires additional research.

UDC 339

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-6

Zhang Xiaoxia

Ningde Pedagogical University, China

THE PRESENT SITUATION AND COUNTER MEASURES OF URBAN ELDERLY REEMPLOYMENT IN CHINA

Keywords: Reemployment of the elderly, inter-generational support, family support, social security system

For a long time, the elderly has been regarded as a burden to the society and a burden on the family. The government's focus has mostly been on the provision and protection of the elderly, but has ignored the value of the elderly, making a considerable number of labor-capable people. The elderly forced to withdraw from the field of labor, resulting in a waste of human resources.

At present, the current status of reemployment of the elderly in China is: (1) The reemployment rate is relatively low (9.18% in the 2015 sample survey), (2) 60-69-year-old young people are the mainstay, and (3) close to 50% of the elderly work in private enterprises, (4) 75% of the elderly find employment through self-employment, and (5) 78.13% of the reemployed elderly can work full-time.

Through analysis, it is found that the reasons for the above situation are: (1) the government has not formulated a policy for the reemployment of the elderly, (2) the channels for the elderly to

find jobs are narrow, (3) the elderly have low cultural and technological qualities, and have a college degree or above. Only 6.21%, (4) misunderstandings and prejudices exist in social concepts, (5) family support and understanding are not in place, (6) inter-generational support restricts the elderly from going out for work, (7) social insurance and primary medical system are not perfect.

In summary, we have the following suggestions (1) The government: establish correct values for the elderly through publicity and education, attach importance to education for the elderly, and build an atmosphere conducive to the reemployment of the elderly; improve the pension insurance system; strengthen medical and health services for the elderly; establish silver-haired talents Center; Broaden the channels for obtaining job search information. (2) Enterprises: Establish a new salary payment mechanism to improve the working environment of the elderly. (3) Family: Family members should attach importance to emotional comfort and spiritual support for the elderly, as well as more financial support. (4) Elderly people: change their concepts and awareness, correctly understand themselves; persist in lifelong learning, and improve their own quality.

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-7

С.Д. Агеева, Н.А. Кравченко

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

ГЕОГРАФИЯ НЕРАВЕНСТВА И РОЛЬ ФИНАНСИАЛИЗАЦИИ

Ключевые слова: неравенство, финансовализация, Сибирь и Дальний Восток

В повестку исследований причин и факторов регионального неравенства в последнее десятилетие вошла оценка роли финансовализации в инвестиционных процессах. Финансализация стимулирует перераспределение доходов в двух направлениях – за счет концентрации и увеличения финансового сектора, а также за счет сдвига в инвестиционном поведении компаний нефинансового сектора от инвестиций в основной капитал к финансовым инвестициям и услугам. Происходит вытеснение реальных инвестиций финансовыми, которые позволяют получать устойчивые денежные потоки в условиях отсутствия возможностей инвестиционных вложений в реальные активы. Ярким проявлением служит опережающий рост финансовых активов по сравнению с ростом реальных активов, в частности, рост показателя Тобина, характерный для большинства развитых стран. Однако для развивающихся стран ситуация может оказаться противоположной – слабость финансовой системы не позволяет ей выполнять одну из основных функций – трансмиссию сбережений в инвестиции, снижение транзакционных издержек по финансированию инвестиций и селекции инвестиционных проектов. Высокая межрегиональная дифференциация объемов инвестиций служит одной из основных причин сохранения высокого разрыва показателей регионального развития. Мы предполагаем, что финансовализация нелинейно связана с инвестициями в основной капитал, и эта связь в существенной степени зависит от институциональных условий, уровня развития финансовой системы региона, структуры региональной экономики и ее сложности, взаимодействия основных стейкхолдеров регионов.

Установлено, что и в развитых странах, и в России политика выравнивания географии неравенства не принесла желаемого результата. Наоборот, диапазон неравенства увеличивается. Примером может послужить увеличение межрегионального неравенства за счет ускорения роста агломераций. В России это выражается в особом статусе столичного региона, где сконцентрированы штаб-квартиры крупнейших монополий финансового и корпоративного секторов. Усиливающаяся концентрация и централизация финансовой деятельности приводит к ослаблению стимулов к инвестиционной деятельности в регионах, где сильная финансовая система просто не успела сформироваться, и формирует избыточный финансо-

вый навес в немногочисленных крупнейших регионах. Таким образом, можно говорить об усиливающих региональные деформации обратных связях в системе финансовых потоков.

В Сибири и на Дальнем Востоке положительную динамику инвестиций показывают регионы, где реализуются крупные национальные и, как правило, сырьевые инвестиционные проекты (Тюменская область, Красноярский край, Сахалинская область, Якутия). Такая динамика определяется преимущественно точечными крупными проектами, имеет фрагментарный характер и ограничена сроком реализации проекта.

В работе показано, что влияние финансовализации на сектор нефинансовых организаций может проявляться различным образом. В настоящее время финансовализация усиливает разрыв между ресурсными и прочими регионами. Каналами такого воздействия являются процедуры, инструменты и институциональные условия, в которых функционируют финансовый сектор, нефинансовый сектор, домохозяйства. Институциональные условия формирует основной стейкхолдер финансовализации – государство. Мы приводим данные о финансовых возможностях государственной власти регионов, которые обладают ограниченными ресурсами для регулирования действий монополий в финансовой и нефинансовой сферах, и показываем, что процесс перетока ресурсов в нефинансовых компаниях в пользу финансовых может дестимулировать развитие корпоративного сектора и негативно влияет на региональный рынок капитала. Новизной отличается постановка проблемы за счет использования регионального уровня анализа и включения в анализ новых для российских регионов характеристик, отражающих уровень финансовализации (глубина финансовализации и финансовая зависимость регионов).

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-8

И.Б. Адова

*Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирский государственный университет экономики и управления*

БИБЛИОМЕТРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ»: ВЫДЕЛЕНИЕ НОВЫХ СЛАГАЕМЫХ БУДУЩИХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые слова: человеческий капитал, библиометрический анализа, исследования

При исследовании развития теорий, родившихся на стыке нескольких областей знаний либо подвергшихся конвергенции в рамках междисциплинарного подхода, возникает проблема фундированности и выбора направлений будущих исследований. Как и где провести поиск материала? Как определить и отобрать наиболее интересные и значимые научные труды? Каким образом оценить и систематизировать полученные результаты? В каком направлении можно установить их перспективность?

Для разрешения исследовательских задач имеется возможность использования современного цифрового инструментария из сферы информационных технологий: Data Science (наука о методах анализа данных и извлечения из них ценной информации, знаний), Machine Learning (машинное обучение), Cognitive Science (наука о мышлении) и технологии Big Data (для работы с большими данными). Однако, применение этих технологий в экономических исследованиях в настоящее время довольно ограничено. Для прогнозирования направлений будущих научных исследований в настоящее время используются форсайт-методы, к числу которых относится библиометрический анализ.

В качестве предмета для библиометрического анализа выбрана категория «человеческий капитал». Авторский дизайн исследования позволил провести библиографический по-

иск в международной базе данных Scopus. По ключевому дескриптору «human capital» сформирован пул публикаций, который и явился информационной основой проведенного этапа исследования.

Анализ метаданных отобранных научных изданий, выполненный с помощью ПО «Bibliometrix», позволил визуализировать такие характеристики как: динамический ряд числа публикаций, количество цитирований, распределение публикаций по предметным областям знаний, по авторству ведущих ученых и их коллаборации, по университетам и странам, тематике аннотаций и ряд других.

Полученные результаты:

- апробирован современный научный инструментарий библиометрического анализа категории «человеческий капитал»;
- на основе контент-анализа выявлена степень разработанности темы, определены учёные и оценен их вклад в исследование на уровне мирового научного сообщества;
- научно обоснованы выявленные в ходе исследования современные концептуальные контексты теории человеческого капитала;
- выполнено приращение знаний в виде введения упорядоченности категории по уровням и направленности.

В качестве ограничений отмечаются: проведение анализа по единственной наукометрической базе; ограниченность выборки публикаций, индексируемых в Scopus, и необходимость использования дополнительных источников; некорректность в метаданных; временной лаг появления публикации в базе данных; трудоемкость редактирования выгружаемых графиков и рисунков.

Перспективы работы в описанном направлении заключаются в решении следующих исследовательских задач:

- провести сравнительный анализ насыщенности публикаций, представленных на различных наукометрических платформах;
- сформировать теоретический задел для фундированности в рамках темы и моделирования дизайна отдельных направлений эмпирических исследований;
- апробировать иные цифровые аналитические инструменты, контентные и сервисы в профильных исследованиях.

Результаты имеют научную и прикладную значимость.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07137 мк «The allocation of Entrepreneurial human capital and its role in overcoming of regional inequality in Russia».

УДК 330.322.54:330.47

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-9

Е.А. Акерман

Национальный исследовательский Томский государственный университет

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ИТ-ПРОЕКТОВ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И РИСКОВ

Ключевые слова: ИТ-проект, эффективность, альтернативные методы

Цифровизация экономики и растущее число высокобюджетных ИТ-проектов актуализировали вопросы оценки эффективности их реализации в условиях высокого уровня неопределенности и рисков. Поскольку ИТ-проект – это проект, содержащий информационные технологии, направленные на создание, развитие и поддержку информационных систем, то он

не материален и не имеет свойственной стоимости. Выгоды и ценность от внедрения IT-проекта создаются в результате его эффективного организационного использования, поэтому оценка экономической эффективности инвестиций IT-проекта не соответствует стандартной оценке инвестиций.

Традиционные методы оценки, основанные на концепции дисконтированных денежных потоков (DCF), широко используемые на практике, не учитывают такие аспекты, как возможности будущего роста, положительные эффекты риска, возможность изменения принятого решения на основе новой информации, т.е. неотъемлемые характеристики любого IT-проекта. Переоценка перспектив инвестиционных проектов имеет особую актуальность для наукоемких и высокотехнологичных отраслей, функционирующих в условиях высокой неопределенности и рисков. Это обусловило появление альтернативных методов оценки – качественных и вероятностных. Каждый из методов имеет свои преимущества и недостатки, но зачастую компании используют сразу несколько методов оценки, поскольку эффективность IT-проектов выражена неоднозначно и часто трудно измеряемыми величинами.

Принципиальным отличием ситуации неопределенности является необходимость использования новых показателей для оценки эффективности проекта – это показатели ожидаемой эффективности, отражающие все возможные варианты доходов и расходов по проекту [1].

Среди вероятностных методов оценки на практике наиболее распространен метод реальных опционов (ROV, Real Options Valuation). Реальный опцион можно определить как право (но не обязательство) на изменение хода реализации проекта. Если финансовый опцион страхует финансовый риск, то реальный опцион – стратегический риск. В зависимости от конъюнктуры рынка и стадий реализации проекта выделяют следующие опционы: на отсрочку начала реализации проекта; на изменение масштаба проекта; на отказ от реализации проекта; на переключение; на корректировку стратегии сбыта.

Основные модели в теории реальных опционов: модель Блэка-Шоулза; модель «биномиальная решетка»; модель Монте-Карло; биномиальная модель «дерево решений». При оценке проекта биномиальным методом предполагается, что проект реализуется пошагово и корректируется в зависимости от предыдущих результатов, позволяя рассматривать альтернативные варианты реализации проекта.

Следует отметить, что метод ROV не отвергает, а дополняет модели DCF и позволяет количественно оценить имеющиеся в проекте возможности и тем самым включить их в расчет стоимости инвестиционного проекта.

Однако не всегда использование вероятностных методов оценки проектов является корректным и обоснованным. Поскольку часто недостаток имеющихся данных о проекте не позволяет определить адекватную вероятностную модель, то требуются дополнительно подходы и качественные методы к оценке имеющейся неопределенности (IE, Information Economics; Portfolio Management). Кроме того, эффект от внедрения IT-системы сложно оценить в количественном (денежном) выражении. Поэтому зачастую стратегические IT-инвестиции поддаются только качественной оценке. Общей особенностью качественных методов оценки инвестиций в IT-проекты является базовая система целей, приоритетов и показателей по ним. Недостатком качественных методов является субъективность при разработке системы целей и показателей, а также высокие требования к уровню знаний специалистов.

В развитие качественных методов оценки теория нечетких множеств (Л. Заде) позволяет экспертным оценкам придать конкретный математический смысл и свести к количественным, числовым (нечетким) показателям. При этом математически обрабатываются как экспертные оценки, так и количественные показатели эффективности проектов. Данный метод дополняет традиционный инвестиционный анализ за счет таких характеристик, как надежность и устойчивость основных показателей эффективности проекта, расширяя методический инструментарий для обоснования решений по финансированию проектов.

Высокая степень неопределенности и рисков, множество возможных вариантов решения, необходимость управленческой гибкости при реализации IT-проектов актуализируют

необходимость дальнейшего изучения и разработки прогрессивных методов инвестиционной оценки IT-проектов.

Литература

1. Ильенкова С.Д. Инновационный менеджмент. URL: <http://biglibrary.ru/category38/book67/part13> (дата обращения: 09.09.2021).
2. Дамодаран А. Инвестиционная оценка: Инструменты и методы оценки любых активов / пер. с англ. 7-е изд. М. : Альпина Паблишер, 2011. 1324 с.
3. Заде Л. Понятие лингвистической переменной и её применение к принятию приближенных значений. М. : Мир, 1976. 165с.

УДК 332.5:304.2

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-10

Т.Д. Алексеев

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

ЧУВСТВО МЕСТА И ОТЧУЖДЕНИЕ В КАРАКАНСКОМ БОРУ: ЭФФЕКТЫ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Ключевые слова: Караканский бор, природопользование, чувство места, самоуправление, территориальная идентичность

Караканский бор – природный объект, привлекающий самые разные экономические интересы. При этом бор – среда социального взаимодействия. Разные пользователи бора и жители сопредельных сёл и СНТ привлекают множество аргументов, согласно которым могут легитимно считать некоторые фрагменты этой среды своими.

В ходе экспедиционного этапа пилотажа исследования режимов природопользования в Караканском бору¹ состоялись интервью с главами расположенных вблизи бора поселений, работниками лесного хозяйства и лесопереработки, а также индивидуальными лесопользователями: охотниками, собирателями и отдыхающими.

Повторяющимися сюжетами в разговорах о последних изменениях положения дел стали закрытие Чингисского лесхоза, экстенсивная лесозаготовка и рост доли дачных участков в сёлах.

Чингисский лесхоз заготавливал и обрабатывал древесину, а также осуществлял охрану и воспроизводство леса. Обеспечивая рабочие места значительной доле трудоспособного населения Чингисского и Нижнекаменского сельсоветов, предприятие формировало устойчивые экономические гарантии и культуру лесопользования. Наследующий Чингисскому с 2008 года Ордынский лесхоз не обеспечивает соответствующие былым стандартам уровни занятости и контроля.

Лесозаготовка – предмет неприкрытого недовольства постоянного населения. Информанты дают понять, что леса заготавливается чрезмерно много и не весь лес заготавливается легально. Подрядчики, получающие лесосеки под заготовку, описываются как недобросовестные приезжие временщики в погоне за быстрыми деньгами: порубочные остатки не убираются, технические проезды в бор разрушаются лесовозами, работники на заготовке трудятся не местные, а условия труда совершенно не привлекательны.

Дачники для постоянного населения – рессентиментный объект, сочетающий привлекательные черты с вызывающими отторжение. В отсутствие широко обеспечивающего занятость лесхоза дачники выражают для местных жителей травму потери исключительного

¹ Проект «Неформальные практики природопользования Караканского бора: между социальным присвоением и социальной кооперацией» финансируется фондом поддержки социальных исследований «Хамовники»; руководитель: д-р социол. наук Скалан И.А.; сроки исполнения: июль 2020 – ноябрь 2021 г.

притязания на бор и стигматизации чувства места. Одновременно дачники — это основной фактор общественного и хозяйственного оживления территории после сокращения рабочих мест. Молодые местные переезжают в города или работают на вахтах, дисциплина работы в заготовке или охране леса на полный день в основном утрачена.

Сочетание трёх вышеописанных сюжетов выливается лишь в частично отрефлексированную жителями боровых деревень подмену социальной проблематики экологической. Времена Чингисского лесхоза описываются в ключе жёсткого надзора лесников, щадящей лесозаготовки и потерянного рая грибов, ягод и дичи, а корень зла настоящего времени обычно символизируют колонны лесовозов, отправляющиеся в путь под покровом ночи. Логическое продолжение этих описаний состоит в желании вернуть Чингисский лесхоз в том или ином виде и обеспечить жесткий контроль за лесозаготовкой. Опасность положения в том, что Чингисскому лесхозу возвращаться уже некуда, но жёсткий контроль вполне может быть обеспечен. Уже подорванная дачниками территориальная идентичность местных жителей может быть погублена окончательно усилением репрессий за нарушения лесного кодекса, которые повлекут ещё большее отчуждение человека от леса — уже в результате страха.

Сельское население готово вовлекаться в контроль за бором самостоятельно и при встречном движении власти способно вернуть здоровое чувство места. Проблема заключается в том, что состояние леса фетишизируется, и здоровье экосистемы воспринимается как более важное условие, чем отправление в ней суверенных функций.

УДК 336.2

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-11

О.А. Антипанова

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Ключевые слова: человеческий потенциал, городская среда, стратегическое планирование, программы планирования

На сегодняшний день практика стратегического планирования муниципального развития в России стала неотъемлемой частью работы городских властей. Чаще всего в них используется понятие «человеческий потенциал». Однако стоит отметить, что данный термин используется не для желания повысить социально-экономическую эффективность данных программ, а просто потому, что все используют его [1].

В ходе исследования был произведен отбор городов с населением более чем 500 тыс. чел. из 32 городов. В этих городах программы прошли этап разработки, именно поэтому и были включены в перечень анализируемых материалов.

Оценочные критерии, которые брались в расчет: длительность реализации; использование термина «человеческий потенциал», правильность и контекст использования этого термина, наличие результатов исследования человеческого потенциала.

По длительности реализации программ – минимальный 3 года, максимальный 20 лет, средний 10 лет.

В большинстве программ термин «человеческий потенциал» используется (в 25 из 32). Можно сделать вывод, что данный термин востребован. В анализируемых действующих программах развития данный термин, понимается «как совокупность отраслей, предприятий, организаций, непосредственным образом связанных и определяющих образ и уровень жизни людей, их благосостояние, потребление». К сфере развития человеческого потенциала относят учреждения здравоохранения, образования, социальной защиты и т.д. [2]. Например, в

программе стратегического развития г. Томска указываются такие направления, как: «развитие дошкольного образования, активизация строительства и реконструкции объектов социальной сферы, повышение качества медицинских и образовательных услуг» [3]. Понимание этого термина в таком контексте приведет к сдвигу приоритетов в стратегиях развития городской среды с решения таких проблем как: доступность возможностей в сфере здоровья, образования и развития инфраструктуры.

В результате можно сказать, что качество муниципальных программ стратегического развития напрямую зависит от корректного понимания и использования данного термина «человеческий потенциал» составителями программ.

Корректное же использование понятия «человеческий потенциал» было отражено в трех программах (Воронеж – 2020, Москва – 2025, Нижний Новгород – 2030).

Анализ программ, выявил такие важные особенности, которые присутствуют в тех программах, где человеческий потенциал понимается, как «характеристика условий городской среды, отражающая доступные его жителям возможности». Можно сделать вывод что уже по правильности использования термина «человеческий потенциал» можно судить о качестве всего содержания программ развития городской среды.

В ходе работы были выявлены ряд принципов (валидность, возможностный аудит, приоритетность, мониторинг, эмерджентность, сбалансированность, открытость, адресность), на которые необходимо ориентироваться в процессе разработки программ, что позволит сформулировать благоприятные условия для развития «человеческого потенциала» в городах [4].

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №19-18-00300).

Литература

1. Иванов О.И. На пути к теории человеческого потенциала // Вестник СПбГУ. 2010. № 3. С. 329–336.
2. Мошкина Н.А. К вопросу о стратегическом планировании на уровне муниципального образования // Государственная власть и местное самоуправление. 2017. № 1. С. 30–32.
3. Стратегия социально-экономического развития муниципального образования «Город Томск» до 2030 года. URL: <https://admin.tomsk.ru/pgs/2ph>
4. Золотарчук В.В. Мониторинг реализации документов стратегического планирования, разрабатываемых в рамках целеполагания и планирования на уровне муниципальных образований // Ученые заметки Тихоокеан. гос. ун-та. 2017. Т. 8, № 4. С. 39–45.

УДК 338.1

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-12

О.А. Антипанова

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

МЕГАПОЛИСЫ В ГЛОБАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Ключевые слова: глобализация, мегаполис, город, инновации, кластеры, регион

При изучении вопроса, связанного с пространственным развитием, глобализация выдвигает новые требования, связанные с ослаблением экономической и политической роли государства, вследствие чего возрастает актуальность нематериальных факторов производства, которые преобразуют информационный обмен, автоматизируют и виртуализируют человеческую активность, расширяют комплексность сетевых структур в различных сферах. Все эти тенденции создают предпосылки о новом инновационном представлении структуры глобальной экономики меняя роль мегаполисов в процессе трансформации глобального экономического пространства [1].

Сегодня в России происходит усиление значимости и роли ряда крупных региональных центров, в которых реализуются всевозможные функции, обладающие немалым инновационным потенциалом развития. Этот потенциал оказывает влияние на развитие находящихся в непосредственной близости территорий, которые должны развиваться как части глобального экономического пространства, обеспечивая интеграцию регионов и зоны своего

влияния в глобальной экономике. Уже сейчас требуется сформировать систему показателей, которая отразит степень включенности большого города в глобальную инновационную экономику. Система позволит определить города-мегаполисы с наибольшим потенциалом слияния в систему глобальных взаимодействий, где происходит развитие города в качестве центров формирования глобального экономического пространства [2]. При этом стоит отметить, что при систематизации практического опыта и знаний, которые необходимы для управления процессами развития конкурентоспособных и влиятельных в масштабе глобальной экономики мегаполисов в российских условиях практически отсутствуют.

Актуальность исследования подтверждается, тем что в условиях глобализации проводимая инновационная политика представляет собой решение основной задачи обеспечения конкурентоспособности, стоящей перед национальной экономикой. Регион и кластер оказывают особое влияние на развитие инновационных систем и инновационной ориентированности для повышения конкурентоспособности. Их рассматривают как точки роста инновационной активности экономических систем [3].

В экономике мегаполисов поддержка конкурентных преимуществ в системе управления инновациями и кластеров, обеспечивается за счёт таких факторов, как: 1) распределение инвестиций; 2) повышения уровня инновационного потенциала мегаполисов и кластеров; 3) управления инновационными проектами (эффективное использование ресурсов); 4) учета особенностей инновационной инфраструктуры экономики [3].

Также в результате проведенного теоретического и практического исследования, были выделены основные признаки мегаполиса как локального центра управления инновациями в системе глобальной экономики, причины высокой способности кластеров к инновациям, сформированы основные авторские положения инновационной среды, куда включены такие структурные элементы, как: мегаполисы (которые трансформируются) и кластеры. В ходе данного исследования делается вывод, что полученные результаты могут развить современную теорию управления экономических интересов хозяйствующих субъектов посредством формирования новой инновационной среды.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-510-92007.

Литература

1. Иншакова Е.И., Волошина А.Ю. Функции мегарегионов и мегагородов в глобальной экономической системе // Вестник ВолГУ. Сер. 3, Экономика и экология. 2010. № 1(16). С. 159–166.
2. Метелева Е.Р. Стратегическая оценка роли городов в условиях глобализации // Известия Иркут. гос. эконом. академии. 2007. № 5. С. 126–130.
3. Гусев Ю.В., Половова Т.А. Мегаполисы и кластеры как опорные точки формирования инновационной среды // ЭТАП. 2017. № 5. С. 22–34.

В.В. Аранжин

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ПОЛИТИКА ЭФФЕКТИВНОЙ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ РАСТУЩЕЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ И ИЗМЕНЧИВОСТИ СРЕДЫ

Ключевые слова: политика эффективной занятости, цифровизация, достойный труд, эффективная занятость, устойчивое развитие

На современную политику в сфере занятости оказывают влияние тренды, сформированные четвертой промышленной революцией и цифровизацией [1, 2]: трансформация бизнес-моделей компаний, повышение мобильности работников, создание высокотехнологичных рабочих мест, поляризация доходов и рост неравенства, прекаризация рабочих мест, рост неформальной занятости, снижение доли занятого населения, рост числа новых форм занятости и др. Более того, в настоящее время рабочая сила характеризуется гетерогенностью и неоднородностью. В частности, это обстоятельство связано с тем, что на рынке труда трудится сразу четыре поколения работников.

Данные тенденции оказали влияние и на формирование целей устойчивого развития ООН, часть из которых направлена на улучшение условий труда и обеспечение работников достойным трудом и эффективной занятостью. Однако политика в сфере занятости сегодня остается традиционной, не решая значимые проблемы рынка труда и занятости.

Анализ источников, в том числе результатов исследований МОТ, ОЭСР, Deloitte, Всемирного банка, Европейского парламента, позволил выделить составляющие политики эффективной занятости [3-6]: улучшение качества образования, обеспечение лучшего функционирования рынка труда, обеспечение справедливости и равных возможностей, обеспечение взаимосвязи политики в сфере занятости с другими направлениями, обеспечение свободы выбора занятости, обеспечение взаимодействия с заинтересованными сторонами, повышение качества трудовой жизни, оценка результатов политики в сфере занятости, законодательное регулирование и др. Результаты предыдущих исследований, проведенных автором [7, 8], позволили расширить перечень составляющих, включив легализацию и активное использование новых форм организации труда (удаленная работа, работа в платформах, фриланс, совместный стратегический сотрудник и т.д.) и поколенческую персонификацию. При этом политика в области занятости должна ориентироваться на ценности, нестандартные и цифровые решения, быть гибкой, учитывать разнообразие возможностей, в том числе и с точки зрения новых форм организации труда и занятости.

Таким образом, политика эффективной занятости сегодня – комплекс взаимосвязанных, взаимодополняемых мер, направленных на обеспечение лучшего функционирования рынка труда и его устойчивого развития в условиях нестабильности и возрастающей неопределенности, и обеспечение работников достойным трудом и эффективной занятостью.

В целях выявления факторов, способствующих и препятствующих реализации политики эффективной занятости, был проведен анализ 26 стран по каждому из выделенных направлений (всего 21). Было установлено, что чем эффективнее политика занятости, тем выше вовлеченность частных институтов в политику, эффективнее сочетание активных и пассивных мер, а сами меры разнообразны. Также эффективнее осуществляется взаимодействие заинтересованных сторон, ведется активное реформирование рынка труда, реализуется концепция обучения на протяжении всей жизни и осуществляется прогнозирование в сфере занятости. Однако, несмотря на сильные стороны, наблюдаются и слабые: ограниченная свобода выбора для безработных и рост безработицы; работа преимущественно со стандартными уязвимыми категориями работников; слабая ориентация на новые формы организации

труда; наличие случаев дискриминации, двойственной политики. В более слабых экономиках данные проблемы имеют большую выраженность.

Анализ политики занятости России и 10 регионов с различным уровнем социально-экономического развития, наряду с сильными сторонами, позволил выделить проблемы, зачастую схожие с проблемами зарубежных стран, однако имеющих свою специфику: слабая система мониторинга рынка труда; слабое вовлечение заинтересованных сторон в принятие решений и отсутствие единого видения; слабая координация на различных уровнях; слабая ориентация на использование новых форм занятости; низкая гибкость; универсальность подходов; отсутствие поколенческие персонификации.

Таким образом, политика эффективной занятости сегодня не только направлена на снижение уровня безработицы и рост занятости, но и включает в себя множество значимых и взаимосвязанных направлений, реализация которых призвана обеспечить работников достойным трудом и эффективной занятостью. Результаты проведенного исследования позволяют заключить, что в условиях растущей нестабильности и изменчивости, появления новых вызовов, необходимо переосмысление политики в сфере занятости, расширение ее направлений и расширение охвата работников, безработных и экономически неактивного населения разнообразными мерами и мероприятиями, в том числе в разрезе поколений. В связи с этим, результаты проведенного исследования необходимо учесть при разработке политики эффективной занятости на федеральном, региональном и внутриорганизационном уровнях.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-310-90048 «Разработка политики эффективной занятости с учетом трудовых ценностей многопоколенных работников».

Литература

1. OECD. «Preparing for the changing nature of work in the digital era», OECD Going Digital Policy Note, OECD. Paris, 2019. URL: www.oecd.org/going-digital/changing-nature-of-work-in-the-digital-era.pdf
2. The Impact of the Digital Transformation on EU Labour Markets, European Commission, Brussels, 2019.
3. ООН. Изменение возрастной структуры населения и устойчивое развитие. Доклад Генерального секретаря, 2017. 29 с.
4. Kraatz S. Fact Sheets on the European Union. European Parliament, 2020. URL: www.europarl.europa.eu/fact-sheets/en
5. NATIONAL EMPLOYMENT POLICIES – A guide for workers' organizations International Labour Office. Geneva: ILO, 2015.
6. Колесникова О.А. Эффективная занятость как основа эффективной экономики // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2010. № 2. С. 42–44.
7. Аранжин В.В. Глобальные тренды и тенденции в области занятости // Экономика труда. 2019. Т. 6, № 4. С. 1353–1372. doi: 10.18334/et.6.4.41195
8. Аранжин В.В. Влияние цифровой экономики на трудовые ценности поколения, входящего на рынок труда // Векторы благополучия: экономика и социум. 2019. № 4 С. 91–100. [https://doi.org/10.18799/26584956/2019/4\(35\)/1006](https://doi.org/10.18799/26584956/2019/4(35)/1006)

УДК 331.101.262

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-14

В.Ю. Бабышев

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

ВЛИЯНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КАЧЕСТВЕННЫХ ПАРАМЕТРОВ РАБОЧЕЙ СИЛЫ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ

Ключевые слова: рабочая сила, производительность труда, ВВП на душу населения, режим занятости, количественные и качественные факторы

Под количественными параметрами рабочей силы автор понимает долю населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения, а под качественными – производительность труда.

По влиянию количественных параметров рабочей силы на экономический рост существует две точки зрения.

Согласно первому подходу J. Conesa и T. Kehoe, уменьшение доли рабочей силы в общей численности населения через рост заработной платы, увеличения налогового бремени из-за роста нагрузки на трудоспособное население и уменьшение отдачи от фактора труда приводит к ослаблению деловой активности и замедлению темпов роста ВВП [1, с. 1–5].

Оппоненты данного подхода С. Elgin и S. Tumen считают, что при уменьшении доли трудоспособного населения улучшаются качественные характеристики рабочей силы за счет вложений в образование детей, повышение квалификации. Экономика реагирует на данную тенденцию повышением производительности труда [2, с. 1899–1908].

Для верификации указанных подходов проведем анализ влияния двух факторов: количественного (доли населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения) и качественного (производительности труда за 1 час отработанного времени) на такой показатель, как ВВП на душу населения.

Доля рабочей силы и производительность труда

Страны	Доля населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения, % [5]			Производительность труда (ВВП за 1 час отработанного времени) [4]			ВВП на душу населения, ППС (в текущих международных долларах) [3]		
	1990	2019	Тренд, %	1990	2019	Тренд, %	1990	2018	Тренд (в %)
Япония	69,7	59,4	–14,7	68,0	103,1	+51,6	19 570,5	42 197,3	+115,6
Германия	69,1	64,6	–6,5	70,9	103,6	+46,1	19 416,0	55 891,2	+187,9
Франция	65,9	61,8	–6,2	72,9	103,2	+41,6	17 608,9	49 377,1	+180,4
Великобритания	65,3	63,8	–2,3	65,5	100,5	+53,4	16 991,6	48 513,5	+185,5
США	65,7	65,2	–0,7	65,8	103,9	+57,9	23 888,6	65 279,5	+173,3

Как мы видим из таблицы, при уменьшении доли населения в трудоспособном возрасте в общей численности населения ВВП на душу населения росло. Таким образом, подтверждается вторая точка зрения о компенсаторном росте качества рабочей силы и повышении производительности труда в ответ на уменьшение доли рабочей силы. Однако рост производительности труда не может объяснить всю динамику роста ВВП на душу населения. Дополнительную и немаловажную роль играют другие параметры занятости (общий уровень занятости и характер рабочего места по времени занятости: постоянная или временная занятость, а также занятость на полный или неполный рабочий день).

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Трансформация качества жизни и характеристика занятости в условиях технологических и демографических вызовов», проект № 19-310-90050. The reported study was funded by RFBR, project number 19-310-90050.

Литература

1. Conesa J.C., Kehoe T.J. An introduction to the macroeconomics of aging // Journal of the Economics of Ageing. 2018. Vol. 11. P. 1–5.
2. Elgin C., Tumen S. Can sustained economic growth and declining population coexist? // Economic Modelling. 2012. Vol. 29, № 5. P. 1899–1908.
3. GDP per capita, PPP (current international \$) // World Bank. 1960–2020. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.PP.CD> (дата обращения: 20.04.2021).

4. GDP per hour worked // OECD Data. 1970–2020. URL: <https://data.oecd.org/lprdy/gdp-per-hour-worked.htm> (дата обращения: 20.04.2021).
5. Population ages 15-64 (% of total population) // World Bank. 1960–2020. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.1564.TO.ZS> (дата обращения: 20.04.2021).

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-15

А.А. Барышев

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНО-РОЛЕВОЙ РЕАЛЬНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ЕЕ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: предпринимательство, дискурсы предпринимательства, дисциплинарные домены

Целью исследования является создание модели социально-экономического развития на основе взаимодействия различных типов предпринимающих субъектов. Методологией исследования является анализ дискурсивных формаций (М. Фуко). Дискурс предпринимательства существует в виде различных исторических формаций, в рамках которых решаются разные задачи конструирования данного феномена. Специфичность, например, классического дискурса предпринимательства обнаруживается в обеспечении легитимизации: 1) предпринимателя как социального персонажа через обоснование справедливости получаемого им дохода как следствия производительного характера выполняемых им функций; 2) экономики как самостоятельной сферы жизни общества. Границы классического дискурса задаются двумя парами полярностей – дихотомией новых свойств людей (самостоятельно встраиваемых в общество на основе отстаивания собственной полезности) и вещей (выступающих теперь в качестве товаров и капиталов) и дихотомией новых универсальной и локальной организованностей («рынок» и «фирма»). Полученные квадранты маркируются базовыми функциями предпринимателя с соответствующими им определениями предпринимательского дохода (А. Baryshev).

Данная методология оказывается релевантной и для решения вопросов о специфике и границах «современной» формации предпринимательского дискурса. Движение к современному дискурсу проходило через кризис классики и установление переходного консенсуса в форме демаркации дисциплинарных доменов исследования предпринимательских практик: экономики, социологии, психологии и т.д. предпринимательства (J.M. Veciana). Еще одним опосредованием на пути к современному дискурсу явилась затянувшаяся дискуссия по поводу природы предпринимательских возможностей, которая разрешилась фиксацией двух типов возможностей: открываемых и специально создаваемых (S.A. Alvarez). Однако концепция возможностей не справилась с задачей консолидации дискурса и предотвращения его перетекания в домен корпоративного управления с превращением социально-ролевого предпринимательского знания и знания о предпринимательстве в организационно-экономическое (с вытекающей отсюда невозможностью институционализации теорий предпринимательства в виде самостоятельной научной дисциплины).

Неудовлетворенность такой ситуацией нашла выход в противопоставлении «entrepreneurship» со стандартной схемой «открытие (созидание) возможностей – эксплуатация возможностей» и «entrepreneurship» (V. Rindova) с задачей раскрытия логик работы с возможностями. Было выявлено две таких логики: логика «каузации» (отталкивается от «целей») и логика эффектуации, которая имеет исходным пунктом «средства» (S.D. Sarasvathy).

Обоснованная автором комплементарность названных подходов к предпринимательству обеспечивает «замыкание» современного дискурса предпринимательства в самостоя-

тельную формацию, расширяющуюся в координатах, задаваемых осями D–C («открытие возможностей – создание возможностей прироста ценности») и E–C* («эффектуация – каузация»). Полученная CEDC-модель дискурса (Creation–Effectuation–Discovery–Causation) делает различимыми социально-ролевые типы предпринимательства как практик: 1) занятости; 2) власти над будущим; 3) эмансипации; 4) независимости, или автономизации.

Относительно новая метафора эмансипации находится в процессе разработки. Ее привлекательность связана с практиками предпринимательства, ориентированными не на создание традиционного предприятия, а на формирование новыми предпринимателями – «мэнтепрайзерами» (А. И. Неклесса) – мощных гетерогенных сетей, улавливающих и притягивающих к себе самые дерзкие идеи и решения в области одного или нескольких направлений современного социально-экономического развития.

Полученная модель позволяет проводить анализ развития не в контексте монополии на этот феномен одного субъекта (Й.А. Шумпетер), а в рамках дискурсивного взаимодействия разных типов предпринимателей между собой.

УДК 331

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-16

Г.А. Барышева, В.Ю. Бабышев, А.А. Барышев

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Национальный исследовательский Томский государственный университет*

МЕЖДУ ЭТОСОМ И ПАТОСОМ: ПРОБЛЕМАТИЗАЦИЯ ХАРАКТЕРА ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Ключевые слова: технологическая революция, этос, патос, занятость, режимы занятости

Становление нового технологического уклада вызывает фундаментальные изменения в занятости людей. Эти изменения, связанные с гибкостью и гибридностью форм занятости, порождают трудности с разрешением проблемы координации все более автономизированных действий экономических акторов.

Конвенциональные подходы к исследованию занятости (*субъектно-деятельностный*, сфокусированный на динамике и взаимопереплетении найма, самозанятости и предпринимательства как альтернативных форм включения людей в экономические процессы; *структурный*, связанный с распределением акторов по отраслям и различным категориям «фирм»; *функциональный*, рассматривающий изменения в организации экономической активности в контексте их влияния на социально-экономическое развитие на макро- и микроуровнях) способны фиксировать различные аспекты этих трудностей, но не обладают инструментарием, необходимым для их анализа.

Подход, который можно обозначить как *этологический*, развиваемый в рамках таких направлений институциональных исследований современных форм хозяйственной жизни, как, например, французская экономика соглашений и итало-американский операизм (Л. Болтански, М. Хардт, П. Вирно, Ф. Берарди), фокусируется в отличие от упомянутых подходов не на фиксации новых напряженностей в сочетании привычных форм занятости и на введении в практику их инновационных гибридов (один из последних примеров этого – *acqui-hiring* как совмещение в IT-бизнесе найма лидера и приобретения команды), а на проблематизации самих этих форм как проявления постоянно изменяющихся процессов включения новых человеческих качеств в общую ткань экономической жизни. В результате то, что обычно приветствовалось как безусловная позитивность, предстало в совершенно ином свете: креативность, личностное интенциональное (в отличие редуцированного к рабочей силе, или труду, как товару и, позднее, – к индивидуальному капиталу разнообразных челове-

ских способностей, «интеллектов» и «скиллов») участие обернулись *патосом* – неупорядоченным, аффективным, деструктивным, непредсказуемым поведением.

Проблема координации перестает быть проблемой осуществления оптимального сочетания известных интересов, она превращается в проблему самой возможности существования какого-либо коллективного действия в условиях, когда «оппортунизм» перестает быть отклонением от нормы. Он сам нормализуется в поведении креативных постфордистских акторов, подкрепляясь их новыми «обобщенно-социальными» качествами, необходимыми для свободного оперирования в сетевой, мультипроектной, детерриторизированной среде когнитивного капитализма, такими, как «цинизм», «нигилизм», «любопытство» и «болтовня» (П. Вирно). Эти «дурные качества» позволяют субъектам экономики знания формировать изменчивые смыслы своего участия в ней. Не составляют исключения и «простые» работники: для них это означает воссоединение в самом процессе производства со своей интерпретативной способностью, которая в условиях классического капитализма отчуждалась от них и выступала привилегией предпринимателя, создававшего смыслы деятельности и обеспечивавшего ее включение в сеть народно-хозяйственных связей.

Однако усматриваемой в этом тенденции к всеобщей *антрепренеризации* не суждено реализоваться без постоянного экспериментирования с формированием нового *этоса*, или характера, занятости постиндустриальных людей, делающего возможным их ответственное поведение. Основными субъектами такого экспериментирования являются: владельцы технологических платформ; структуры «нового средневековья» («гильдии», опосредующие контакт креативных работников с клиентами); государство как институт *респонсибилизации* предприимчивости индивидов. В ответ на административно и аппаратно формируемые правила акторы отвечают экспериментированием с «правилами исполнения правил», которые формируют разнообразие стабильных в течение некоторого времени режимов занятости.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00300).

УДК 334.01

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-17

Е.В. Бачерикова

*Институт экономики, управления и природопользования
Сибирского федерального университета*

СОЦИАЛЬНАЯ ДИСЦИПЛИНА КАК ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ ВНУТРИФИРМЕННЫХ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР

Ключевые слова: процессное управление, институциональная среда, бюрократия, коллегиальность

Совершенствование внутрифирменного взаимодействия с целью повышения качества и эффективности деятельности предприятия предполагает переход к такой модели, в рамках которой, с одной стороны, возможно обеспечить его гибкость как ключевую характеристику в условиях высокой неопределенности внешней среды, а с другой стороны, полноценное (адекватное интересам) включение каждого субъекта во все элементы внутрифирменных отношений. По нашему мнению, такого рода модель возникает при переходе от функциональной ориентации управления предприятием к процессной ориентации.

Институциональная интерпретация базовой категории процессного подхода к управлению – «бизнес-процесса» – раскрывает многогранность данной сущности, которая включает в себя не только структурно-технологический, но и информационный, и ценностный аспект. Вместе с тем, внутрифирменная институциональная среда демонстрирует набор правил

функционирования системы бизнес-процессов посредством нормативной базы управления, которая включает локальные нормативные акты руководства по отдельным системам менеджмента и стандарты организации.

Исследовательский интерес вызывает проблема соотношения организационных структур и бизнес-процессов фирм. Поскольку сам бизнес-процесс в большей степени рассматривается исследователями как элемент функционального устройства фирмы, возникает проблема построения эффективных организационных практик, обеспечивающих вовлеченность акторов в коллективные взаимодействия.

В условиях организации участие агентов в стандартных коллективных действиях – например, для коллективного производства, регулирования деятельности или обеспечения контроля – требует индивидуального сотрудничества с другими. Это сотрудничество выражается в персонализированной передаче или обмене различными видами ресурсов, а также в соблюдении обязательств «партнерского обмена». С организационной точки зрения это означает, что конкретные локальные подструктуры социальных связей должны быть сформированы таким образом, чтобы участники сети смогли сотрудничать и обмениваться друг с другом на постоянной основе [1, с. 384]. Очевидно, что такое сотрудничество должно быть основано не только на соблюдении установленных формальных правил, но и на моральных принципах, на личных взаимозависимостях.

Перспективным решением данной задачи является создание форм «социальной дисциплины», которую акторы считали бы легитимной, направленной на стимуляцию социальной рациональности, без которой фундаментальные социальные процессы, способствующие отлаживанию коллективных действий, урегулированию конфликтов и решению дилемм, бессмысленны для вовлеченных членов.

Социальная дисциплина является собой как индивидуальный, так и коллективный уровень агентства. С точки зрения отдельного индивида, социальная дисциплина – это способность акторов ограничивать себя в ходе их переговоров с другими, в определении их собственных индивидуальных интересов и объемов своих притязаний, а также в осуществлении своих личных властных полномочий – особенно способности эксплуатировать. С позиции коллектива социальная дисциплина представляет собой набор координационных механизмов, которые помогают участникам управлять дилеммами своих коллективных действий в организации.

Ключевая проблема создания социальной дисциплины на уровне организации заключается в выборе пути, по которому она будет распространяться среди акторов. В качестве «стандартного» способа формирования координационных механизмов между членами различных групп обычно используется бюрократизация, т.е. управление основанное на рутинности задач (в том числе в технологических процессах), иерархии, оценке безличных рабочих взаимоотношений. Вместе с тем легитимность социальной дисциплины обеспечивается посредством коллегиальности в принятии решений.

Литература

1. Lazega E. Appropriateness and structure in organizations: Secondary socialization through dynamics of advice networks and weak culture // Volume on Contemporary perspectives on organizational social networks. Vol. 40. P. 381–402.

О.С. Беломытцева

Национальный исследовательский Томский государственный университет

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ОЦЕНКИ ФИСКАЛЬНОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАЛОГОВЫХ ЛЬГОТ ДЛЯ ЧАСТНЫХ ИНВЕСТОРОВ НА РЫНКЕ ЦЕННЫХ БУМАГ

Ключевые слова: налоговая льгота, налоговые расходы, фискальный эффект, фискальная эффективность, индивидуальные инвесторы, институциональные инвесторы

Оценка фискальной эффективности налоговых льгот для частных инвесторов на рынке ценных бумаг затруднена в силу того, что инвесторы приобретают разнообразные ценные бумаги большого числа эмитентов, периодически производят ребалансировку своих портфелей. В связи с этим стандартные методики оценки эффективности налоговых льгот для инвестиций на рынке ценных бумаг неприменимы. При этом налоговые льготы для частных инвесторов достаточно существенны. Под частными инвесторами мы имеем в виду как индивидуальных инвесторов, так и институциональных. Налоговой льготой на рынке ценных бумаг мы считаем представленное налогоплательщику преимущество по НДФЛ или налогу на прибыль, позволяющее ему не платить налог, возмещать налог или же платить налог в меньшем объеме.

Мы заявляем следующие методологические основы оценки фискальной эффективности налоговых льгот для частных инвесторов:

1. налоговые льготы для частных инвесторов на рынке ценных бумаг имеют стимулирующий характер и направлены на стимулирование корпоративного сектора [1]. При этом имеют место следующие эффекты:

- прирост долгового и долевого капитала корпораций вследствие приобретения инвесторами их ценных бумаг (подробнее рассмотрен в работе автора [2];
- прирост налоговых платежей корпораций вследствие привлечения ими дополнительного финансирования;
- сокращение объема государственного долга в результате роста доходов бюджета вследствие прироста налоговых платежей корпораций.

Таким образом, возникает кругооборот капитала, и предоставленные инвесторам налоговые льготы окупаются в дальнейшем вследствие прироста налоговых платежей эмитентов ценных бумаг.

2. Мы трактуем налоговые льготы как налоговые расходы или упущенные налоговые доходы бюджета в связи с применением отклонений от нормальной (нормативной) структуры налогов.

3. Под фискальным эффектом мы понимаем прирост последующих налоговых доходов над текущими налоговыми расходами, ранее определенный И.А. Майбуровым [3]. Фискальная эффективность, в свою очередь, по аналогии с показателем доходности, трактуется нами как показатель отношения последующих годовых налоговых доходов к текущим годовым налоговым расходам в процентах годовых.

4. Усредненное определение инструментальной и отраслевой структуры портфеля частных инвесторов возможно исходя из структуры соответствующего профилю частного инвестора фондового индекса.

5. Автором вводятся следующие ограничения:

- частные инвесторы являются разумными и используют налоговые льготы;
- анализируются только вложения инвесторов в корпоративный сектор (акции и корпоративные облигации);

- экономика является закрытой, приобретение частными инвесторами иностранных ценных бумаг не допускается;
- прирост капитала эмитентов ценных бумаг вызывает прирост выручки, прибыли и налоговых платежей;
- у эмитентов ценных бумаг нет неработающих (бездействующих) активов, т. е. любой прирост капитала корпорации вызывает прирост выручки, прибыли и налоговых платежей.

Литература

1. Беломытцева О.С. К вопросу об эффективности индивидуальных инвестиционных счетов в РФ // Налоги и налогообложение. 2020. № 5. С. 47–60.
2. Belomyttseva O. Determination of the effects of tax-privileged private investors investments in the securities market. В сборнике: Global Social and Economic Challenges and Regional Development. Proceedings of the 16th International Conference of the Association of Economic Universities of South and Eastern Europe and the Black Sea Region (ASECU). Novosibirsk, 2021. P. 228–231.
3. Майбуров И. Оценка налоговых расходов и эффективности налоговых льгот: методология решения задачи // Общество и экономика. 2013. № 4. С. 71–91.

УДК 339.977

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-19

О.К. Благовещенская, Цой Гунвон

*Национальный исследовательский Томский государственный университет
Корейско-российский институт социально-экономических исследований*

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕДИЦИНЫ: СОТРУДНИЧЕСТВО РЕСПУБЛИКИ КОРЕИ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: телемедицина, электронное здравоохранение, телемедицинские технологии

В период цифровой трансформации экономики и общества происходит развитие сферы здравоохранения. Появляется возможность не только межрегионального, но и международного сотрудничества. Республика Корея – одна из передовых стран в области здравоохранения, медицина Кореи ассоциируется с безопасностью и инновационностью. Поэтому среди областей сотрудничества России и Кореи особое место занимает медицина и биотехнологии.

На сегодняшний день в Корею телемедицина выглядит как направление «врач-врач» и услуга «второе мнение», взаимодействуя с другими странами. Дистанционное медицинское обслуживание в стране не развивается со времен развития цифровой индустрии. Причина такого торможения – отсутствие поддержки от врачей Корейской медицинской ассоциации. Они утверждают, что пациенты будут больше обращаться к врачам Университетского госпиталя и спрос на региональных местных врачей будет постепенно падать.

Южная Корея является одной из самых технологически развитых стран в мире. Инновационные разработки активно внедряются в медицине. По данным журнала Bloomberg, Южная Корея занимает 5 место по эффективности здравоохранения [3].

Основные причины считать медицину Южной Кореи одной из лучших в мире: высокий уровень образования врачей, международные аккредитованные больницы и современное оборудование [1]. Также в Корею ежегодный рост иностранных пациентов на 14,5%. Наибольшая доля иностранных пациентов приходится на пациентов из Китая (31,2%), Россия занимает 4-е место (7,2%) [2].

В настоящее время корейское правительство расширяет охват телемедицинских проектов с целью оживления услуги в условиях пандемии Covid-19. Ожидается, что это создаст новые конвергентные услуги в области здравоохранения и технологий, что приведет к увеличению числа рабочих мест и экономическому росту.

Российский рынок телемедицины стремительно растет, набирая обороты: появляются новые игроки на рынке, какие-то компании объединяются, выявляются новые потребности. Таким образом, спрос на телемедицинские услуги растет, например, анализ количества телемедицинских консультаций по Томской области показал ежемесячный рост консультаций в среднем на 25%.

Пандемия коронавируса способствовала развитию телемедицины во всем мире: в России спрос на дистанционные консультации врачей за шесть месяцев вырос на 177% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. Количество обращений в поликлиники в США сократилось на 81%, а обращений с помощью телемедицины увеличилось на 94% [4].

Телемедицина необходима в случае, когда граждане из отдаленных регионов не могут получить медицинскую помощь очно, в таком случае решением является консультация с медицинскими специалистами из столицы или иностранными специалистами (услуга «второе мнение»). Ключевыми направлениями данной услуги считаются страны Европы, Израиль и Южная Корея ввиду высокого уровня медицины.

Направления подготовки России к работе с зарубежными медицинскими органами:

1. Стандартизация работы телемедицинских сервисов;
2. Рост количества сервисов, их открытость к взаимодействию между друг другом, но и с оффлайн клиниками;
3. Совершенствование технологий, способствующее росту консилиумов;
4. Рост популяризации телемедицины среди пациентов;
5. Совершенствование законодательной базы, регламентирующей работу с разных углов.

Заключение. Лучшим возможным способом взаимодействия российских и корейских медицинских специалистов является формат «второе мнение», когда консультация зарубежного специалиста будет рассматриваться как самостоятельная услуга, ответственность за качество которой несет соответствующая страна и медицинское учреждение. После получения «второго мнения» зарубежным специалистом пациент сможет получить диагноз, рецепт и другие документы в соответствии с законодательством той страны, на территории которой работает медицинский специалист.

Литература

1. There Are the Economies With the Most (and Least) Efficient Health Care. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-09-19/u-s-near-bottom-of-health-index-hong-kong-and-singapore-at-top>
2. Distribution of foreign patients traveling to South Korea for medical treatment in 2018, by country of origin. URL: <https://www.statista.com/statistics/802847/south-korea-medical-tourists-country-of-origin/>
3. Webster P. (2020). Virtual health care in the era of COVID-19. *The Lancet*, 395 (10231), 1180-1181.
4. Attracting 380K in 2018, Korea Drawing 2.26M Foreign Patients in 10 Years / Ministry of Health and Welfare. URL: https://www.mohw.go.kr/eng/nw/nw0101vw.jsp?PAR_MENU_ID=1007&MENU_ID=100701&page=6&CONT_SEQ=349163

УДК 330.4

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-20

А.Л. Богданов, Е.Ю. Шабанова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики*

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИПЦ В РОССИИ. МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ИНФЛЯЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Ключевые слова: инфляция, ARIMA-модели, прогнозирование

Инфляция – это устойчивое повышение общего уровня цен на товары и услуги [1]. В России инфляция измеряется с помощью индекса потребительских цен (ИПЦ). Региональ-

ные отделения Центрального банка решают задачу прогнозирования будущих значений ИПЦ, после чего полученные результаты используются ЦБ при установлении ключевой ставки. Классическим инструментом решения данной задачи являются *ARIMA*-модели.

В данной работе предлагается модификация классической *ARIMA*-модели, заключающаяся в том, что для заданного целевого региона осуществляется поиск параметров стандартной *ARIMA*-модели, а коэффициенты модели оцениваются по данным другого региона (*региона-предиктора*). То есть модель дополняется параметром «регион», что позволяет учитывать региональный аспект. Далее для модифицированной модели используется термин *кросс-модель*.

Первоначальной целью исследования было показать, что предлагаемый подход на основе кросс-моделей обладает более высоким качеством прогноза ИПЦ по сравнению с классическим подходом. Исходными данными для исследования выступали временные ряды ежемесячных значений ИПЦ регионов РФ. Источник – ФСГС «Росстат» [2]. Для объективного сравнения точности двух подходов была проведена серия экспериментов. В каждом эксперименте на определённом временном интервале (*train-set*) строились *ARIMA*- и кросс-модели, после чего производилось сравнение их ошибок *RMSE* на горизонте прогнозирования один год (*test-set*).

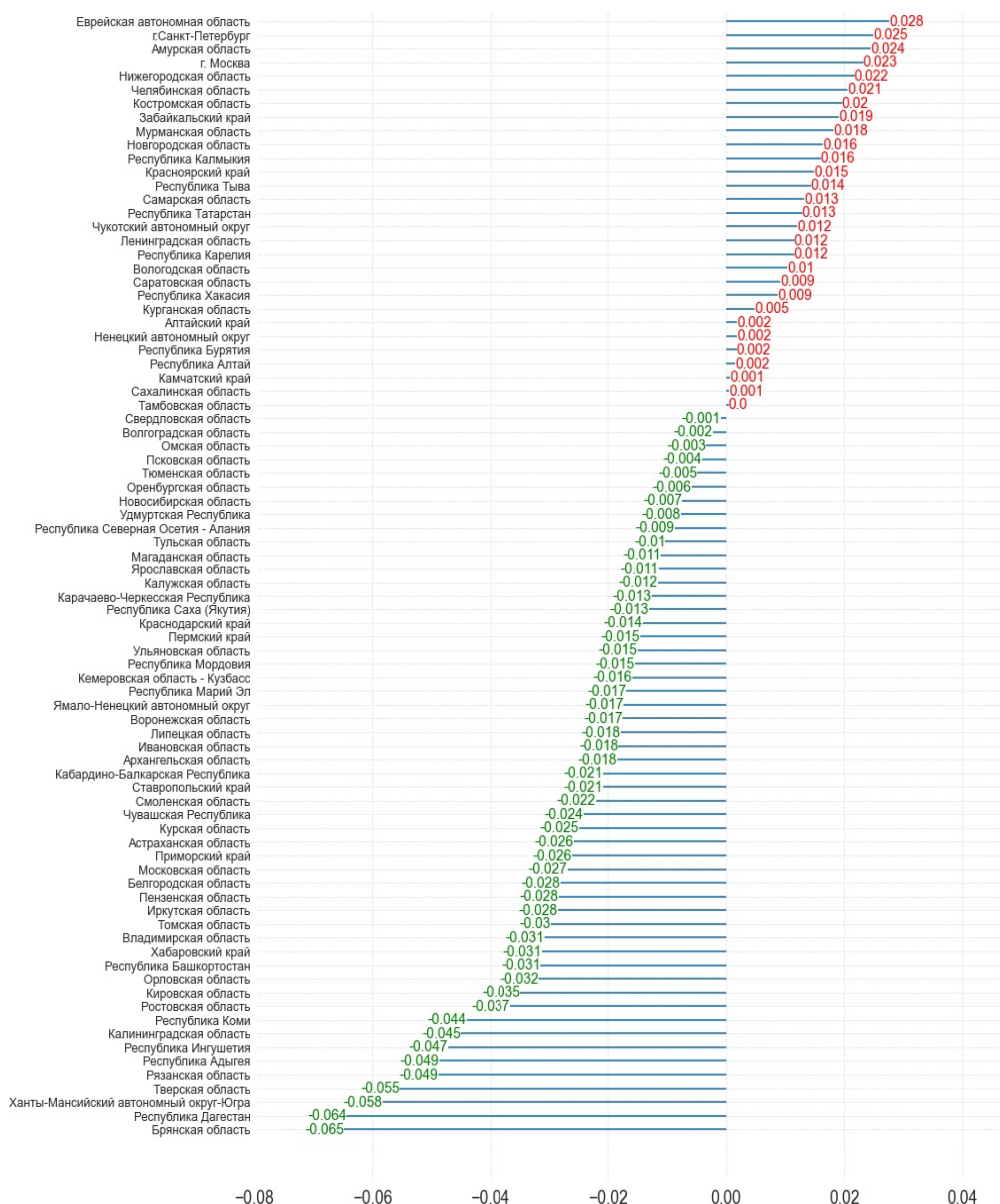

Рис. 1. Медиана разниц ошибок: чем больше отличается от нуля, тем более предпочтителен тот или иной подход

Всего для *каждого региона* было проведено 1 122 эксперимента, в каждом из которых вычислены разницы ошибок конкурирующих моделей. Если в *большинстве экспериментов* кросс-модель оказывалась точнее (разница ошибок отрицательна), то делался вывод, что она *предпочтительна для прогнозирования ИПЦ* в данном регионе. На рис. 1 представлены медианы разниц ошибок. Для 63% регионов подход на основе кросс-моделей *оказался предпочтительнее* классического.

Вклады различных регионов в прогноз отличаются, поэтому подход на основе кросс-моделей позволяет выбирать *наилучший* регион-предиктор для заданного целевого региона и *ранжировать* списки регионов-предикторов по степени пригодности их для решения задачи прогнозирования. В ходе исследования был замечен эффект – ранжированные списки регионов-предикторов не носят случайный характер, а обнаруживают устойчивую во времени структуру – некоторые регионы чаще других оказываются лучшими факторами. Этот эффект демонстрируется *lift-кривой*, устанавливающей соответствие между количеством регионов и долей случаев, когда они попадали в *топ-список* лучших для прогнозирования предикторов (рис. 2).

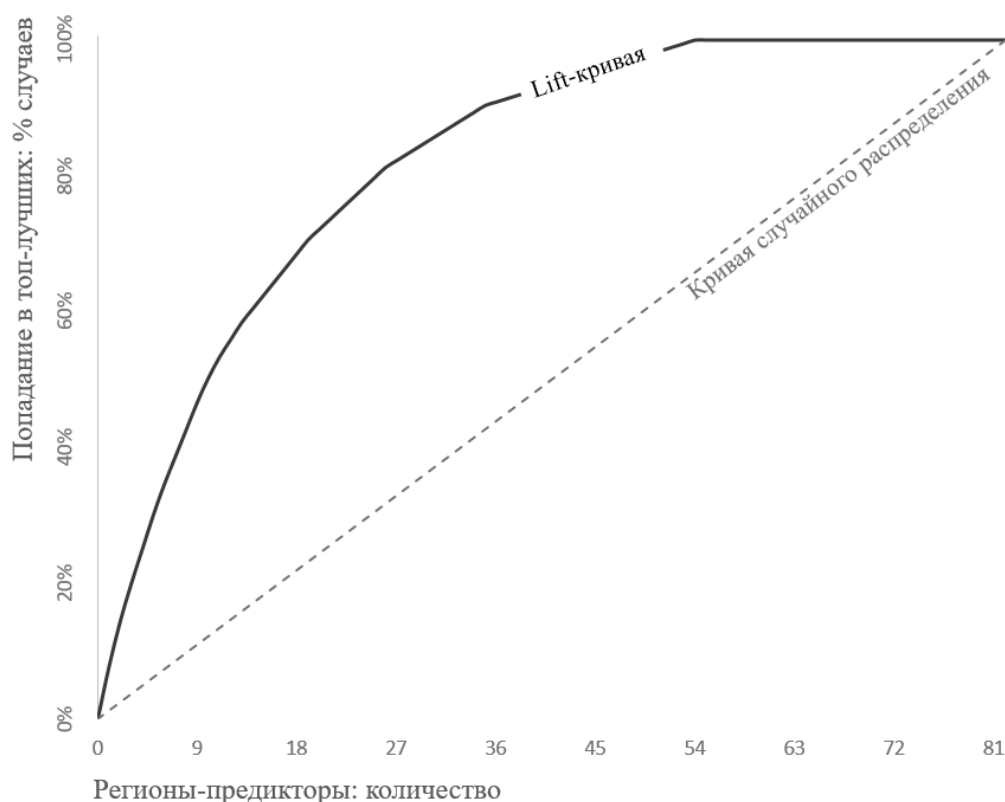

Рис. 2. Lift-кривая: неоднородность прогностической ценности регионов, чем более выпукла кривая, тем большую прогностическую ценность имеют *несколько* регионов по сравнению со всеми остальными

Исследование даёт эмпирически подтверждённое основание считать, что учет регионального аспекта в моделях прогнозирования ИПЦ обеспечивает более высокое качество предсказания по сравнению с классическими *ARIMA*-моделями. Для большинства субъектов РФ предложенный метод предпочтителен, однако имеются регионы, для которых он уступает классическому. Подход на основе кросс-модели позволяет обнаружить скрытую институциональную структуру регионов, которая представляет особый интерес и является предметом дальнейших исследований.

Литература

1. Центральный банк Российской Федерации : официальный сайт. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 10.09.2021).
2. Федеральная служба государственной статистики : официальный сайт. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 07.07.2021).

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-21

А.Н. Буфетова, Е.А. Коломак

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

ОЦЕНКА НАЦИОНАЛЬНОЙ ГЕТЕРОГЕННОСТИ В РОССИИ

Ключевые слова: экономика России, эффекты гетерогенности, индексы фракционализации и поляризации

Включённость России в глобальный рынок труда, активизация международной и межрегиональной мобильности населения делает изменчивой национальную структуру населения отдельных регионов, снижая или сокращая её неоднородность. Национальная неоднородность сочетает источники, как положительных, так и отрицательных эффектов для социального и экономического развития. Влияние национального разнообразия на экономические и социальные результаты развития передаётся через такие механизмы и каналы, как доверие, индивидуальные предпочтения и укоренённые навыки экономических агентов. Позитивные каналы влияния неоднородного общества на социальные и экономические процессы связывают с разнообразием, которое расширяет его адаптационные возможности. Негативные же последствия гетерогенности находят проявление, главным образом, в условиях поляризованной структуры общества.

В докладе приводятся количественные оценки национальной неоднородности, для этого используются индексы фракционализации и поляризации, и разделяются положительные и отрицательные эффекты гетерогенности. Индекс фракционализации, являясь количественной оценкой разнообразия, ассоциируется с положительными эффектами национальной неоднородности, а индекс поляризации, отражающий одновременно и распределения весов наций, и дистанций между ними, – с отрицательными.

Результаты показали, что национальная неоднородность в России в целом не увеличилась, она даже несколько сократилась. Но стабильный уровень разнообразия этнической структуры сочетался с более высокими культурными дистанциями между основными национальностями. Внутреннее наполнение структуры менялось в направлении более существенных различий между национальными группами.

За отсутствием заметных изменений по стране в целом, стояли существенные сдвиги в национальных структурах в отдельных регионах, как в сторону роста, так и в сторону сокращения неоднородности. Межрегиональные различия распространяются не только на направления динамики, но и на общий уровень национального разнообразия, который отличается в десятки раз. Поэтому вопрос координации интересов этнических групп имеет разное значение в процессах управления у разных субъектов Российской Федерации. Универсальные решения в данном вопросе невозможны и инструменты института федерализма оказываются особенно востребованными.

Оценки связи национальной неоднородности с такими показателями благополучия, как выпуск продукции, бюджетные расходы, личные доходы и уровень преступности, не выявили негативного влияния самого по себе национального разнообразия на состояние дел в регионах, в большей части расчётов подтверждается её позитивный вклад. Отрицательные эффекты этнической гетерогенности проявляются только при поляризованной структуре населения, но они менее значимые по степени проявления.

Россия имеет длительный и довольно успешный опыт и историю межнационального взаимодействия. Формальное и неформальное институциональное выражение межкультурных и межнациональных взаимодействий современной России выстраивалось десятилетиями. Оно не испытало существенного давления в постсоветский период и не потребовало значительных изменений. В условиях относительно стабильной институциональной структуры в стране национальная неоднородность проявляла более активно положительные эффекты, при этом потенциал негативных эффектов, заложенный в поляризованном обществе, не нашёл достаточной социальной основы для разрастания.

УДК 336.14

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-22

О.Н. Быстрицкая

Национальный исследовательский Томский государственный университет

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БЮДЖЕТНЫХ СИСТЕМ ГЕРМАНИИ И РОССИИ. ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Ключевые слова: бюджет, бюджетная система, бюджетное устройство

Статья посвящена сравнительному анализу бюджетной системы России с одной из самых мощных бюджетных систем Европы, существующей в Германии, на основе сравнения структуры построения и основ формирования доходов и расходов.

Схожесть параметров показателей экономики наших стран, а также бюджетного устройства обусловлена, прежде всего, тем, что оба государства федеративные. Обе страны имеют трехзвенную бюджетную систему, представленную федеральным бюджетом, бюджетами регионов (в случае Германии – бюджетами 16 земель) и так называемыми местными бюджетами (в Германии это бюджеты общин). В России третий – местный уровень бюджетов подразделяется еще на два: бюджеты муниципальных районов (городских округов) и бюджеты городских (сельских) поселений [1]. В ту и другую бюджетные системы встроены государственные внебюджетные фонды.

Отличительной особенностью Германии является наличие в бюджетной системе финансов крупных государственных предприятий и концернов, таких как Федеральная железная дорога, Федеральная почта и др.

Если сравнивать бюджеты этих стран в объемном выражении, то федеральный бюджет Германии на 2021 г. в абсолютных значениях в два раза превышает параметры российского. В России, в соответствии с утвержденным бюджетом 2021 г., доходы составят 207,7 млрд евро, расходы 238,8 млрд евро. В свою очередь в Германии, из 500 млрд евро запланированных Бундестагом бюджетных расходов, 180 млрд евро будет финансироваться за счет привлекаемых кредитов. Россия по объемам заимствований и государственного долга выглядит гораздо лучше.

Нельзя забывать о разнице в численности населения наших стран. Россия почти вдвое больше по населению. В связи с этим, в расходной части бюджета Германии превалирует доля расходов на социальное обеспечение. Они превышают российские показатели на душу населения в два раза [2]. Существенное отставание особенно заметно по зарплатам и пенсиям.

По-разному выглядят подходы к формированию доходной части бюджетов рассматриваемых нами стран. Бюджет Германии формируется из доходов от налоговых и административных сборов и платежей. Налоговыми поступлениями представлены 4/5 всех доходов бюджета. Из них две трети это прямые налоги: подоходный налог, корпорационный и промысловый налоги.

В российской системе формирования доходов федерального бюджета по-прежнему существует их подразделение на доходы нефтегазовые и не нефтегазовые. Самый большой

удельный вес в доходах федерального бюджета составляют поступления от НДС и НДСП. НДС является косвенным налогом, а, следовательно, российский бюджет формируется преимущественно не за счет прибыли организаций и доходов физических лиц, как это происходит в большинстве стран Европы, а за счет роста оборота товаров, работ и услуг.

В сравнении с Россией в ФРГ высокое налоговое бремя. При этом необходимо понимать, что и суммы, подлежащие налогообложению в России ниже, чем в Германии. В связи с этим общий размер налоговых доходов ФРГ в 3,2 раза выше, чем в РФ.

Настоящее исследование еще раз показывает, насколько похожи системы построения государственных финансов наших стран и имеет практическое значение при поиске решений, трансформирующих механизмы функционирования бюджетной системы России.

Литературы

1. Бюджетный Кодекс РФ (ред. от 11 июня. 2021 г.) // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2021. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
2. Балашев Н.Б. Животникова Ю.А. Сравнительная характеристика бюджетных систем России и Германии // Известия Тульского государственного университета. 2019. № 2. С. 87–93.
3. Налоги в странах мира // VisaSam. URL: <https://visasam.ru/emigration/vybor/nalogi-v-mire.html> (дата обращения: 25.07.2021).
4. Zimmermann H. History of local taxation in Germany // Journal of tax reform. 2019. Vol. 5, № 1. P. 57–69.

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-23

О.В. Валиева

*Институт экономики и организации
промышленного производства СО РАН
Новосибирский государственный университет
Новосибирский государственный технический университет*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СРЕДА: АГЕНТЫ И МОДЕЛИ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ РОССИИ

Ключевые слова: институциональная среда, институциональная ловушка, государственные закупки в здравоохранении, экосистема здравоохранения, экономические агенты, агент-ориентированные модели

В экосистеме здравоохранения России доминирующую роль играет законодательная база и сложившиеся практики правоприменения в системе государственных закупок. Вокруг которой сложились устойчивые нормы и институты, закрепляющие правила поведения агентов на рынках спроса и предложения фармацевтических препаратов, медицинского оборудования, расходных материалов и сопутствующих услуг.

Исследование выполняется на стыке нескольких теоретических концепций, обуславливающих комплексный подход к анализу и прогнозированию деятельности экономических агентов в условиях постоянно меняющейся институциональной среды:

- Институциональные подходы к оценке роли институтов и влияния качества институциональной среды на экономический рост и развитие человеческого потенциала;
- Оценка эффективности государственных закупок в системе выполнения государственных заказов в целом и в экосистеме государственного здравоохранения в частности;
- Имитационное моделирование как инструмент оценки эффективности государственных закупок и в системе прогнозирования экономических и социальных рисков.

Оценке эффективности государственных закупок и их влияния на региональное развитие посвящены работы Малкиной М.Ю., Яковлева А.А. Балаевой О.Н., Вольчика В.В., Нечаева А.Д., Мельникова В.В. и др. Агент-ориентированное моделирование в России представле-

но работами, главным образом, сотрудниками ЦЭМИ РАН [1, 2]. В частности, в работе Абрамова разработана агент-ориентированная модель функционирования системы государственных закупок на примере наукограда Жуковского [3].

Основными целями исследования являлись:

1. Анализ теоретических и прикладных подходов к исследованиям влияния институциональной среды на человеческий капитал и экономических рост, использования агент-ориентированного моделирования при оценке эффективности государственных закупок в системе государственного здравоохранения.

2. Институционализация, операционализация и формализация взаимоотношений экономических агентов экосистемы здравоохранения Новосибирской области и построение теоретической имитационной модели на основе собранной количественной и качественной информации. Имитационное моделирование осуществлено в среде AnyLogic.

Анализ институциональной базы в сфере законодательного регулирования здравоохранения России показал достаточно большой объем накопившихся проблем, которые не решаются годами и усугубляют положение как государственных медицинских учреждений, так и частных лиц, получающих лечение в государственных клиниках. Система государственных закупок в здравоохранении, на наш взгляд, попала в институциональную ловушку и сформировала устойчивые неэффективные нормы, которые направлены на использование системы низких цен в ущерб качеству лечения пациентов.

На базе Новосибирской области определены и идентифицированы агенты, участвующие в системе государственных закупок. Построена теоретическая имитационная модель взаимодействия экономических агентов в экосистеме здравоохранения Новосибирской области.

Сделана попытка построения вероятностной модели и различных сценариев пространственного взаимодействия при различных вариантах изменений институциональной среды.

Исследование подготовлено по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Инструменты, технологии и результаты анализа, моделирования и прогнозирования пространственного развития социально-экономической системы России и её отдельных территорий», № 0260-2021-007.

Литература

1. Бахтизин А. Р. Агент-ориентированные модели экономики. М. : Экономика, 2008. 279 с.
2. Макаров В.Л., Бахтизин А.Р., Сушко Е.Д., Абрамов В.И. Компьютерное ситуационное моделирование в управлении экономикой // Государственный аудит. Право. Экономика. 2017. № 3–4. С. 31–40.
3. Абрамов В.И. Совершенствование политики государственных закупок в развитии наукоградов: агент-ориентированное моделирование и сценарный анализ // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 1 (45). С. 5–18.

УДК 316.334

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-24

В.П. Васильев

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Ключевые слова: общественный договор, социальное государство, социальное страхование, провалы государства

Институциональная теория и практика государственного управления воспроизводят теорию «общественного договора» Ж. Руссо, выстраивая отношения человека и государства, акцентирую внимание на бесконфликтной передаче прав и свобод структурам управления

для выполнения неких общих функций [3]. Микшируется главное – снижение правового неравенства и на этой основе выстраивание ассоциации гражданского общества равноправных членов. Возникают сложные и противоречивые социальные взаимосвязи, которые не сводятся к отношениям «принципал-агент».

Обсуждение принципов социального государства и его отдельных функций нередко выходит на более широкие проблемы оптимальных масштабов государственного участия в процессах социально-экономической динамики. Как правило, минимизация или вообще возможность действий государства в экономической деятельности связаны и обосновываются известными метафорами А. Смита о «невидимой руке рынка» и «laissez-faire» [4].

Общее направление неоклассической теории, продолжая традиции классических либеральных концепций, исходит из принципов минимизации социоэкономических функций государства, основываясь на общей парадигме индивидуальной свободы и взгляда на государство как на главного противника таких свобод.

Формирование социальных государств в Европе началось в середине XIX в. Поиск факторов обеспечения стабильности общества после европейской весны 1848 г., решение «социального вопроса», смягчение классовых противоречий привели к научному обоснованию и новой модели социального развития на принципах равенства всех граждан по отношению к закону и формированию механизма социального страхования [5].

Ядром принципов социального государства стало формирование механизма социального страхования, с помощью которого предпринималась попытка сглаживания социальных антагонизмов на основе социального партнерства в финансировании страховых платежей.

В социальных государствах, рассматриваемых в современном контексте, формировался институт социального страхования от несчастных случаев на производстве, производственного травматизма и безработицы, пенсионного обеспечения. Страховые фонды аккумулируют, как правило, средства и работников, и работодателей. В связи с этим для российского института социального страхования актуальным является частичный переход к платежам высокодоходных групп населения и введения механизма «ступенчатых» индексаций пенсионных выплат из бюджетной системы для микширования инфляционных процессов.

XX в. дополнил функции социального государства теорией социального рыночного хозяйства с новой доминантой создания равных возможностей для входа в рыночную экономику и практикой общества всеобщего благосостояния [1]. Теория социального рыночного хозяйства продолжает традицию регулирования социально-трудовых отношений и на первое место ставит вопрос о равенстве возможностей и соответствующем регулировании вхождения граждан в рыночную среду.

Наряду с социальным страхованием современные социальные государства развивают институт социальной помощи уязвимым слоям населения. Уязвимость, не доступность социально необходимых общественных благ в связи с недостаточностью дохода компенсируется социальной помощью со стороны государства и благотворительных фондов. Этот институт не связан непосредственно с социально-трудовыми отношениями и функционирует на основе определенных норм, устанавливаемых государством на основе системы целеполагания со стороны общества. Одна из главных проблем – соответствие целей и мотиваций населения, которым оказывается помощь.

Некоторые институты социального государства в современной России находятся в кризисном состоянии. Это связано с рисками сокращения и так довольно скудного финансирования, а также неудачными с точки зрения населения реформами социально значимых институтов (образование, здравоохранение). «Провалы государства» видны в принятых институциональных нормах и их обосновании. Вектор этих реформ – сокращение государственных расходов, увеличение оплачиваемой населением части расходов [2].

Оптимальность государственных расходов не должна сводиться к их сокращению, следуя догме о невмешательстве государства в социально-экономические процессы и трактовке социальных расходов как «проедание ресурсов».

Литература

1. Мюллер-Армач А. Принципы социального рыночного хозяйства // Социальное рыночное хозяйство: концепция, практический опыт и перспективы применения в России. М., 2007.
2. Об основных направлениях повышения эффективности расходов федерального бюджета. Доклад, Минфин. М., 2015.
3. Ж-Ж Руссо. Об общественном договоре. М., 1938. 122 с.
4. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.
5. Штейн Л. фон. История социального движения Франции с 1789 г. СПб., 1872.

УДК 331.2

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-25

Е.В. Васильева, А.Н. Тырсин

Институт экономики УрО РАН

ФАКТОРЫ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ ПОЖИЛЫХ РАБОТНИКОВ В РОССИИ: ОБЕСЦЕНИВАНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА И ЭЙДЖИЗМ

Ключевые слова: заработная плата, пожилые работники, дискриминация, эйджизм, человеческий капитал

В условиях старения населения трудовой потенциал пожилых людей рассматривается как перспективный ресурс для восполнения сокращающейся численности рабочей силы. Однако, как показывают расчеты [1, 2], рост пожилого населения на рынке труда повысит уровень безработицы и снизит средний уровень оплаты труда, при отсутствии должных мер в отношении значительной возрастной дифференциации в зарплате. Поэтому решение проблемы значительного разрыва в зарплате между возрастными группами на российском рынке труда позволит нивелировать негативные последствия при реализации трудовой потенциал пожилого населения [3]. В рамках данного исследования поставлена задача – выявить причины возрастной дифференциации в уровне заработной платы.

В научной литературе значительная возрастная дифференциация в заработной плате объясняется как обесцениваем человеческого капитала работника в конце его трудовой карьеры [4–6], так и влиянием возрастной дискриминацией [7, 8]. Поэтому сформулированы две гипотезы исследования:

Н₁: заработная плата пожилых работников определяется эйджизмом со стороны работодателей – сложившимися в рынке труда стереотипами, которые негативно влияют на оценку их профессиональных качеств.

Н₂: заработная плата пожилых работников зависит от их накопленного человеческого капитала (образования, навыков и здоровья).

Для проверки гипотез исследования проведен многомерный статистический анализ данных. Он включил в себя построение регрессионных моделей, выполнение дискриминантного анализа и проверки статистических гипотез однородности данных. Информационной базой исследования являются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ¹ за 2000–2019 гг.

В модель вошли шесть переменных. Человеческий капитал в модели описан четырьмя переменными, отражающими наличие профессионального образования, обучение новым знаниям, наличие навыков работы с компьютером и состояние здоровья (самочувствие). Раз-

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <https://rlms-hse.cpc.unc.edu> и <http://www.hse.ru/rlms>).

личия в должностных позициях между возрастными группами отражены через показатель принадлежности к профессиональной группе. Для учета инфляции скорректирована среднемесячная заработная плата путем ее перерасчета к ценам 2019 г. через индекс потребительских цен.

Как показал проведенный анализ, первая гипотеза исследования о том, что заработная плата пожилых работников определяется эйджизмом, однозначно подтвердилась в отношении мужчин предпенсионного и пенсионного возрастов, а также женщин пенсионного возраста. Дискриминация женщин по возрасту не столь значительна, что объясняется гендерным разрывом в оплате труда. Вторая гипотеза исследования частично подтвердилась: для старшего поколения обоих полов значимым фактором заработной платы является самочувствие, а для мужчин – еще и наличие законченного профессионального образования. Выявленные причины значительной возрастной дифференциации в уровне заработной платы должны найти отражение в политике в области стимулирования занятости пожилого населения для повышения ее обоснованности и эффективности.

Статья выполнена в соответствии с планом НИР ФГБУН «Институт экономики УрО РАН» на 2019–2022 гг.

Литература

1. Васильева Е.В., Тырсин А.Н. Влияние занятости пожилых людей на пенсионное обеспечение // Профессиональное образование и рынок труда. 2020. № 4. С. 82–89. DOI 10.24411/2307-4264-2020-10410.
2. Chichkanov V.P., Chistova E.V., Tyrsin A.N., Stepanov A.N. Consequences of Raising the Retirement Age for the Labor Market in the Regions of Russia // Montenegrin Journal of Economics. 2019. Vol. 15, № 1. С. 45–59. DOI: 10.14254/1800-5845/2019.15-1.3.
3. Черных Н.А., Тарасова А.Н., Сырчин А.Е. Предпенсионеры на рынке труда: проблемы занятости и меры поддержки // Экономика региона. 2020. Вып. 16, № 4. С. 1178–1192.
4. Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / отв. ред. В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников. 2-е изд. М. : Изд. дом ВШЭ, 2008. 575 с.
5. Гимпельсон В.Е. Возраст, производительность, заработная плата: препринт WP3/2018/07. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 66 с.
6. Российский работник: образование, профессия, квалификация / отв. ред. В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников. М. : Изд. дом ВШЭ, 2011. 576 с.
7. Котова Н.Н., Черепанова А.Е. Проблемы современного рынка труда (тенденция развития) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2017. № 4. С. 38–45. DOI: 10.14529/em170405.
8. Клепикова Е.А., Колосницына М.Г. Эйджизм на российском рынке труда: дискриминация в заработной плате // Российский журнал менеджмента. 2017. Т. 15, № 1. С. 69–88. DOI: 10.21638/11701/spbu18.2017.104.

УДК 336

JEL B52, B55, G51, R22, Z13

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-26

А.В. Верников, А.А. Курышева

Институт экономики РАН,

Южный федеральный университет

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ДОЛГОВОЙ ЗАВИСИМОСТИ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Ключевые слова: институциональный подход; финансиализация; показное потребление; кредитование домохозяйств; отток ресурсов; финансовая устойчивость

Работа изучает взаимосвязь между расширением потребительского кредитования и оттоком финансовых ресурсов из сектора домохозяйств в пользу банков в контексте институ-

циональной теории. Мотивацией для исследования послужила литература, критикующая распространённый нарратив о положительных последствиях финансиализации (Epstein, 2005; Krippner, 2005; Sawyer, 2013; Шенэ 2017) и, в частности, выявляющая её отрицательное воздействие на благосостояние домохозяйств (Pressman, Scott, 2009; Rajan, 2010; Wray, 2011; 2012; Hembruff, Soederberg, 2019; El-Shagi et al., 2020). Мы попытались совместить этот дискурс с институциональным подходом к исследованию кредитных отношений. Разные по функциональному назначению кредиты оказывают разное влияние на экономику (Schumpeter, 2014; Bezemer, 2014; Верников, Мамонов, 2016), в связи с чем роль банков в качестве кредиторов приобретает не только собственно экономическую, но и социальную значимость (Commons, 1934; Лакомски-Лагерр, 2020). В свою очередь, мотивы, обусловленные социальной идентичностью (Veblen, 1922), толкают граждан к оформлению и расходованию заимствований на потребление показного характера, что снижает финансовую устойчивость домохозяйств. Расширение кредитования, которому в официальном дискурсе часто отводится роль драйвера экономического роста, ряд исследований рассматривает в качестве предвестника кризисов (Kapeller, Schütz, 2015; Rajan, 2010).

В качестве эмпирической базы использованы данные о финансовых потоках от банковского сектора к сектору домохозяйств (динамика заимствований) и от домохозяйств – банкам (возврат долгов по кредитам). Источником данных послужили материалы Банка России и Росстата, кредитных бюро и аналитических агентств. Расчёты произведены для России в целом и для Ростовской области, в частности.

Сконструированные метрики позволили оценить:

- масштабы оттока финансовых ресурсов из сектора домохозяйств;
- зависимость бюджетов домохозяйств от заёмных денег;
- степень финансиализации сферы розничного товарооборота.

Результаты исследования показали, что процентные доходы банков от кредитования физических лиц, а также долговая нагрузка на домохозяйства росли быстрее доходов граждан. Косвенно это свидетельствует о том, что заимствования домохозяйств стимулируются институцией показного потребления. Оценка степени долговой зависимости бюджетов домохозяйств от кредитных денег выявила, что обслуживание долгов деформирует структуру потребления, препятствует формированию сбережений, снижает финансовую устойчивость заёмщиков. Степень финансиализации сферы розничного товарооборота показывает наличие мотивов для основных заинтересованных сторон в дальнейшем развитии потребительского кредитования.

Теоретическая новизна исследования состоит в попытке интеграции элементов таких исследовательских концепций, как измерение последствий финансиализации, функциональная дифференциация кредита, показное потребление, финансовая устойчивость. С практической точки зрения мы претендуем на частичное заполнение исследовательского пробела в части работ, посвящённых эффектам потребительского кредитования на уровне отдельного региона.

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-27

В.В. Вольчик

Южный федеральный университет

ИНСТИТУТЫ, НАРРАТИВЫ И СПРОС НА ИННОВАЦИИ В РОССИИ

Ключевые слова: нарративная экономика, инновации, институты

Нарративная экономика как новейшее направление в современной экономической науке развивается в уже более пяти лет. Пионерные статьи Р. Шиллера [3], Дж. Акерлофа и

Д. Сноуера [2] способствовали повышению интереса среди экономистов к качественным исследованиям, которые комплементарны существующим подходам оригинального институционализма. Нарративы для институциональных экономистов прежде всего важны как источники новых данных об идеях и правилах, используемых акторами. Институциональный анализ с использованием нарративов как источники данных связан с разработкой дизайна исследования, который учитывает особенности нарративной экономики и институционализма [1].

Наша концепция основывается на следующей логической последовательности: Во-первых, надо определить сферу деятельности и основных акторов, нарративы которых мы исследуем. Во-вторых, определить круг значимых и влиятельных на социальные процессы источников, которые содержат нарративы. В-третьих, разработать процедуры для выявления релевантных нарративов, определить релевантные ключевые слова и концепты и затем выделить релевантные нарративы, подлежащие качественному и количественному анализу. В-четвертых, необходимо выявить в ходе анализа нарративов наиболее часто встречающиеся сюжеты и идеи связанные с релевантными для исследуемой области правилами и институтами. В-пятых, определить степень вирусности и влиятельности нарративов, связанных со значимыми правилами и институтами. Этот этап является одним из самых важных, так как позволяет косвенно подтвердить или опровергнуть влияние того или иного нарратива на поведение акторов. В-шестых, выделить и систематизировать проблемные ситуации, связанные с изучаемой научной проблемой и распространением релевантных нарративов. И в-седьмых, оценить влияние нарративов, идей правил и институтов на развитие в рамках той или иной проблемной ситуации в выбранной сфере экономической деятельности. На этом этапе также происходит проверка релевантности, истинности и ложности нарративов относительно экономических и социальных процессов. Оценивается влияние распространения нарративов на экономические и социальные показатели развития в выбранной сфере деятельности.

В ходе исследования мы определили круг релевантных источников, который составил 45 значимых источников средств массовой информации, журналов, интернет-ресурсов, отобранных в соответствии с рейтингами компании «Медialogия». Далее проводился полнотекстовый поиск по базе «Интегрум» за период с 01.2010 по 07.2021. Анализ найденных текстов по ключевым словам показал, что «спрос на инновации» встречается 216 (в скобках без перепечаток – 181), «коммерциализация инноваций» 46 (40), например по сравнению с «инновационная деятельность» 1554 (1381), «внедрение инноваций» 1116 (966). Содержательный анализ нарративов о «спросе на инновации» в России показал, что существует несоответствие между возможностями российской науки и промышленностью. Спрос на инновации не может в достаточной мере порождаться архаичным по своей сути производством. Недостаточный частный спрос на инновации формирует потребности в государственном финансировании инновационной деятельности.

Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00562) «Развитие российской инновационной системы в контексте нарративной экономики».

Литература

1. Вольчик В.В. Нарративная и институциональная экономика // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2017. Т. 9, № 4. С. 132–143.
2. Akerlof, G.A., Snower, D.J. (2016). Bread and bullets. *Journal of Economic Behavior & Organization*, 126, 58–71. <http://doi.org/10.1016/j.jebo.2015.10.021>
3. Shiller R.J. Narrative Economics // *American Economic Review*. 2017. Vol. 107, № 4. P. 967–1004. <https://doi.org/10.1257/aer.107.4.967>

Л.И. Воронина, Т.И. Касьянова
Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Ключевые слова: социальное государство, социальные услуги, качество

Российское государство реализует модель социального государства, совершенствуя условия для повышения качества социальных услуг. Для этого расширяется состав поставщиков, применяются федеральные законы, ГОСТы, национальные стандарты. Министерством труда и социального развития РФ разработана методика независимой оценки качества условий оказания социальных услуг, которые оказывают учреждения здравоохранения, культуры, образования и социального обслуживания [1]. Периодически выявляется мнение потребителей о качестве таковых услуг, в том числе по социальному обслуживанию. Авторами статьи для оценки указанной методики проанализированы нормативно-правовые акты, проведены полуструктурированные экспертные интервью. Для отбора экспертов использована выборка типичных случаев: участие экспертов в независимой оценке качества условий оказания услуг по социальному обслуживанию граждан в Свердловской области. Результаты исследования позволяют выявить следующие проблемы. Во-первых, неточность в определении объекта оценки. В методике предполагается оценка качества условий оказания услуг, соответственно предусматривается использование разных методов для выявления мнений потребителей. В тоже время в содержании методики много вопросов относится к оценке управленческих действий поставщиков услуг, хотя не предусмотрена оценка деятельности организаций по созданию условий, направленных на повышение качества услуг. Как результат, получение неполной информации и необъективной оценки. Во – вторых, проблема выбора исполнителей – операторов для проведения этого вида оценки. С одной стороны, позитивно то, что специализированные общественные советы при органах исполнительной власти обеспечивают объективность, определяя перечень организаций и формируя технические задания для проведения оценки. Но, с другой стороны, сложности возникают из-за необходимости реализовать такую норму федерального закона № 44, как признание победителями тех участников, которые заявляют минимальную цену контракта. Как следствие, необъективно снижается стоимость контракта, например, с 1,0 млн руб. до 130, тыс. руб.; победители аукционов не знают специфику услуг по социальному обслуживанию и психологию потребителей. В результате многократные доработки отчетов и многочисленные замечания.

Авторы статьи предлагают следующие действия по совершенствованию методики независимой оценки качества условий оказания услуг по социальному обслуживанию граждан. Это введение унифицированных вопросов для опроса потребителей услуг, т.е. без учета форм социального обслуживания; вопросы, учитывающие такую специфику; вопросы, позволяющие оценить новые виды услуг. Далее, уменьшение объема выборки, установленного Минтрудом РФ: отказ от 40% контингента потребителей, т.к. масштабность опроса часто приводит к фальсификации результатов. Это пересмотр перечня вопросов по доступности среды и комфортности получения услуг, отличающихся по формам обслуживания: рекомендуется выявлять не только мнение потребителей услуг, но и родных, представляющих интересы клиентов, которые не способны из-за психического состояния объективно оценивать качество. Предлагается создавать базы данных о респондентах для проверки объективности результатов независимой оценки. Внедрение новой методики позволит выявлять реальные потребности получателей услуг по социальному обслуживанию, повышать их качество, укреплять применение принципов социального государства.

Литература

1. Об утверждении Методики выявления и обобщения мнения граждан о качестве условий оказания услуг организациями в сфере культуры, охраны здоровья, образования, социального обслуживания и федеральными учреждениями медико-социальной экспертизы: утв. Приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 30 октября 2018 года № 675н.

УДК 330.3

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-29

М.А. Гасанов, А.В. Жаворонок

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

СТРУКТУРОГЕНЕЗИС В ЭКОНОМИКЕ С ЯДРОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Ключевые слова: структурогенезис, конвергентные технологии, человеческий капитал, институты

Развертывание промышленного производства на новой конвергентно-технологической основе определяет возможность установления оптимальных структурных пропорций экономической системы и конкурентоспособность страны. Однако структурные тренды в российской экономике имеют отрицательный оттенок, и ее структура является сдерживающим фактором инновационного развития. Острота проблемы обеспечения технологического паритета с развитыми странами обуславливает необходимость к обращению к институциональной методологии анализа антагонизма структуры и институтов, критического осмысления принципов и форм структурных сдвигов, ключевым фактором которых являются технологии конвергентного типа с доминантной ролью человеческого капитала.

Стратегия поиска источника и структурной модели экономического развития привела к пониманию необходимости срочной реализации комплекса мер структурной политики, направленных на капитализацию технологического потенциала с включением доминантной роли человеческого капитала, который формируется в цифровых и промышленных технологиях, робототехнике, энергетике, биотехнологиях и медицине, в других сферах. В этой связи решоринг, расширение удельного веса индустриального комплекса, технологическая модернизация промышленного производства, внедрение киберфизических систем в производственную структуру и цифровая трансформация с имманентной ей экосистемой, формирование платформы облачных технологий – являются предвестником и базисом нового структурогенезиса, включающего в т.ч. реструктуризацию базовых отраслей.

Революционное вторжение конвергентных технологий в производственный процесс, охватывающий авангардные направления развития отраслевых, секторальных и сетевых сегментов экономических пропорций способствует запуску нового типа структурогенезиса в экономической динамике, который коренным образом отличается от предыдущих периодов, а также конвергентных сдвигов как специфического продукта четвертой промышленной революции.

Меняются институты и, генерируемые ими, экономические отношения переносятся из производственной сферы в потребительскую, потребитель с его кастомизированными предпочтениями становятся базовым ориентиром и конечной мотивацией крупных инвестиционных, инновационных и социальных целей.

При этом, институциональные инструменты роста гибкости рынка труда, компенсирующие социальные риски, такие как проявление и усиление энтропии рыночного механизма отстают – являются в большей степени имитационными. Институциональный дисбаланс особенно опасен в социальных отраслях, воспроизводящих человеческий капитал.

В российской экономике важным институциональным инструментом, способным обеспечить технологический рывок и имманентные ему структурные сдвиги, появление новых

рынков, основанных на интенсивном вовлечении в рыночный оборот интеллектуального потенциала человека, является Национальная технологическая инициатива. Однако, реализация потенциала этой программы эффективна и в рамках структурной модели экономического развития, где вовлечение в нее человеческого потенциала, его трансфер, сопровождаемый институциональной модернизацией – реальный путь к новой модели развития, источником которой является симбиоз технологий и человеческого потенциала.

Неоиндустриализация как концепция нового структурного сдвига с ядром человеческого капитала должна начинаться с институциональной модернизации, смены базовых принципов реализации экономических интересов.

Имитационность и низкий уровень эффективности институциональных структур в российской экономике блокируют мотивационные механизмы в производстве, что препятствует прогрессивным структурным сдвигам в экономике, для которой характерна рецессивная динамика, кризисность и длительное отсутствие экономического роста. Для преодоления этой тенденции необходимо разблокировать институт человеческого капитала, сменить правила, нормы и связи, создать вокруг него условия когнитивного творчества, модернизировать материальную базу социальных отраслей, воспроизводящих человека.

Институциональная модернизация нужна для неоиндустриализации, основанной на реализации модели четвертой промышленной революции. Это поле для нового структурогенеза: технологическое перевооружение производства на основе новейших технологических разработок как важнейшее условие для преодоления технологического и структурного отставания. Рынок труда и занятость населения, отрасли, формирующие человеческий капитал, испытывают колоссальное ее воздействие. Трансформация институционального базиса должна создавать условия для формирования новых компетенций человека, его технологического мышления, интегрированные с производством.

Поэтому так важна институциональная модернизация, которая будет способствовать возникновению новых форм организационно-экономических и социально-экономических отношений, возникающих в процессе неоиндустриализации; разработка новой структурной политики, способствующей росту обрабатывающей промышленности и технологической модернизации производства.

УДК 331.104

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-30

О.И. Геворгян

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ НОВЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, институты, новые формы занятости.

Институты социально-трудовых отношений прошли долгий путь развития. Однако, несмотря на значительное количество научных публикаций в этой области, в которых рассмотрены содержательные вопросы сущности социально-трудовых отношений, концепции и модели реформирования социально-трудовых отношений, как в России, так и за рубежом, многие теоретические и методологические аспекты процессов трансформации системы социально-трудовых отношений остаются открытыми.

В настоящее время исследования социально-трудовых отношений и их институционализация актуализируются, в том числе в связи с появлением новых форм и видов занятости (платформенная занятость, дистанционная занятость, фриланс и т.д.). Но, несмотря на это, в отечественных и зарубежных исследованиях институционализация социально-трудовых отношений, а также их трансформация представлены фрагментарно.

Исследование А.В. Карпушкиной [1] в настоящее время является практически единственным в области институционального регулирования социально-трудовых отношений в России. Также автором систематизированы институты социально-трудовых отношений: 1) институты трудовой деятельности; 2) институты трудовой мобильности; 3) институты государственного регулирования социально-трудовых отношений; 4) институты развития.

Сегодня, как никогда, социально-трудовые отношения и их институты подвержены изменениям. Е.Ю. Легчилина в своей работе отмечает, что при воздействии различных факторов, в частности групп факторов «Hi-Tech – Hi-Hume» (совокупность высоких технологий), происходит трансформация системы социально-трудовых отношений, предполагающая кардинальные изменения в компонентах системы [2]. А.А. Федченко в качестве основных причин трансформации социально-трудовых отношений выделяет: 1) усиление социальной компоненты в социально-трудовых отношениях; 2) развитие нестандартных форм трудовых отношений; 3) размывание границ между работой и досугом; 4) различия в ценностных предпочтениях поколений X, Y, Z; 5) ориентация образования на рынок труда [3]. И.У. Эмирова, Р.А. Тедеева отмечают, что «социально-трудовые отношения, находясь в определенном социально-экономическом и политическом пространстве, постоянно подвергаются воздействию факторов внешней и внутренней среды. Под внешними факторами следует понимать влияние факторов политического, экономического, социокультурного и исторического характера, сложившихся в стране. В качестве основных внешних факторов выделяют: социальная политика, глобализация экономики, информатизация общества и экономики, правовая среда, уровень развития общественного труда и производства» [4].

Одним из значимых факторов трансформации социально-трудовых отношений, по нашему мнению, является развитие новых форм занятости. Новые формы занятости оказывают значительное влияние на изменение институтов трудовой деятельности (размывание пространственно-временных границ, новое содержание трудовой деятельности в направлении повышения сложности и новизны задач, проектов), изменение институтов найма (например, цифровой найм) и договорной системы регулирования социально-трудовых отношений (срочные трудовые контракты, кастомизация договорных отношений между работником и работодателем; в новых условиях работник начинает взаимодействовать не с работодателем, а с платформой), изменение институтов развития (новые функции систем образования, повышения квалификации и переподготовки). Также трансформируются институты трудовой мобильности, например, в направлении развития альтернативной занятости и использования альтернативной рабочей силы. При этом стоит отметить, что альтернативные работники, выполняющие работы по договору гражданско-правового характера, теряют возможность профсоюзного членства и возможность защиты профсоюзами в рамках социального партнерства, социально уязвимы на рынке труда.

Дальнейшее развитие институтов в системе социально-трудовых отношений в условиях новых форм занятости должно идти в направлении вовлечения новых категорий занятых в систему фундаментальных прав в сфере труда, социальной защиты и эффективного социального диалога.

Литература

1. Карпушкиной А.В. Институциональная среда социально-трудовых отношений (региональный аспект). Челябинск, 2011.
2. Легчилина Е.Ю. Регулирование изменений в социально-трудовых отношениях в условиях цифровизации // Экономика труда. 2019. Т. 6, № 1. С. 89–102.
3. Федченко А.А. Трансформация социально-трудовых отношений в цифровой экономике // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2018. № 3. С. 91–95.
4. Эмирова И.У., Тедеева Р.А. Социально-трудовые отношения: теоретические основы и современный взгляд // Вестник Белгородского университета кооперации, Экономики и права. 2017. С. 184–191.

М.В. Герман

Национальный исследовательский Томский государственный университет

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КАПИТАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

Ключевые слова: человеческий капитал, социальный капитал, труд, капитализация профессиональных знаний

Человеческий капитал отождествляется с запасом знаний, умений, навыков и компетенций человека, которые влияют на его готовность к продуктивному труду, и который можно развивать посредством обучения на протяжении всей жизни. Он может обесцениваться, когда знания, навыки и компетенции становятся устаревшими. Человеческий и социальный капитал сложным образом взаимосвязаны и в определенной степени взаимодополняют друг друга. Реализуя капитализацию профессиональных знаний, индивид получает возможность свободно встраиваться в происходящие в обществе процессы, обеспечивать интеллектуальными, физическими ресурсами свою профессионально-квалификационную и общественную деятельность [1].

Вместе с тем данные статистического показателя Международной организации труда (МОТ): «занятые по «образовательному соответствию/несоответствию», статистический подход» свидетельствуют о том, что образовательное соответствие в Российской Федерации значительно уступает показателям не только развитым, но развивающимся европейским странам (рис. 1).

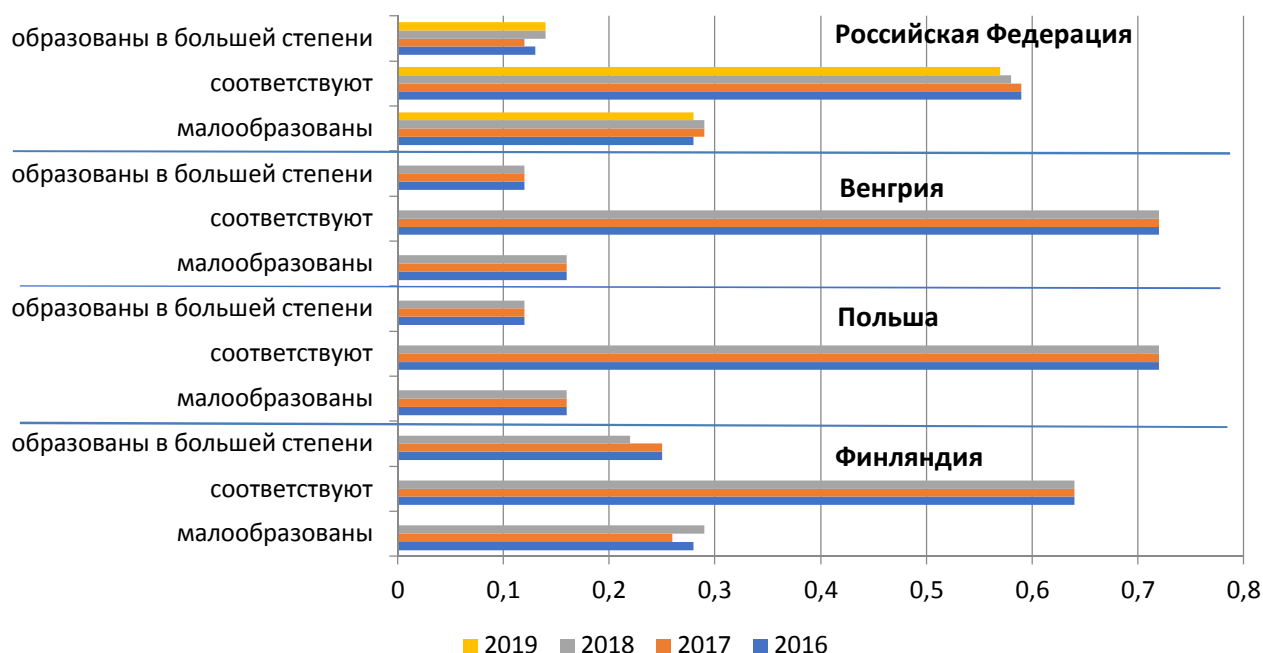

Рис. 1. Занятые по «образовательному соответствию/несоответствию (статистический подход) в Финляндии, Польше, Венгрии и Российской Федерации [3]

В нашей стране наблюдается явная тенденция концентрации оборота формирования профессиональных знаний преимущественно на уровне высшего (бакалавреат, специалитет и магистратура) и дополнительного образования (рис. 2).

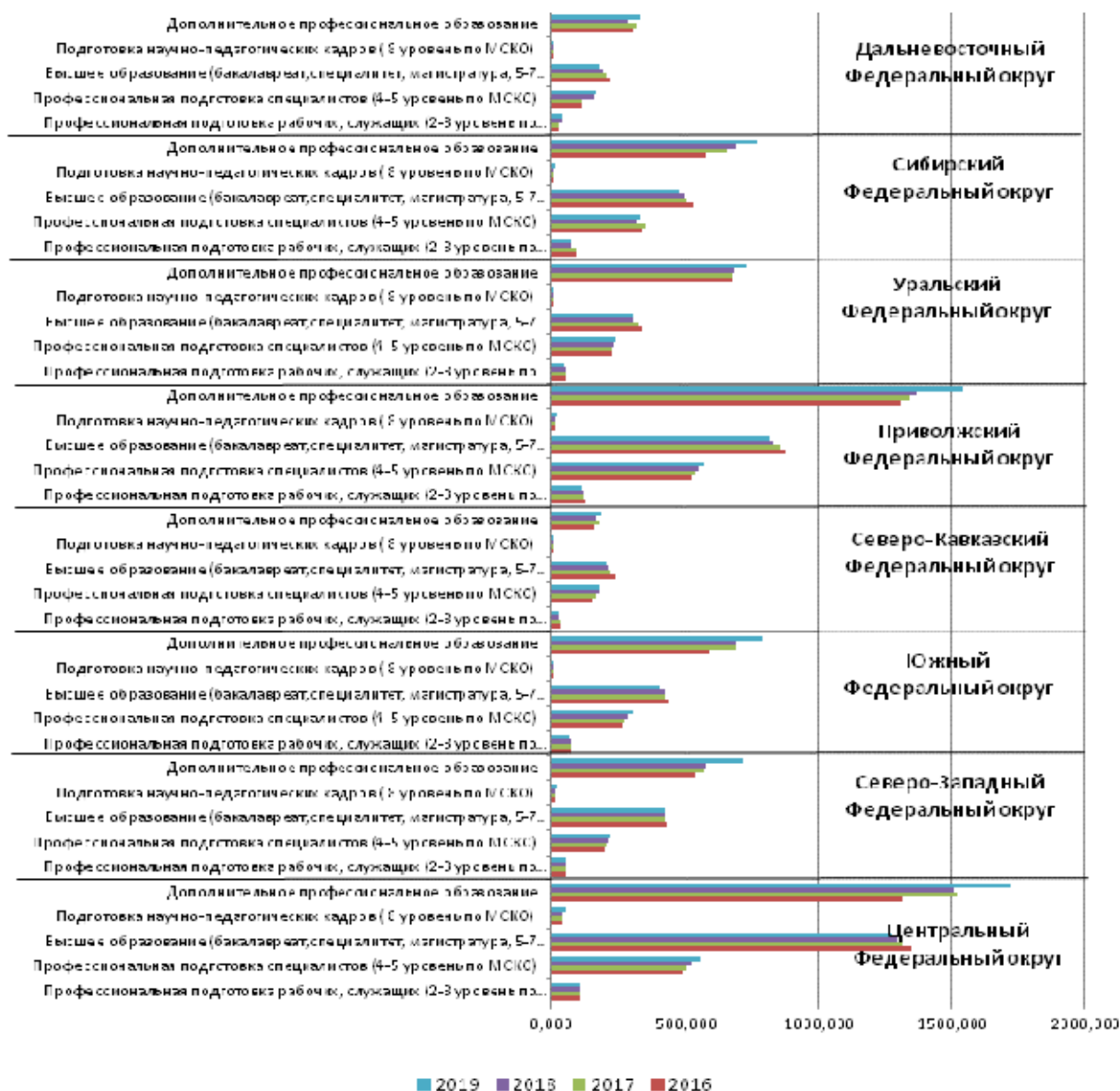

Рис. 2. Оборот формирования профессиональных знаний по уровням обучения в Российской Федерации, % [2]

В свою очередь формирование профессиональных знаний на уровнях профессиональной подготовки рабочих, служащих и специалистов мало, а подготовки научно-педагогических кадров – крайне недостаточно. Это свидетельствует о формальном структурном многообразии системы, что влечет нерациональное распределение ресурсов и как следствие высокие транзакционные издержки и возникновение несовершенного знания.

Анализ равенства, формирования профессиональных знаний для населения старшего возраста (25–64 лет) отражает крайне неблагоприятную ситуацию свидетельствуя о низкой способности системы к обеспечению обучения на протяжении всей жизни для всех, и соответственно отвечать потребностям цифровой экономики (рис. 3).

Таким образом, выполнение инклюзивной функции равенства для приобретения и приумножения профессиональных знаний для всех, декларативно и сопряжено с ограничением свободного беспрепятственного доступа в интересах субъектов рынка труда. Высокие социальные риски обусловленные ограничением равнодоступности формирования профессиональных знаний в будущем способны спровоцировать мультипликативный эффект обеспеченный устареванием базовых знаний и соответственно снижением их актуальности и вос-

стребованности на рынке труда и как следствие обесцениванием человеческого и социального капитала, ростом социальной напряженности и усилением неравенства.

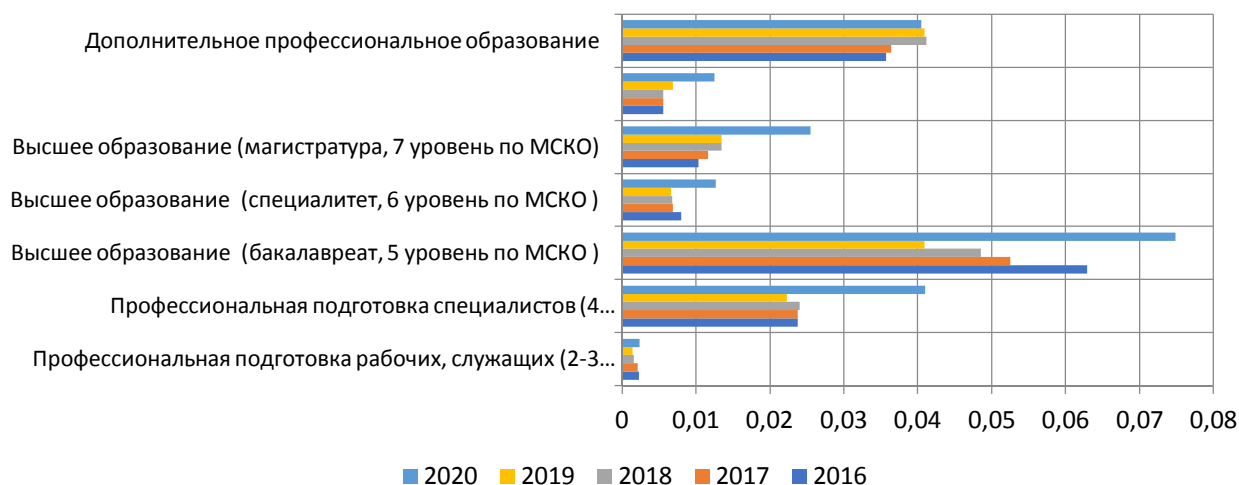

Рис. 3. Доля обучающегося населения Российской Федерации в возрасте 25–64 лет в общей численности обучающихся [2]

Российская институциональная среда должна быть дополнена рядом механизмов активной формы партнерства на основе создания благоприятной среды консолидации ресурсов и перекрестного многоканального кадрового наставничества бизнеса, государства и системы формирования профессиональных знаний, которая носит принципиально новый характер взаимодействия и интеграции.

Литература

1. Герман М.В., Помулева Н.С. Человеческий капитал как основной фактор инновационного развития // Вестник томского государственного университета. Экономика. 2012. № 1 (17). С. 150.
2. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/>
3. Ilostat explorer. URL: <https://www.ilo.org/shinyapps/bulkexplorer8/>

УДК 005.94

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-32

В.А. Голов

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Ключевые слова: знания, управление знаниями, институты знаний, системы управления знаниями в вузах

Развитие общества знаний отражается в трудах Г. Клейнера, в частности, в следующей характеристике: «От рынка рабочих рук, свойственного доиндустриальной эре, и рынка “рабочих голов”, присущих индустриальной эре, в экономике знаний будет осуществлен переход к рынку “динамических способностей”, где объектом трансакций станет способность субъекта стать продуцентом нового знания» [1]. На карте истории можно отследить эволюцию факторов производства – от земли и заводов до информации и знаний (таблица), за счет которых компания росла, развивалась и создавала основу для приращения стоимости и обеспечивала, таким образом, конкурентные преимущества.

Этапы развития экономики

Параметр	Эра сельского хозяйства	Эра индустрии	Эра информации	Эра знаний
Ключевой актив (источник прибыли)	Земля	Заводы	Информация	Знания
Управление активами на уровне	Владельцев ферм	Иерархии управленцев	Матрицы уполномоченных	Сообществ и команд
Ключевые технологии	Сельскохозяйственные технологии	Производство и машиностроение	ИКТ	Технологии сотрудничества
Ключевые продукты	Продовольственные товары	Промышленные товары	Информационные продукты и услуги	Интеллектуальные продукты и услуги
Ключевые ресурсы	Сельскохозяйственные рабочие	Промышленные рабочие и инженеры	Информационные носители	Проводники идей, творчества, инноваций и знаний

Повышение значимости знаний в экономике и цепочке создания стоимости (ценности) актуализировало новый вид деятельности в компаниях, новую функцию – управление знаниями и проектирование системы знаний в компаниях (Данные → Информация → Знания → Действия → Ценность).

Большие массивы накопленных данных и информации, позже трансформируемые в знания, позволяют компаниям создавать не имитируемые принципы внутренней работы, которые обеспечивают устойчивое положение на рынке [2]. В подобном стремлении будут проявляться и институциональные принципы организации управления знаниями, когда компания формирует устойчивые правила, действующие как в рамках одной фирмы, так и в рамках отрасли и рынка.

Таким образом, на текущий момент управление знаниями рассматривается как один из источников создания ценности для организации. Знания способны формировать ключевые компетенции компании, формировать новую среду ее деятельности. Вузы, с одной стороны, являются источниками знаний, вузовская наука выступает генератором новых идей и новых знаний, с другой стороны, организации высшего образования сами выступают потребителями знаний.

В связи с накоплением знаний, активными процессами цифровой трансформации организаций высшего образования в России не мыслима их дальнейшая деятельность без институционализации данных процессов. В качестве инструментов требуются устойчивые правила и нормы, которые будут способствовать повышению эффективности деятельности и формировать новые принципы работы. Так, например, Томский государственный университет формирует хранилища данных в информационной системе «Flamingo» для аккумуляции информации о студентах (портфолио, полученные навыки через дополнительные курсы и активности) и личные творческие работы (статьи, курсовые и выпускные работы). Другой пример биржа «UniProfi» – проект, созданный для содействия профессиональному самоопределению и временной занятости студентов в период обучения. Создание подобных систем – реакция на вызовы внешней среды, в частности, промышленных партнеров университета, рынка труда и будущих работодателей.

Подводя итог можно сказать, что институционализация управления знаниями в организациях высшего образования будет способствовать формированию новых принципов, норм и правил взаимодействия вузов и внешних партнеров, повышая тем самым устойчивость экосистемы вузов в условиях новых вызовов и высокой неопределенности внешней среды.

Литература

1. Клейнер Г.Б. Управление предприятиями и экономика знаний // Финансы и бизнес. 2006. № 1.
2. Молодчик М.А. Управление знаниевым потенциалом организации: методология и практика : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Пермь, 2021. 39 с.

В.П. Горячев
Сибирский федеральный университет

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ДЛЯ РЫНКА ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННОГО ТРАНСПОРТА

Ключевые слова: институты, институциональные изменения, городской общественный транспорт, экономическая эффективность

Институциональные изменения могут приводить к изменению издержек, как в экономике в целом, так и в отдельных ее отраслях, в частности. Поэтому, проблема оценки экономической эффективности институциональных изменений представляется актуальной.

Одной из отраслей, эффективность функционирования которой определяет качество жизни населения городов, является рынок городского общественного транспорта. Оценка институциональной среды данного рынка вызывает значительные трудности, так как она имеет сложную структуру и состоит из институтов нескольких уровней (федерального, регионального, местного). К настоящему времени в результате эволюции институциональной среды возникли структурные диспропорции и перманентный рост социальной напряженности.

Принятие в 2015 г. Федерального закона № 220-ФЗ [1] привело к формированию единой институциональной среды на всей территории страны. Распоряжением Минтранса России [2] в 2017 введены единые стандарты качества транспортного обслуживания населения.

Реализация в России программы «Модернизация пассажирского транспорта в городских агломерациях» так же потребовало значительных институциональных изменений, ключевые из которых: правила дающие возможность создания в агломерации единого оператора городского пассажирского транспорта в компетенции которого передаются вопросы организации транспортного обслуживания населения; правила дающие возможность внедрения брутто контрактов для транспортных компаний обслуживающих маршрутную сеть агломерации, предполагающих оплату перевозчику не пассажиром, а единым оператором за километр пробега по маршруту; правила заключения, без конкурсных процедур, контракта на обслуживание маршрутной сети городского пассажирского транспорта концессионером, вкладывающим средства в проект модернизации инфраструктуры и подвижного состава по концессионному договору.

Для оценки экономической эффективности произошедших институциональных изменений потребуются значительные усилия, связанные со оценкой влияния данных изменений для большого числа субъектов данной и смежных отраслях. Внедряемые проекты модернизации пассажирского транспорта в городских агломерациях на начальном этапе сталкиваются с их неприятием новых правил со стороны различных субъектов – транспортных компаний, рискующих потерять бизнес, пассажиров в связи с изменением привычных транспортных связей и даже некоторых чиновников муниципалитетов, имеющих «свои интересы». Эти факты приводят к искажению экономических показателей работы городского пассажирского транспорта, например количество перевезенных пассажиров, полученная выручка, понесенные издержки. Так же возможны искажения оценок со стороны потребителей рынка городского пассажирского транспорта, недовольных внедряемыми институциональными изменениями. Сложность оценки эффективности институциональных изменений для рынка городского общественного транспорта лишь усиливает достоинства разработанного подхода и методик, позволяющих учесть результативность для широкого круга субъектов рассматриваемого и смежных отраслевых рынков.

Литература

1. Федеральный закон № 220-ФЗ от 13.06.2015 г. «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/39950> (дата обращения 15.08.2021)
2. Распоряжением Минтранса России от 31.01.2017 № НА-19-р «Об утверждении социального стандарта транспортного обслуживания населения при осуществлении перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом». URL: <https://mintrans.gov.ru/documents/2/6802> (дата обращения 15.08.2021)

УДК 352.075

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-34

Е.Е. Горяченко, К.В. Малов

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ВЗГЛЯД РУКОВОДИТЕЛЕЙ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ¹

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальное образование, экспертный опрос, мониторинг

Система местного самоуправления в России находится в процессе непрерывного реформирования. За 18 лет, прошедших с момента принятия Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в законодательство о местном самоуправлении было внесено большое количество изменений и порой противоречивых поправок. Специалисты обращают внимание на неоднозначные результаты проводимых преобразований: *«В содержательном плане основной вектор изменений был направлен на встраивание местного самоуправления в иерархически организованную вертикаль государственной власти, повышение управляемости рассматриваемой формы «осуществления народом своей власти», а также на снижение расходов по ее содержанию»* [1, с. 550]. В этих условиях особый интерес представляет анализ ситуации в местном самоуправлении с позиции руководителей муниципалитетов, вынужденных осуществлять свою деятельность в нестабильных социально-политических и экономических условиях.

Оценки изменений роли местного самоуправления за последние годы неоднозначны. Рассматривая долгосрочные тенденции за период 2011–2021 гг., следует отметить, что в 2021 г. оценки несколько повысились после достаточно высокого уровня пессимизма, наблюдавшегося в прошлые годы, однако они не достигли уровня относительно благополучных 2011 и 2012 гг. В целом, если сгладить колебания, то можно говорить, что на протяжении анализируемого периода не удалось переломить тенденцию к снижению роли местного самоуправления.

Свою точку зрения опрошенные обосновывают сокращением объема полномочий в жизненно важных сферах и их передачей на уровень субъекта РФ, финансовой неподкрепленностью расходных полномочий, сдерживающей самостоятельность местного самоуправления, излишней централизацией власти и повышением влияния федерального центра на принимаемые решения.

¹ Анализ базируется на результатах экспертного опроса руководителей муниципалитетов в рамках ежегодного мониторинга социально-экономической ситуации в муниципальных образованиях России, проводимого авторами – сотрудниками отдела социальных проблем ИЭОПП СО РАН с 2009 г. В ходе очередной волны мониторинга в апреле-мае 2021 г. опрошены 104 руководителя муниципальных образований из 49 субъектов Федерации. Цель проведенного опроса – оценить динамику ситуации, выявить проблемы, возникающие в муниципальных образованиях в современных условиях и направления совершенствования системы местного самоуправления.

При этом самостоятельность местного самоуправления наталкивается не только на общеизвестную ограниченность финансовых и материальных ресурсов, но и на ограничения нормативно-правового характера. Если анализировать динамику оценок сдерживающих факторов, то они в целом достаточно устойчивы: серьезным препятствием для нормальной работы органов местного самоуправления является нестабильность нормативно-правовой базы, постоянно вносимые поправки в законодательные акты, регулирующие деятельность местного самоуправления. По мнению руководителя аппарата Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления И.В. Бабичева, *«требуется проинвентаризировать и сами вопросы местного значения, руководствуясь прежде всего принципом subsidiarности»* [2, с. 8].

Это подчеркивает необходимость существенного совершенствования законодательного регулирования местного самоуправления, делает актуальной разработку основ государственной политики, закладывающих базовые принципы для эффективного функционирования местного самоуправления, поскольку реальная модернизация страны, связанная с повышением эффективности и качества управления в стране, невозможна без повышения роли местного самоуправления [3].

Литература

1. Пациорковский В.В. Местное самоуправление на пути перемен (2010–2019 гг.) // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник ИНИОН. 2019. Вып. 14, ч. 2. С. 550–554.
2. Бабичев И.В. Размышления и материалы к вопросу о государственной концепции развития местного самоуправления в нашей стране // Местное право. 2019. № 5. С. 3–16.
3. Зайцев М.А., Горяченко Е.Е., Малов К.В. О необходимости разработки новой концепции местного самоуправления в Российской Федерации // Местное право. 2020. № 5. С. 37–50.

УДК 330.3

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-35

А.А. Гравчикова

*Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский государственный университет*

РЕЛИГИОЗНАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО–КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: ЭМПИРИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ ДЛЯ РЕГИОНОВ РФ

Ключевые слова: религия, институты, неоднородность, благосостояние, регионы, Россия

В настоящее время большинство стран мира охвачены процессами миграции и информационной глобализации, что оказывает определенное воздействие на культурную структуру населения [1, 2]. Последствия этой тенденции противоречивы, поскольку именно культура сочетает в себе основополагающие институциональные нормы развития общества, к которым можно отнести нравственность, обучение, воспитание, структуру семьи. В связи с этим является актуальным вопрос о том, каким образом подобные изменения воздействуют на уровень благосостояния [3–8]. Одним из культурных институтов, способных сохранять благоприятные институциональные нормы для роста и развития общества, является религия, как символ традиций, идентичности страны как государства и пространства национальной культуры [9, 10]. В ходе исследования был произведен анализ динамики религиозной структуры населения регионов РФ, а также – эконометрическая оценка влияния этого перестроения на уровень государственных расходов. В отношении изменения конфессиональной структуры регионов можно сказать, что в настоящее время религиозная неоднородность, характерная

для населения современной России, сокращается. При этом, учитывая небольшой временной промежуток анализируемых данных и увеличение показателя поляризации, уменьшение разнообразия в регионах не связано с глобализационными процессами формирования «массовой культуры», а, напротив, происходит за счет возрождения и популяризации традиционных религий, в том числе и тех, которые свойственны отдельным регионам (где они доминируют). С одной стороны указанные процессы укрепляют силу самоидентификации личности в современном мире и выступают благоприятной основой для повышения показателей благосостояния общества. С другой стороны происходит увеличение размера доминирующих традиционных конфессиональных групп и рост поляризации между ними. Несмотря на это в ходе эконометрического анализа было выявлено, что поляризованные регионы привлекают к себе внимание в виде государственных финансовых отчислений на социально-культурную политику, что увеличивает общий объем государственных трансфертов, являющихся составным элементом валового выпуска – показателя экономического роста.

Литература

1. Бергер Л. Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. 2014. С. 215–220.
2. Huntington, S.P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York : Simon & Schuster, 1996.
3. Буфетова А.Н., Коломак Е.А., Михалёва М.М. Национальное разнообразие и экономическое развитие регионов России // Мир экономики и управления. 2017. Т. 17, № 3. С. 143–157.
4. Буфетова А.Н., Коломак Е.А. Национальная неоднородность в регионах России: оценка, изменение, влияние на экономическое развитие // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 120–142.
5. Alesina A., La Ferrara E. Ethnic diversity and economic performance // Journal of Economic Literature. 2005. Vol. 43, № 3. P. 762–800.
6. Goren. E. How ethnic diversity affects economic growth // World Development. 2014. Vol. 59 (C). P. 275–297.
7. Mauro P. Corruption and Growth // Quarterly Journal of Economics. 1995. Vol. 110, № 3. P. 681–712.
8. Montalvo J.G., Reynal-Querol M. Ethnic diversity and economic development // Journal of Development Economics. 2005. Vol. 76, № 2. P. 293–323.
9. Ottaviano G.I., Peri G. The economic value of cultural diversity: Evidence from US cities // Journal of Economic Geography. 2006. Vol. 6, № 1. P. 9–44.
10. Oasis Kodila-Tedika, Julius Agbor Religious Diversity and Economic Development in Sub-Saharan Africa: So Far So Good // Journal of African Development // African Finance and Economic Association (AFEA). 2014. Vol. 16, № 1. P. 99–117.

УДК 338.28

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-36

Т.В. Гурунян

*Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Ключевые слова: цифровизация, малое и среднее предпринимательство, институциональное регулирование

В качестве глобальной макроэкономической тенденции рассматривается переход к цифровой экономике и связанная с этим необходимость изменения институционального регулирования цифровой трансформации малого и среднего предпринимательства (МСП). Цифровая экономика охватывает не только технологический сектор и цифровые компании, но и производственные цепочки во всех отраслях, что позволяет ей стать одним из главных двигателей роста и развития.

Цифровая экономика может повышать конкурентоспособность самых разных секторов, предоставлять возможности бизнесу и предпринимателям открывать новые каналы доступа к зарубежным рынкам, к глобальным электронным цепочкам создания стоимости. Именно цифровизация дает возможность повысить конкурентоспособность МСП, особенно в международной сфере. По уровню внедрения цифровых технологий в бизнес Россия значительно отстает от США, Южной Кореи, и находится на одном уровне с Турцией.

В докладе приводятся результаты исследования цифровой трансформации МСП, проведенные автором в Новосибирской, Иркутской и Челябинской области на основе интервьюирования и анкетного опроса предпринимателей. Исследование направлено на совершенствование институциональной среды для цифровой трансформации МСП. Выявляются барьеры для цифровизации компаний МСП, и необходимые меры институциональной поддержки. Среди факторов, сдерживающих цифровизацию, респонденты называют недостаток денежных средств, недостаточное обеспечение безопасности цифровых данных, дефицит квалифицированных кадров в сфере цифровых технологий, внутреннее сопротивление в компании, и даже низкая скорость Интернета. Предприниматели указывают на необходимые меры институциональной поддержки для цифровой трансформации бизнеса.

Лучшие практики ведущих и быстроразвивающихся стран показывают эффективность внедрения как специализированных программ поддержки цифровой трансформации МСП, так и включение положений о цифровизации МСП в государственные программы формирования цифровой экономики. Анализ институционального регулирования цифровой трансформации в различных странах, в том числе в Российской Федерации, показал, что часто программы поддержки цифровой трансформации недостаточно скоординированы.

Поэтому предлагаются направления синхронизации направлений поддержки цифровой трансформации МСП. В докладе обосновываются и дополнения в региональные и муниципальные программы развития и поддержки МСП, связанные с цифровой трансформацией. Речь идет о направлениях обучения и переподготовки персонала в сфере цифровизации, субсидировании части затрат на внедрение цифровых технологий, и другие меры. Делается акцент на том, что кооперация крупного бизнеса и малого и среднего предпринимательства станет важным фактором цифровой трансформации бизнеса.

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-37

В.В. Дементьев

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ И НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЕ ТРАНСАКЦИОННЫЕ ИЗДЕРЖКИ

Ключевые слова: транзакционные издержки, Парето-эффективность, производственная функция

Под транзакционными издержками мы понимаем издержки, возникающие при осуществлении транзакций. Они складываются из затрат ресурсов и затрат времени на совершение сделки (транзакции).

За транзакционными издержками в институциональной теории закрепилась «негативная репутация» – они рассматриваются, как правило, как некое ограничение («трение»), которое препятствует осуществлению транзакций и, далее достижению оптимальности по Парето. Даже придуман некий «идеальный мир» без данных издержек, где сбываются мечты: все эффективно, права собственности распределены наилучшим образом, а все сделки представляют собой улучшение по Парето. Хотя, если посмотреть поближе, то выяснится, что в этом идеальном мире, где поведение любого человека ничем не ограничено, вообще невоз-

можны никакие сделки и никакие права собственности. При таком подходе сокращение транзакционных издержек рассматривается как абсолютная цель институтов. «Экономические институты капитализма имеют главную цель и эффект – экономию на транзакционных издержках» (О.Уильямсон).

Совершенно другое, вполне уважительное отношение сложилось к трансформационным издержкам. Никто из теоретиков не пытается представить себе мир без издержек производства, понимая всю абсурдность данной модели. Данные издержки рассматриваются, прежде всего как его необходимое условие производства, а уже потом, как фактор, величина которого может ограничивать возможности производства.

Аналогичным образом следует относиться и к транзакционным издержкам. При рассмотрении данных издержек на первое место следует ставить их производительные функции, а уже во вторую очередь, рассматривать в качестве ограничения. Если трансформационные издержки есть издержки, связанные с превращением затрат в готовую продукцию, то транзакционные издержки представляют собой превращение затрат во взаимодействие между людьми, необходимое. Иными словами, если с помощью трансформационных издержек мы производим продукт (материальный или нематериальный), то с помощью транзакционных издержек мы производим отношения или в целом организацию, которые необходимы для создания данного продукта.

Таким образом, транзакционные издержки в экономике выполняют прежде всего производительную функцию и являются необходимым условием, фактором и компонентом для создания социальной структуры экономических взаимодействий, которые позволяют произвести физический продукт. Соответственно при анализе издержек на первое место выходит теперь вопрос о том, что или какую организацию и какие транзакции производят данные издержки.

Далее, улучшение организации производства имеет следствием повышение его эффективности и приносит определенную выгоду – в виде «прироста ценности» производства. Таким образом, транзакционные издержки порождают транзакционные (институциональные) выгоды и становятся производительными издержками. В таком случае речь о сокращении транзакционных издержек вообще становится абсурдным требованием, поскольку влечет за собой сокращение выгод.

Транзакционные издержки могут носить также непроизводительный характер и представлять собой прямые потери для субъектов, которые их несут. Это происходит по той причине, что указанные издержки могут быть связаны осуществлением таких транзакций и взаимодействий, которые не представляют интереса для данного субъекта, не являются для него источником выгод и противоречат его интересам. Непроизводительные транзакционные издержки можно рассматривать здесь как чистое препятствие для эффективной деятельности, которое подлежит минимизации.

Поэтому различные транзакционные издержки обладают различной ценностью для различных общественных субъектов. Все зависит от того, какие транзакции, и какая организация производятся с их помощью. Транзакционные издержки, которые являются потерями для одних людей, в то же время могут являться условием для создания отношений, необходимых для максимизации интересов других.

Транзакционные издержки могут выступать одновременно как причина снижения доходности для одних экономических агентов, и одновременно выступать как условие получения дохода для других. Например, в бюрократических системах создание одними людьми транзакционных издержек для других людей является оправданием для самого существования данных структур управления. Отсутствие необходимости создавать данные издержки (например, требование подготовки отчетности) ставит под сомнение вопрос о существовании подразделения, для которого данная отчетность готовится и, соответственно о доходах лиц, принуждающих к осуществлению транзакционных издержек.

Поэтому снижение величины транзакционных издержек или потерь у одних общественных агентов означает сокращение доходов у других. В этом случае совместные дей-

ствия по уменьшению величины издержек трансакций может наталкиваться на препятствие «непреодолимой силы» – отсутствие интереса и сопротивление сокращению величины указанных издержек, поскольку последнее равнозначно сокращению величины доходов и утраты позиции в обществе.

Как следствие – избыточная величина непроизводительных трансакционных издержек, которые искажают мотивацию и ограничивают эффективное экономическое поведение. Трансакционные издержки и их величина выступают как своего рода внешняя, принудительная по своей природе сила, устранение которой выходит за рамки добровольного сотрудничества участников инновационного процесса. Отсюда, в частности, следует, что величина трансакционных издержек носит производный характер, не является первопричиной препятствий для Парето-эффективных сделок и представляет собой проявление других социальных и институциональных факторов, связанных со структурами власти и распределением доходов в экономической системе

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-38

С.А. Дзюба

Дальневосточный федеральный университет

КОНКУРЕНЦИЯ, СОТРУДНИЧЕСТВО И ВЛАСТЬ КАК МЕХАНИЗМЫ КООРДИНАЦИИ

Ключевые слова: конкуренция, сотрудничество, механизмы координации

Исследование недостатков конкуренции, а также сотрудничества как механизма экономического взаимодействия, альтернативного конкуренции, имеет давнюю историю. Понятие самих механизмов координации, в первую очередь, можно связать с именем Р. Коуза, впервые, пожалуй, поставившим вопрос о различии механизмов распределения ресурсов рынком и в рамках внутрифирменных процессов [4], а также Ф. Хайека как институционализацию стихийно развивающихся связей между субъектами экономики [12]. В целом же ориентированность на исследование механизмов сохранило институциональное направление в экономической теории, например, «община» (реципрокные отношения) К. Поланьи [6], «отношенческая контрактация» О. Уильямсона [11], «общее дело» Э. Остром [14].

Современные исследования в области механизмов координации, в первую очередь, связаны с именем В.М. Полтеровича [7, 8]. Предложенная им повестка отказа рассмотрения конкуренции как единственного эффективного механизма координации выступает логическим продолжением общего критического анализа экономической теории. Ключевым тезисом выступает то, что конкуренция и сотрудничество выступают не антагонистическими механизмами, а каждый в какой-то части способствует увеличению экономической эффективности.

Институциональная классификация механизмов координации обрисовывает более широкую палитру отношений и опирается на «топологическую» картину отношений и согласования [5]. В основе классификации, предложенной В.М. Полтеровичем [7], лежит теоретико-игровой подход:

- для *конкуренции* характерно, что отказ от стратегий взаимодействия выгоден участникам;
- для *сотрудничества* отказ от стратегий взаимодействия НЕ выгоден участникам.

Важно отметить, что эффективность механизма координации носит контекстный характер. При определённых условиях механизм координации может снижать эффективность. Так сотрудничество может носить не только позитивный характер, как, например, взаимо-

действие с целью снижения общих издержек, но и негативный, например, сговор. Рассматриваемая тематика имеет множество открытых вопросов, главным из которых, пожалуй, выступает определение правильных пропорций между механизмами экономической координации, компенсирующих их недостатки и усиливающих достоинства. Особенно эта актуальность усиливается в периоды резкого повышения неопределенности, например, разрастания кризисных явлений в экономике, обнажающих системные недостатки действующего хозяйственного порядка.

Таким образом, можно обозначить основные исследовательские вопросы:

1. Определение конкуренции и сотрудничества как разных механизмов экономической координации, их ориентировочных границ и «контактных областей».
2. Анализ положительных и отрицательных сторон каждого из механизмов с точки зрения частной и общественной экономической эффективности.
3. Анализ процессов распределения результатов экономической деятельности в рамках механизмов, обеспечения ими социальной справедливости.
4. Рассмотрение информационных аспектов функционирования механизмов: потребность в информации, её получение и использование, устойчивость к искажению информации.
5. Взаимодействие механизмов и их эволюция, какова «правильная» пропорция их сочетания и можно ли говорить, что она объективно изменяется во времени.

Что касается первых двух, а также последнего, пунктов, то они во многом освещены в указанных выше работах В.М. Полтеровича. В меньшей степени это касается аспектов социальной справедливости, проблемы широко обсуждаемой, особенно «за рамками» мейнстрима экономической теории, но становящейся неудобной темой, когда мы говорим о рыночной конкуренции. Классическое рассмотрение вопросов социальной справедливости осуществляется за рамками механизмов координации [9]. Поэтому совершенно очевидно, что в рамках заявленного подхода категорию социальной справедливости следует рассматривать в качестве одного из аспектов результативности экономической координации наряду с экономической эффективностью. Здесь на обсуждение мы можем вынести идею корректировки института потребления. Так социально справедливым будет такой институт, в рамках которого потребление может осуществляться только из продукта труда, соответственно, продукт капитала не может использоваться на потребление, а только на инвестиции.

Не менее важным подходом в исследовании механизмов координации является включение в рассмотрение информационных аспектов экономического взаимодействия. С этой точки зрения результаты в области асимметрии информации декларируют чувствительность рыночного механизма к рискам и предлагают частные способы их «вовлечения в оборот» через страхование [2] и сигнальные механизмы. В более общем плане этот вопрос тесно связан как с теорией транзакционных издержек Р.Коуза, так и с концепцией спонтанного порядка Ф. Хайека [1]. Однако привлечение аппарата теории информации позволяет осуществить более общий подход в учёте информационных издержек при принятии решения [3], приводящий, например, к понятию «рационального невнимания» [13].

Литература

1. Автономов В.С. На какие свойства человека может опереться экономический либерализм? // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 5–24.
2. Акерлоф Дж. Рынок лимонов: неопределенность качества и рыночный механизм // THESIS. 1994. Вып. 5. С. 91–104.
3. Дзюба С.А. К теории транзакционных издержек // Журнал экономической теории. 2011. № 1. С. 7–15.
4. Коуз Р. Фирма, рынок и право. М. : Новое издательство, 2007. 224 с.
5. Кузьминов Я., Юдкевич М. За пределами рынка: институты управления транзакциями в сложном мире // Вопросы экономики. 2010. № 1. С. 82–98.
6. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб. : Алетейя, 2002. 320 с.
7. Полтерович В.М. От социального либерализма к философии сотрудничества // Общественные науки и современность. 2015. № 4. С. 41–64.

8. Полтерович В.М. Позитивное сотрудничество: факторы и механизмы эволюции // Вопросы экономики. 2016. № 11. С. 1–19.
9. Ролз Д. Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во НГУ, 1995. 532 с.
10. Стиглиц Дж. Ревущие девяностые. Семени развала. М. : Современная экономика и право, 2005. 421 с.
11. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация. Л. : Лениздат, 1996. 702 с.
12. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М. : Новости, 1992. 304 с.
13. Matejka F., McKay A. Rational inattention to discrete choices: A new foundation for the multinomial logit model // The American Economic Review. 2014. № 105 (1). P. 272–298.
14. Ostrom E. Collective Action and the Evolution of Social Norms // Journal of Economic Perspectives. 2000. № 14 (3). P. 137–158.

УДК 332.13(091)

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-39

Д.В. Диденко

*Институт общественных наук Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РЕГИОНАХ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ, СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX вв.)

Ключевые слова: конвергенция, дивергенция, государственные финансы, образование, здравоохранение

В докладе освещаются тенденции неравномерности процессов накопления человеческого капитала дореволюционной России в направлении конвергенции / дивергенции в ее крупнейших макрорегионах (Европейская Россия, Сибирь и Дальний Восток), а также показывается роль центрального правительства и местных органов власти и самоуправления в этих процессах.

Отправной точкой анализа является модель в [1]: первоначальный импульс к «современному экономическому росту» (в терминологии [2]) сначала затрагивает основной регион, а затем распространяется на другие; в результате долгосрочный тренд межрегиональной дифференциации приобретает колоколообразную форму. Результаты исследований по основным экономически развитым странам во многом нашли подтверждения этой модели.

Представленное исследование частично восполняет соответствующий пробел в отношении России на ранней стадии «современного экономического роста». Отдельные результаты на материале регионов европейской части страны опубликованы в [3]. В докладе расширяется пространственная выборка за счет восточных регионов, в отношении европейских – для лучшей сопоставимости модифицируются методы расчетов и выборка регионов.

Основным источником сведений об объемах финансирования образования и здравоохранения выступали годовые губернаторские отчеты. Качество их информации в восточных регионах России оценивается ниже, чем в западных. Дополнительно привлекались данные из официальных изданий ЦСК МВД и Минфина, а также оценки из научной литературы.

Установлено, что в Европейской России с конца 1870-х гг. межрегиональная дифференциация по финансированию образования понижалась, а по финансированию здравоохранения несколько повышалась. Основным фактором изменений было наличие у губернских и уездных земств соответствующих финансовых ресурсов. Пространственная дифференциация ослабевала в той отрасли, где доля средств центрального правительства была выше (образование) и в те периоды, когда она имела тенденцию к возрастанию (и в образовании, и в здравоохранении).

Пространственная дифференциация регионов Сибири и Дальнего Востока с течением времени ослабевала в обеих сферах формирования человеческого капитала, но не очень сильно и не очень четко выражено.

Высокий подушевой объем финансирования образования и здравоохранения в областях Дальнего Востока объясняется сравнительно высоким уровнем урбанизации, которая стимулировалась в первую очередь геополитическими вызовами. Это результировалось в высокой доле средств центрального правительства и городов.

По регионам Сибири и Дальнего Востока большей точностью обладают модели, в которых дифференциация измеряется в подушевом выражении в логарифмах значений рядов. В этих моделях закономерность в сфере образования аналогична установленной для Европейской России (снижение дифференциации по мере расширения участия центрального правительства), а в сфере здравоохранения – противоположна последней (дифференциация возрастает, несмотря на расширение участия центрального правительства).

Модель в [1] для России находит лишь частичную эмпирическую поддержку: повышенное участие центрального правительства носило выравнивающий характер и формировало противовес межрегиональной дивергенции. Тем не менее, идентифицированные тенденции динамики неравенства и его факторов в Европейской России подтверждаются разными методами измерения. В то же время, в отношении Сибири и Дальнего Востока проявляется сильная чувствительность к этим методам. Поэтому соответствующие результаты можно считать установленными в меньшей степени.

Литература

1. Williamson J.G. Regional inequality and the process of national development: A description of the patterns // *Economic Development and Cultural Change*. 1965. Vol. 13, № 4. Part II. P. 1–84.
2. Kuznets S. *Modern Economic Growth: Rate, Structure, and Spread*. New Haven ; London : Yale University Press, 1966.
3. Диденко Д.В. Пространственное неравенство и накопление человеческого капитала в Европейской России при переходе к «современному» типу экономического роста (конец XIX – начало XX в.) // *Мир России*. 2021. Т. 30, № 3. С. 100–126.

УДК 316 (4.057 + 356.4): 378.4

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-40

С.Ю. Дуткина

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

ЗАПАДНАЯ МОДЕЛЬ СТУДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НОВОСИБИРСКОГО АКАДЕМГОРОДКА

Ключевые слова: студентификация, университет, город, местные жители, студенты

Работа посвящена исследованию процесса студентификации, основная суть которого заключается в изучении как студенты как социально-демографическая группа, число которых увеличивается, влияют на жилую зону, находящуюся рядом. Проблематика исследования сосредоточена на изучении паттернов взаимодействия студентов и местных жителей, наличие и изменение которых свидетельствует о присутствии признаков студентификации в пространстве местного сообщества. В данном случае мы рассматриваем, как именно проявляется процесс студентификации в его специфическом сообществе, расположенном рядом с университетом. Процессы студентификации проявляют себя дифференцированно в разных городах, имеющих университеты. Одни и те же изменения способны повлечь за собой абсолютно разные последствия. Поэтому нам интересен также двойственный эффект этого процесса, который выражен в том, как университет, который, развиваясь и расширяя свои гра-

ницы, дает значительный прогресс городу, но меняет привычный образ жизни местных жителей того или иного района города, возможно, создавая при этом не только положительные эффекты, но и отрицательные.

Целью исследования является выявить признаки изменения местной инфраструктуры, а также формирования и проявления паттернов поведения и взаимодействия местного сообщества и студентов в условиях студентификации пространства местного сообщества. Задачи исследования направлены на выявление структурных и поведенческих изменений в Академгородке в соответствии с делением Д. Смита [1] на 4 сферы преобразований: экономическую, социальную, культурную и физическую.

Информационная база исследования состоит из полуформализованных интервью с культурно, социально, экономически активными участниками местного сообщества, проживающими в Академгородке более 20 лет; со студентами НГУ, проживающими в университетском общежитии или снимающими жилье в Академгородке; также было проведено групповое интервью с иностранными студентами НГУ.

Сфера экономических преобразований, которая включает в себя изменения на рынке труда, жилья и товаров, изменилась в большей степени, чем остальные. Во-первых, анализируя структуру нынешнего рынка труда Академгородка можно говорить о формировании паттерна поведения студентов и работодателей, где первые формируют спрос на более интересную, статусную и профессиональную подработку/полноценную работу, а вторые благополучно его предоставляют. Во-вторых, студенты, стремясь повысить качественные характеристики своего жилья, все больше проникают в частное пространство Академгородка, что дает толчок для формирования негативных паттернов у некоторых участников местного сообщества по установлению требований к студентам-съемщикам, основание для которых составляет уже имеющиеся стереотипы о поведении и образе жизни студентов. В-третьих, происходит смена паттернов в сфере потребления. С одной стороны, в практиках по предоставлению товаров и услуг все больше происходит ориентация на студентов как платежеспособную группу населения, с другой стороны, в поведении самих студентов проявляются признаки возникновения паттерна потребления таких услуг (одеваться в городке, посещать рестораны и места развлечений и т.п.).

Изменение культурной событийности Академгородка приходится на трансформацию интересов студентов, которые в большей степени начинают задумываться о себе и здоровом образе жизни. Студенты вступают в конкуренцию за места спорта и отдыха с местными жителями, что ведет к потребности создания новых инфраструктурных возможностей и формирования новых паттернов взаимодействия между представителями сообществ.

Физические границы вернакулярных пространств местных жителей и студентов пересекаются, в некоторых случаях «накладываются» друг на друга, что может спровоцировать столкновение интересов или даже конфликты: студенты, осваивающие окружающее пространство Академгородка, в котором они временно проживают, могут получить резкое неодобрение со стороны местных жителей, нежелающих изменять «культурное наследие».

В наименьшей степени изменения коснулись сферы социальных преобразований, поскольку изучаются паттерны взаимодействия членов двух сообществ, а не практики одного из. У обоих сообществ замечено отрицательное отношение к социально неодобряемым действиям, как, например, создание шума, разбрасывание мусора и прочее. Однако как студенты, так и местное сообщество не уверены в том, что их «соседи» будут взаимно уважать установленные правила. И на такой случай каждый из представителей двух сообществ готов встать на защиту Академгородка, что влияет на формирование разных ожиданий и испытывает устойчивость усвоенных паттернов взаимодействия.

Литература

1. Smith D. «Studentification»: the gentrification factory? The New Urban Colonialism: Gentrification in a Global Context. N.Y. : Routledge, 2005.

И.А. Дымова

Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева

ПЛАТФОРМЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: платформенная занятость, работа, информационные платформы, труд

Развитие и повсеместное распространение информационно – коммуникационных технологий дало толчок к образованию такого понятия как платформенная занятость, которая предполагает использование цифровых платформ для выполнения определенного вида работ и оказания услуг.

Главная роль в работе цифровых платформ отводится функциям извлечения информации, дальнейшей ее обработки и применения. В настоящее время наблюдается резкий рост капитализации популярных цифровых платформ. Так, например, в 2019 г. рыночная стоимость Apple, Microsoft и Amazon превысила 1 трлн. долларов [2].

Цифровые платформы принято подразделять на коммерческие, нацеленные на получение прибыли, и некоммерческие. Размер некоммерческих платформ по понятным причинам значительно меньше. Многие платформы являются многоцелевыми, совмещают в себе услуги электронной коммерции и гиг-экономики [3].

Использующие платформенную занятость в качестве дополнения к основному месту работы, имеют преимущества перед теми, для кого выполнение трудовых функций в рамках цифровых платформ является единственным источником дохода. Это обусловлено как положительными качествами, так и недостатками платформенной занятости.

Работа с использованием цифровых платформ позволяет ее исполнителям по своему усмотрению выстраивать график занятости, самостоятельно устанавливать интенсивность труда. При этом основным достоинством является отсутствие зависимости от местоположения работника и работодателя. Они могут находиться в совершенно разных регионах или даже странах и соблюдать свои обязательства друг перед другом.

Однако, если платформенная занятость это единственный источник дохода для человека, то он вынужден постоянно заботиться об увеличении своего рабочего времени и объеме выполняемых услуг. С одной стороны, это позволяет ему иметь достойный доход, а, с другой, чаще всего приводит к переутомлению, нарушению режима труда и отдыха, что, в конечном итоге, пагубно сказывается на здоровье. При этом в рамках платформенной занятости не предусматривается оплата простоев в связи с возникающими проблемами со здоровьем, препятствующих выполнению трудовых функций. В настоящее время в различных странах разрабатываются и уже приняты некоторые меры по социальной защите занятых в платформенной экономике [1].

До сегодняшнего дня не определена форма и не установлены объективные параметры функционирования платформенной занятости, которые бы в полной мере отражали ее содержание. По международным меркам она не является полноправной частью социально-трудовых отношений, возникающих в процессе труда. Во многих странах мира широко обсуждается вопрос об условиях процесса перехода к новому качественному состоянию платформенной занятости. Однако в отдельных странах предметом дискуссии является не сама платформенная занятость, а свойства отдельных платформ или особенности предлагаемых услуг, что обусловлено трудностью проведения всестороннего исследования и выработки единообразия в совокупности используемых приемов [1].

Платформенная занятость развивается и расширяется контингент ее участников, что вызывает необходимость изучения закономерностей проводимых в рамках цифровых платформ операций, возникающих проблем и предпринимательских рисков. Каждая страна в за-

висимости от имеющихся культурных традиций и менталитета ищет свои пути развития платформенной занятости и организацию ее в систему социально-трудовых отношений, способствующих укреплению национального рынка труда. При этом мировое сообщество понимает, что в глобальном мире нельзя развиваться обособленно. Требуется объединение усилий и обобщение положительного опыта всех стран в применение платформенной занятости.

Литература

1. Платформенная занятость: определение и регулирование / авт. коллектив: О.В. Сиянская, С.С. Бирюкова, А.П. Аптекарь, Е.С. Горват, Н.Б. Грищенко, Т.Б. Гудкова, Д.Е. Карева. М. : НИУ ВШЭ, 2021.
2. Смирнов Е.Н. Глобальные цифровые платформы как фактор трансформации мировых рынков // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10, № 1. С. 13–24. doi: 10.18334/vinec.10.1.100699
3. UNCTAD. Fostering development gains from e-commerce and digital platforms, Note by the UNCTAD secretariat, TD/B/EDE/2/2. Geneva, 14 February. 2018.

УДК 332.87

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-42

А.В. Елифанцев, Д.Б. Литвинцев

*Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет*

КРИЗИС СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ В РОССИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СОБСТВЕННОСТИ

Ключевые слова: многоквартирный дом, общее собрание собственников, общее имущество, самоуправление, коллективное управление

Начиная с перестроечного периода и до настоящего времени произошли существенные институциональные изменения в экономических отношениях собственности в жилищной сфере. В частности, появились новые объекты права собственности: квартиры, иные помещения, общее имущество в многоквартирном доме (МКД), которые в результате приватизации, а также новых практик долевого строительства принадлежат частным лицам. В Стратегии развития жилищной сферы Российской Федерации на период до 2025 г. отмечается, что более 85% жилищного фонда находится в собственности граждан.

Формальными правилами установлено, что общее собрание собственников (ОС) в МКД является органом его управления (статья 44 Жилищного кодекса РФ). Фактически ОС – это институциональное средство согласования интересов всех собственников помещений в МКД. Сложность подобного согласования заключается в том, что каждый из собственников будучи действующим социальным субъектом (актором) имеет образ жизни, связанный, по мнению Т. Хойрупа, с местом его работы по отношению к дому: самозанятый (дом является пространством для работы и отдыха), наемный работник (дом служит местом отдыха от работы) и карьерист (дом отражает социальный статус). Дифференциация образов жизни и их принадлежность к разным социальным слоям [1] определяет качественные характеристики собственников МКД. В то же время актуальным становится вопрос и о предельном количестве самих собственников, способных эффективно принимать коллективные решения [2].

Принимая во внимание качественные и количественные характеристики групп собственников МКД становится понятно, что они являются одной из основных причин кризиса системы управления МКД в России. По итогам историко-сопоставительного анализа существующих формальных институтов, регулирующих порядок коллективного взаимодействия собственников в отношении общего имущества, с ранее действовавшими (примерные уставы жилищно-строительных кооперативов (ЖСК) 1939–1962 гг. и колхозов 1930–1988 гг.) одной

из причин вышеуказанного кризиса представляется отсутствие санкций по Д. Норту за неучастие собственников в ОС и/или непринятие соответствующих решений в отношении общего имущества в МКД.

Кроме того, уставами в той или иной мере предусматривалось «изгнание из общины». Основанием было решение ОС членов ЖСК, т.е. самой общины, об исключении без предоставления другого жилого помещения, что способствовало повышению ее однородности. В настоящее время принудительное лишение права собственности на жилое помещение предусмотрено, но в судебном порядке и для случаев использования помещения не по назначению, создания угрозы его разрушения.

Таким образом, в жилищной сфере трансформация института собственности от всеобщности коллективных форм к стремлению обеспечить тотальное господство частной собственности в сочетании с курсом на гарантированное сохранение жилья представляется одной из причин отмечаемых проблем в управлении МКД в России в части организации и проведения ОС как способа реализации правомочий собственников. Это порождает процедурные нарушения при проведении ОС либо фальсификацию их результатов, поскольку наличие протоколов ОС собственников МКД является необходимым условием для его управления и функционирования.

Литература

1. Елифанцев А.В. К вопросу о совершенствовании правовых основ организации эксплуатации объектов недвижимости в жилищной сфере // Сибирская финансовая школа. 2006. № 4 (61). С. 18–22.
2. Литвинцев Д.Б. Многоквартирные дома в России: чем многолюднее, тем безответственнее // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке: сборник материалов XIV Международной научной конференции «Сорокинские чтения». М. : МАКС Пресс, 2020. С. 93–97.

УДК 330.342.24

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-43

Е.Е. Жернов

Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева

ФОРМИРОВАНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ ОБЩЕСТВА 5.0: НАУЧНЫЙ И ГУМАНИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: социум, институты, цифровизация, гуманизация

Становление цифровой экономики сопровождается появлением формальных и неформальных институтов, обеспечивающих движение общества по направлению к «обществу 5.0» путем научно обоснованного, этически выверенного регулирования технических процессов цифровизации.

Согласно программе создания такого общества, разработанной японской федерацией бизнеса «Кэйданрэн», «Общество 5.0» – это социально-экономическая и культурная система, основанная на экспоненциальных технологиях. Она делает реально выполнимым развитие науки и технологий на благо каждого члена общества. Цель национального проекта – сделать японцев нацией, самой благоприятной в мире для инноваций. Для её достижения в Японии существует Национальный институт продвижения цифровой экономики и цифрового общества [2].

Задание создать благоприятную для разрешения социальных проблем и обеспечения устойчивого роста экономики среду поставлено в «Пятом базовом научно-техническом плане» Японии. Научный аспект её реализации включает создание при поддержке государства и участия частного бизнеса эффективного исследовательского сообщества. Методоло-

гической базой его деятельности служит модель «открытой науки»: полученные в исследованиях результаты будут предоставлены и научному сообществу, и частным предпринимателям. Важно, что в основу формирования институциональной среды заложена совместная деятельность бизнес-сообщества, научно-исследовательских организаций и вузов. Воплощается она в комплексе с преобразованием механизма отношений правительства и этих организаций. Формирование институциональных условий направлено на достижение целей устойчивого развития, включая создание «умных» пространств в интеллектуальных экосистемах, где «всё взаимодействует со всем».

В меньшей степени просматривается в Концепции идея соразмерности общества 5.0 и человека. Согласно японской традиции, первичным признается общество, человек – вторичен. Идея Общества 5.0 – оптимизация через интеграцию физического и киберпространства ресурсов потребления всего социума, а не одного человека. Предполагается, что потреблять каждый член общества будет в соответствии со своими нуждами, а вкладывать по своим возможностям. Поспособствует ли такая идеология внутреннему единству общества и всестороннему развитию человека покажет время. Тем не менее, цельная японская концепция «Общество 5.0», со стратегическими программами и практиками реализации в социальной сфере, может быть интересна для России.

Сделав цифровизацию экономики приоритетным направлением развития страны, правительство России определяется с собственным подходом в этой области. Создание необходимых и достаточных условий институционального характера занимает надлежащее место среди целей Программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Весомый аргумент в пользу идеи решения социальных проблем за счет использования цифровых технологий – высокая эффективность в пандемию COVID-19.

В обществе 5.0 рыночной экономике в соответствии с этическими предпосылками эффективного хозяйствования следует установить четкие антропосоциальные рамки. Объективно они обусловлены прогрессом научного знания человека, труду которого должны быть возвращены душа и достоинство [1, с. 287], отнятые гиперавтоматизацией. Только тогда общество может быть морально-ценностно и научно ориентированным. Учет научного и гуманистического аспектов – целесообразный путь теоретического поиска и практического обеспечения требуемого институтом хозяйственной этики баланса между цифровизацией и гуманизацией экономики общества 5.0.

Литература

1. Рёпке В. Гуманистическое общество // Социальное рыночное хозяйство – основоположники и классики. М. : Весь Мир, 2017. С. 274–293.
2. Уэмура, Н. Стратегия «Общество 5.0» // Известия. – 2017. – 11 авг. – URL: <https://iz.ru/630395/tcifrovaia-ekonomika-opyt-iaponii>.

УДК 330.8

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-44

А.П. Заостровцев

*Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения*

КРИТИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Ключевые слова: критические моменты, раскол или шок, самовоспроизводство институтов, длительное наследие

Теория критических моментов (*critical junctures*) – относительно новая теория, хотя ее концептуальные основания связывают с публикацией С. Липсета и С. Роккана [4]. Однако в обобщенном виде она впервые была представлена 40 лет спустя Дж. Капоччия и Р. Келеме-

ном [2]. В дальнейшем Капоччия развил ее, показав связь критических моментов с институциональными изменениями [1].

Д. Коллиер и Дж. Мунк определили критический момент как главный эпизод институциональной инновации, обладающий отчетливыми характеристиками и порождающий длительное наследие (*legacy*). Эпизоды эти могут быть самыми различными, но объединяет их то, что они есть результат раскола (*cleavage*) или шока. Последствиями являются долгоживущие, стабильные институты с заложенным в них механизмом самовоспроизводства [3, р. 2–3].

Коллиером и Мунком рассмотрена следующая логическая цепочка: предпосылки → раскол (или шок) → критический момент → механизм производства (шаги, последовательность которых создает наследие) → наследие [3, р. 3]. Опишем ее несколько более подробно.

Авторы в общем плане говорят о предпосылках как различных характеристиках экономики, общества и политики. При этом ставят в качестве дискуссионного вопрос о том, могут ли «критические предпосылки» строго детерминировать конкретные формы критического момента? Относительно же расколов или шоков отмечается, что их нельзя смешивать с самим критическим моментом.

Поскольку определения критического момента дано ранее, перейдем к производству институтов. Обращается внимание на то, что ему способствует возрастающая отдача от них, являющаяся причинным механизмом данного процесса. И в конце цепочки возникают долгосрочные и стабильные институты (наследие), которые самовоспроизводятся. При этом авторы ставят равенство между этим конечным звеном и, например, институциональными ловушками (*lock-in*) или зависимостью от траектории предшествующего развития (*path dependence*).

Как это наследие связано с критическим моментом? Появление наследия детерминирует предшествующее событие как критический момент. «Если наследие не возникает, то предыдущий эпизод не рассматривается как критический момент» [3, р. 6].

Схема Коллиера-Мунка позволяет интерпретировать поворотные моменты истории с позиции институциональной теории. В нее, например, хорошо укладывается история Литовской республики в XX в. С ее помощью можно интерпретировать и радикальное различие институтов Литвы и Беларуси, несмотря на наличие длительного периода общей истории. В случае Литвы критический момент (провозглашение государственного суверенитета в 1918 г.) привело к образованию наследия в виде самовоспроизводящихся государственных институтов, в случае Беларуси объявленный в том же году суверенитет не закрепился в форме наследия. Это и определило расхождение их исторических траекторий в XX в.

Литература

1. Capoccia G. Critical Junctures and Institutional Change // *Advances in Comparative-Historical Analysis* / J. Mahoney, K. Thelen (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 147–179.
2. Capoccia G., Kelemen R.D. The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism // *World Politics*. 2007. Vol. 59, № 3. P. 341–369.
3. Collier D., Munk G.L. Building Blocks and Methodological Challenges: A Framework for Studies Critical Junctures // *Qualitative and Multi-Method Research*. 2017. Vol. 15, № 1. P. 2–9.
4. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Arguments: Introduction // *Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives* / S.M. Lipset, S. Rokkan (eds.). New York: Free Press, 1967. P. 1–64.

А.И. Иванова

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

ДЕМОГРАФИЯ РОССИЙСКИХ ИТ-КОМПАНИЙ: СОСТОЯНИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Ключевые слова: ИТ-компании, бизнес-демография, региональные детерминанты, метод Ареллано-Бонда.

Цифровые технологии являются ключевым фактором экономического роста, инноваций и производительности, они трансформируют множество отраслей экономики и социальной сферы [3]. Большинство стран – мировых лидеров выделяет развитие сектора информационных технологий в качестве приоритета национального и регионального развития [1]. Кризис, вызванный вирусом COVID-19, продемонстрировал безусловную необходимость ускорения развития цифровых технологий в современном мире. Во время пандемии сектор информационных технологий стал одним из главных драйверов экономики. Технологические решения обеспечили инфраструктуру и непрерывность процессов производства и жизнедеятельности в дистанционном режиме [2].

Наша работа направлена на исследование развития российских компаний сектора информационных технологий с позиций бизнес-демографии и оценку региональных детерминант, влияющих на их создание и ликвидацию.

В результате проведенного исследования на основе использования микроэкономических данных базы СПАРК за 2010–2017 гг. было получено, что в России сформировалась устойчивая тенденция перемещения активности компаний, действующих в сфере информационных технологий, в направлении с востока на запад, что приводит к росту концентрации ИТ-компаний в немногочисленной группе регионов с доминированием столичных центров: городов Москва и Санкт-Петербург.

Региональные детерминанты оказывают значимое воздействие на бизнес-демографию ИТ-компаний. Создание новых ИТ компаний активнее происходит в крупных регионах с высокообразованным населением и инновационно-активными предприятиями. Исчезновение ИТ-компаний значимо зависит от развития финансовой инфраструктуры, обеспечивающей доступ к финансированию и формирующей стоимость финансовых ресурсов, при этом детерминанты развития в регионах Европейской и Азиатской частей России различаются. Стоит отметить, что менее развитая финансовая инфраструктура приводит к закрытию ИТ-компаний в Сибири и в восточной части нашей страны быстрее, чем в европейской части и на Урале, о чем свидетельствуют величины лагов, с которыми переменные, характеризующие доступ к финансам, были включены в модель.

Исследование выполнено в рамках государственного задания Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (проект 5.6.1.5. (0260-2021-0003) «Теория и методология исследования устойчивого развития компаний высокотехнологичного и наукоемкого сектора экономики в контексте глобальных вызовов внешней среды, технологических, организационных и институциональных сдвигов»).

Литература

1. Кравченко Н.А., Халимова С.Р., Иванова А.И. Сектор информационно-коммуникационных технологий в России: тенденции и региональные детерминанты развития // Регион: экономика и социология. 2020. № 1 (105). С. 44–76.
2. TAdviser. В 2020 году российский ИТ-рынок рос быстрее, чем до пандемии. Главные цифры. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:ИТ-рынок_России
3. Fritsch M., Wyrwich M. (). Regional Emergence of Start-Ups in Information Technologies: The Role of Knowledge, Skills and Opportunities // Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13, № 2. P. 62–71.

М.В. Иванова

*Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

МОНОГОРОДА РОССИИ: НОВЫЙ ЭТАП ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: моногород, градообразующее предприятие, меры поддержки, проблемы моногородов

Монопрофильные муниципальные образования (моногорода) – особое наследие индустриального прошлого РФ, в своем большинстве образованные в середине прошлого века с набором четких промышленных функций и прилегающей инфраструктурой. Многие моногорода, в период становления, позиционировались как комфортные и перспективные места для проживания и профессиональной деятельности, поэтому привлекали лучшие высококвалифицированные кадры страны. Целевая поддержка градообразующих предприятий (ГП) со стороны государства выступала гарантом стабильного функционирования моногородов, формируя непонимание и отсутствие заинтересованности со стороны органов местной власти работать над эффективностью городского управления.

Этап становления рыночной экономики охарактеризован снижением или полным прекращением деятельности многих ГП. В этот период функционирование большинства моногородов приобрело массовый кризисный характер. Особенно остро процессы социально-экономического упадка ощущались в территориально-изолированных моногородах.

Низкий уровень диверсификации экономики; слабо развитая транспортная сеть; истощение первичного ресурсного и целевого потенциала; низкий инвестиционный климат; социальная и экономическая незащищенность населения; износ объектов инженерной инфраструктуры стали отличительными признаками современных моногородов.

На 01.01.2021 г. перечень моногородов РФ включает 321 муниципальное образование, которые расположены в 63 субъектах РФ, с наибольшей концентрацией в Кемеровской (24), Свердловской (17) и Челябинской областях (16). Наиболее сложная социально-экономическая ситуация отмечается в 98 моногородах, где проживают порядка 4,14 млн чел. Кемеровская (9) и Челябинская (7) области, Республика Карелия (6) и Пермский край (6) являются лидерами по локализации кризисных моногородов [1].

В перечень моногородов не входят нефте- и газодобывающие поселения. Несмотря на «классическую» моноэкономическую структуру их функционирование не является регрессивным ввиду востребованности продукции «сильных» ГП на региональных и международных рынках.

В современной практике стратегического развития РФ (с 2014 г.), приоритетным направлением преодоления кризиса моногородов выступает усиление уровня диверсификации экономики путем формирования конкурентного инвестиционно – привлекательного климата. На 01.01.2021 перечень целевых мер поддержки моногородов включает 114 позиций. Несмотря на значительную дифференциацию монопрофильных образований, меры поддержки едины для всех типов и категорий моногородов и не предполагают поддержку ГП.

Выполненный автором социологический опрос жителей 152 моногородов позволил оценить восприятие населением возможных социальных эффектов от программ поддержки. Положительные изменения отмечены 49% респондентов, при этом 66% опрошенных не удовлетворены качеством жизни, 90% жителей считают, что предпринимаемые меры не достаточны.

Результаты анализа изменений социально-экономических показателей моногородов указывают на незначительные положительные сдвиги, преимущественно в крупных моногородах с уже диверсифицированной экономикой и действующим ГП.

Попытки нивелировать влияние ГП в исторически сложившейся моноотраслевой структуре города не сформировали устойчивых положительных трендов социально-экономического развития, при этом генезис моногородов показывает, что исключительно целевая поддержка ГП, также формирует значительные риски для экономики моногорода.

Автор считает, что для повышения эффективности программ поддержки моногородов меры должны быть комплексными, включающими поддержку ГП, а также индивидуализированными с учетом частных показателей функционирования каждого монопрофильного образования.

Литература

1. Об утверждении перечня моногородов РФ. Распоряжение Правительства РФ: от 29.07.2014 № 1398-р. URL: <http://base.garant.ru/70707138/>

УДК 336

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-47

К.А. Иванова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ИНВЕСТИЦИОННЫХ СЧЕТОВ ТИПА Б

Ключевые слова: индивидуальные инвестиционные счета, тип А, тип Б

В 2015 году в России появились индивидуальные инвестиционные счета – финансовый инструмент, успешно функционирующий в развитых странах. Помимо получения дохода от инвестирования, он позволяет претендовать на налоговые льготы. В статье рассмотрены основные положения о состоянии и развитии индивидуальных инвестиционных счетов в России, в частности об индивидуальных инвестиционных счетах типа Б, а также отражены некоторые проблемы и пути их решения.

В России одним из финансовых инструментов, позволяющих населению участвовать в инвестиционной деятельности, является индивидуальный инвестиционный счет (далее ИИС). Инструмент был введен в конце 2013 года через внесение поправок в Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ [1].

В настоящее время на рынке ценных бумаг России выделяется два типа ИИС. Они условно обозначаются далее, как «тип А» и «тип Б».

ИИС типа А – это основной, базовый, первоначальный тип ИИС, введенного в России. Он привлекателен тем, что предоставляет «вычет на взнос», т.е. обеспечивает своему владельцу возврат 13% (ставки НДФЛ) от суммы ежегодного взноса на ИИС при одновременном получении дохода от операций по ИИС (после уплаты налогообложения) [2].

ИИС типа Б – это второй тип ИИС, введенный позднее, который интересен тем, что предоставляет «вычет на инвестиционный доход», т.е. позволяет своему владельцу получать доход от операций по ИИС, не облагаемый налогом в 13% [2].

Сама концепция ИИС, равно как и их эффективность до сих пор находится под сомнением. По ИИС типа А заявлена идея о чрезмерности налоговых льгот, а по ИИС типа Б – слабая распространенность и отсутствие широкого обсуждения [3].

Единственный достоверный источник по фактическим возмещениям по ИИС типа А и Б является сайт ФНС [4]. На основе сведений ФНС составлена сводная таблица по сумме налоговых вычетов ИИС типа А и Б за 2015–2019 гг. Так как декларационная компания за 2020 год еще не завершена, то данные о налоговых вычетах за 2020 г. в настоящее время недоступны.

Сумма налоговых вычетов ИИС типа А и Б за 2015–2019 гг.

Отчетный период	Сумма вычетов по ИИС типа А, тыс. руб.	Число граждан, получивших вычеты по ИИС типа А, чел.	Сумма вычетов по ИИС типа Б, тыс. руб.	Число граждан, получивших вычеты по ИИС типа Б, чел.
2015	329 023	8 666	-	
2016	861 073	21 078	-	
2017	1 825 094	42 495	-	
2018	3 295 896	79 792	269 145	121
2019	6 488 516	165 690	69 420	169
ИТОГО	12 799 602	318 171	338 565	290

Общая сумма вычетов за период 2015–2019 гг. по ИИС типа А составляет 12 799 602 тыс. руб., в то время как сумма вычетов по ИИС типа Б составляет всего лишь 338 565 тыс. руб. За весь период действия ИИС на вычеты типа Б заявили лишь 290 человек по сравнению с 318 171 гражданином по ИИС типа А. Конечно, следует учитывать тот фактор, что вычет по ИИС типа Б возможен только по истечению трех лет, соответственно только в 2018 г., начиная с даты старта индустрии ИИС. Однако, анализируя суммы вычетов за последние 2 года мы можем прийти к выводу о том, что ИИС типа Б распространены чрезвычайно слабо. Это обусловлено рядом следующих факторов:

Во-первых, налоговый вычет по ИИС типа А более понятен и предсказуем для инвестора, вычет типа Б зависит от ситуации на российском рынке и имеет отложенный налоговый эффект.

Во-вторых, препятствием в развитии ИИС типа Б является недостаточная информационная поддержка, недоверие инвесторов, а также чрезмерность льгот по ИИС типа А.

И, в-третьих, общей проблемой для ИИС первого и второго типа является отсутствие системы страхования денежных средств, размещаемых на ИИС, что является их недостатком по сравнению с банковскими депозитными вкладами.

Таким образом, для развития ИИС типа Б, помимо повышения финансовой грамотности населения, необходимо шире использовать опыт зарубежных стран, распространив механизм использования ИИС на накопительные пенсионные программы.

Литература

1. О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.
2. Финам.ру. URL: www.finam.ru/investor/iis (дата обращения: 20.12.2020).
3. Беломытцева О.С. О развитии индивидуальных инвестиционных счетов типа Б // Финансы и кредит. 2021. Т. 27, № 7. С. 1476–1495.
4. Данные по формам статистической налоговой отчетности. Сайт ФНС РФ. URL: www.nalog.ru/rn54/related_activities/statistics_and_analytics/forms/#1 (дата обращения: 10.09.2021).

УДК 331:658

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-48

Е.М. Каз

Национальный исследовательский Томский государственный университет

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УПРАВЛЕНИЯ: РОЛЬ ФАКТОРА «ДОВЕРИЕ»

Ключевые слова: управление организацией, доверие, человеческие ресурсы, социально-психологические аспекты управления

В докладе доверие в организации выдвигается на роль фактора, играющего определяющую роль в процессе управления человеческими ресурсами.

Проведенное автором анкетирование в одной из организаций г. Томска об уровне доверия, степени выполнения сотрудниками функциональных обязанностей, качества их труда, а также о ряде социально-экономических параметров: удовлетворенность заработной платой; общая удовлетворенность трудом; уровень самореализации в труде; условия труда; уровень руководства, позволило прийти к следующим выводам.

1. Выявлена положительная корреляция на уровне 0,502 между доверием и результатами трудовой деятельности (корреляционные связи значимы при $p=0,05$).

2. Установлена высокая положительная корреляция на уровне 0,781 между доверием и внутрифирменными «рамочными условиями» (приемлемый уровень доверия), в качестве которых выступают структурные особенности организации, стадия жизненного цикла и особенности конфигурации организации по Г. Минцбергу [1]. Итак, проведенное эмпирическое исследование позволило установить: те первичные трудовые коллективы, в которых выше уровень доверия, имеют более высокую результативность труда [2].

Полученные результаты позволили разработать ряд инструментов изучения доверия в организации и методику управления уровнем доверия. Предложенный автором методический подход включает ряд этапов: оценка приемлемого уровня доверия в подразделениях (I этап); оценка фактически сложившегося уровня доверия в подразделениях компании (II этап); картирование расхождений между приемлемым и сложившимся уровнем доверия (III этап).

В свою очередь, I этап включает: определение конфигурации организации; идентификацию стадии жизненного цикла, на которой она находится; выделение и классификация структурных частей организации; количественную оценку по каждому подразделению приемлемого уровня доверия. Что касается II этапа, то он осуществляется путем анкетирования сотрудников подразделений. Оценка и последующее картирование подразделений по степени востребованности механизмов доверия (III этап) автор предлагает определять путем расчета разности баллов, полученных каждым подразделением на I и II этапах. Подразделения, получившие наиболее высокие оценки на III этапе, признаются наиболее остро нуждающимися в развитии механизмов доверия.

Предлагаемый автором методический подход позволил не только выявить подразделения в исследованной организации, наиболее остро нуждающиеся в укреплении доверия, но и предложить новый подход к формированию резерва для ротации руководителей и отбора претендентов на руководящие должности в «проблемные подразделения», содействующий повышению результативности труда и улучшению качества социально-психологического климата в коллективе.

Литература

1. Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации. СПб. : Питер, 2004. 512 с.
2. Каз Е.М. Доверие в организации и результативность деятельности: от модели к инструментам // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2021. № 53. С. 111–122.

УДК 332.12, 338.242.4

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-49

Д.В. Кайнов, О.В. Тарасова

*Новосибирский государственный университет,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН*

О ВЗАИМОСВЯЗИ УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ И ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЕГИОНАХ РФ

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, инвестиционные проекты, отраслевая структура, кластеризация регионов

Исследование посвящено анализу развития сферы государственно-частного партнерства (ГЧП) в России на региональном уровне. Гипотеза составлена на основе анализа общемировых тенденций, показывающих, что в более развитых территориальных образованиях портфель ГЧП проектов имеет крен в социальную сферу и инновации, тогда как в развивающихся странах – в сторону базовой инфраструктуры: крупных транспортных проектов, энергетики [1]. Так, государство допускает и приглашает бизнес в те отрасли общественной сферы, развитие которых будет способствовать решению наиболее насущных на текущий момент проблем и задач.

Цель работы – выявить, как соотносятся уровень экономического развития и конфигурация состояния ГЧП в регионах РФ.

Информационной базой служит ФСГС и база ГЧП проектов платформы РОСИНФРА.

На первом этапе регионы РФ были разделены на 5 кластеров по уровню экономического развития. Для отнесения регионов к тому или иному кластеру использовались данные по ВРП, ВРП на душу населения, объему отгруженных товаров и специализации регионов. Если в регионе высокие показатели ВРП, высока диверсификация по отраслям, имеются прогрессивные отрасли специализации – регион относится к лидерам (кластер 5). Если же показатели ВРП низкие, экономика зависит от одной отрасли, не имеется интересных специализаций – регион признается аутсайдером (кластер 1).

Далее сформированы 5 кластеров регионов в зависимости от уровня развития ГЧП. Для кластеризации регионов использовались суммарные объемы инвестиций и количество проектов, доля региона в той или иной сфере. Если региональный пул ГЧП проектов диверсифицирован, законтрактованы большие инвестиции и реализуются большое количество проектов, если преобладают прогрессивные сферы, такие как IT-инфраструктура, благоустройство и инженерно-техническая инфраструктура, социальная инфраструктура, а также имеются крупные проекты в других отраслях – регион относится к лидерам (кластер 5). Если же проектов мало, инвестиции невысоки, а также главной специализацией в ГЧП является базовая инфраструктура: коммунальная и транспортная сфера, то регион признается аутсайдером (кластер 1).

На рис. 1 приведены результаты сопоставления кластеризации регионов РФ по двум описанным выше принципам.

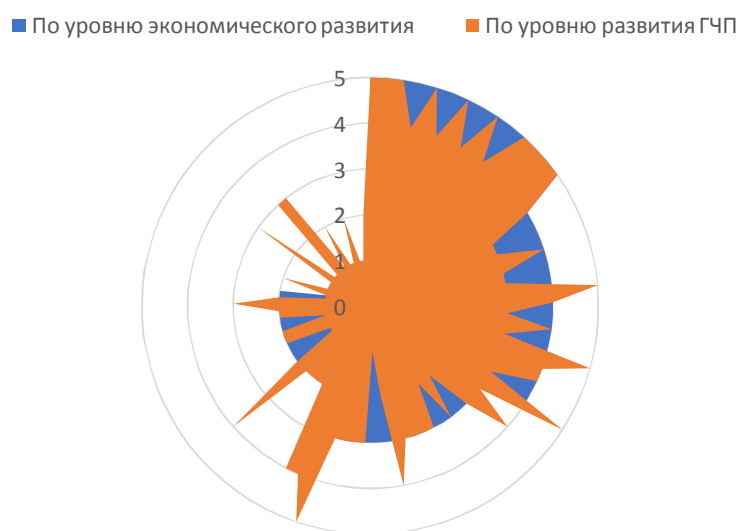

Рис. 1. Соотношение присутствия регионов в кластерах по уровню экономического развития и уровню развития ГЧП

Получилось, что 49 из 85 регионов (58%) попали в одинаковые кластеры. Это достаточно высокое значение, поэтому можно считать, что существует взаимосвязь между уровнем экономического развития региона и направленностью ГЧП. Для остальных регионов от-

мечаются различия лишь на одну ступень, кроме республик Алтай, Бурятия, Крым, Амурской, Магаданской и Ульяновской областей, Камчатского края. При этом Крым, имея поддержку от государства в других формах, попросту не стремится развивать ГЧП. Тогда как остальные 5 регионов, по всей видимости, инициировали большую работу по задействованию ГЧП для решения задач своего социально-экономического развития.

Таким образом, нами показано, что чем более развитым является субъект Федерации, тем более диверсифицированной является структура проектов ГЧП в нем, тем выше суммарные инвестиции в ГЧП сфере, и тем более капиталоемкими становятся отдельные проекты. Кроме того, в более развитых регионах реализуются ГЧП проекты в инновационной сфере, а также в отраслях, способствующих росту человеческого капитала через обеспечение доступности объектов социальной инфраструктуры.

Литература

1. Кельбах С.В., Сигова М.В. Анализ международной практики реализации и финансирования проектов государственно-частного партнерства в развитии региональной инфраструктуры // Управленческое консультирование. 2015. № 9. С. 54–63.

УДК 364.046

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-50

М.С. Камзабаева

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ ИНВАЛИДОВ

Ключевые слова: инвалиды, учреждения, социальные услуги, интеграция, государственное регулирование

Ситуация с социальным обслуживанием взрослых инвалидов в России является проблемной: по достижении 18 лет инвалиды и их семьи (опекуны) оказываются в социальной изоляции.

В национальном стандарте РФ «Социальное обслуживание населения. Типы учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов» приводятся различные типы учреждений (таблица).

Виды учреждений в стандарте РФ «Социальное обслуживание населения. Типы учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов»

Виды учреждений	Периоды оказания социальных услуг
Учреждения стационарного социального обслуживания	Постоянное, временное (сроком до шести месяцев) и пятидневное (в неделю) проживание
Учреждения полустационарного социального обслуживания	В течение определенного времени пребывания клиентов
Учреждения социального обслуживания на дому	По месту жительства граждан
Учреждения срочного социального обслуживания	Услуги разового характера

Несмотря на потенциальное разнообразие организационных форм социального обслуживания инвалидов, в настоящее время в России доминируют стационарные учреждения постоянного пребывания, что предполагает изъятие инвалидов из семьи.

Так, в регионах практически нет учреждений полустационарного типа, социального обслуживания на дому и срочного социального обслуживания. Между тем семьи с взрослыми инвалидами остро нуждаются в услугах ассистентов-помощников, сиделок.

Такая ситуация является прямо противоположной сложившимся современным зарубежным системам социального обслуживания инвалидов, основной идеей которых является интеграция инвалидов в общество, обеспечение им возможности работать, учиться, общаться в условиях проживания в семье. Примером инновационного подхода к этой проблеме является Финляндия, где «специальными услугами для ДЦП-инвалидов являются жилищные услуги, помощь в трудовой и повседневной деятельности, семейный подход, а также стационарное обслуживание. К жилищным услугам для ДЦП-инвалидов относится организация жилья с обслуживанием, жилья с частичным обслуживанием, жилья с помощью инвалидам и запрограммированное проживание. Доля стационарных учреждений в жилищных услугах все время уменьшается в связи с переходом на новые формы проживания» [2].

В нашей стране такая помощь только разворачивается, например, Новосибирская область стала одним из регионов РФ, где начали в пилотном режиме внедрять систему длительного ухода за пожилыми людьми и инвалидами [3].

Другая особенность инфраструктурного обеспечения взрослых инвалидов заключается в преобладании государственных и муниципальных организаций, в которых недостаточно мест. Есть единичные примеры частных домов престарелых и инвалидов, центров, работающих со взрослыми инвалидами. Как правило, такие организации ориентированы на работу с клиентами с высокими доходами.

Развитие системы длительного ухода для взрослых инвалидов требует инновационных подходов к этой проблеме. Очень важно привлечь в эту сферу коммерческий и некоммерческий секторы, которые могут предложить различные инновационные методы и бизнес-модели. При этом социальные предприниматели и некоммерческие организации для своего развития нуждаются в мерах государственной поддержки.

Литература

1. ГОСТ Р 52880-2007. Социальное обслуживание населения. Типы учреждений социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов (утв. приказом Ростехрегулирования от 27.12.2007 № 558-ст).
2. Социальное обслуживание в Финляндии. Министерство социального обеспечения и здравоохранения Финляндии, 2007.
3. Рузанова Н. Не один дома. Как оформить социальное обслуживание пожилого человека // Российская газета. 2020. № 88 (8142).

УДК 330

JEL B25, H 79

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-51

Е.А. Капогузов

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

МЕТОДОЛОГИЯ ОЦЕНКИ ТРАНСФОРМАЦИИ ИМПОРТИРОВАННЫХ ИНСТИТУТОВ

Ключевые слова: институциональная среда, импорт институтов, методология оценки трансформационных процессов

Процесс импорта институтов, как и другой экономический процесс имеет свое измерение с позиций эффективности и результативности. Критерием отнесения институтов к импортируемым являются:

1) Происхождение института, его изначальное функционирование и формальное описание (кодификация для формальных и фиксация в письменных источниках для неформальных) происходило в других странах (донорах института).

2) В разработке аналогичного, по содержанию, формального института участвуют зарубежные консультанты и эксперты и/или представители иностранных или наднациональных организаций.

Институты, возвращенные, получившие распространение и адаптированные к определенной институциональной среде начинают функционировать в других странах, вставших на путь структурных и институциональных реформ и «догоняющего институционального развития». Зачастую институты импортируются «пакетно», создавая, по сути, новую институциональную структуру, в которой меняются не только формальные «правила игры», но и механизмы мотивации и управления объектами модернизации; культурная среда как внутри модернизируемых структур, так и вокруг них.

Под влиянием специфики национальной институциональной среды импортированные институты трансформируются. В этой связи элементами методологии оценки такой трансформации являются: 1) Выявление параметров и характеристик (в частности особенностей, специфических черт и т.д.) национальной институциональной среды 2) Выявление импортируемых институтов, изменяющихся (адаптированных) под влиянием институциональной среды 3) Измерение параметров импортируемых институтов и институциональной среды, в том числе их взаимовлияние 4) оценка результатов измерения, как качественная (бинарная), так и количественная.

Выявление того, в какой степени институциональная среда меняется с точки зрения взаимодействия с импортируемыми институтами, можно осуществить через легитимность институтов, определяемая через опросы адресатов норм и экспертов. При этом институты условно можно разделить на мета-институты, составляющие каркас «институциональной матрицы» и функциональные, относящиеся к формированию «правил игры» в определенной подсистеме.

Применительно к первым речь идет о базовых институтах капитализма – предпринимательству и частной собственности. Оценить их успешность под влиянием институциональной среды возможно через опросы, в частности ИС РАН, которые показывают, что отношение россиян к базовым экономическим институтам Y-матрицы – предпринимательству и частной собственности неоднозначно.

Если рассматривать в качестве примера функционального уровня импортированных институтов сферу высшего образования, то наблюдаются эффекты экзотации и дисфункции импортируемых в духе менеджериализма институтов («эффективные контракты», внедрение практикоориентированного обучения и др.). Результатом является рост транзакционных издержек и преимущественно адаптационная стратегия в поведении акторов.

Публикация подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при правительстве Российской Федерации по теме «Участие России в экспорте и импорте институтов»

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-52

Е.А. Капогузов, Р.И. Чупин

*Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН*

НАРРАТИВНАЯ РЕГУЛЯЦИЯ БРАЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РОССИИ: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ

Ключевые слова: семья, брак, ценности, нарративная регуляция, советская модель семьи

В современной России среди различных ориентиров, формирующих идеалы и образ семьи в общественном сознании, массмедиа остается одним из ключевых. В Общественном

проекте «Концепции государственной семейной политики Российской Федерации», на период до 2025 г., ослабление института и традиционных семейных ценностей в России, прямо увязывается с неблагоприятным информационным фоном. В предыдущих исследованиях, посвященных трансформации института семьи, а также способам институционального регулирования семейных отношений в России, выдвинута гипотеза о влиянии нарративов на сохранение традиционных семейных ценностей. В данном контексте семейные отношения могут образовывать множество нарративов, как историй с началом, серединой и финалом, содержащих некий социальный опыт. Однако, в случае с эмпирическим подтверждением влияния нарративов на формирования правил и регуляцию поведения экономических агентов, а также отделения этого влияния от иных институциональных условий, следует использовать более прочную методологическую базу.

При исследовании нарративов важно через употребление тех или иных «знаков» и интонации их употребления, уловить связь с правилом, которое в данном нарративе отображается. Представляется возможным использовать предложенный Греймасом и его последователями инструментарий для анализа преобладающих в российском обществе нарративов, с целью определения тенденций деинституционализации брака, в контексте различных форм семейных отношений. Для проверки тезиса, что государство «не совсем» должным образом использует имеющийся в его распоряжении инструмент институциональной регуляции – медиадискурса, далее предлагается частотный анализ наиболее популярной программы о семье, браке и замужестве на «Первом канале», а именно – передачи «Давай поженимся». Частотный анализ представляется наиболее простым и доступным методом обработки сюжетов программы, в результате применения которого выделяется список наиболее встречающихся слов, характеризующих доминирующий нарратив

Основой выборки выступила сетка выпусков передачи на официальном Youtube-канале «Давай поженимся». В процессе построения выборки генеральная совокупность дифференцировалась по годам выпуска с подразделением на главных участников ток-шоу женихов или невест. Общий объем выборочной совокупности составил 232 выпуска.

В результате проведенного анализа отмечается явная динамика в расширении нарратива как для «женихов» (далее – m-нарратив), так и для «невест» (далее – w-нарратив). Как и в российских СМИ, в передаче «Давай поженимся» для укрепления рациональности традиционной семьи используется антитеза в виде дурного примера иных (нетрадиционных) форм семейных отношений, в числе которых сожительство (пробный брак), гостевой (экстерриториальный) брак, синдром «вечной молодости». Как и в случае с другими СМИ, в передаче критика альтернатив модели идеальной семьи часто смешивается с пониманием брака среди населения, способствуя тем самым тенденциями деинституционализации. Основой для расщепления института через нарративы медиа является смысловой подлог ценностей, которые, несмотря на их позитивную роль в других сферах, считаются разрушительными в браке.

Выводится ключевая причина вступления/заключения брака – социальное взросление, которое гарантирует в случае соблюдения норм и правил, приписываемых традиционными ценностями. Семейное счастье рассматривается как возможность заместить материальный эгоистичный достаток одиночества путем рождения детей, заботы о них и получения самостоятельного имущества. В противоречии указанных ценностей раскрывается суть кризиса, ускоряющего тенденции деинституционализации брака. С одной стороны, иллокутив рождения ребенка свойственен традиционным ценностям, с другой, также характеризует двойственное гендерное начало, в рамках которого смещается роль женщины в семье. При этом доминирующие нарративы семейных отношений ретранслируют все из указанных ценностей, в большей степени смещая фокус внимания общества от традиционных догм. Дело в том, что в современном российском обществе семья сама по себе утрачивает функции экономического фундамента, трансформируясь в источник возникновения деприваций. Ценностный кризис обнажает очень тревожные и болезненные процессы, и было бы неправильно не замечать и не говорить о них. Но также неправильно было бы считать, что все про-

странство ценностного кризиса сводится сегодня к разводам, насилию над детьми, неконтролируемым сексуальным связям и брошенным старикам с упором на деинституционализацию брака. Реальный кризис строится на фундаментальном противоречии внутри традиционных ценностей и в попытке его разрешения посредством культивации «внешнего врага», в виде западной «ложной» модели семьи. Подлинный ценностный кризис развивается вокруг советской модели семьи, у которой не было собственности, но имелись общие цели, ради которых женщине вменялась помимо всего прочего необходимость работать, и условно обновленной христианской модели, где семейные отношения базируются на прочном фундаменте собственности, но женщина лишена многих прав. Христианская традиция была популярна в докризисный период, когда реальные доходы россиян находились в стабильном росте, тогда как замещения традиционных ценностей на советские идеалы стало происходить после усугубления геополитической ситуации в 2014 г. и падения доходов россиян. В условиях же COVID-19 возникла попытка объединить эти модели и усилить нападки на внешний образ. Однако, как в медиадискурсе, так и в социальной реальности, объединение изначально противоречивых идей в единый нарратив приводит к конфликту внутри самой традиции и чейлдфри/аффеക്ഷонадо и феминизацию нарративов.

УДК 338.2

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-53

А.Л. Карпов

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВАКЦИНАЦИИ

Ключевые слова: институциональные проблемы, государственная политика, вакцинация

Вакцинация является основным инструментом борьбы со многими вирусными заболеваниями, в том числе и с коронавирусом. Решение проблемы обеспечения высокого уровня вакцинации является ключевым вопросом в процессе обеспечения безопасности и здоровья населения.

Российская Федерация является одной из первых стран, которая смогла создать собственную вакцину от коронавируса. Но при этом уровень вакцинации в Российской Федерации на настоящий момент плохо выглядит по сравнению с другими странами. На 26 августа 2021 г. полностью привиты в РФ 24,4% населения и 29,5% от населения привито хотя бы одним компонентом прививки. Этот показатель выглядит очень слабо по сравнению с рядом других стран.

При этом следует отметить тот факт, что проблема обеспечения высокого уровня вакцинации не является темой исключительно медицинских исследований. Экономисты также сделали существенный вклад в исследование этой проблемы. Одно из наиболее известных исследований принадлежит нобелевским лауреатам А. Банерджи и Э. Дуфло [1]. В рамках данного исследования они проводят эксперимент, в результате которого проверяют силу влияния дополнительных факторов, которые могут создать стимулы для родителей, принимающих решение о вакцинации детей. При этом исследователи предлагают воздействовать и на условия предложения, и на условия спроса.

Государственная власть в ряде развитых стран использовала данный опыт в ходе проведения вакцинации. Посмотрим, как в России использовали данные стимулы в ходе проведения вакцинации.

Воздействие на спрос. В России до июля месяца со спросом на вакцинацию были большие проблемы. Большинство населения не торопилось ставить вакцину. Причиной этого были не только различные страхи и опасения по отношению к вакцине, но и среди

желающих были большие опасения столкнуться с медицинской системой вакцинации. Государство приняло решение увеличить спрос административными методами: во всех регионах начали публиковать нормативные документы, которые обязывали работников государственных предприятий и ряда профессий проходить обязательную вакцинацию. В Омской области такое Постановление вышло 04.07.2021 г. [2]. Спрос на услуги вакцинации резко вырос.

Предложение. А вот с предложением услуги возникли большие проблемы.

1) Многие руководители организаций, в том числе и государственных, по сути, самоустранились от организации процесса вакцинации своих работников. Формально были опубликованы внутренние документы, обязывающие работников пройти вакцинацию с угрозами возможного отстранения от работы. Но при этом проблема поиска возможности прохождения вакцинации были возложены на самих работников и за счет их личного времени.

2) При обращении через сайт Госуслуги система распределения работала очень странно. Человек получал направление на вакцинацию не в соответствии с порядком обращения: обычный порядок очереди «первый пришел–первый ушел» не соблюдался; при этом направление на вакцинацию шло на медицинские учреждения, не соответствующие месту проживания. Выбор пункта вакцинации не предоставлялся. При этом сроки вакцинации в направлении не соответствовали тем срокам, в которые работники соответствующих предприятий должны их пройти.

3) При обращении в медицинские учреждения по месту жительства сроки вакцинации предлагались также не соответствующие требованиям к работникам, предъявляемым нормативными документами.

4) Последним вариантом прохождения вакцинации в срок в таких условиях было обращение в пункты вакцинации в торговых комплексах. По законам рынка там организовались классические большие очереди. Срок ожидания в очереди в этих пунктах был 4–8 часов при этом никакой гарантии того, что поставят вакцину, не было. Организацией очереди в этих пунктах никто не занимался, поэтому если ты не смог поставить вакцину в этот день, то приходишь в другой день и занимаешь очередь заново и проходишь все испытания заново. При этом помещения в этих пунктах для ожидания не были организованы в соответствии с требованиями социальной дистанции.

Литература

1. Banerjee A. Improving Immunization Coverage in Rural India / A. Banerjee, E. Duflo, A. Latif, R. Glennerster, D. Kothari // BMJ (online) URL: https://www.researchgate.net/publication/44607978_Improving_immunisation_coverage_in_rural_india
2. Постановление № 64 Главного государственного санитарного врача по Омской области от 04.07.2021 № 65 «О проведении профилактических прививок отдельным группам граждан по эпидемическим показаниям» / URL: http://www.55.rospotrebnadzor.ru/c/document_library/get_file?uuid=8e964c9a-11bd-48c6-ac48-b6fa2c907cfb&groupId=10156

УДК 336.76

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-54

Э.Р. Кашапова, М.В. Рыжкова

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Национальный исследовательский Томский государственный университет*

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ПИРАМИДЫ: ПОДХОД К ИССЛЕДОВАНИЮ

Ключевые слова: финансовая пирамида, мошенничество, экономический эксперимент

Развитие цифровых технологий на финансовом рынке способствовало устранению барьеров для входа на рынок непрофессиональных инвесторов, которые не обладают ни ин-

формацией, ни знанием, ни опытом. В этой связи актуализируются вопросы финансового мошенничества и работы финансовых консультантов-шарлатанов, «помогающих» непрофессиональным инвесторам принимать финансовые решения. Непрофессиональный инвестор, осуществляя выбор финансового инструмента для инвестирования, часто ориентируется только на обещание высокой доходности, не обращая внимания на другие характеристики, не обращая внимания на надежность представленной информации, и может стать жертвой финансовых пирамид.

Финансовые пирамиды имеют давнюю историю, и, кажется, должны уйти в прошлое с учетом всех принимаемых ограничительных мер в России, но и сегодня активно проявляется деятельность организаций, действующих по принципу финансовых пирамид. Современные формы финансовых пирамид мимикрируют под различного рода легальные финансовые организации, а также перемещаются в Интернет. По данным отчета Банка России в 2020 г. было выявлено 222 субъекта с признаками финансовой пирамиды, около половины из которых созданы в виде интернет-проектов [1].

Для выявления современных схем (форм), построенных по типу финансовых пирамид в марте 2021 г. был проведен мозговой штурм среди студентов технических специальностей Томского политехнического университета по теме «Новые формы финансовых пирамид в цифровой экономике». Количество участников 7 человек. Время проведения – 180 минут. В ходе группового обсуждения участники сопоставляли найденные признаки финансовых пирамид с предложенными организаторами мозгового штурма критериями и дополняли данный перечень, осуществляли поиск современных форм мошенничеств, имеющих признаки финансовых пирамид. В дальнейших исследованиях планируется повторить данную методику на участниках, более мотивированных на результат.

С целью выявления взаимодействия непрофессионального инвестора и финансового посредника, склонного проявлять отдельные признаки финансовой пирамиды, планируется проведение эксперимента.

Мы предполагаем, что из всех существующих схем с признаками финансовых пирамид наибольшую популярность и опасение вызывает использование брокерских приложений на телефоне и биткойн-пирамиды.

В ходе реализации проекта пользователи, которые относятся к разным социальным группам и имеют разный опыт инвестирования, будут иметь возможность проинвестировать в искусственно созданной оболочке. Они будут совершать операции, имитирующие инвестиции. Для этого будет разработан специальный программный комплекс, на который подаются как реальные сигналы от ряда активов, так и сигналы, имитирующие наличие сигналов на покупку и продажу. Дополнительно будет проводится анкетирование по определению психотипа участника эксперимента, его социальный статус и общий уровень грамотности в области рыночной торговли и общеэкономической ситуации в России и в мире.

Литература

1. Годовой отчет Банка России за 2020 год. Центральный Банк России. 2020. URL: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/32268/ar_2020.pdf (дата обращения: 10.06.2021).

С.Г. Кирдина-Чэндлер
Институт экономики РАН

«ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ СИНТЕЗ» В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ ИЛИ БУДУЩЕЕ?

Ключевые слова: экономическая теория, институциональный синтез, методология

Постоянная адаптация экономической теории к меняющейся практике на определенных этапах требует теоретического синтеза, в ходе которого происходит объединение различных (порой конкурирующих) исследовательских программ с целью разработки более адекватной методологии.

В ортодоксальной экономической теории было зафиксировано два важнейших синтеза – неоклассический синтез 1940–1960 гг. и новый неоклассический синтез 1990-х гг. Оба имели внутридисциплинарный характер. Однако разработанный инструментарий по-прежнему не позволяет изучать «риски системы как целого» и уверенно строить долгосрочные прогнозы экономического развития. Сложившаяся ситуация определяет актуальность исследований в рамках системной парадигмы, с помощью которой такого рода задачи можно решать.

В данном докладе предполагается, во-первых, обсудить характеристики системной парадигмы и проанализировать, почему эта парадигма слабо представлена в неоклассической ортодоксии. В этой связи будут рассмотрены мировоззренческие барьеры, связанные со спецификой представлений об экономике и социуме у современных экономистов-теоретиков, а также проанализированы методологические предпосылки неоклассической экономической теории, специфика которых также выступает барьером развития системной парадигмы в экономических исследованиях.

Во-вторых, в докладе будут обозначены контуры междисциплинарного «институционального синтеза», становление которого наблюдается в России с начала 2010-х годов, и показаны его отличительные особенности. Во-первых, он развивается за пределами экономической ортодоксии и осуществляется в ходе исследовательского сотрудничества гетеродоксальных экономистов с представителями социально-гуманитарных и естественных дисциплин, то есть является междисциплинарным (мультидисциплинарным). Во-вторых, основным предметом исследования в его рамках являются институты, или, более широко – мезоуровневые структуры, обеспечивающие целостность, воспроизводство и развитие социально-экономических систем. В-третьих, методологическую основу междисциплинарного сотрудничества в рамках «институционального синтеза» обеспечивают системная парадигма и опора на холистический подход. Мы покажем примеры «институционального синтеза», представленные в российской экономической литературе, и его практические результаты. В-третьих, мы обратим внимание на различия между «институциональным синтезом» за пределами ортодоксии и имплементацией институционального подхода в рамках ортодоксального экономического мейнстрима. В заключение будут обозначены перспективы дальнейшего развития теоретического междисциплинарного «институционального синтеза».

Д.В. Кислицын

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

ДИНАМИКА УРОВНЯ РЕСУРСНОЙ ЗАВИСИМОСТИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: РОЛЬ СУБНАЦИОНАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Ключевые слова: регион ресурсного типа, ресурсная зависимость, типологизация регионов России, субнациональные институты

Обширная литература посвящена роли институтов в объяснении различных траекторий экономического развития стран [1–7]. Гораздо меньшее внимание исследователей привлекала проблема определения причин различия в уровне развития на субнациональном уровне. Ряд автор продемонстрировали значимый эффект географических факторов на экономическое развитие регионов при отсутствии значимого эффекта субнациональных институтов [8–12]. Следовательно, исследования роли институтов на субнациональном уровне дают принципиально другие результаты, чем исследования институтов на национальном уровне: в то время как на национальном уровне есть убедительные свидетельства, что именно институты играют ключевую роль в долгосрочном развитии стран, то на субнациональном уровне ведущую роль играют географические факторы. Т. Миттон [12] объяснил эти различия доминированием национальных институтов над субнациональными и показал, что если регионы обладают достаточным уровнем фискальных полномочий, то различия в субнациональных институтах начинают оказывать влияние на экономическое развитие.

Оценка динамики уровня ресурсной зависимости российских регионов по двухфакторной модели типологизации, предложенной Курбатовой с соавторами [13] свидетельствует о том, что ключевым фактором, определяющим изменения в уровне ресурсной зависимости российских регионов, является политика федерального центра и крупнейших российских компаний, зачастую государственных, а не политика региональных органов власти. Так, последовательная политика федерального центра по освоению минерально-сырьевых запасов регионов Восточной Сибири способствовала перемещению ряда регионов в группы с высокой или очень высокой ресурсной зависимостью. Политика региональной власти оказывает влияние, например, региональные органы власти Красноярского края и Астраханской области достигли успехов в выстраивании партнерских отношений с крупнейшими федеральными компаниями – однако роль региональных органов власти низка и продолжает снижаться.

Россия, таким образом, соответствует закономерностям, описанным в литературе, исследующей влияние географии и институтов на развитие на субнациональном уровне. Решающую роль в развитии регионов играют географические факторы, роль субнациональных институтов мала. Правдоподобным объяснением положения вещей служит предложенное Т. Миттоном [12]: роль региональных институтов не значительна в результате доминирования институтов национального уровня, отсутствия автономии в процессе принятия решений, и прежде всего недостаточных фискальных полномочия. Различия на субнациональном уровне в таких институциональных факторах как защита прав собственности или регуляторная эффективность не являются определяющими в привлечении инвестиций, решающую роль играют приоритеты, сформированные на национальном уровне. Возможность повлиять на развитие региона для региональных органов власти сводится главным образом к эффективному встраиванию в проекты федерального центра.

Литература

1. Knack S., Keefer P. Institutions and economic performance: cross-country tests using alternative institutional measures // *Economics & Politics*. 1995. Vol. 7, № 3. P. 207–227. doi: 10.1111/j.1468-0343.1995.tb00111.x.

2. Mauro P. Corruption and growth // The Quarterly Journal of Economics. 1995. Vol. 110, № 3. P. 681–712. doi: 10.2307/2946696
3. Sachs J.D. Tropical underdevelopment // National Bureau of Economic Research Working Paper Series. 2001. W8119. doi: 10.3386/w8119.
4. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J.A. The colonial origins of comparative development: An empirical investigation // American economic review. 2001. Vol. 91, № 5. P. 1369–1401. doi: 10.1257/aer.91.5.1369.
5. Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. Reversal of fortune: Geography and institutions in the making of the modern world income distribution // The Quarterly Journal of Economics. 2002. Vol. 117, № 4. P. 1231–1294.
6. Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F. Institutions rule // National Bureau of Economic Research Working Paper Series. 2002. W9305. doi: 10.1023/B:JOEG.0000031425.72248.85.
7. Easterly W., Levine R. Tropics, germs, and crops: how endowments influence economic development // Journal of monetary economics. 2003. Vol. 50, № 1. P. 3–39. doi: 10.1016/S0304-3932(02)00200-3.
8. Gennaioli N., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer, A. Human capital and regional development // The Quarterly journal of economics. 2013. Vol. 128, № 1. P. 105–164. doi: 10.1093/qje/qjs050.
9. Dell M., Jones B.F., Olken B.A. Temperature and income: reconciling new cross-sectional and panel estimates // American Economic Review. 2009. Vol. 99, № 2. P. 198–204. doi: 10.1257/aer.99.2.198.
10. Nordhaus W.D. Geography and macroeconomics: New data and new findings // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2006. Vol. 103, № 10. P. 3510–3517. doi: 10.1073/pnas.0509842103.
11. Warner A. Institutions, geography, regions, countries and the mobility bias // CID Working Paper Series. 2002.
12. Mitton T. The wealth of subnations: Geography, institutions, and within-country development // Journal of Development Economics. 2016. № 118. P. 88–111. doi: 10.1016/j.jdevco.2015.09.002.
13. Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С., Кислицын Д.В. Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация // Terra Economicus. 2019. Т. 17, № 3. С. 89–106. doi: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106.

УДК 338.2, 336.1

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-57

В.И. Клисторин, С.В. Седипкова

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: государственные программы, программный подход, методики оценки государственных программ, эффективность бюджетных расходов

Повышение эффективности использования бюджетных средств является ключевой задачей в управлении общественными финансами. Основные направления решения этой проблемы видятся в усилении контроля за расходованием средств, периодическом пересмотре расходных полномочий уровней и органов власти и повышении целевого характера бюджетных расходов [1, с. 376]. Под последним понимается переход к программно-проектному принципу формирования бюджета и совершенствование методики разработки программ и проектов, процедур их рассмотрения, принятия и пересмотра.

Основные гипотезы, лежащие в основе программно-проектного подхода, можно сформулировать следующим образом:

1) правительство имеет цели, частично противоречащие друг другу и требующие компромиссного решения, причем эти цели можно выразить в количественной форме в виде исчерпывающего набора индикаторов;

2) правительство максимизирует степень достижения целей в условиях известных ресурсных ограничений, включая финансовые и институциональные;

3) правительство заинтересовано в выборе инструментов, минимизирующих издержки осуществления политики, включая эффекты обратной связи [2, с. 33].

Без преувеличения можно сказать, что развитие программного бюджетирования рассматривается как ключевое звено бюджетной реформы в нашей стране. Концепция про-

граммного бюджетирования заключается во встраивании в бюджетный процесс процедур оценки эффективности бюджетных расходов и переход к системе, ориентированной на достижение конечных общественно значимых и измеримых результатов. Начиная с 2013 г. стала быстро расти доля расходов региональных и местных бюджетов и общее финансирование программ.

Вместе с тем расходы на программы отражают не столько приоритеты политики руководства области, сколько распределение полномочий в системе «федеральный центр – субъекты Федерации – муниципальные образования». Большая часть программных расходов приходится на здравоохранение, социальную политику и образование. Очевидно, что выполнение обязательств в этих областях регламентируется множеством нормативных документов и возможности поиска альтернатив и соответствующего повышения качества услуг весьма ограничены, особенно если учитывать дефицитность большинства региональных и местных бюджетов. Это обстоятельство объективно ограничивает возможность получения ожидаемых эффектов от внедрения программно-целевых принципов бюджетирования и их воздействия на трансформацию социально-экономического пространства.

Большинство отечественных исследований касается анализа реализации отдельных программ. Сравнительно немного имеется работ, связанных с методиками разработки программ и совсем мало с оценками эффективности реализации региональных и муниципальных программ. Вместе с тем, именно недостатки действующих методик обоснования эффективности реализации программ и отсутствие единого подхода к оценке эффективности государственных программ на уровне регионов являются главными причинами того, что переход к программным принципам бюджетирования не принес ожидаемых результатов. Кроме того, анализ методик и результатов реализации субфедеральных программ показал, что количество индикаторов реализации программ часто необоснованно велико, их веса при исчислении результирующего показателя недостаточно обоснованы, некоторые из них отражают процесс, а не результат. Причины видятся в том, что программы и методики разрабатывают те же структуры, которые ответственны за реализацию программ.

Предлагается унифицировать методики разработки программ и оценки их результативности. Кроме того, необходимо принять стандарт раскрытия информации в данной области.

Работа выполнена в рамках плана НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Инструменты, технологии и результаты анализа, моделирования и прогнозирования пространственного развития социально-экономической системы России и её отдельных территорий» (Регистрационный номер – № 121040100262-7).

Литература

1. Клисторин В.И. Оценка эффективности бюджетных программ и воздействия бюджетной политики на развитие регионов // Пространственное развитие современной России: тенденции, факторы, механизмы, институты / под редакцией Е.А. Коломак; Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2020. С. 376–392.
2. Клисторин В.И. Программно-проектный подход в освоении Сибири // Мир экономики и управления. 2019. Т. 9, № 4. С. 31–37.

О.В. Козьминых
Корпоративный тренер AD Mortgage

ФИНАНСОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ НА ИПОТЕЧНОМ РЫНКЕ США

Ключевые слова: ипотека, финансовая конвергенция, финансовая глобализация, страхование, финансовое посредничество

Ряд исследователей выдвигают гипотезу об усилении процессов глобализации и интеграции на финансовых рынках [1]. Конкуренция за потребителя финансовых услуг постепенно приводит к финансовой конвергенции, то есть к взаимопроникновению деятельности конкурирующих между собой субъектов [2]. С целью проверить данную гипотезу был проанализирован рынок ипотечного кредитования США.

Проведённый анализ позволил подтвердить гипотезу глобализации финансовых процессов и появления финансовой конвергенции частично. Ипотечный рынок США тесно связан с инвестиционным и страховым рынком. Тем не менее, субъекты, осуществляющие профессиональную деятельность непосредственно в области предоставления денежных средств заёмщикам на приобретение жилья, отличаются друг от друга, как по функциям, которые они выполняют, так и по масштабам своей деятельности.

Начнём с факторов, подтверждающих гипотезу о процессе взаимопроникновения между разными финансовыми рынками. Любой ипотечный займ сопряжён со страхованием, начиная от страхования имущества, являющегося объектом залога, и титульного страхования, заканчивая ипотечным страхованием, защищающего кредитора от риска неуплаты заёмщиком своих обязательств. Кредиторы сотрудничают с определёнными Страховыми Ипотечными Организациями, что можно назвать процессом финансовой конвергенции, поскольку именно кредиторы, банки и частные лендеры, находят страхователей, которые заплатят за страхование ипотеки.

Также ипотечные кредиторы, именуемые в США лендерами, продают свои займы на вторичный рынок, на котором последние секьюритизируются либо на Уолл-Стрит, либо государственно-спонсируемыми агентами, Фэнни Мэй, Фредди Мак и Джинни Мэй. Фенни и Фредди являлись до 90-х годов независимыми ипотечными организациями, однако в настоящее время спонсируются государством и выполняют в том числе и регулируемую функцию. Вот тут и возникает противоречие в гипотезе о глобализации финансовых рынков. Крупные игроки, такие как Фэнни Мэй и Фредди Мак, не занимаются поиском заёмщиков и оценкой их платёжеспособности, они покупают займы у оптовых банков (warehouse banks). Последние, в свою очередь, предпочитают также не заниматься анализом платёжеспособности и надёжности заёмщиков, предпочитая давать деньги под процент лендерам, которые в свою очередь выдают ипотечные займы под чуть более высокий процент заёмщикам. Именно лендеры занимаются андеррайтингом кредитных рисков на ипотечном рынке США. 50% ипотечных займов приходят именно через лендеров, относительно «мелких» игроков, если сравнивать их с оптовыми банками и государственно-спонсируемыми агентами [3]. Заходя чуть вперёд, стоит отметить, что лендеры делегируют в свою очередь поиск клиентов ипотечным брокерам, не тратя на это свои ресурсы.

Можно сделать вывод, что существует разделение труда между субъектами, осуществляющих финансовое посредничество, что формирует необходимость в проведении дальнейшего исследования, посвящённого ранжированию финансовых посредников, осуществляющих деятельность на ипотечном рынке США.

Литература

1. Кузнецова Н.П., Писаренко Ж.В., Чернова Г.В. Финансовая конвергенция как механизм повышения межсекторной конкуренции финансового рынка // Сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции «Архитектура финансов: иллюзии глобальной стабилизации и перспективы экономического роста» / под науч. ред. И.А. Максимцева, В.Г. Шубаевой, И.Ю. Евстафьевой. 2019. С. 261–265.
2. Чернова Г.В., Писаренко Ж.В. Финансовая конвергенция как механизм повышения конкурентоспособности субъектов финансового рынка // Финансы и кредит. 2015. № 46 (670). С. 10–23.
3. Shi T., Li Y.T. Prepayment risk in reverse mortgages: An intensity-governed surrender model // Insurance: Mathematics and Economics. 2021. Т. 98. Р. 68–82.

УДК 331.538

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-59

О.Н. Корженевская, Е.А. Какшайская

Академия бизнеса и управления системами

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ РОЛЬ ФЕДЕРАЛЬНОГО ПРОЕКТА «СОДЕЙСТВИЕ ЗАНЯТОСТИ» В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА Уязвимых категорий населения

Ключевые слова: социальный капитал, содействие занятости, социально-уязвимые категории граждан, федеральный проект

Социально-экономические последствия пандемии серьезно сказались на структуре и емкости российского рынка труда. По данным Росстата, численность официально зарегистрированных безработных граждан в возрасте от 15 до 72 лет в России в пиковый период с июля по сентябрь 2020 года составила свыше 4,7 млн человек [3]. В связи с этим в 2020 г. был запущен федеральный проект «Содействие занятости» [1].

Целевая аудитория проекта – граждане, ищущие работу и обратившиеся в органы службы занятости, включая безработных, лиц в возрасте 50-ти лет и старше, женщин в декретном отпуске и имеющих детей-дошкольников.

Первые результаты работы с участниками проекта показали, что в числе проблем, мешающих их трудоустройству, не только отсутствие необходимых знаний, но и низкий уровень социального капитала [4].

У слушателей, прошедших обучение с мая по август 2021 г. в рамках федерального проекта «Содействие занятости» в АНО ДПО «Институт профессиональных квалификаций» (г. Москва), относящихся к категории социально-уязвимых групп населения, были выявлены сложности, отраженные на рис. 1.

Акцент на формирование социального капитала способствует реализации краткосрочной задачи – трудоустройству – и долгосрочной защищенности специалиста на рынке труда.

Приведенная на рис. 2 интеллект-карта описывает комплексный институциональный потенциал и образовательные возможности проекта в формировании, накоплении и страховании социального капитала его участников. Треки развития компетенций слушателей могут стать отправными точками при подготовке контента, выборе учебных форматов, организации групповой работы и проектировании модулей образовательных программ, реализуемых в рамках проекта.

Проведенное в 2020 г. аналитическое исследование НАФИ показало, что самый низкий уровень цифровой грамотности наблюдается у граждан старше 55 лет и женщин в декретном отпуске – 56 п.п. из 100 по методике НАФИ [2]. Поэтому значительная роль на карте (рис. 1) отводится формированию цифровых компетенций участников проекта.

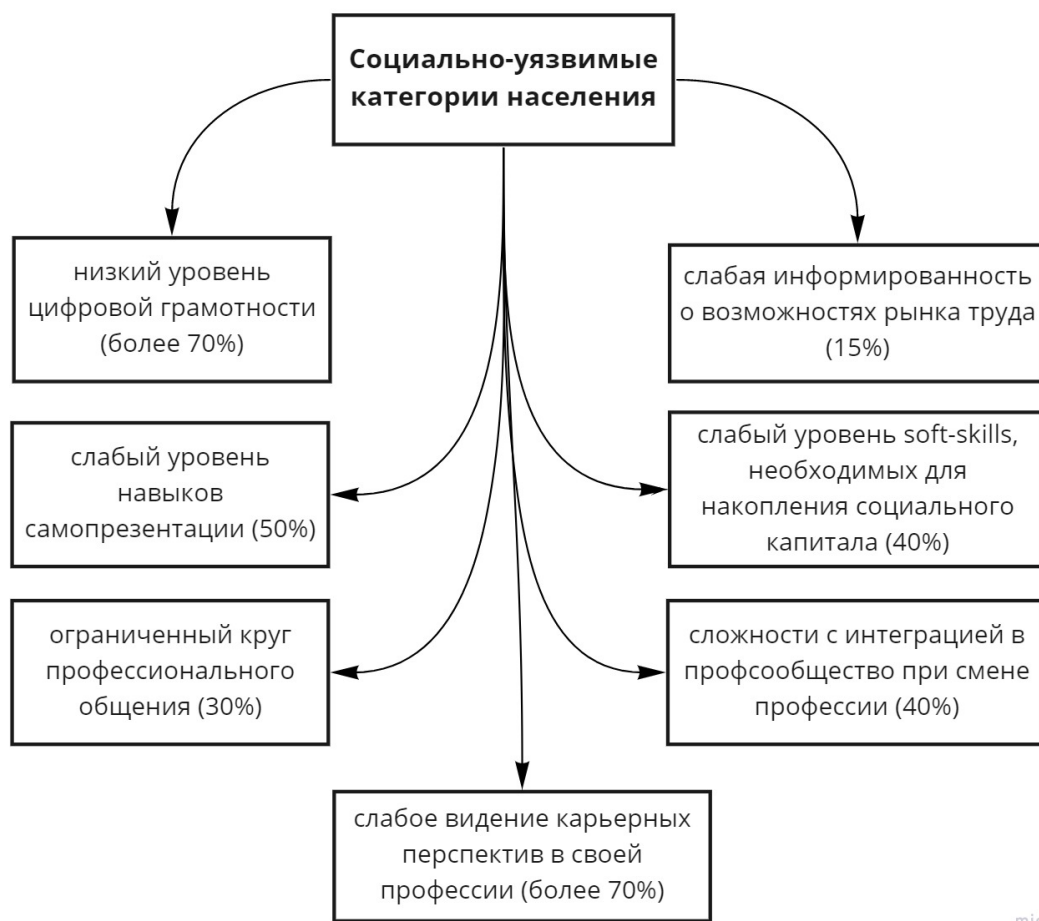
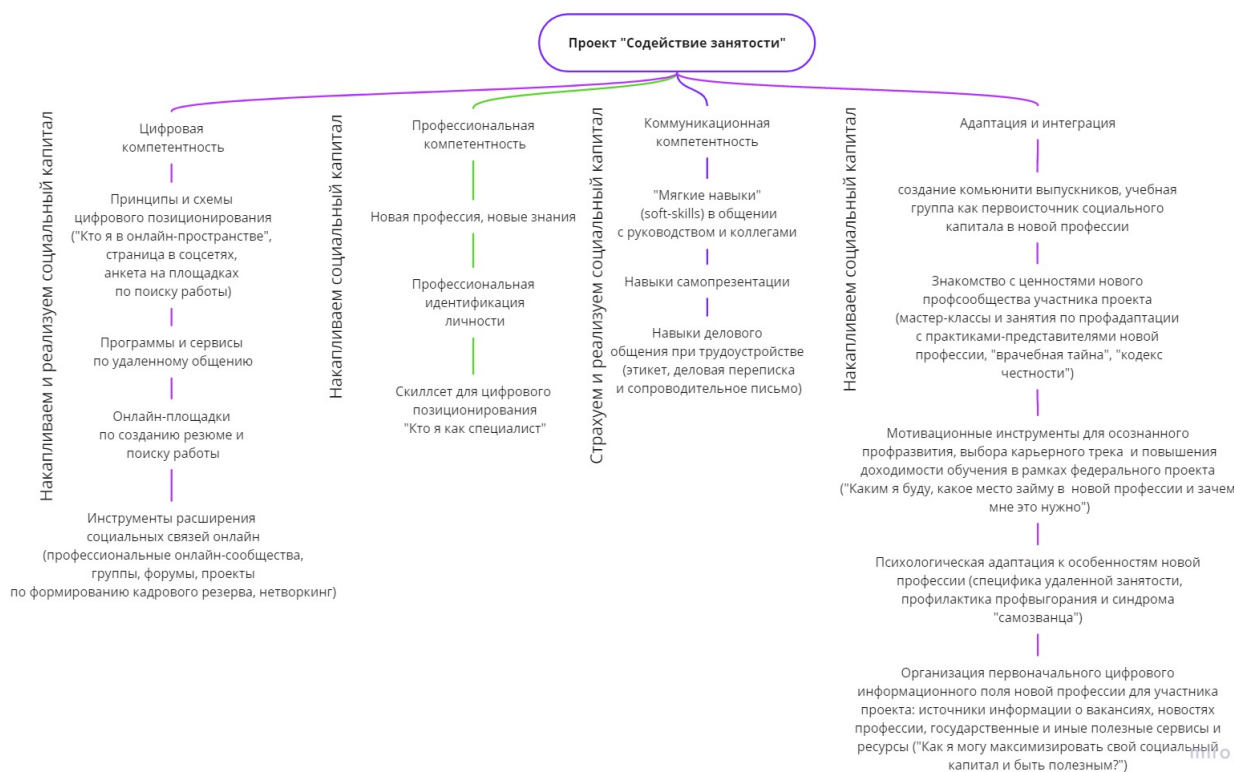

Рис. 1. Признаки низкого социального капитала социально-уязвимых категорий населения, затрудняющие трудоустройство [составлено авторами]

Ри. 2. Институциональный потенциал и образовательные возможности федерального проекта «Содействие занятости» в формировании социального каптала социально-уязвимых категорий населения: интеллект-карта [составлено авторами]

Реализация проекта запланирована до 2024 г. У образовательных учреждений-исполнителей еще есть возможность внести методические дополнения в образовательные программы и поставить на рынок труда не только профессиональных специалистов, но и социально адаптированных граждан, готовых к накоплению социального капитала в цифровых условиях.

Литература

1. Паспорт федерального проекта «Содействие занятости» // Официальный сайт Минтруда России. 2020. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/2>
2. Цифровая грамотность россиян: исследование 2020 // Официальный портал Национального агентства финансовых исследований. 2020. URL: <https://nafi.ru/analytics/tsifrovaya-gramotnost-rossiyan-issledovanie-2020/>
3. Численность безработных в возрасте 15–72 лет по субъектам Российской Федерации, в среднем за три месяца // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force?print=1
4. Bourdieu P. Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital, in: Kreckel, Reinhard (ed.) Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt, Sonderheft 2). Göttingen : Otto Schwartz & Co., 1983. P. 183–198. Экономическая социология. Том 6. № 3. Май 2005. С. 60–74. Перевод: М. С. Добрякова. Научное редактирование: В. В. Радаев. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 18.09.2009. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2601>

УДК 332.02

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-60

Е.А. Костина

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

ВЛИЯНИЕ УМНОГО ГОРОДА НА СМЕРТНОСТЬ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Ключевые слова: умный город, пандемия COVID-19, избыточная смертность, Индекс качества городской среды (ИКГС), IQ городов

Начавшаяся в 2019 г. пандемия COVID-19 быстро распространилась по всему миру. За неполные 2 года она не снизила темпов распространения. Это формирует необходимость определения факторов, оказывающих влияние на её распространение, и факторов, способствующих сдерживанию инфекции. К настоящему моменту уже есть исследования о влиянии на распространение и вероятности негативного исхода COVID-19 расовой принадлежности, доходов, половозрастной принадлежности, климатических особенностей, плотности населения, миграционной активности региона, развитости транспортной инфраструктуры [1, 3]. Мнения о влиянии плотности населения разнятся, часть исследователей указывают на трудности соблюдения социального дистанцирования в больших городах, другие предлагают использовать термин «скученность», указывая, что только в перенаселенных районах идет активное распространение инфекции, а в целом города не оказывают влияния на распространение инфекции [2].

При этом следует отметить, что за период распространения коронавируса применение цифровых технологий существенно расширилось, получили широкое распространение возможности дистанционного обучения и работы, существенно выросла телемедицина и др.

Одним из важнейших показателей, отражающих истинный размер пандемии, является избыточная смертность. Она показывает количество погибших непосредственно от COVID-19, от вызванных им осложнений, от перегруженности системы здравоохранения. Ниже представлен график смертности в РФ за 2019 и 2020 гг.

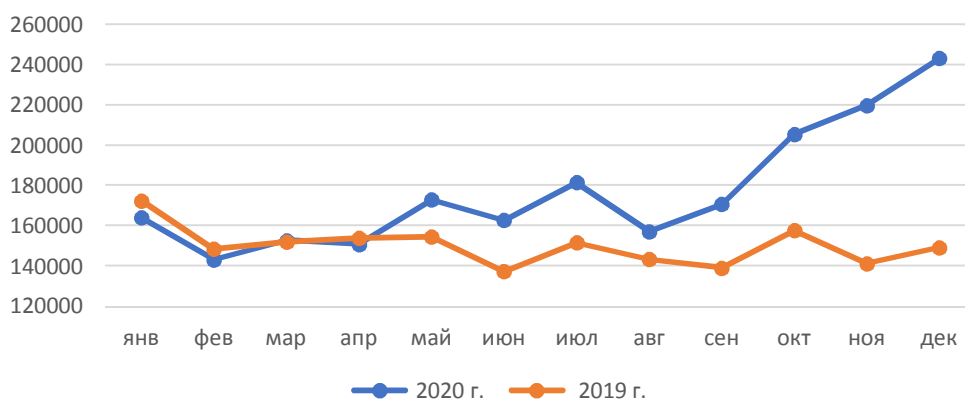

Рис. 1. Количество умерших в РФ за 2020 и 2019 гг.

Цель данного исследования оценить, оказывает ли влияния на избыточную смертность за период пандемии качество городской среды и цифровизации городского хозяйства, т.е. среда «умного города». С 2018 г. в России активно развивается программа цифровизации городского хозяйства и создания «умных городов». Минстроем РФ рассчитывается ИКГС и Индекс цифровизации городского хозяйства IQ городов.

В исследовании проводится статистический анализ влияния на избыточную смертность средневзвешенных ИКГС и IQ городов по регионам. Также были добавлены другие факторы, дополняющие такие составляющие «умного города», как «умную экономику», «умное образование», «умное здравоохранение», «умную транспортную систему».

После удаления незначимых факторов, исследование показало, что избыточная смертность отрицательно зависит от ИКГС, числа врачей общей специальности, и положительно зависит от наличия в регионе крупных городов и численности студентов вузов.

Таким образом, усилия городских властей, направленные на улучшение городской среды, оказывают положительный эффект в борьбе с пандемией. Комфортная городская среда позволяет соблюдать социальное дистанцирование, переход на дистанционный режим и облегчает пребывание в самоизоляции, если это необходимо. А цифровизация городского хозяйства пока не оказывает существенного влияния на уменьшение смертности. Возможно, это связано с политикой государства и отсутствием жестких ограничительных мер при отслеживании контактов и перемещений, по аналогии с примененными в Южной Корее и Китае.

Литература

1. Земцов С.П., Бабурин В.Л. Коронавирус в регионах России: особенности и последствия распространения // Государственная служба. 2020. № 2 (124). С. 48–55.
2. Пузанов А.С. Города на передней линии борьбы с коронавирусом: обзор международной экспертной повестки и оценка ее адекватности российским реалиям. URL: <http://www.urbaneconomics.ru/research/mind/goroda-na-peredney-linii-borby-s-koronavirusom-obzor-mezhdunarodnoy-ekspertnoy> (дата обращения: 20.05.2021).
3. Azzolina D., Lorenzoni G., Silvestri L., Prosepe I., Berchiolla P., & Gregori D. Regional Differences in Mortality Rates During the COVID-19 Epidemic in Italy // Disaster Medicine and Public Health Preparedness. 2020. P. 1–7.

М.В. Котванов, С.Г. Котванова
Алтайский институт экономики

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СПРОСА И ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Ключевые слова: цифровые платформы, спрос и предложение, экономический рост

В современных условиях цифровые платформы стали неотъемлемой частью экономической системы. И.З. Гелисханов, С. Андерссон, Г. Паркер и А.Е. Шаститко подчеркивают, что главным отличием цифровых платформ от продающих сайтов, заключается в расширенных возможностях для различных контрагентов снижать транзакционные издержки [2, 12, 14, 15].

Основная задача настоящей статьи – проанализировать возможности создания добавленной стоимости цифровыми платформами с помощью информации. На рис. 1 представлена структура современной цифровой экосистемы [3].

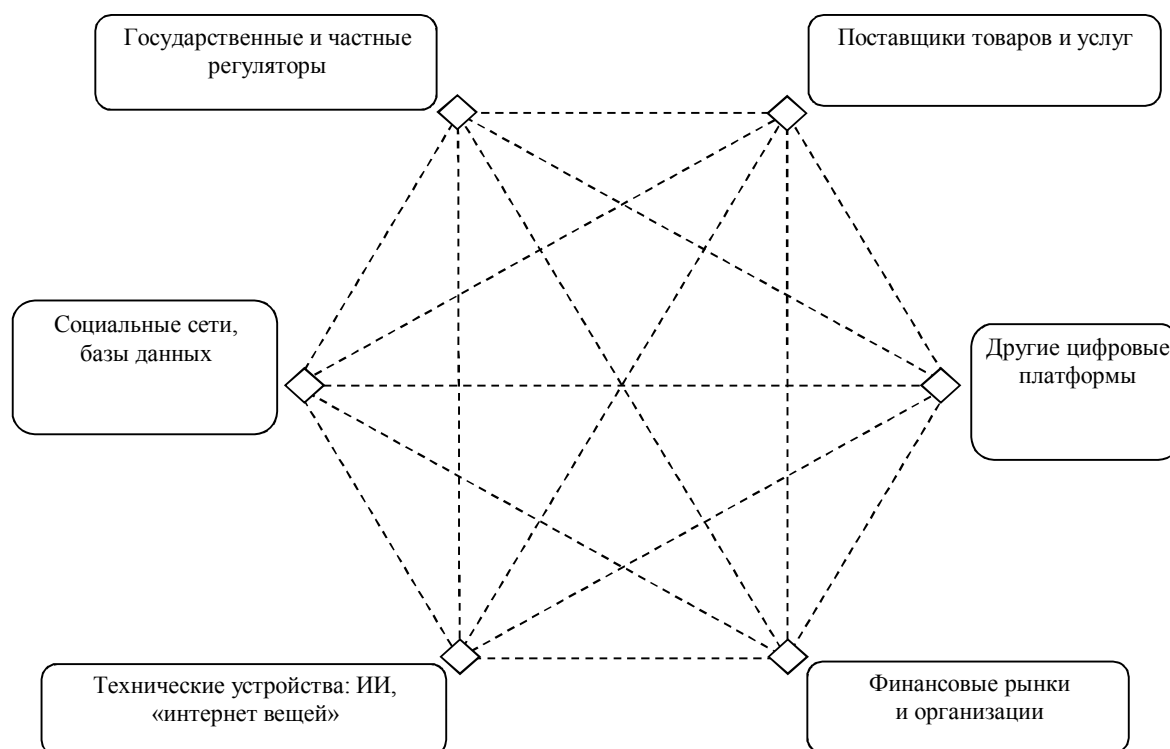

Рис. 1. Структура цифровой экосистемы

Авторы предлагают модель осуществления экономического роста под влиянием информации [4].

$$\Delta GDP = \frac{\Delta GDP}{\Delta Sales} \times \frac{\Delta Sales}{\Delta TrCosts} \times \frac{\Delta TrCosts}{\log_2 \frac{n_1}{n_0}} \quad (1)$$

где ΔGDP – прирост ВВП; $\Delta TrCosts$ – снижение транзакционных издержек; $\Delta Sales$ – увеличение продаж; логарифм означает единицу используемой в системе информации.

На основе анализа статистической информации авторы выяснили, что в 2000–2019 гг. доля ВВП в совокупном доходе предприятий России составляет от 38 до 49%.

Говоря о рисках и угрозах, связанных с цифровыми платформами, А.В. Бабкин [1], М.В. Рыжкова [5, 6], Е.Н. Стариков [8], И.М. Степнов [9], И.А. Стрелкова [10], А.Ю. Цари-

ковский [11] предупреждают о ценовой дискриминации и чрезмерной монополизации сетевого пространства со стороны цифровых экосистем. Цифровые экосистемы стремятся не только к доминированию на рынке, но стратегически выгодному положению в общественном устройстве, о чем свидетельствуют слова Т. Каланика о намерении Uber заменить собой автомобильный транспорт как вид частной собственности [7, 13].

Рисунок 2 показывает, что в краткосрочном периоде в условиях отсутствия прямой конкуренции цифровая платформа может снизить уровень совокупного спроса путем персонализированного предложения, разделяющего рынок на множество отдельных сегментов.

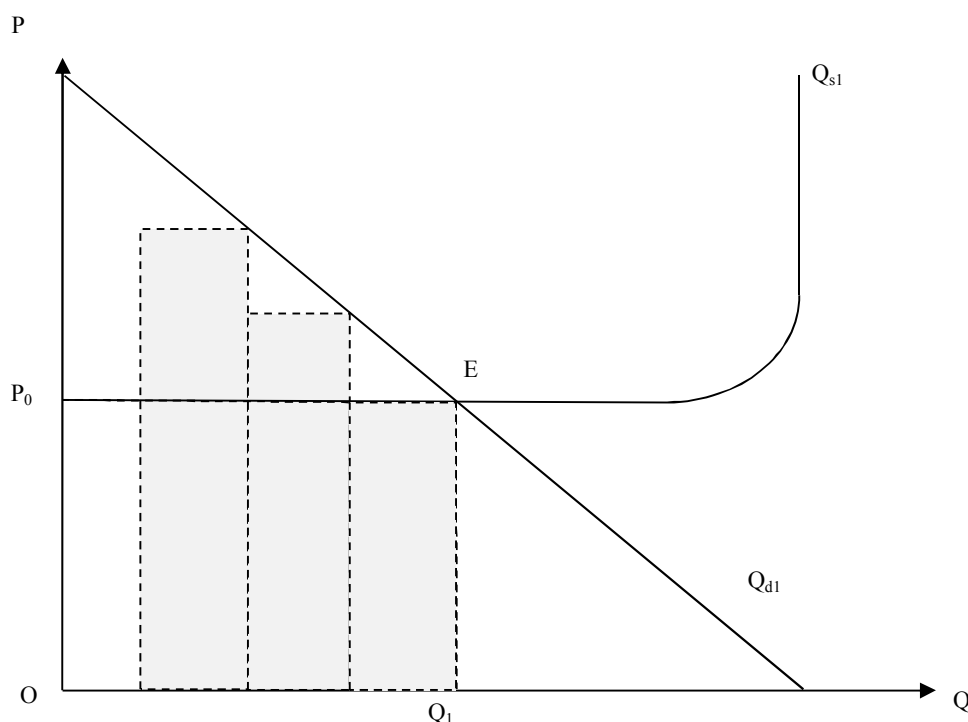

Рис. 2. Снижение совокупного спроса в натуральном выражении благодаря персонализированному увеличению цен со стороны цифровых платформ

На рисунке представлено, что первоначальная площадь совокупного спроса, обозначенная прямоугольником OP_0EQ_1 , трансформировалась благодаря персонализированному предложению в несколько сегментарных областей спроса. При этом совокупная выручка предприятий осталась прежней, но в количественном выражении совокупный спрос уменьшился.

Развитие цифровых платформ в условиях прямой конкуренции может воспрепятствовать монополизации цифрового пространства и снизит риски снижения спроса в количественном измерении. В ближайшие десятилетия экономический рост будет связан с распространением цифровых экосистем и полезностью информации для снижения уровня издержек продавцов и покупателей.

Литература

1. Бабкин А.В. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития / А.В. Бабкин, Д.Д. Буркальцева, Д.Г. Костень, Ю.Н. Воробьев // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. Т. 10, № 3. С. 9–25. DOI: 10.18721/JE.10301
2. Гелисханов И.З. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития / И.З. Гелисханов, Т.Н. Юдина, А.В. Бабкин // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11, № 6. С. 22–36. DOI: 10.18721/JE.11602
3. Гретченко А.И. Цифровая платформа: новая бизнес-модель в экономике России] / А.И. Гретченко, И.В. Горохова // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2019. № 1 (103). С. 62–72.

4. Котванов М.В. Сетевое взаимодействие как мультипликатор экономического роста: макрорегionalный и региональный аспекты / М.В. Котванов, С.Г. Котванова, И.А. Шипулина // Региональная экономика. 2021. Т. 19. № 8 (491). С. 1542–1567.
5. Рыжкова М.В. Концептуализация феномена «цифровая платформа»: рынок или бизнес? / М.В. Рыжкова // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. № 47. С. 48–66.
6. Рыжкова М.В. Институциональная природа цифровых платформ / М.В. Рыжкова, М.В. Чиков // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. № 4. С. 72–80.
7. Савельев И.И. Цифровые платформы в современной экономике: понятие, особенности и тенденции развития / И.И. Савельев, Н.В. Абдуллаев, И.В. Головинская, Р.М. Кирпичев // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 14, № 3. С. 4–11.
8. Стариков Е.Н. Формирование цифровой экономики Свердловской области: предпосылки, тренды, направления технологического развития / Е.Н. Стариков, Л.А. Раменская // Региональная экономика: теория и практика. 2018. № 8. С. 1429–1444.
9. Степнов И.М. Цифровые платформы как новый экономический агент в открытой модели экономики / И.М. Степнов, Ю.А. Ковальчук // Друкеровский вестник. 2019. № 2 (28). С. 5–13.
10. Стрелкова И.А. Цифровая экономика: новые возможности и угрозы для мирового хозяйства / И.А. Стрелкова // Экономика. Налоги. Право. 2018. № 2. С. 18–26.
11. Цариковский А.Ю. Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху: как защищать конкуренцию в условиях глобализации и четвертой промышленной революции: цифровая идентичность, сетевые эффекты, ценовые алгоритмы, цифровые платформы, большие данные, многосторонние рынки / А.Ю. Цариковский, Н.Ф. Галимханова, А.П. Тенишев и др. Сколково. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 269 с.
12. Шаститко А.Е. Агрегаторы вокруг нас: новая реальность и подходы к исследованию / А.Е. Шаститко, О.А. Маркова // Общественные науки и современность. 2017. № 4. С. 5–15.
13. Яблонский С.А. Многосторонние платформы и рынки: основные подходы, концепции и практики / С.А. Яблонский // Российский журнал менеджмента. 2013. № 4. С. 57–78.
14. Andersson Schwarz J. Platform logic: An interdisciplinary approach to the platform-based economy / Schwarz J. Andersson // Policy & Internet. 2017. Vol. 9, № 4. P. 374–394. URL: <https://doi.org/10.1002/poi3.159> (дата обращения: 22.02.2021).
15. Parker G. Platform Ecosystems: How Developers Invert the Firm / G. Parker, W. Marshall, J. Xiaoyue. 2016. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2861574 (дата обращения: 28.02.2021).

УДК 338.47

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-62

А.В. Котов, А.П. Темир-оол

Институт Европы РАН,

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ВОДНОГО ТРАНСПОРТА В АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

Ключевые слова: водный транспорт, речные пути, обновление флота, межрегиональная связность, программа развития, научное обоснование

Для Азиатской части России (АЧР), где недостаточно развита транспортная инфраструктура, критически важно развитие внутреннего водного транспорта (ВВТ). Во многих районах он выступает практически единственным средством доставки пассажиров и грузов. В некоторых регионах АЧР больше половины населения пользуются услугами речного транспорта, например, в Амурской области – 84%, в Хабаровском крае – 55% [2].

В 1960–1980 гг. ВВТ в АЧР активно развивался в качестве логистического обеспечения общегосударственных крупномасштабных проектов, требовавших перевозку лесо- и пиломатериалов, строительных грузов, требовавшегося оборудования для обустройства нефтяных месторождений, речные порты комплектовались крупноразмерным оборудованием, в том числе для судов класса «река-море», устойчиво развивалось пассажирское водное движение [4, 5].

В постсоветский период доля ВВТ по России в целом резко снизилась. За рубежом в это время (прежде всего – в странах ЕС, КНР) [3] развитие водного транспорта продолжи-

лось и к настоящему времени явно вошло в «противофазу» с российской ситуацией. Процесс экологизации экономики и требования к хозяйствующим субъектам по низкоуглеродному развитию экономики стимулируют европейские страны принимать программы развития ВВТ (например, в Германии)¹.

В России перспективы развития ВВТ связываются с разработкой нового национального проекта «Модернизация и развитие российских мощностей по созданию современного речного флота для внутренних речных путей»² на период до 2030 года. Значительную роль в агрегации предложений по развитию водного транспорта в Сибирском федеральном округе играет межрегиональная ассоциация «Сибирское соглашение» (МАСС)³, выступая своеобразной институциональной площадкой координации интересов регионов-участников на федеральном уровне.

Необходимыми институциональными мерами развития ВВТ в АЧР могут стать: долгосрочные субсидии пассажирских перевозок во внутрирегиональном сообщении; применение инструментов ГЧП в строительстве/модернизации речных вокзалов; стимулирование смешанных железнодорожно-водных перевозок; оказание содействия частным инвесторам в приобретении водных судов; разработка мер сохранения курсирования социально-значимых маршрутов, интеграция с маршрутами туристско-культурного направления; поддержка пилотных экспериментальных проектов (речные суда на сжиженном природном газе, водородном топливе) и др.

Без качественного улучшения институциональной среды функционирования ВВТ, создания стимулов загрузки ремонтно-эксплуатационных баз флота, судостроительных центров, межотраслевой увязки их деятельности (например, по потреблению металла), роль ВВТ продолжит стремительно снижаться. Для АЧР это несет в себе не только отраслевые риски (переключение грузов и пассажиров на другие виды транспорта), но и дальнейшее ослабление связности северных и южных районов Сибири [1]. Здесь, как нам видится, не малую роль играет научное сообщество, в лице профильных институтов, которое должно обеспечить комплексное обоснование предлагаемых инициатив.

Литература

1. Бунеев В.М., Виниченко В.А. Прогнозирование грузопотоков и их освоения при реализации транспортной стратегии в районах Крайнего Севера // Вестник НГИЭИ. 2018. № 4 (83). С. 115–123.
2. Курбатова Е.С. Организационно-экономические предпосылки и условия эффективного использования речного транспорта в системе транспортных коммуникаций России: автореф. ... дис. канд. экон. наук. М., 2019. 27 с.
3. Сазонов С.Л. Транспорт КНР: место и роль в развитии национальной экономики. М.: ИДВ РАН, 2018. 344 с.
4. Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Изд-во экономической литературы, 1961. 302 с.
5. Тенденции экономического развития Сибири (1961–1975 гг.). Новосибирск: ИЭОПП СО АН СССР. Наука, 1980. 255 с.

¹ Inland Waterway Transport Masterplan // Federal Ministry of Transport and Digital Infrastructure (BMVI). Berlin, 2019. 32 p. URL: <https://www.bmvi.de/DE/Themen/Mobilitaet/Wasser/Binnenschifffahrt/binnenschifffahrt.html> (дата обращения: 28.08.2021).

² В кабмине планируют разработать Стратегию развития внутренних водных путей к августу // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/11010005> (дата обращения: 28.08.2021).

³ Проекты МАСС внесут в новый нацпроект по развитию водного транспорта // ЧС-Инфо. URL: <https://4s-info.ru/2021/05/06/proekty-mass-vnesut-v-novyy-natsproekt-po-razvitiyu-vodnogo-transporta/> (дата обращения: 28.08.2021).

Е.М. Коцера

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ОЦЕНКА УРОВНЯ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ

Ключевые слова: качество жизни, человеческий капитал, факторная модель

Данная тема сегодня актуальна, так как уровень и качество жизни населения являются одними из показателей, определяющих степень развития государства. Государства с активной социальной политикой, с развитой экономикой имеют высокий уровень жизни населения, потому что благосостояние людей зависит от накопленных знаний, навыков, а именно, человеческого капитала – главного фактора социально-экономического развития общества [4].

Основная *цель работы* – систематизация подходов к анализу «качества жизни» и «уровня жизни населения», разработка и апробирование факторной модели оценки уровня и качества жизни населения на примере данных Росстат.

Проблема качества жизни населения является одним из приоритетных направлений многих наук. Повышение качества и уровня жизни населения – это основа социальной стабильности, а социальная стабильность способствует росту качества жизни, улучшению уровня жизни населения в целом.

На оценку уровня и качества жизни населения в наибольшей степени оказывают влияния факторы, поэтому существует необходимость их комплексного изучения. Устойчивому развитию страны способствует положительная динамика уровня и качества жизни населения, поэтому для проведения исследования следует рассмотреть факторное влияние на данные категории, а именно, социальные, экономические и экологические критерии.

Результаты. Изучив различные методики, использующиеся для оценки уровня и качества жизни населения, можно составить факторную модель, включающую систему показателей, влияющих на благосостояние населения, и проанализировать динамику уровня и качества жизни населения относительно выбранных критериев.

Рис. 1. Факторная модель оценки уровня и качества жизни населения
Источник: составлено автором на основе: [1, 2, 6]

Проведенное исследование базируется на результатах обработки общедоступной статистической информации и показателей, представленных на сайте Росстат и Минфин.

Закключение. Проведенный факторный анализ показал, что уровень и качество жизни населения России по большинству исследуемых показателей имеет положительную динамику, но в ходе исследования были выявлены факторы, которые препятствуют повышению уровня и качества жизни населения (фактор уровня доходов (сохраняется дифференциация по доходам внутри страны), фактор развития экономики (рост безработицы)). Из анализа следует, что невозможно ориентироваться только на конкретную систему статистических показателей, так как, во-первых, некоторые показатели содержат неполную информацию (отсутствуют данные за последние годы), во-вторых, данное исследование не учитывает субъективную оценку населения.

Литература

1. Кузенков Р.С. Кластерный анализ субъектов ЦФО РФ на основе социально-экономических показателей уровня жизни населения // Научный журнал. 2017. № 1 (14).
2. Найден С.Н., Белоусова А.В. Методический инструментарий оценки благосостояния населения: межрегиональное сопоставление // Экономика региона. 2018. № 1. С. 53–68.
3. Официальная статистика: Федеральная служба государственной. URL: rosstat.gov.ru (дата обращения: 12.06.2021).
4. Прохорова О.В. Качество жизни населения как показатель устойчивого развития региона // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 2 (36). С. 149–152.
5. Стиглиц Дж., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? М.: Изд. Института Гайдара, 2016. С. 113–145.
6. Шувалова О.В. Уровень жизни и качество жизни: факторы и Российская специфика // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. С. 276–279.

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-64

И.В. Краковецкая, Н.А. Редчикова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ЭКОСИСТЕМА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Ключевые слова: цифровая трансформация, экосистема, университет

Глубинная трансформация общественной парадигмы ставит новые вызовы перед системой университетского образования. И здесь мы уже говорим не только об отдельных образовательных, культурных, исследовательских или инновационных центрах, а скорее о расширении тех функций, которые университеты выполняют, решая множество новых задач. В качестве основополагающей концепции, охватывающей многие направления деятельности современного университета, может выступить концепция устойчивого развития вуза. Такой подход включают целый комплекс концепций, описывающих деятельность университета в контексте реализации широкого спектра функций:

- университет как центр культурной и общественной жизни;
- университет как центр историко-культурного наследия;
- умный и безопасный университет;
- зеленый университет;
- университет здорового образа жизни;
- социально-ориентированный университет;
- университет как стейкхолдер.

Тогда направления деятельности такого университета можно представить в виде шести элементов, таких как: «Исследования и инновации», «Образование», «Зеленый кампус», «Устойчивая жизнь», «Продвижение и сотрудничество», «Система управления и финансы».

Сегодня необходимым этапом развития университетов является трансформация и переход в университеты нового формата, которые становятся реальными участниками процессов, протекающих не только на территории их присутствия. Университеты-лидеры ведут деятельность не только на региональном и национальном уровнях, но и являются активными участниками мирового рынка образовательных услуг и технологий.

Социально-экономическая жизнь любого общества является сложной и противоречивой системой, где интересы функционирования одних субъектов не всегда совпадают с интересами других. Поэтому проблема взаимоотношения университетов, бизнеса, власти и согласования, преследуемых ими интересов, не является однозначной.

Успешное развитие университетов зависит не только от того, как они учитывают глобальные тренды, но и как выстраивают модели управления в соответствии с изменениями, происходящими в экономике и менеджменте. В данном случае можно говорить о передовых научных исследованиях и коммерциализации, концентрации талантов, академической свободе и автономности, коммуникациях и академической мобильности на глобальном уровне, достаточности и оптимальном использовании всех видов ресурсов, значительном вкладе в устойчивое развитие общества и территории присутствия.

Формирование и развитие экономики экосистем сегодня предопределяет новую роль, которую могут сыграть университеты в развитии данных процессов. Речь идет о формировании экосистемы университета как совокупности взаимосвязанных многоуровневых и многофункциональных элементов внутриуниверситетской и внешней среды, организационно-экономических отношений, возникающих в процессе реализации вузом широкого спектра направлений деятельности, обеспечивающих процесс формирования устойчивых конкурентных преимуществ всех стейкхолдеров вуза на основе сотрудничества и взаимовыгодного партнерства.

Экосистема современного университета формируется на основе платформенной модели, дающей возможность выстраивания многочисленных, многоуровневых коммуникаций, что позволяет вовлечь огромное количество стейкхолдеров в процесс создания общей ценности.

В условиях цифровой трансформации высшей школы особо актуальной является задача формирования открытой цифровой экосистемы вуза. И здесь мы можем говорить о пуле цифровых платформ университета, через которые будет идти вовлечение всех его стейкхолдеров в процесс создания общей ценности.

На примере Томского государственного университета можно показать перспективы и возможности экосистемного подхода. Так, в рамках направления «Устойчивая жизнь», в вузе разработана цифровая платформа U2B («Умное трудоустройство»), которая сотрудничает с цифровой платформой HeadHunter (hh.ru). Новые перспективы могут открыться перед университетом в рамках сотрудничества с новыми партнерами: цифровые платформы WRS WorldSkillsRussia и «Смартека» АСИ. В рамках направления «Зеленый кампус» университет формирует цифровую платформу «Умный кампус» (Campus UniverCity). Здесь перспективным будет являться взаимодействие с цифровой платформой обмена практик устойчивого развития Смартека АСИ, Евразийской платформой «Green Bridge for Green Campus» и др.

Следует отметить, что результат для каждого из стейкхолдеров будет разным. Преимущество пула цифровых платформ как раз и связано с их адаптацией к потребностям заинтересованных сторон и поставленным стратегическим приоритетам университета.

Сегодня решать новые задачи в сложившихся условиях одному университету невозможно. Сетевое партнёрство с ведущими стейкхолдерами и учёт взаимных интересов на основе открытой цифровой экосистемы будет способствовать формированию устойчивых конкурентных преимуществ у всех участников такого взаимодействия.

С.В. Краморенко

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЮГА ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: инвестиции, инновационная политика, кластерная инфраструктура, генерация знаний, трансферт инноваций

В работе структурированы базовые и перспективные направления инвестиционной политики региона и выделены драйверы развития для сформированной и формирующейся локальной кластерной инфраструктуры. В этой структуре четко прослеживается срастание инфраструктуры г. Тюмени и Тюменского района в единый индустриально-логистический узел. Для функционирования и развития данной системы и дальнейшей репликации инноваций необходим постоянный поддерживаемый спрос на инновации

Ключевым фактором для привлечения инвестиций и развития инновационной инфраструктуры юга Тюменской области становится формирование в регионе специализированных промышленных и логистических площадок для реализации ключевых направлений кластерной политики.

В отраслевой структуре хозяйства региона, выделяется 10 кластеров, 3 из которых базовые, уже сформированные, – кластер нефтедобычи, нефтепереработки и нефтесервиса и нефтехимический кластер. Формирующиеся кластеры представлены агропромышленным, лесопромышленным и биотехнологическим кластером и т.д.

Инновационная инфраструктура Тюменской области включает в себя более 38 организаций, без учета субъектов малого предпринимательства, выполняющих научные исследования и разработки, в том числе 19 научно-образовательных организаций, 3 проектно-исследовательских института, 10 образовательных организаций высшего образования[2].

Курс на внедрение институтов инновационного промышленного развития был заявлен в Тюменской области десятилетие назад. В развитие инфраструктуры научно-образовательного комплекса в 2008–2019 гг. за счет всех источников финансирования было вложено более 95 млрд руб.

Наблюдается значительный рост внутренних текущих затрат на исследования и разработки. За последнее десятилетие объем финансирования науки в основных ценах увеличился в 3 раза. При этом темпы роста затрат на исследования и разработки в Тюменской области по основным направлениям остаются ниже среднероссийских (см. рис. 1).

Но при этом, по двум важным показателям: количеству защищаемых патентов и числу организуемых малых предприятий – наблюдается временная стагнация (см. рис. 2). Рост числа выданных патентов в целом хорошо коррелирует с увеличением реальных затрат (в постоянных ценах) на исследования и разработки.

Значительное увеличение финансирования, проведенное за последние 10 лет, и рост внутренних текущих затрат на исследования и разработки, привели к тому, что на сегодняшний момент, разработку и внедрение технологических инноваций осуществляют около 20% от общего числа предприятий юга Тюменской области, что значительно ниже показателей, характерных для зарубежных стран.

Всплеск инновационной активности в 2017–2019 гг. связан, вероятно, с изменением методики учета или расчета показателя, об этом говорят также расшифровки Росстата в первоисточниках.

В связи с этим, возникает необходимость разработки дополнительных государственных мер по улучшению существующей инфраструктуры развития кластеров и промышленного сектора в целом [4].

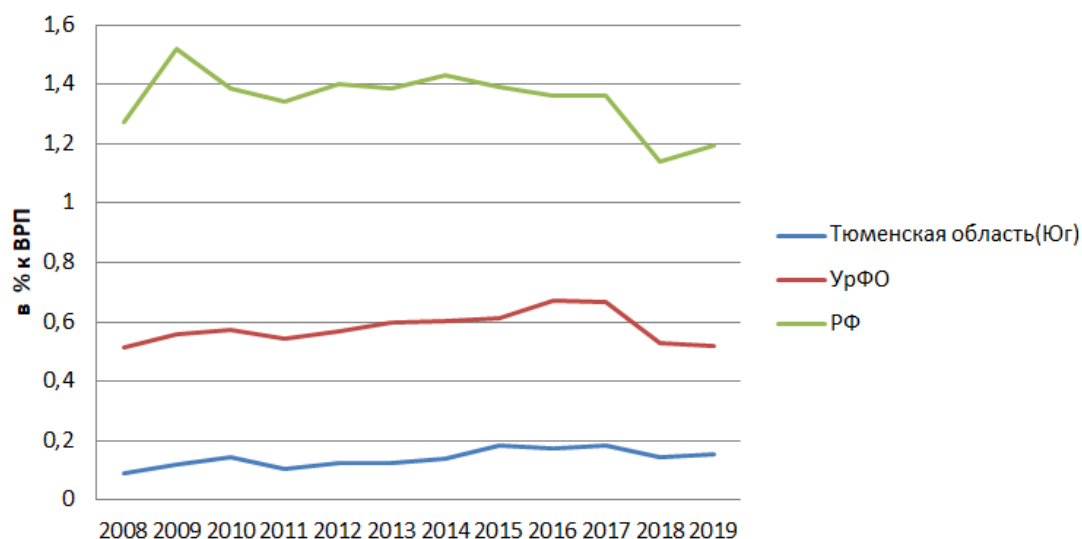

Рис. 1. Динамика внутренних текущих затрат на научные исследования и разработки организаций юга Тюменской области

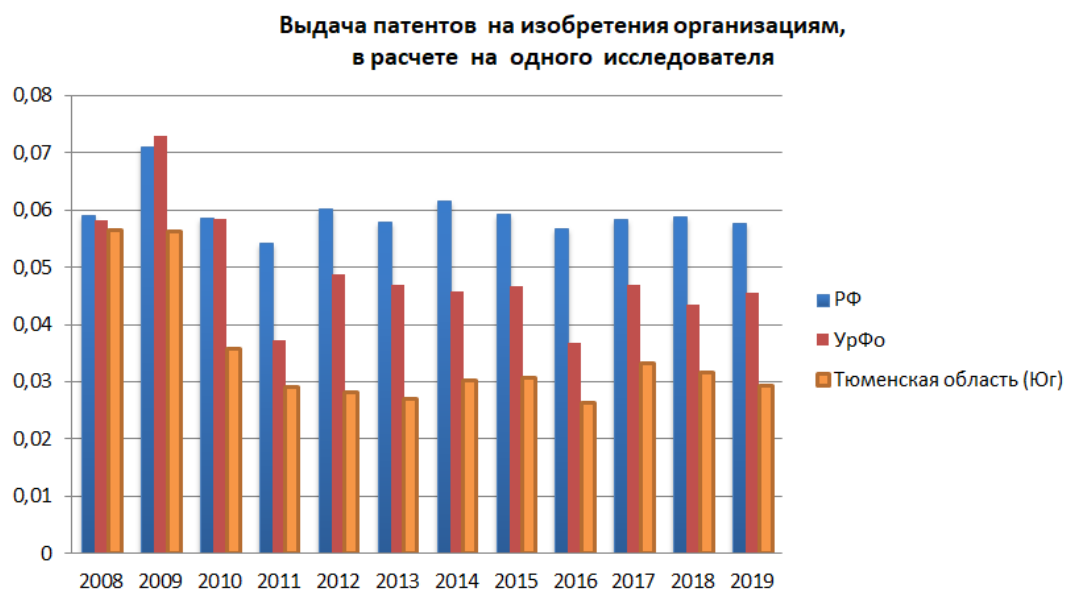

Рис. 2. Поступление патентных заявок и выдача патентов организаций юга Тюменской области

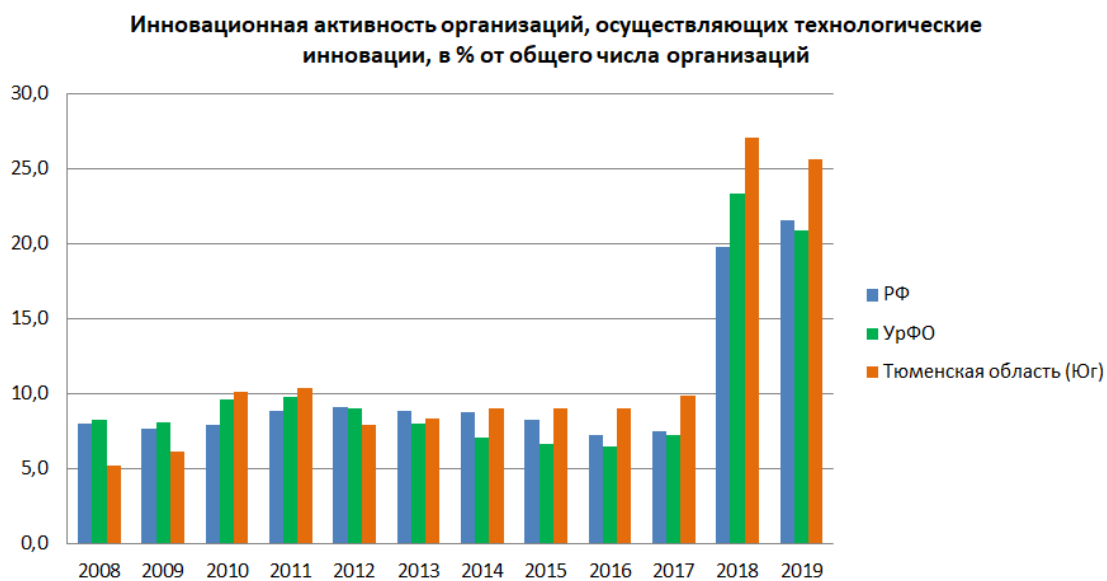

Рис. 3. Динамика инновационной активности организаций юга Тюменской области

В заключении стоит отметить, что переход к инновационной экономике должен осуществляться на базе устойчивого развития реальной экономики, а интеграция с инновационной сферой может стать одной из особенностей Тюменской модели развития территориальной организации производства на предстоящую перспективу.

Литература

1. Деев А.С., Черноморченко С.И., Хвошин А.А., Вакорин Д.В. Тюменская область: опыт постиндустриального экономического развития // Вестник Евразийской науки. 2018. № 5. URL: <https://esj.today/PDF/15ECVN518.pdf> (доступ свободный).
2. Официальный сайт технопарка Западно-Сибирского инновационного центра. URL: <http://www.tyumen-technopark.ru/rezidenty/proekty/82>
3. Стрижакова Е.Н., Стрижаков Д.В. Развитие инновационной экономики: проблемы и возможности // Вестник Евразийской науки. 2019. № 1. URL: <https://esj.today/PDF/09ECVN119.pdf> (доступ свободный).
4. Ксенофонтова О. и др. Промышленные кластеры как фактор развития региона: теоретический аспект // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. 2015. № 4. С. 66–71.
5. Ковальчук Ю.А., Степнов И.М. Кластерная концепция эффективной специализации регионов в условиях единства научно-технической, инновационной и промышленной политики России // Региональные проблемы преобразования в экономике. 2014. № 11 (49). С. 120–126.
6. Rodionov D.G., Afanasov A.Yu., Gorovoy A.A. Regional cluster policy in the context of managing the development of regional economy // World of Economics and Law. 2014. № 4-5. P. 18–30.
7. Ksenofontova O. et al. Industrial clusters as a factor in the development of the region: the theoretical aspect // Modern science-intensive technologies. Regional annex. 2015. № 4. P. 66–71.

УДК 339.138

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-66

А.И. Криволапова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

СОВРЕМЕННЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ МАРКЕТИНГА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Ключевые слова: инструменты маркетинга, интернет-маркетинг, email-маркетинг, SMM, индивидуализированный маркетинг

Изменение маркетинговых инструментов и технологий их применения связано с переходом к индивидуализированному маркетингу. Интересы клиента выходят на первый план. Эта идея лежит в основе маркетинга впечатлений, где инструментом маркетинга является позитивное впечатление, которое формируется у клиента после потребления товара или услуги производителя, а впоследствии закрепляется долговременно в его сознании [3]. Наряду с этим стремительно развиваются концепции мобильного и интернет-маркетинга. По данным We Are Social and Hootsuite, на начало 2021 года в России насчитывается 124 млн пользователей интернета. В России в 2020 г. самым крупным медиа для распространения рекламы по итогам 2020 года стал Интернет, объем которого составил 269,6 млрд руб [1]. Контекстная реклама как разновидность интернет-рекламы представляет текстовое или графическое объявление, которое показывается в зависимости от запроса (контекста) пользователя. Нативная реклама – это платная реклама, которая выглядит и работает также, как и обычный контент на площадке. Несмотря на то, что это реклама, текст не должен уступать и содержательно. Чаще всего нативную рекламу делают в виде информационных статей. Social Media Marketing (SMM) – один из наиболее распространенных инструментов привлечения пользователей социальных сетей на сайты компаний-продавцов [4]. Email-маркетинг – инструмент Интернет-маркетинга, выстраивающий прямое общение между производителем и потребителем. Email-маркетинг основан на персонализированном общении между продавцом и по-

ребителем после того, как последний дал на это согласие [5]. Маркетинг влияния – еще одна популярная стратегия продвижения. Его сущность заключается в том, что для донесения информации до целевой аудитории, используются известные личности, которые обладают большим социальным капиталом.

Издательство МИФ является одним из самых читаемых в России и использует инструментарий, наиболее актуальный сегодня [2]. Основной инструмент продвижения МИФа – это Social Media Marketing. Для продвижения используются одновременно несколько платформ, среди них «ВКонтакте» и «Instagram». Следующий инструмент – нативная реклама. Данный инструмент маркетинга используется в основном на официальном сайте издательства «МИФ» в разделах «Блог МИФа» и «Бизнес-блог». Email-рассылки – это один из самых мощных инструментов, которые использует МИФ. За последние несколько лет именно email-маркетинг и его инструменты принесли издательству 30% от всей выручки [2].

Развитие интернет-маркетинга играет все более важную роль в продаже и продвижении товара. Аналитика, индивидуальный подход, ориентирование на потребителя и нестандартные практики работают наиболее эффективно. На сегодняшний день издательство МИФ является одним из самых популярных в России во многом потому, что это как раз тот случай, когда компания внедряет все актуальные тенденции в деятельность компании.

Литература

1. Данные об объемах рынка рекламы в 2020 году // Ассоциация коммуникативных агентств России (АКАР). URL: https://www.akarussia.ru/knowledge/market_size (дата обращения: 25.04.2021).
2. Коновальчук Н.С. Тенденции современного маркетинга на примере работы издательства «Манн, Иванов и Фербер». Научно-издательский центр «Мир науки», 2016.
3. Малясова Н.А. Инновационные технологии в интернет-маркетинге: восемь трендов. Научно-издательский центр «Открытое знание», 2017.
4. Миронова О.А. Трансформация маркетинговых инструментов в условиях цифровизации экономики и формирования потребительских предпочтений поколения Z // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2019. № 2 (66).
5. Щербакова Е.Г., Исламова В.А., Кауфман О.Д. Применение электронного маркетинга в бизнесе // Системное управление. 2018. № 2.

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-67

Д.Д. Кривошеева-Медянцева

Южный федеральный университет

ПАНДЕМИЯ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ И ИНСТИТУТЫ: КАК МАЛЫЙ БИЗНЕС СПРАВЛЯЕТСЯ С БРЕМЕНЕМ ОГРАНИЧЕНИЙ

Ключевые слова: пандемия, государственный патернализм, институты, малый бизнес

Иррациональность акторов и тот факт, что люди склонны анализировать реальность сквозь призму своих предубеждений, часто становится аргументом, оправдывающим вмешательство государства в различные сферы общественной жизни, иными словами, государственный патернализм. Часто вмешательство государства реализовано в форме «подталкиваний», которые призваны направлять и указывать правильный путь. История с пандемией коронавируса привела к тому, что государства по всему миру получили легальную возможность вмешиваться в личную жизнь своих граждан и деятельность бизнеса, определяя возможности для перемещения, лимитируя время работы заведений и разрабатывая на скорую руку множество норм и правил, невыполнение которых часто очень серьезно наказывается штрафами и волной новых, еще более жестких ограничений. И здесь уже сложно говорить о

«подталкиваниях», здесь государственный патернализм получает возможность развернуться на полную катушку.

В рамках данного исследования проведена попытка определить основные сложности, институциональные барьеры и ловушки, с которыми столкнулись и продолжают сталкиваться владельцы малых и микропредприятий, индивидуальные предприниматели. В основе методологии исследования – институциональный подход с элементами поведенческой экономики. Основным методом сбора данных было выбрано полуструктурированное интервью.

В процессе исследования было проведено 30 интервью с владельцами малого бизнеса Ростовской области, работающими в сферах розничной торговли, организации мероприятий и общественного питания. Первый этап интервьюирования проходил в дни локдауна в 2020 г., сейчас (2021 г.) выборочно проводятся повторные интервью с теми же предпринимателями с тем, чтобы иметь возможность анализировать происходящее в динамике.

Уровень доходов российского бизнеса значительно упал в 2020 г. Несмотря на то, что по предварительным данным Росстата, в первом квартале 2021 г. данные по ВВП почти сравнялись с еще доковидным периодом 2020 г., оптимизма в предпринимательской среде нет.

В настоящий момент, как и год назад, региональные власти наделены полномочиями регулировать общественную и экономическую жизнь граждан дабы не допустить распространения коронавирусной инфекции. Санкции и ограничения в регионах при этом зачастую даже жестче, чем в столице. Все ограничения вводятся в один день, некоторым видам бизнеса просто запрещают работать, при этом никаких компенсаций вынужденного простоя не предусмотрено.

По словам предпринимателей, их экономическое бремя (платежи в бюджет, заработная плата, аренда, выплаты по кредитам, долги поставщикам) очень велико, отсутствует «подушка безопасности». Интервьюируемые отмечали, что в такой ситуации проще тем, кто не имеет официально трудоустроенных сотрудников и может легко уйти в тень.

Вынужденный простой в дни локдауна и текущие ограничения стали причиной недополучения доходов или полного отсутствия выручки. Предприниматели отмечали, что пытались различными способами обходить требования регулирующих структур. Интервьюируемые в ходе беседы раскрыли массу хитростей, к которым вынужденно прибегали они или их коллеги. Несмотря на высокие штрафы, часть предприятий работала за закрытыми дверями, а клиенты попадали к ним через чёрный вход. Подобное оппортунистическое поведение интервьюируемые объясняют желанием сохранить бизнес хоть в каком-то виде и тем, что им необходимо кормить семьи.

Сложившаяся кризисная ситуация, высокий уровень неопределённости отрицательно сказываются на ожиданиях предпринимателей. Уровень доверия к власти находится на низком уровне. По признанию интервьюируемых, они не ждут помощи от государства и опасаются пользоваться существующими мерами поддержки, чтобы не подвергаться дополнительным контрольным процедурам. Вместе с тем предприниматели готовы до последнего сохранять свой бизнес и надеются на то, что ситуация стабилизируется.

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-68

С.В. Кривяков

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ЕС КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Ключевые слова: ЕС, социально-экономическая модель, экономики рыночного типа

На протяжении последних 20 лет автора интересовал вопрос формирования современных социально-экономических моделей, формирующихся на основе экономики рыночного типа.

Российская экономическая наука, безусловно, признает факт наличия различных моделей в мировой экономике, однако их описание во многом зависит от личных представлений авторов.

Для большинства отечественных работ в этой области характерен ряд общих особенностей:

1. Нет никаких серьезных обоснований стандартного набора рассматриваемых моделей.
2. Большинство моделей характеризуется на примере одной страны.
3. Следствием этого является как расхождение в классификации отдельных стран, так и добавление к рассмотрению различных стран без отнесения к какой-либо группе
4. Нигде не обосновывается перечень стран, которые можно отнести к каждой из моделей.
5. Отсутствует единообразная структура описания моделей. Даже в одном источнике разные модели описываются по-разному.
6. Статистические характеристики носят необязательный и сугубо иллюстративный характер.

Для того чтобы хотя бы отчасти избавиться от этих недостатков при описании моделей, следует подвести под них объективную статистическую основу.

Для решения поставленной задачи была собрана универсальная таблица, характеризующая каждую страну набором из приблизительно 200 социально-экономических показателей.

Для сравнения стран был предложен простой математический алгоритм.

Это позволило обнаружить группы стран, экономики которых имеют значительное статистическое сходство.

15 лет назад автор предпринял аналогичное исследование, но в более скромном масштабе.

Сопоставление результатов исследований 2004–2005 гг. с результатами исследований 2019–2021 гг. позволяет сделать вывод о значительном сближении экономик стран Европы и особенно Евросоюза.

Прежде всего, это касается бывших социалистических стран Европы.

В 2005 г. наблюдалось значительное сходство лишь между тремя странами: Чехией, Венгрией и Словакией.

Современные исследования выявили две мощные группы постсоциалистических экономик, включающие в сумме 12 стран.

Кроме того, значительно усилилось «взаимопроникновение» различных групп.

По результатам исследований 15-летней давности, лишь Австрия и Нидерланды могли быть включены в 2 группы.

По результатам исследований 2019–2021 гг. уже пять стран – Австрия, Финляндия, Франция, Хорватия и Великобритания – могли быть включены в две группы, а Австрия даже и в три.

Полученные результаты позволяют сделать предположение, что пребывание в Европейском союзе или даже тесные экономические связи с ним приводят к сближению социально-экономических моделей европейских стран.

УДК 331.45

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-69

Т.В. Куклина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОХРАНЫ ТРУДА: ПО МАТЕРИАЛАМ НЕФИНАНСОВОЙ ОТЧЕТНОСТИ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ

Ключевые слова: охрана труда, институционализация, достойный труда, нефинансовая отчетность

Не смотря на значительное повышение технологичности и безопасности труда, производственные травмы и профессиональные заболевания до сих пор достаточно распространены. По оценке МОТ ежегодно в мире от несчастных случаев умирает более 2,3 миллиона человек, а сотни миллионов людей страдают от приобретенных профессиональных заболеваний [1], а между тем «здоровье работающего населения является фундаментом человеческого капитала, который представляет собой фактор устойчивого экономического развития страны» [2].

В современной России сохранение здоровья и жизни работающего населения – приоритетное государственное направление, о чем свидетельствует принятая и реализуемая в настоящее время целевая программа «Безопасный труд», ставящая ряд задач, решение которых направлено на снижение уровня производственного травматизма.

Пройдя длительный путь эволюции, охрана труда сегодня представляет собой систему норм и правил, установленных между государством, работодателями и наемными работниками по поводу создания условий, обеспечивающих сохранение здоровья и трудоспособности работающих, стимулирования работодателей к созданию этих условий, а также формирования системы социальной защиты пострадавших работников. Немаловажную роль в становлении и развитии института охраны труда играет отчетность в сфере охраны труда, предоставляемая компаниями различным стейкхолдерам для сбора данных, их анализа и принятия решений, направленных на улучшение условий труда работников.

Цель данной работы – исследовать возможности нефинансовой отчетности по стандарту GRI-403¹, составляемой российскими компаниями, в отражении сформированной системы охраны труда и ее результатов для работников.

Основные положения проведенного анализа:

1. Эмпирической базой анализа служили нефинансовые отчеты российских компаний, которые содержатся в Библиотеке нефинансовой отчетности РСПП [3].

2. Объектом анализа выбраны три компании различных отраслей, которые представляли нефинансовую отчетность в области устойчивого развития за последние три года (2017–2019 гг.): ПАО СИБУР-Холдинг (химическая отрасль), АО СУЭК (угольная отрасль) и ООО Нестле-Россия (пищевая отрасль).

3. При анализе были взяты показатели, отражаемые компаниями в социальной отчетности по стандарту GRI-403 за три года (2017–2019 гг.).

Основные выводы по результатам проведенного анализа:

1. Все три компании признаются лидерами в своих отраслях по раскрытию информации и нефинансовой отчетности по стандарту GRI-403, что подтверждается ежегодной подачей и публикацией отчетов.

2. Все анализируемые компании раскрывают информацию в точном соответствии со стандартом GRI-403, причем отражаются не только количественные показатели, но также приводится аналитика по достижению тех или иных индикаторов в сфере охраны труда.

3. Все показатели, раскрываемые в соответствии со стандартом GRI-403, достаточно детализированы, отражение их в Отчете компании имеет общую логику и формат. Также, следует отметить, что в отличие от других разделов нефинансовой отчетности, отражение показателей по охране труда имеет общий формат для всех компаний, но отличается степень детализации и уровень полноты раскрытия информации о мероприятиях по охране труда.

4. Главный вывод: компании, публикующие отчетность по охране труда по стандарту GRI-403 отличаются существенно более низкими показателями травматизма и профессиональной заболеваемости, а также уровня дней нетрудоспособности в сравнении с компаниями той же отрасли, которые не публикуют нефинансовую отчетность. Можно говорить о том, что организации, представляющие нефинансовую отчетность, обеспечивают более эффективные и результативные мероприятия по охране труда и нацелены на сохранение физического и ментального здоровья своих работников.

¹ GRI – Global Reporting Initiative.

Литература

1. Global programme employment injury insurance and protection // Официальный сайт Международной организации труда. 1996–2021. International Labour Organization (ILO). URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---emp_ent/documents/publication/wcms_573083.pdf (дата обращения: 10.08.2021).
2. Панова Т.В. Здоровье работающего населения – важнейшее условие качества и производительности труда // Экономика и управление народным хозяйством. 2018. № 4. С. 39–41.
3. Национальный Регистр и Библиотека корпоративных нефинансовых отчетов // Официальный сайт Российского союза промышленников и предпринимателей. 2021. РСПП. URL: <https://xn--olaabe.xn--plai/activity/social/registr/> (дата обращения: 21.08.2021).

УДК 331.5

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-70

М.В. Курбатова, И.В. Донова

*Международная ассоциация институциональных исследований,
Кемеровский государственный университет*

КАК РЫНКИ ТРУДА РЕГИОНОВ РЕСУРСНОГО ТИПА ПЕРЕЖИВАЛИ ПАНДЕМИЮ

Ключевые слова: рынок труда, пандемия COVID-19, регионы ресурсного типа

Меры по сдерживанию распространения COVID-19 одновременно во всех странах мира сотрясли рынки труда. Помимо высокой скорости обвала, отмечались и другие особенности кризиса: глубина, избирательная природа (отраслевая и секторальная неравномерность сжатия спроса на труд), высокие риски для благосостояния домохозяйств, неопределенность восстановления. Ситуация на российском рынке труда подробно освещалась в ряде работ [4, 5]. Как и везде в мире, российские исследователи констатируют ограниченность и неоперативность данных о занятости и безработице, дискутируют об их применимости в условиях «ковидной реальности» [1, 2]. Сложился определенный консенсус по поводу того, что пандемический кризис в наибольшей степени сказался на крупных городах с развитым сектором услуг и в ресурсодобывающих регионах.

В данной работе рассматривается реакция рынков труда регионов ресурсного типа [3] на данный кризис. Эмпирической базой являются доступные на сайте Росстата показатели, характеризующие состояние рынка труда регионов по месяцам/кварталам 2020 г. в сравнении с соответствующим периодом 2019 г. Проведенное исследование показало, что ситуация на рынках труда регионов с разным уровнем ресурсной зависимости менялась по-разному.

7 регионов очень высокого уровня ресурсной зависимости продемонстрировали слабую реакцию уровня экономической активности на пандемический шок; общая и зарегистрированная безработица поднялись, но слабее среднероссийского уровня, при высоких и повышающихся уровнях зарплат. Более уязвимыми оказались рынки труда Республики Саха, Ненецкого АО.

В группе из трех регионов с преобладанием добывающих отраслей над обрабатывающими при средней доле добывающих отраслей в ВРП республика Тыва отреагировала уникально высоким выходом населения в экономическую активность – примерно на 10 п.п. (главным образом в безработицу – как общую, так и зарегистрированную).

6 регионов высокого уровня ресурсной зависимости показали слабые изменения в уровне экономической активности, ценовая подстройка также не наблюдалась (отсутствуют серьезные падения уровня зарплат, отмечен их слабый прирост). Наибольшие показатели увеличения общей и зарегистрированной безработицы – в Томской, Кемеровской и Оренбургской областях.

Характеристики 11 регионов со средним уровнем ресурсной зависимости очень разнообразны: с одной стороны, республика Хакасия (сильный рост безработицы), немногим лучше ситуация в Пермском крае и Карелии. С другой стороны, финансово благополучные Татарстан, Тюменская область, Красноярский край (небольшой рост безработицы при высоких приростах получателей пособий).

Остальные 58 регионов (с низким уровнем ресурсной зависимости) распределились на несколько кластеров с разными типами реакций на кризис.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 19-010-00244 «Институциональная организация рынка труда в регионах ресурсного типа».

Литература

1. Ахапкин Н.Ю. Российский рынок труда в условиях пандемии COVID-19: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 52–65.
2. Кашепов А.В., Афонина К.В., Головачев Н.В. Рынок труда РФ в 2020-2021 гг.: безработица и структурные изменения // Социально-трудовые исследования. 2021. № 43 (2). С. 33–44.
3. Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С., Кислицын Д.В. Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация // TerraEconomicus. 2019. Т. 17, № 3. С. 89–106.
4. Мухина И.И., Синдяшкина Е.Н. Занятость и безработица: кризис или новые возможности // Социально-трудовые исследования. 2020. № 40 (3). С. 56–67.
5. Одегов Ю. Г., Разинов А. Е. Пандемия COVID-19 и её влияние на мировой рынок труда: анализ складывающихся тенденций (часть вторая) // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17, № 2. С. 216–227.

УДК 334.021

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-71

М.В. Курбатова

Международная ассоциация институциональных исследований

ПРОВАЛЫ ИМПОРТА ИНСТИТУТОВ НАУЧНОЙ ПОЛИТИКИ В РФ

Ключевые слова: научная политика; импорт институтов; подотчетность

В начале 2000-х гг. в РФ было зафиксировано возрастающее отставание и ослабление видимости российской науки в мировом экономическом пространстве. Результатом стало формирование новых подходов к научной политике на основе заимствования ее институтов, сформированных в странах-лидерах. Однако подобный «импорт институтов» чреват двумя типами провалов.

Провал первого типа – заимствование институтов сопровождается и негативными эффектами, с которыми сталкивается страна-донор, и которые являются следствиями изменений стимулов деятельности в новых институциональных условиях. Так институты подотчетности и формализованной оценки научной деятельности показали свою ограниченность во всех странах, их использующих [1–3]. В условиях высокого профессионализма субъекта управления, его ориентации на долгосрочные цели и развитой общественной экспертизы соответствующих проектов «импорта институтов», негативные эффекты могут быть нивелированы. Во-первых, за счет, более детального изучения критики заимствованных институтов и принятия корректирующих мер. Во-вторых, в результате большего внимания к сопряжению с действующими институтами научной политики.

Провал второго типа – заимствованные институты в иной институциональной среде могут привести к усилению уже известных и появлению новых, специфических для данной страны негативных эффектов, обусловленных изменениями в стимулах деятельности. Основной вопрос данного исследования заключается в том, удалось ли в РФ при заимст-

нии институтов научной политики сгладить провалы «импорта институтов», либо они были усилены.

Был проведен анализ нормативных документов, закрепляющих подходы, цели и инструменты научной политики РФ двух периодов (2012–2018 гг. и с 2018 г.) и ее уровней формирования и реализации, – политического и управленческого. Анализ показал, что на политическом уровне интересы бюрократии (совокупности бюро, связанных с регулированием научных исследований) представлены чрезмерно; на уровне управления выстроены достаточно жесткие агентские цепочки подотчетности. В этом проявилось явное ослабление переговорных позиций академического сообщества при формировании научной политики. В результате, провалы импортируемых институтов подотчетности и формализованной оценки результатов деятельности усилены в результате их сугубо бюрократического использования [4, 5].

Исследование выполнено по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации № ВТК-ГЗ-ФИ-15-19.

Литература

1. Гасслер Х., Шибани А. «Непрактичная» наука: как оценить результативность фундаментальных исследований // Форсайт. 2011. Т. 5, № 1. С. 40–47.
2. Калгин А.С., Калгина О.В., Лебедева А.А. Оценка публикационной активности как способ измерения результативности труда ученых // Вопросы образования. 2019. № 1. С. 44–86.
3. Тамбовцев В.Л. О научной обоснованности научной политики в РФ // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 5–32.
4. Семёнов Е.В. Производство показателей как механизм подавления производства знаний, технологий и компетенций // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2, № 1. С. 69–93.
5. Шепелев Г.В. Об управлении российской наукой // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2, № 2. С. 65–92.

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-72

А.А. Курышева

Южный федеральный университет

ПРАГМАТИЗМ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Ключевые слова: институциональная экономическая теория, прагматизм, прикладной институциональный анализ, интерпретативная методология, смешанные методы

Институциональная экономическая теория в значительной степени опирается на идеи и концепты, возникшие в философии прагматизма Ч. Пирса, У. Джеймса и Д. Дьюи [5, 6]. Согласно институционалистам, наиболее важной характеристикой человеческого поведения для учёных-общественников является склонность этого поведения принимать форму привычного действия. Силой, объединяющей участников сообщества в экономическом смысле, является не личный интерес, а заведённый институциональный порядок [1]. Прагматистское понимание институции предполагает её трактовку как опривыченной, взаимно типизированной участниками определённого сообщества социально-экономической практики, в основе которой – укоренённые ценности, убеждения и стереотипы. Преодоление традиционной для мейнстримной экономической теории дихотомии между разумом и телом позволяет интерпретировать институцию как распространённый образ мысли и действия [8]. Существует тесная взаимосвязь между исследовательскими традициями прагматизма и современного социального конструкционизма [3]: и та, и другая рассматривают институции фактически как источник регулярностей во взаимодействиях между людьми, являющихся участниками тех

или иных сообществ. Направленность социально-экономических исследований предполагает выявление этих регулярностей и их объяснение. Возникновение институционализма фактически означало появление новой онтологической области в экономической дисциплине. Этот факт позволяет аргументировать избыточность споров по поводу изобретения приставок к термину «институционализм» для идентификации институциональной экономики как традиции экономической мысли.

Принципы прикладного институционального исследования тесно связаны с онтологическими, эпистемологическими, аксиологическими и методологическими основами прагматизма [7]. В качестве философии практического опыта прагматизм подчёркивает бесплодность «методологических дискуссий», «споров о понятиях» и схоластического теоретизирования в отрыве от эмпирической работы [4]. Прикладные исследования являются инструментом для разрешения конкретных социально-экономических проблем [2]. Применение в этих целях как качественных, так и количественных методов предполагает интерпретативный анализ эмпирического материала. Выбор метода определяется в зависимости от конкретной исследовательской задачи, то есть проблемной ситуации, требующей разрешения.

Вклад работы в теоретическую литературу состоит в опровержении представления о прагматизме как о «промежуточной» между конструктивизмом и позитивизмом парадигме, а также о релятивистской позиции прагматистов относительно выбора метода исследования.

Литература

1. Commons J.R. (1934). *Institutional Economics*. New York: The Macmillan Company.
2. Dewey J. (1938). *Logic: The Theory of Inquiry*. New York: Henry Holt.
3. Goldkuhl G. (2012). Pragmatism vs interpretivism in qualitative information systems research. *European Journal of Information Systems*, vol. 21, no. 2, pp. 135–146.
4. Gruchy A.G. (1947). *Modern Economic Thought. The American Contribution*. New York: Prentice-Hall, Inc.
5. Hodgson G.M. (2004). Reclaiming habit for institutional economics. *Journal of Economic Psychology*, no. 25, pp. 651–660.
6. Jonson R.B., Onwuegbuzie A.J. (2004). Mixed methods research: A research paradigm whose time has come. *Educational Researcher*, vol. 33, no. 7, pp. 14–26.
7. Mirowski Ph. (1987). The philosophical bases of institutionalist economics. *Journal of Economic Issues*, vol. 21, pp. 1001–1038.
8. Veblen T. (1922). *The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions*. N.Y.: B.W. Huebsch.

УДК 339

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-73

Юань Кэфэн

Национальный исследовательский Томский государственный университет
Педагогический университет Ниндэ

ЭВОЛЮЦИЯ РЕШЕНИЙ ПО РАСПРЕДЕЛЕНИЮ СЕМЕЙНЫХ БЮДЖЕТОВ И ИХ МЕЖДУНАРОДНОЕ СРАВНЕНИЕ

Ключевые слова: семейное богатство, принятие инвестиционных решений, жизненный цикл, институциональная экономика, комплексная научная теория

Решения по семейному бюджету связаны не только с динамикой семейного благосостояния, они во многом определяют макроэкономическую устойчивость и темпы развития страны. Международные исследования в данной сфере последних годов привели к появлению новых методов и подходов, сформировали новые аспекты теории потребления, теории выбора активов, расширили теорию жизненного цикла семьи, теорию поведенческой экономики, институциональную теорию и др. научные идеи. Важно учитывать, что национальные правительства при проведении политики, нацеленной на оптимизацию структуры семейного

бюджета и рост частного накопления, обычно полагаются на свои собственные привычные инструменты и управленческий опыт.

Как известно, после второй мировой войны, на фоне роста социально-экономического благополучия большинства стран, доходы отдельных семей также постепенно росли, при этом значительно выросло финансовое самосознание домохозяйств, усилилась потребность в частных инвестициях, вырос запрос на разнообразие их форм. Ученые провели множество исследований по доходам, потреблению, сбережениям, займам, финансовым инвестициям, выбору активов, жизненному циклу, инвестиционному поведению домашних хозяйств.

В докладе представлен обзор эволюции теоретических подходов к принятию решений, связанных с формированием и использованием семейных бюджетов, а также приводятся результаты международного сравнения решений по семейному бюджету на основе онлайн-базы данных OCED о располагаемом доходе домохозяйств, их расходах, сбережениях, задолженности, финансовых активах и финансовых операциях за период с 2005 по 2019 г. для Германии, США, Великобритании, Японии и Италии.

В завершении сделаны выводы о влиянии на инвестиционные возможности домашних хозяйств динамики развития финансового рынка, среды на рынке капитала, концентрации сбережений, институциональных рамок для инвестиций в недвижимость, персонализации пенсионных планов, уровня финансовой грамотности граждан.

УДК 316.334.2

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-74

П.Е. Лаврусевич

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

ПРИБРЕЖНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАРАКАНСКОГО БОРА: РЕКРЕАЦИОННЫЙ РЕСУРС ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Ключевые слова: присвоение пространства, права собственности, трагедия общих ресурсов, Караканский бор

Прибрежная часть Караканского бора, расположенная в границах Искитимского и Ордынского районов Новосибирской области, традиционно является привлекательным местом летнего отдыха для жителей близлежащих регионов. Формально эти территории относятся к землям лесного фонда, береговая линия является частью водоохранной зоны Новосибирского водохранилища. В сущности же они являются общей собственностью, что дает основания говорить о трагедии ресурсов общего пользования [1, 2]. Пользователи бора (автотуристы) многократно конструируют и воспроизводят совокупность правомочий на пространства туристических стоянок. Антропонагрузка на бор, существенно возросшая в период пандемии коронавируса, обуславливает высокую экологическую напряженность (прежде всего обостряет проблему вывоза мусора) при относительно устойчивом социальном равновесии.

В рамках первого этапа качественного исследования «Неформальные практики природопользования Караканского бора: между социальным присвоением и социальной кооперацией»¹ исследовательской группой были зафиксированы различные варианты символического и реального (более или менее длительного) присвоения пространства бора и берега водохранилища. Отсутствие формальных «правил игры» заставляет участников взаимодействия самостоятельно их определять и поддерживать.

¹ Проект реализуется при поддержке Фонда социальных исследований «Хамовники». URL: <http://khamovniki.ru/proekt-neformalnye-praktiki-prirodopolzovaniya-karakanskogo-bora-mezhdu-socialnym-prisvoeniem-i-socialnoj-kooperaciej/>

Классификации правомочий (предложенные Э. Оноре и С. Пейовичем [1, 2]) представляют собой в данном случае одно из оснований для типологизации агентов природопользования.

Так, естественным образом у любого туриста присутствует право пользования. Однако возможно зафиксировать также право изменять форму и субстанцию (создание временных построек на берегу – зоны принятия пищи, навесы, погреба-холодильники, бани, спуски к воде), право передавать другому лицу (откладывание отъезда с целью «удержания» места стоянки и передачи приезжающим родственникам или знакомым) (по Пейовичу); право на управление (разрешение на временное пребывание в границах стоянки для посторонних), под вопросом запрет вредного использования (по Оноре). Дополняя эту модель критериями длительности пребывания на территории (в кратко- и долгосрочной перспективе), субъективным пространственным измерением отношений собственности (как далеко простираются индивидуальные правомочия и кому принадлежит бор и берег в целом), возможно провести более глубокий анализ складывающихся социально-экологических отношений и сформулировать предложения по их регулированию.

Литература

1. Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science. 1968. Vol. 162. P. 1243–1248.
2. Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности / пер. с англ. М.: Социум, 2020.
3. Капелюшников Р. Право собственности (очерк современной теории) // Отечественные записки. 2004. № 6. С. 65–81.

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-75

С.Н. Левин

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова*

КОНФИГУРАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫХ РЫНКОВ В РЕГИОНАХ РЕСУРСНОГО ТИПА

Ключевые слова: регион ресурсного типа, экономические рынки, политико-административный рынок, анклав богатства, фрагментация экономики, вертикаль власти

Предметом исследования в рамках проекта является институциональная организация рынков труда в регионах ресурсного типа. В современной научной литературе наметился поворот, связанный с отходом от идеи единого общенационального рынка труда и переходу к рассмотрению его как системы отдельных региональных рынков [1]. Возникает вопрос о том, что лежит в основе регионализации рынка труда в современной России. Представляется, что это проявление более общей тенденции. Экономика России представляет собой фрагментированное экономическое пространство, центральным элементом которого выступает пирамида анклавов богатства. При этом остальная экономика функционирует в режиме выживания, поскольку не обладает достаточными экономическими и/или политическими ресурсами, которые обеспечивали бы ее конкурентоспособность и способность к устойчивому развитию. Формирование и развитие такой системы является проявлением эффекта исторической обусловленности развития, поскольку экономика и социум в России традиционно характеризуется устойчивым существованием и переплетением процессов экономической фрагментации и политико-административной централизации. Специфика современной ситуации обусловлена соединением в постсоветский период процессов внутренней рыночной

трансформации со встраиванием российской экономики в глобальные рынки. При этом конкурентоспособным оказался достаточно узкий круг отраслей и компаний преимущественно в экспортно-ресурсном секторе. Компании и бизнес-группы, контролирующие ресурсный сектор экономики действуют на практически не связанных друг с другом отдельных глобальных и внутренних экономических рынках. В этих условиях, экономика и социум интегрируются централизованным политико-административным рынком, возглавляемым правящей группой. Отечественный бизнес встроен на различных уровнях в сформировавшуюся вертикаль власти.

Регионы ресурсного типа занимают одно из центральных мест в данной политико-экономической системе. Центральными акторами социально-экономического развития данных регионов выступают представители федеральных и региональных властных структур и крупного ресурсного бизнеса. Для представителей ресурсного бизнеса взаимодействие с властью является условием эксклюзивного доступа к природным и финансовым ресурсам. С другой стороны, федеральные и региональные властные структуры привлекают их к реализации своих политико-административных функций, включая финансирование различного рода социальных и инфраструктурных проектов.

При этом развитие ресурсных регионов в современных условиях не носит целостного (связанного) характера. Проблема заключается в том, что экспортно-ресурсные анклавы богатства не формируют длинные цепочки создания стоимости на их территориях, не создают серьезных стимулов для развития других секторов экономики. В этих условиях власть стремится решать возникающие проблемы через механизмы политико-административного рынка, в том числе привлекая крупный ресурсный сектор к финансированию и реализации проектов развития. Примером таких решений может служить утвержденная Правительством РФ «Программа социально-экономического развития Кемеровской области – Кузбасса до 2024 года» (Распоряжение Правительства РФ от 6 марта 2021 г. № 556-р). Она, в частности предусматривает создание новых рабочих мест (12938) и привлечение внебюджетных инвестиций в отрасли, не связанные с добычей угля.

Доклад выполнен при поддержке гранта РФФИ № 19-010-00244.

Литература

1. Ощепков А.Ю., Капелюшников Р.И. Региональные рынки труда: 15 лет различий: препринт WP3/2015/10. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. (Серия WP3 «Проблемы рынка труда»). 73 с.

УДК 336.71

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-76

М.В. Леонов

Ижевский государственный технический университет имени М.Т. Калашикова

СТРАТЕГИЯ УПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ В РАМКАХ МОДЕЛИ БАНКОВСКОЙ ЭКОСИСТЕМЫ

Ключевые слова: банковская экосистема, цифровизация, партнерство, управленческий учет

Банковская экосистема – модель организации банковской деятельности, предполагающая использование информационно-технологической платформы как универсальной среды совершения банковских операций и формирование комплексных продуктов, одновременно сочетающих в себе банковские и небанковские услуги [2, с. 94]. Формирования экосистемы вокруг коммерческого банка обосновывается использованием его сложившихся преимуществ в части расчетного обслуживания, компетенций в части работы с клиентскими данными [1, с. 194]. Необходимость взаимодействия со сторонними организациями в рамках по-

строения экосистемы связана с законодательными ограничениями на разрешенные виды банковской деятельности [3, с. 186].

Стратегия управления взаимодействием представляет собой долгосрочный план действий по привлечению, удержанию и координации экосистемных партнеров в целях создания востребованных комплексных продуктов и обеспечения стабильной клиентской базы. Важной предпосылкой формирования стратегии является ориентация на сотрудничество коммерческого банка с партнерами, а не подчинение последних, поскольку ценность для клиентов создается в результате содействия и решения совместных задач.

Наиболее целесообразным выглядит передача функций по управлению экосистемной активностью отдельному подразделению коммерческого банка. К основным полномочиям такого подразделения будет обеспечение доступа к цифровой платформе, координация деятельности партнеров, агрегирование информации о клиентах и их операциях. В рамках управленческого учета данное подразделение может как выступать самостоятельным центром прибыли, так и представлять услуги по трансфертным ценам основным подразделениям банка.

В рамках взаимодействия с партнерами условно может быть выделено три основных этапа:

- привлечение. При встраивании услуг в существующий или проектируемый комплексный продукт необходимо отталкиваться от таких критериев как изменение клиентской базы и ее ключевых характеристик, влияние на репутацию и восприятие экосистемы потребителями, воздействие на существующих партнеров, потенциальные доходы. Заключение соглашения и интеграции компании в экосистему целесообразна только после тестирования продукта;

- сопровождение. В рамках экосистемы коммерческий банк работает над совершенствованием комплексных продуктов, включая такие аспекты как пользовательский интерфейс, ценовая политика, маркетинговые кампании, клиентское обслуживание. На данном этапе основными формальными инструментами взаимодействия являются регламентирующие документы и распределение полномочий в рамках организационной структуры, однако возрастает значение и неформальных контактов – совместное обсуждение и переговоры;

- разрыв. В силу объективных причин могут возникать основания для прекращения сотрудничества: невостребованность и экономическая нецелесообразность сохранения продукта, привлечение нового партнера, неконструктивное поведение партнера. В результате разрыва отношений коммерческий банк должен не допустить оттока клиентов и снижения их лояльности.

Таким образом, стратегия взаимодействия покрывает полный жизненный цикл комплексных продуктов в рамках экосистемы, обеспечивая эффективные коммуникации между её участниками. Так как функционирование банковской экосистемы опирается на информационно-коммуникационные технологии, то цифровизация всех процессов должна способствовать сокращению трудоемкости и повышению управляемости.

Литература

1. Зокиров М.А. Банковская экосистема: необходимость построения в условиях усиления конкуренции в розничном бизнесе // Инновации и инвестиции. 2019. № 9. С. 194–197.
2. Леонов М.В. Банковская экосистема как экономическая категория // Управленческий учет. 2021. № 7-1. С. 94–100.
3. Радковская Н.П., Фомичева О.Е. Финансовая экосистема-основной тренд цифровой трансформации модели банковского бизнеса // Журнал правовых и экономических исследований. 2018. № 4. С. 186–189.

С.Н. Лепихина

*Томский государственный университет
систем управления и радиоэлектроники*

АУТСОРСИНГ КАК ИНСТИТУТ МИНИЭКОНОМИКИ ЗНАНИЯ

Ключевые слова: институциональное развитие, аутсорсинг, миниэкономика знания, интеграционно-сетевое взаимодействие

Развитие теории экономики знаний в условиях трансформации современной социально-экономической реальности и перехода к формированию новой институциональной системы стимулирует интерес ученых-экономистов к исследованию конкретных проблем, связанных с многообразием институциональной среды, возникновением и развитием новых институтов экономики знаний [3–5]. Поскольку «именно на уровне предприятий и взаимоотношений между ними зарождаются и развиваются практически все явления, которые впоследствии определяют социально-экономическую ситуацию на макроуровне» [1, с. 45], то более глубокое изучение институциональных преобразований в контексте становления экономики знаний приводит к необходимости исследовать институты на разных иерархических уровнях взаимодействия отдельных хозяйствующих субъектов и их групп, в том числе на миниэкономическом уровне.

Аутсорсинг, по нашему мнению, следует рассматривать как особый сетевой производственно-интеграционный институт на уровне миниэкономики знания, основным фактором производства которого является генерация знаний.

Содержание отношений аутсорсинга как спонтанной формы проявления экономического закона разделения–кооперации труда состоит в необходимости и возможности передачи компанией ряда производственно-технологических процессов другой фирме или специализированным внутрифирменным относительно самостоятельным организационным структурам для модернизации производства и устойчивого роста прибыли [2]. Институт аутсорсинга на уровне миниэкономики знания представляет собой устойчивую постоянно воспроизводящуюся систему формальных и неформальных связей по меж– и внутрифирменной специализации–кооперации, фиксируемой в соответствующих контрактах. Доминирующим фактором существования и развития таких фирм является их интеллектуально-когнитивный капитал, обеспечивающий производство высокотехнологичных товаров.

Аутсорсинг является фактором роста наукоемкости, инновационной активности, инструментом стратегического управления компаниями, способствует развитию интеллектуального человеческого капитала. В результате аутсорсингового взаимодействия происходит распространение инноваций, обмен, производство и приращение научного знания. Благодаря институту аутсорсинга ускорился рост миниэкономики знания в Индии, Китае, других национальных экономиках развивающихся стран, сформировалась сетевая регионально-трансграничная подсистема миниэкономики знания.

Таким образом, аутсорсинг трансформируется в систему устойчивых долгосрочных производственных связей внутри– и межфирменного взаимодействия относительно специализации–кооперации, осуществляемых по общепризнанным формальным и неформальным нормам, что дает основание для определения аутсорсинга как особого института интеграционно-сетевого взаимодействия субъектов уровня миниэкономики знания.

Литература

1. Клейнер Г.Б. Поведение предприятий в квазирыночной экономике // Экономическая наука современной России. 2000. Приложение № 1 (5). С. 45–48.

2. Лепихина С.Н. Аутсорсинг как категория теории эволюционной экономики // Перспективы развития фундаментальных наук: сборник научных трудов XIV Межд. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, г. Томск, 2017 г. Т. 5: Экономика и управление. Томск: Изд-во ТПУ, 2017. С. 94–96.
3. Попов Е.В. Институты. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2015. 712 с.
4. Сухарев О.С. Экономика знаний: перспективы технологического рывка // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 2. С. 16–33.
5. Цитленок В.С., Рождественская Е.М. Государственно-регулируемый конкурентно-рыночный порядок как категория экономики, основанной на знаниях // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 390. С. 161–170.

УДК 005.955

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-78

С.А. Литвина, Л.Р. Тухватулина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

КЛЮЧЕВЫЕ РОЛИ И ЗАДАЧИ HR В СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Ключевые слова: управление человеческими ресурсами, роль HR, актуальные тенденции в HR, маркетинговый подход в HR

В процессе развития деятельности по управлению персоналом, роль HR-специалиста системно усложнялась, расширяясь от выполнения функций по делопроизводству и администрированию, организации вознаграждения и разработки политик оплат, льгот, социального обеспечения к обеспечению эффективности организации через эффективность работы сотрудников. Роли специалиста по управлению персоналом описаны в различных моделях: Tu-son and Fell, Monks, Storey, Reily и др [1, 3].

В XXI в. произошло полноценное осознание HR как важнейшей функции, создающей ценность бизнесу – не вспомогательного процесса, а стратегического партнера бизнеса, центра экспертиз и агента изменений в организации. Ролевая модель, предложенная Д. Ульрихом в 1997 г. [3], обозначила задачи HR относительно бизнес-результатов организации. В стратегическом фокусе первая задача – быть участником разработки бизнес-стратегии, влиять на принятие бизнес-решений, формируя систему управления персоналом, эффективные HR политики и практики (роль Стратегического партнера); вторая задача, актуальная для управления персоналом в современной организации – агент изменений: HR организует работу по осознанию процессов изменений в организации в целом и координирует работу по изменению через управление корпоративной культурой, управляет вовлеченностью и организует деятельность по осознанному участию сотрудников в изменениях и собственном развитии (роль Лидера изменений).

В фокусе тактики, операционных, ежедневных задач – разработка и организация эффективных HR процессов: найма, адаптации, мотивации, развития, высвобождения и т.д. (роль Административного эксперта), и задача обеспечивать продуктивные внутренние коммуникации, слышать и связывать людей, создавать политики для создания баланса интересов организации и сотрудников, формирования удовлетворенности и приверженности, заботиться о благополучии сотрудников, помогать им в решении актуальных проблем (роль Сторонника/адвоката сотрудников).

Современные международные исследования в области управления человеческими ресурсами выделяют ключевые тенденции в развитии HR, которые показывают, что именно роли стратегического партнера, лидера изменений и сторонника сотрудников могут обеспечить бизнесу конкурентоспособность [5].

Реализация этих ролей HR в организации основывается на маркетинговой стратегии – рассмотрении сотрудников в качестве основных клиентов организации [2].

Актуальные отечественные практики показывают, что тренды, обозначенные в международных исследованиях, активно проявляются и в российском опыте [4].

Маркетинговый подход в управлении персоналом предполагает не только создание привлекательного образа компании (HR-бренда), но управление целостным опытом сотрудников на основе взаимосвязи и продуктивной коммуникации. Аналитики Deloitte называют одним из главных конкурентных преимуществ компании управление опытом сотрудника (employee experience) – совокупности впечатлений и переживаний, которые складываются в процессе его взаимодействия с компанией [5]. Как сторонник сотрудников HR будет реализовывать программы благополучия (well-being), политику поиска баланса работы и личной жизни (life-work balance). В стратегическом измерении особенно актуальными становятся проектирование работ, переход от должностей к «ролям» и «супердолжностям», формирование «суперкоманд», обеспечение готовности к новым формам занятости (гибким, смешанным, др.), переходу от обучения к раскрытию потенциала сотрудника.

Литература

1. Сергеев Н. Современная HR-функция: Практика и проблематика внедрения в России, СНГ И ЦВЕ. Изд-во: Екатеринбург : Издательские решения, 2021. 326 с.
2. Скворцова Н.А., Кытина Н.А. HR-маркетинг: технологии управления в компании // Вестник науки и образования. 2020. № 22 (100). Ч. 1. С. 36–37.
3. Ульрих Д. Эффективное управление персоналом. Новая роль HR-менеджера в организации. М.: Вильямс, 2010. 304 с.
4. Конференция о кросс-функциональных компетенциях HR-специалистов. Новосибирск, 2021. URL: <http://event.zarplata.ru/crop> (дата обращения: 19.09.2021).
5. 2021 Global Human Capital Trends: Special Report. London, 2021. URL: <https://www2.deloitte.com/us/en/insights/focus/human-capital-trends.html> (дата обращения: 19.09.2021).

УДК 332.87

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-79

Д.Б. Литвинцев

Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАФАРЕТЫ В УПРАВЛЕНИИ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ В РОССИИ

Ключевые слова: жилищно-коммунальное хозяйство, многоквартирный дом, лицензирование, квалификационный аттестат, профессиональный стандарт, институциональный трафарет

Идея институциональных трафаретов (шаблонов) впервые встречается в русскоязычных источниках в 2019 г. и принадлежит М.М. Соколову, использовавшему данное понятие для освещения проблем реформы системы присуждения ученых степеней в России [3]. При этом само понятие «институционального трафарета» было введено в научный дискурс чуть позже – в 2020 г. в совместной статье К.С. Губа, М.М. Соколовым и Н.А. Соколовой [1]. Под институциональным трафаретом понимаются образцы, «которые дополняются набором продуманных маркеров или индикаторов, нужных чтобы точно определить степень соответствия конкретного индивида или организации идеалу» [1, с. 14].

В виду того, что институциональные трафареты обнаруживаются в различных отраслях российской экономики, обратимся к сфере жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ), активное реформирование которой происходит с самого начала приватизации жилья [2]. Одним из первых и наиболее значимых институциональных трафаретов в управлении многоквартирными домами (МКД) стала лицензия на осуществление предпринимательской деятельности по управлению МКД. До 1 мая 2015 г. все управляющие организации (УО) долж-

ны были получить лицензию или уйти с рынка как несоответствующие институциональному трафарету. Подобный шаг показал весь «блеск и нищету» институциональных трафаретов в сфере ЖКХ – количество УО в России сократилось, но, как показала практика, качество их работы не улучшилось.

С введением лицензирования деятельности по управлению МКД был сформирован и другой институциональный трафарет – квалификационный аттестат, в процессе получения которого должны были «отсеяться» некомпетентные руководители УО. На практике же получить подобный аттестат стало не сложнее, чем сдать теоретический экзамен на водительские права. Более того, подобный трафарет не позволяет определить фактическую степень соответствия руководителя образцу в виду отсутствия достаточного количества продуманных маркеров и/или индикаторов.

Решением в сложившейся ситуации может стать возложение обязанностей на коммерческие УО применять профессиональные стандарты, которые также могут быть рассмотрены как институциональные трафареты. Так, согласно профессиональному стандарту «Специалист по управлению многоквартирными домами», утвержденному Приказом Минтруда России от 31.07.2019 № 538н, директор (управляющий) УО должен иметь высшее образование не ниже уровня магистратуры и не менее 5 лет опыта работы в сфере ЖКХ, из которых 2 года на руководящих должностях.

Таким образом, внедрение институциональных трафаретов в случае непродуманности и/или отсутствия необходимых маркеров соответствия образцу в процессе институциональных преобразований отдельной отрасли может не привести к задуманным результатам, что в том числе и демонстрирует реформа ЖКХ в России. Кроме того, представляется, что институциональный трафарет может быть применен и к социальным группам, и непосредственно к самим институтам (например, к институтам общего имущества и общего собрания собственников МКД) в случае их импорта/экспорта с целью выявления мутации и/или мимикрии.

Литература

1. Губа К.С., Соколов М.М., Соколова Н.А. Динамика диссертационной индустрии в России: 2005–2015 гг. Изменил ли новый институциональный трафарет академическое поведение? // Экономическая социология. 2020. Т. 21, № 3. С. 13–46.
2. Литвинцев Д.Б. Формирование жилищных классов, институтов общего имущества и общего собрания как результат приватизации жилья в России // Общество и экономика. 2021. № 1. С. 71–80.
3. Соколов М.М. Блеск и нищета институциональных трафаретов // Индикатор. URL: <https://indicator.ru/humanitarian-science/blesk-i-nisheta-institucionalnykh-trafaretov.htm> (дата обращения: 04.06.2021).

УДК 378.4:331.5

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-80

Е.А. Лысенко

Кемеровский государственный университет

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ФАКТОРЫ

Ключевые слова: высшее образование; человеческий капитал; конкурентоспособность выпускника вуза; факторы конкурентоспособности; рынок труда

Формирование человеческого капитала – одна из ключевых функций организаций высшего образования. Система профессиональных компетенций, навыков, лежащая в основе формирования человеческого капитала, является чрезвычайно подвижной. Уровень востребованных на рынке труда навыков меняется очень быстро, что создает новые риски [3]. Поэтому вопрос текущей и будущей конкурентоспособности выпускников вузов стоит очень

остро. Важным представляется, в связи с этим, изучение факторов, влияющих на конкурентоспособность выпускника вуза.

Факторы, влияющие на формирование конкурентоспособности выпускников вузов, можно разделить на внешние и внутренние. Внешние факторы, связанные с внешней по отношению к вузу средой: мотивы получения образования; «уровень качества» абитуриента; конкуренция на рынке образовательных услуг; конкурентоспособность вузов (в том числе рейтинги, которые являются определенным сигналом для абитуриентов, родителей, работодателей); ситуация на рынке труда [1, с. 1252]; характеристики трудоустройства выпускников (востребованность, уровень оплаты труда); уровень профессиональных компетенций и навыков выпускников; репутация.

Внутренние факторы, влияющие на конкурентоспособность выпускника: образовательная среда (пространственная, информационная, материально-техническая); коллаборации вузов и других организаций (образовательных, научно-исследовательских, работодателей); кадры; статус вуза и соответствующая государственная поддержка.

Вне зависимости от принадлежности факторов, влияющих на конкурентоспособность выпускников вузов, может проводиться выявление и уточнение факторов, мониторинг их состояния, а также выявление степени воздействия отдельных факторов на конкурентоспособность. На основе этой информации возможно воздействие со стороны вуза на управляемые факторы, а также минимизация влияния негативных факторов, которые не относятся к управляемым. Для достижения этого необходимо решение следующих задач:

1. Уточнение понятия конкурентоспособности выпускника вуза, которая основана не только на востребованности, но связана с когнитивными и некогнитивными навыками, мотивацией, а также сигнальной (имиджевой) составляющей [2, с. 72].

2. Формирование гибкой дополняемой модели факторов конкурентоспособности выпускника вуза: анализ внешних факторов (на «входе» – при поступлении в образовательное учреждение, и «выходе» – начале деятельности на рынке труда); анализ внутренних факторов.

3. Оценивание конкурентоспособности выпускников: с точки зрения самих выпускников («успешность»), с точки зрения работодателей (набор компетенций, «сигналы»).

В связи с переосмыслением роли вузов как общественного института, а также роли в жизненной и образовательной траектории индивида, изучение факторов, влияющих на конкурентоспособность выпускника вуза, может быть положено в основу принятия управленческих решений в сфере высшего образования.

Литература

1. Антонова Г.В., Мирзабалаева Ф.И., Бондарчук А.Г. Проблемы трудоустройства выпускников образовательных организаций в условиях пандемии коронавируса // Экономика труда. 2020. Т. 7, № 12. С. 1249–1268.
2. Ветошкина Т.А., Полянок О.В. К вопросу о конкурентоспособности выпускников вузов // Известия УГГУ. 2014. № 2. С. 71–75.
3. The Human Capital Project // The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/human-capital>

УДК 330.3+330.5

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-81

И.А. Макарова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ БЛАГОСОСТОЯНИЯ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: индекс экологических достижений, индекс человеческого развития с учетом планетарной нагрузки, концепция устойчивого развития

Многочисленные кризисы второй половины XX в. – начала XXI в. характеризуют традиционную модель экономического развития как неустойчивую. Основной недостаток этой модели заключается в абсолютизации экономического роста и недостаточном внимании к решению экологических и социальных проблем. Для определения нового пути развития общества в 80-х гг. XX в. была разработана концепция устойчивого развития, применение которой предполагала разработку новых целей и иных подходов к измерению результатов их достижения [1]. Таким образом, вопрос поиска адекватного способа измерения прогресса современного общества является на сегодня актуальным. В связи с этим предметом исследования является эволюция показателей благосостояния под воздействием концепции устойчивого развития за последние 30 лет. Цель работы заключается в анализе влияния экологических и социальных проблем на разработку новых показателей развития, которые призваны отражать происходящие изменения в эколого-экономической системе.

Результаты исследования показали, что:

- 1) традиционные показатели не учитывают экологические и социальные аспекты развития общества, поэтому не могут корректно отражать уровень благосостояния;
- 2) многие мировые организации и ведущие университеты занимаются разработкой количественных и качественных показателей, отражающих те или иные аспекты устойчивого развития;
- 3) различают 3 концептуальных аспекта устойчивого развития: человеческое благополучие «здесь и сейчас», «позже» и в «других местах»;
- 4) за последние 30 лет было разработано большое количество различных индексов и индикаторов, но не все их можно использовать для международного сравнения, т.к. они отличаются подходами, методами расчета и требуют сбора необходимой информации;
- 5) измерение устойчивого развития происходит по 3 направлениям: разработка комплексного показателя, набора индикаторов и спутниковых счетов;
- 6) существует 3 подхода к построению набора показателей: концептуальный, политический и комбинированный;
- 7) ряд международных организаций проводит исследования в области гармонизации подходов и осуществляет разработку глобальных наборов показателей с целью межстранового сопоставления [4];
- 8) под воздействием обострения социальных и экологических проблем, конкретизации целей развития и смены приоритетов, появления новых методик расчета, комбинирования подходов, учета новых видов капитала, концепции человеческого и экологического благополучия, а также трансграничных воздействий происходит постоянная трансформация показателей. Так, в 2002 г. был разработан показатель скорректированных чистых сбережений, в 2006 г. – индекс экологических достижений; в 2020 г. – индекс человеческого развития с учетом планетарной нагрузки [2, 3].

Литература

1. Макарова И.А. Устойчивое развитие в России в XXI веке: стратегия и проблемы // Актуальные вопросы экономики и менеджмента: свежий взгляд и новые решения: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 5–6 декабря 2013 г. Томск: Издательский Дом ТГУ, 2014. С. 460–466.
2. Human Development Report 2020. The next frontier Human development and the Anthropocene. // The United Nations Development Programme. New York, 2020. URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2020.pdf> (дата обращения: 25.06.2021).
3. The Little Green Data Book 2017. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/27466/9781464810343.pdf?sequence=2&isAllowed=y> (дата обращения: 28.06.2021).
4. United Nations Economic Commission for Europe. Conference of European Statisticians Recommendations on Measuring Sustainable Development. New York; Geneva, 2014. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/stats/publications/2013/CES_SD_web.pdf (дата обращения: 18.07.2021).

Н.П. Макашева, С.А. Литвина

Национальный исследовательский Томский государственный университет

УПРАВЛЕНИЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЕМ В УСЛОВИЯХ НЕСТАНДАРТНОЙ ЗАНЯТОСТИ

Ключевые слова: нестандартная занятость, удаленный труд, управление вознаграждением

Нестандартная занятость – понятие далеко не новое. Обычно под этим понимаются все формы занятости, отличающиеся от стандартных по ряду общепринятых критериев.

Стандартом занятости, принятым в мировой практике и, как правило, закрепленным законодательно во многих странах мира, считается работа по найму в режиме полного рабочего дня, с постоянным присутствием на рабочем месте, под непосредственным руководством работодателя или назначенного менеджера. Соответственно, к нестандартным формам занятости относят не подпадающую под эти характеристики занятость на неполный рабочий день, временную (срочную) занятость, самостоятельную занятость (самозанятость), неформальную занятость, занятость в домашнем хозяйстве. Этот перечень не исчерпывает всё многообразие форм нестандартной занятости [2–4].

Стандартная занятость всё чаще рассматривается как атрибут индустриальной экономики, она была доминирующей в прошлом столетии. На фоне последующих радикальных производственно-экономических изменений уже к концу XX века наблюдается массовое отклонение от стандартных условий труда и занятости. Процессы, вызванные переходом к постиндустриальному обществу, требуют развития новых форм занятости. Стандартный режим труда далеко не всегда соответствует этим процессам. Формируется новый тип трудовых отношений, ключевой характеристикой которых выступает гибкость: количественная (изменение числа занятых, продолжительности рабочего времени); пространственно-временная (применение гибких форм организации труда, дифференцированных форм найма и увольнения) [3, с. 130–131]. В настоящее время организованный наемный труд всё в большей степени заменяется разнообразными гибкими формами.

Благодаря интернету и современным коммуникационным технологиям на смену классическому стационарному рабочему месту приходит виртуальное. Развитие информационных технологий, повсеместная цифровизация обусловили возникновение и быстрое распространение такой формы нестандартных трудовых отношений, как дистанционная занятость (удаленный труд). Востребованность такого формата многократно возросла с началом коронавирусной пандемии в 2019 г.

Отмеченные тенденции в сфере трудовых отношений содержат как положительные, так и негативные моменты для работников, работодателей, национальной и мировой экономики. Поэтому большое внимание сейчас уделяется проработке правовых механизмов регулирования нестандартной занятости, называемой также неустойчивой (прекаризованной) занятостью [2].

Меняющийся формат организации труда вносит изменения и в организацию работы с персоналом. Управление персоналом, работающим в нестандартном формате – дистанционно, с гибким рабочим графиком, – имеет свои особенности практически во всех ключевых вопросах: в подборе персонала, адаптации, обучении, учете, наблюдении и контроле деятельности. И, несомненно, первостепенное значение имеет правильно организованная система вознаграждения, обеспечивающая адекватную компенсацию работникам за их труд и мотивацию к эффективному труду.

Современные подходы к управлению вознаграждением исходят из принципа «вознаграждение в целом» [1], предполагающего использование широкого арсенала средств. При

этом оплата труда остаётся основой любой системы вознаграждения. Законодательством РФ не предусмотрен особый порядок оплаты дистанционного труда. Ввиду сложности учета и контроля такой труд предпочтительнее оплачивать сдельно. При этом важно учитывать не только «сколько сделано», но и «как сделано», применяя гибкую систему поощрений как финансовыми, так и нефинансовыми средствами. Последние играют всё большую роль в системах вознаграждения. Однако удаленный формат ограничивает возможности их применения. Так, теряются преимущества от командной работы и личного общения. Работающие удаленно сотрудники слабо ассоциируют себя с определенной компанией, с командой. Всё это ведет к снижению мотивации и вовлеченности. Поэтому следует уделять больше внимания информированности работников, организовывать коллективные онлайн-мероприятия, развивать онлайн-обучение, онлайн-общение в неформальной обстановке (совместные онлайн-обеды, обмен видео о занятиях спортом, отдыхе; поздравления с днем рождения и другими значимыми событиями).

Литература

1. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. 14-е изд. / пер. с англ. под ред. С.К. Мордовина. СПб.: Питер, 2017. 1040 с.
2. Бобков В.Н., Одинцова Е.В., Коваленко В.В. Неустойчивая занятость – глобальная проблема современности: как снизить ее масштабы в России? // Проблемы прогнозирования. 2020. № 3. С. 93–100.
3. Ванкевич Е.В., Зайцева О.В. Нестандартная занятость: сущность, формы, масштабы, регулирование // Белорусский экономический журнал. 2015. № 3. С. 129–146.
4. Камарова Т.А. Понятия, виды и формы «нестандартной занятости», нормативно-правовая основа их применения // Human Progress. 2015. Т. 1, № 1. URL: <http://progress-human.com/images/1tom/Kamarova.pdf>

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-83

В.А. Маланина

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Национальный исследовательский Томский государственный университет*

РОЛЬ ТРАВМИРУЮЩИХ СОБЫТИЙ ЖИЗНЕННОГО КУРСА В ЖИЗНЕСТОЙКОСТИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнестойкость (resilience, hardiness) является комплексным психологическим феноменом, часто трактуемым социологами как способность возвращаться в исходное состояние после перенесенных испытаний. Фактически, это способность преодолевать жизненные трудности без существенных потерь для самооценки, веры в свои силы, готовности принимать решения, преодолевать препятствия, ставить цели и контролировать свою жизнь. В условиях продолжающейся пандемии в апреле 2021 г., было проведено социологическое обследование выборки из 400 пожилых людей в возрасте старше 55 лет, проживающих в городе Томске и Томской области. Для определения уровня жизнестойкости была использована анкета Коннора–Дэвидсона (Connor-Davidson Resilience Scale (CD-RISC-25)). Анкета включает 25 вопросов, на каждый из которых респондент может набрать от нуля до четырех баллов («совершенно неверно» – 0, «правда, но редко» – 1, «иногда правда» – 2, «часто правда» – 3, «правда почти всегда» – 4). Максимальное совокупное значение жизнестойкости по данной методике может достигать 100 баллов. Среди опрошенных пожилых людей Томской области значения варьируются от 12 до 100 баллов, при среднем значении 62,5 балла.

Респондентам было предложено указать, сталкивались ли они с травмирующими событиями в течение своей жизни, и если да, то в каком из возрастов – в детстве или юности, в трудоспособном возрасте или после наступления пенсионного возраста. Материальные фак-

торы, среди которых бедность, долги, потеря имущества, сбережений, безработица, показали наиболее высокие значимые отрицательные корреляции с жизнестойкостью, если происходили в молодом (–,168**) и пенсионном возрасте (–,175**). События из других сфер жизни – здоровье, отношения с близкими, исторические, природные и криминальные события, затронувшие респондентов, – демонстрируют еще более слабые корреляции. В пожилом возрасте здоровье тем не менее, становится более значимым для жизнестойкости (–,170**). Представляет интерес также и взаимодействие между различными негативными событиями жизненного курса, поскольку потенциально они могут быть взаимообусловлены. Материальные проблемы в трудоспособном возрасте сравнительно наглядно коррелируют с травмирующими историческими событиями (,315**) и негативными событиями в сфере здоровья своего и членов семьи (,229**). Аналогичные корреляции между событиями, затронувшими респондентов в пожилом возрасте, оказались предсказуемо несколько сильнее и составили соответственно (,353**) и (,244**).

Таким образом, эффекты травмирующих событий, произошедших давно, выражены очень слабо, более же близкие по времени, текущие проблемы, актуальные в пожилом возрасте, демонстрируют больше значимых и относительно более высоких корреляций.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00282).

УДК 336.22; 338.12

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-84

М.Ю. Малкина

*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского*

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКИХ ФИСКАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Ключевые слова: фискальная система, институты, пандемия, налоговые доходы, межбюджетные трансферты

Пандемия 2020 г. и связанные с ней ограничительные меры (введение локдауна, закрытие отдельных учреждений, перевод на дистанционную работу) привели к сокращению деловой активности предприятий, снижению доходов населения, что также повлияло на объем и структуру потребительского спроса. Наиболее уязвимыми к пандемии оказались добывающая отрасль (из-за резкого сокращения цен на нефть и введенных ограничений по добыче нефти в рамках соглашения с ОПЕК), транспорт, сфера услуг. От пандемии пострадали в первую очередь налоговые системы тех регионов, в которых сосредоточены данные отрасли: регионы нефтедобычи, автопрома и мегаполисы с развитой сферой услуг [1, с. 48].

В 2020 г. произошло существенное уменьшение поступлений по НДПИ, что сказалось главным образом на доходах федерального бюджета. Также в значительной степени сократились поступления налога на прибыль, что больно ударило по доходной части региональных бюджетов, куда поступает 17 из 20% этого налога. Снижение налога на имущество организаций, полностью поступающего в бюджеты субъектов РФ, было обусловлено введением льгот и освобождений по данному налогу для ряда отраслей, признанных наиболее пострадавшими от пандемии. В то же время, доходы от НДФЛ, полностью поступающего в региональные бюджеты, в 2020 г. даже несколько увеличились относительно непандемического прогноза, что объясняется определенными правительственными инициативами по поддержке населения, а также существенным увеличением межбюджетных трансфертов. Небольшой рост НДС в силу увеличения спроса на отдельных сегментах потребительского

рынка играл некоторую компенсирующую роль в формировании федерального бюджета [2, 3]. Наконец, необходимо отметить сокращение неналоговых доходов регионов, прежде всего, от использования государственного имущества и реализации материальных и нематериальных активов.

В условиях пандемии государство активно использовало меры фискальной политики для борьбы с кризисом. Кроме указанных выше льгот по налогу на имущество, которые выполняли скорее не стимулирующую, а поддерживающую функцию, значительную роль сыграли межбюджетные трансферты, выделяемые федеральным центром регионам в основном за счет долгового финансирования. Во-первых, общий объем трансфертов в 2020 году вырос по сравнению с 2019 г. на 53,9%. Во-вторых, усилилась их инвестиционная направленность. Так, субсидии (предназначенные для софинансирования инвестиционных проектов) увеличились на 81,6%, тогда как дотации выросли на 41,1%, субвенции – на 52,9%, иные межбюджетные трансферты – на 48,5%. В-третьих, следует отметить введение четырех целевых дотаций общим объемом 93 млрд руб. – на обеспечение сбалансированности бюджетов, финансирование дополнительных медицинских расходов, поддержку занятости и оплаты труда в условиях коронавирусной инфекции. Кроме того, из федерального бюджета были выделены две целевые дотации общим объемом 14 млрд руб. на мероприятия, связанные с обеспечением безопасности и дополнительными выплатами членам избирательных комиссий в период голосования по Конституции Российской Федерации. Однако доля этих двух групп дотаций в общей межбюджетной помощи составила лишь 2,8%. В-четвертых, следует отметить крайне неравномерную поддержку регионов в условиях пандемии. Как демонстрирует рис. 1, в целом наблюдается отрицательная, хотя и незначительная связь между выпадающими собственными доходами регионов и масштабом их компенсации со стороны федерального центра. С другой стороны, поддержка явно носила селективный характер, и в ней присутствовали политические предпочтения.

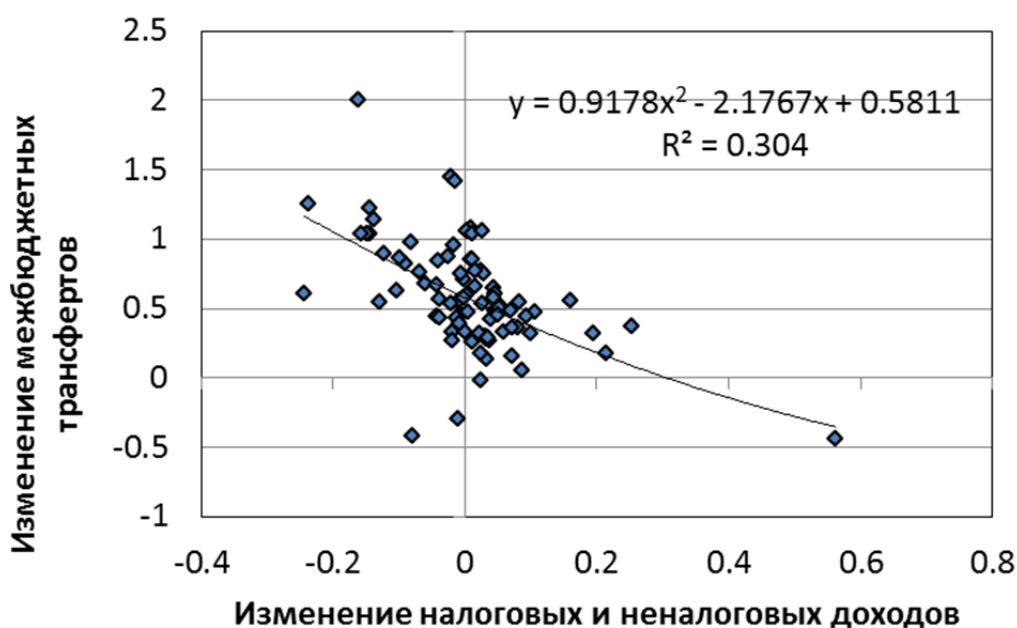

Рис. 1. Связь изменения собственных доходов и межбюджетной помощи субъектов РФ в условиях пандемии 2020

Таким образом, институты фискальной системы в период пандемии проявили достаточную гибкость и в целом успешно выполняли корректирующую и компенсирующую функции. Также увеличилась их инвестиционная направленность, что вписывается в политику дирижизма современного российского государства. В то же время они сохранили и даже упрочили свои прежние свойства, связанные с отсутствием четких правил при распределе-

нии существенной части трансфертов и влиянием на это распределение политических предпочтений и политического делового цикла.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00716.

Литература

1. Зубаревич Н.В. Влияние пандемии на социально-экономическое развитие и бюджеты регионов // Вопросы теоретической экономики. 2021. № 1(10). С. 48–60.
2. Malkina M.Yu. Impact of the 2020 pandemic on revenue from various taxes in the russian regions // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14, № 7. P. 987–997.
3. Malkina M.Yu. How the 2020 pandemic affected tax revenues in Russian regions? // Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy. 2021. Vol. 16 (2). P. 239–260.

УДК 330.564.2

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-85

М.Ю. Малкина

*Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского*

КОНЦЕПЦИЯ НЕРАВЕНСТВА ВОЗМОЖНОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Ключевые слова: оплата труда, дифференциация, обстоятельства, неравенство, декомпозиция

В экономической литературе выделяется целый пласт работ, посвященных неравенству доходов населения и их источникам [2, 3]. Между тем, ряд зарубежных исследователей (Р. Дворкин, Р. Арнесон, Г. Коэн, Дж. Рёмер, М. Флёрбэй и др.) предложил качественное разделение неравенства на два типа: обусловленное влиянием обстоятельств (так называемое неравенство возможностей), и связанное с целенаправленными действиями людей (неравенство усилий). К факторам обстоятельств исследователи относили пол, место рождения (регион, городская или сельская местность), материальное положение семьи и уровень образования родителей, а также этническую принадлежность. Все, что не объясняется обстоятельствами, является результатом усилий людей.

Исследователи указывали на то, что обстоятельства связаны с прошлым и находятся вне контроля человека, тогда как усилия связаны с настоящим и отражают проявление воли индивидуумов. В связи с этим Дж. Рёмер рекомендовал, чтобы общество страховало (компенсировало) только потери, обусловленные обстоятельствами, или «грубой удачей» (brute luck) [6]. В то же время М. Флёрбей и Э. Шокарт обратили внимание на влияние обстоятельств, в которых люди принимают решения, на их усилия [5]. Например, образ жизни родителей может предопределять будущее поведение детей.

Изучение доли факторов обстоятельств в доходном неравенстве показало существенные различия между развитыми и развивающимися странами. Например, в статье, анализирующей неравенство заработков в индийских провинциях [7], в качестве факторов обстоятельств авторы выделяли расу и религию. Они пришли к выводу о высокой степени влияния обстоятельств на неравенство заработных плат в Индии, по сравнению с другими странами. Кроме того, они обнаружили существенные региональные различия во вкладе факторов обстоятельств в общее неравенство в индийских провинциях.

В исследовании доходного неравенства в США [4] выделялись уже 6 факторов обстоятельств: пол, здоровье, экономические условия родителей в раннем возрасте, этническая

принадлежность, уровень интеллекта, определяемый IQ тестом, уровень безработицы по месту рождения. Авторы пришли к выводу, что в 1999–2009 гг. обстоятельства объясняли лишь 15–16,6% неравенства доходов американских граждан и описывали кривую U-образного типа с возвратом к росту неравенства в период финансового кризиса.

Что касается доли неравенства возможностей в доходах российских граждан, согласно исследованию З.Ф. Ибрагимовой и М.В. Франц [1], она оказалась весьма чувствительной к методике расчета и варьирующей от 20 до 45%. Это свидетельствует о том, что проблема разграничения двух типов неравенства достаточно тонкая и требует весьма деликатных подходов.

Литература

1. Ибрагимова З.Ф., Франц М.В. Россия – страна возможностей? Смотря как считать // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 5–29.
2. Овчарова Л.Н., Попова Д.О., Рудберг А.М. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 3 (31). С. 170–186.
3. Овчинников В.Н., Малкина М.Ю. Детерминанты неравенства в оплате труда в современной России // Terra Economicus. 2019. Т. 17, вып. 3. С. 30–47.
4. Abatemarco A.A Gini approach to inequality of opportunity: evidence from the PSID // Empirical Economics. 2015. Vol. 49 (4). P. 1497–1519.
5. Fleurbaey M., Schokkaert E. Unfair inequalities in health and health care // Journal of Health Economics. 2009. Vol. 28 (1). P. 73–90.
6. Roemer J. Equality of Opportunity. Cambridge: Harvard University Press, 1998.
7. Sharma C., Paramati S.R. Measuring Inequality of Opportunity for the Backward Communities: Regional Evidence from the Indian Labour Market // Social Indicators Research. 2018. Vol. 138. P. 479–503.

УДК 332.01

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-86

М.П. Маслов, С.П. Петров

*Новосибирский государственный технический университет,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН*

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ ЦИФРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ЭКОНОМИКИ РЕГИОНОВ РОССИИ

Ключевые слова: цифровизация, цифровой потенциал, качество жизни, инвестиции в ИКТ, риски, регионы России

В данной работе предлагаются методические аспекты оценки цифрового потенциала регионов России. Авторы исходят из понимания цифрового потенциала региона, как возможного уровня цифрового развития с учетом имеющейся совокупности ресурсов и возможностей, а также их отдачи при соответствующих инвестициях в цифровую трансформацию региона, т.е. как функции отклика уровня цифровизации экономики на инвестиции в информационные технологии с учетом текущего уровня ее цифровизации. При этом в работе вводится категория «цены» 1% ежегодного прироста Российского регионального индекса цифрового качества жизни населения (РРИЦКЖН, методика расчета данного индекса представлена в работе [1] в расчете на среднегодовое значение среднедушевых инвестиций в информационно-коммуникационные технологии (ИКТ).

Проведенный регрессионный анализ показал, что рост инвестиций в ИКТ на душу населения приводит к увеличению «цены» 1% ежегодного прироста РРИЦКЖН на 0,271 и эта взаимосвязь является значимой.

Далее определим относительное отклонение реального значения цены 1% прироста индекса РРИЦКЖН i -го региона P_i от расчетного значения P_i^* :

$$\Delta P_i^{\text{отн}} = \frac{P_i^* - P_i}{P_i^*}$$

Аналогичным образом найдем относительное отклонение РРИЦКЖН для i -го региона от среднероссийского значения:

$$\Delta \text{РРИЦКЖН}_i^{\text{отн}} = \frac{\overline{\text{РРИЦКЖН}}_i - \overline{\text{РРИЦКЖН}}_{\text{РФ}}}{\overline{\text{РРИЦКЖН}}_{\text{РФ}}}$$

Далее находим индекс цифрового потенциала (ИЦП) i -го региона как

$$\text{ИЦП}_i = (1 + \Delta P_i^{\text{отн}})(1 + \Delta \text{РРИЦКЖН}_i^{\text{отн}})$$

Само по себе значение ИЦП следует использовать в сочетании с другими показателями для характеристики цифрового потенциала региона, а также того, насколько этот потенциал реализован. Этими показателями являются значения РРИЦКЖН и средних инвестиций в ИКТ.

На основе вышеизложенного можно описать следующие типовые сочетания представленных показателей:

1. Высокое значение ИЦП. В сочетании с низкой ценой 1% прироста РРИЦКЖН указывает на высокий цифровой потенциал. Уровень реализации этого потенциала, т.е. значение РРИЦКЖН при этом вероятно будет также низким.

2. Высокое значение ИЦП. В сочетании с высокой ценой 1% прироста РРИЦКЖН указывает на высокий цифровой потенциал, поскольку индекс РРИЦКЖН при высоком ИЦП и цене 1% прироста РРИЦКЖН также должен быть высоким. Степень реализации такого высокого потенциала также будет высокой, поскольку рост цены 1% прироста РРИЦКЖН должен происходить при приближении региона к цифровому потенциалу, т.е. дальнейшее наращивание уровня цифровизации (индекса РРИЦКЖН) для региона должно даваться все сложнее.

3. Низкое значение ИЦП. В сочетании с низкой ценой 1% прироста РРИЦКЖН указывает на низкий цифровой потенциал. Уровень реализации этого потенциала может быть как низким, так и высоким, но даже при высокой степени реализации низкого цифрового потенциала значение РРИЦКЖН должно быть низким.

4. Низкое значение ИЦП. В сочетании с высокой ценой 1% прироста РРИЦКЖН означает, что индикатором цифрового потенциала становится сам индекс РРИЦКЖН. Иначе говоря, данная ситуация означает, что уровень цифровизации региона существенно не меняется несмотря на инвестиции в ИКТ, поэтому этот уровень вероятно находится около потенциального значения, а значит о том, насколько этот потенциал высок или низок, можно судить по индексу РРИЦКЖН.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00195.

Литература

1. Литвинцева Г.П., Шмаков А.В., Стукаленко Е.А., Петров С.П. Оценка цифровой составляющей качества жизни населения в регионах Российской Федерации // Terra Economicus. 2019. Т. 17, № 3. С. 107–127. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-3-107-127

УДК 336

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-87

В.В. Мельников

Новосибирский государственный университет экономики и управления

ФИНАНСИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ключевые слова: экономическая политика, государственные закупки, бюджетная система

Исследование посвящено обоснованию целесообразности финансирования закупок продукции для государственных и муниципальных нужд в рамках государственной контрактной системы РФ в качестве механизма проактивной экономической политики.

Предлагается анализ ряда работ, которые рассматривают в качестве важного инструмента регулирования стимулирование расходов посредством государственной контрактной системы, например при построении национальных инновационных систем, научно-техническом развитии, моделировании структуры экономики, а также решении социальных проблем.

Предлагается эмпирический анализ роли государственной контрактной системы России с точки зрения ее влияния на развитие региональных экономик за период 2012–2019 гг. Подтверждается наличие систематически значимой связи между объемами финансирования государственных закупок, осуществляемых в рамках КС РФ, и собственными доходами региональных бюджетов.

Динамика коэффициентов эластичности, характеризующих взаимосвязь объемов финансирования государственных и муниципальных закупок в рамках государственной контрактной системы Российской Федерации и отдельных групп налогов в консолидированных бюджетах субъектов Российской Федерации за период 2012–2019 гг. говорит об экономической целесообразности роста расходов на закупки с точки зрения обеспечения бюджетов собственными средствами.

Выявлено позитивное влияние государственных и муниципальных закупок на уровень занятости в регионе и уровень инновационной активности организаций, а следовательно, подтверждается потенциал КС РФ с точки зрения проведения социальной и инновационной политики, что соответствует международным оценкам.

Делается вывод о целесообразности использования бюджетной и контрактной системы в совокупности в качестве проактивного механизма экономической политики, обеспечивающего создание эффективных хозяйственных порядков.

В условиях двухсторонних экономических санкций, означающих делиберализацию экономических отношений в сфере международного движения капитала, трансфера технологий и торговли, государственная контрактная система является институциональным механизмом, способным играть стабилизирующую и стимулирующую роль в обеспечении роста национального производства и инноваций, используя средства налогоплательщиков для достижения стратегических целей развития страны.

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-88

Н.Н. Минаев, Е.А. Жарова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К УПРАВЛЕНИЮ ПРОЦЕССАМИ НАКОПЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РЕГИОНАХ РОССИИ

Ключевые слова: человеческий капитал, стратегическое планирование, регионы России, социально-экономическое развития, управление

В эпоху Индустрии 4.0 и цифровой экономики человеческий капитал (далее – ЧК) становится одним из ключевых факторов, обеспечивающих высокий уровень социально-экономического развития стран. Вместе с тем, сегодня наблюдается тенденция неравномерного территориального распределения ЧК, что отражено в работах отечественных [1] и зарубежных исследователей [2], а также докладе Всемирного Банка [3]. Данная тенденция особенно характерна для России, что подтверждается результатами исследования, представлен-

ными авторами в работе [4], где была проведена оценка величины накопленного ЧК в регионах России и осуществлена их группировка по данному признаку. В результате было выявлено, что в России разбалансированы процессы движения и накопления ЧК. С целью дальнейшей работы был проведен анализ региональных подходов к управлению ЧК для выявления их взаимосвязи с его накопленной величиной. Результаты проведенного анализа отражены в табл. 1–5 и выводах.

Т а б л и ц а 1

Горизонт стратегического планирования (далее – СП)

Группа регионов ¹	Количество регионов с горизонтом до 2025 г.	Количество регионов с горизонтом до 2030 г.	Количество регионов с горизонтом после 2030 г.
1-я группа	0	6	1
2-я группа	4	9	6
3-я группа	6	15	10
4-я группа	5	15	8

Источник: Составлено авторами.

Т а б л и ц а 2

Роль ЧК в документах СП

Группа регионов ³	Количество регионов, где ЧК выделен как приоритет/цель/задача в развитии региона	Количество регионов, где в качестве приоритета/цели/задачи выделен не ЧК, а смежное понятие	Количество регионов, где ЧК НЕ выделен как приоритет/цель/задача в развитии региона
1-я группа	4	0	2
2-я группа	11	1	7
3-я группа	18	2	11
4-я группа	22	0	6

Источник: Составлено авторами.

Вывод 1: Во всех регионах разработаны документы СП либо их проекты проходят стадию утверждения. Вместе с тем, данные документы носят комплексный характер, в то время как отдельные стратегии/программы по управлению ЧК отсутствуют. В регионах отличается горизонт планирования, что указывает на отсутствие синхронизации в процессах социально-экономического развития на территории страны. В значительной части регионов в документах не рассматривается ЧК, что указывает на отсутствие политики в области управления его накоплением и использованием.

Т а б л и ц а 3

Определение ЧК в документах СП

Группа регионов ³	Регионы, где представлено определение ЧК	Количество регионов, где отсутствует определение ЧК
1-я группа	Московская область	6
2-я группа	Иркутская область	18
3-я группа	0	31
4-я группа	Мурманская область, Магаданская область	26

Источник: Составлено авторами.

Вывод 2: Определение ЧК представлено всего в 4 регионах. Используемые в документах определения существенно отличаются друг от друга, а также от принятых в научном сообществе трактовок. Вышеизложенное указывает на существенную проблему – объект управления в документах СП не определен/определен ошибочно, что приводит к расхождениям в механизмах управления.

¹ В данной работе используется ранее разработанная группировка регионов [4], где 1-я группа регионов имеет уровень ЧК значительно выше среднероссийского, а 4-я группа – значительно ниже среднероссийского.

Механизмы управления ЧК в документах СП

Группа регионов ³	Регионы, где заложено управление через механизмы социальной политики	Регионы, где механизмы управления ЧК увязаны с развитием реального сектора экономики	Регионы, где отсутствуют механизмы управления
1-я группа	6	1	0
2-я группа	14	0	5
3-я группа	20	1	10
4-я группа	18	1	9

Источник: Составлено авторами.

Вывод 3: Механизмы управления ЧК сведены к инструментам социальной политики, что не соответствует представлениям о ЧК, как о рыночной категории, определяющей экономическое развитие территорий.

Измерение ЧК в документах СП

Группа регионов ³	Регионы, где представлены показатели измерения ЧК	Регионы, где показатели измерения ЧК связаны только с социальными сферами	Регионы, где отсутствуют показатели измерения ЧК
1-я группа	0	5	2
2-я группа	1	11	7
3-я группа	1	12	18
4-я группа	0	14	14

Источник: Составлено авторами.

Вывод 4: методически некорректно определена результативность проводимой политики – показатели не увязаны с механизмами управления ЧК.

Генеральный вывод: в России на региональном уровне отсутствует системная политика в области управления процессами накопления ЧК. Это подтверждается вышеизложенными выводами. Таким образом, накопленная величина ЧК в регионах не обусловлена эффективностью проводимых мероприятий в данной области.

Для устранения выявленных недостатков в России должна быть произведена синхронизация процессов управления ЧК (унификация горизонтов планирования, подходов к измерению, механизмов). Результаты управления ЧК должны проецироваться на экономическую сферу, а не на социальную. Должна появиться методика оценки межтерриториального движения ЧК, что позволило бы создать управляемую систему.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-310-90019.

Литература

1. Кетова К.В., Романовский Ю.М., Русяк И.Г. Математическое моделирование динамики человеческого капитала // Компьютерные исследования и моделирование. 2019. Т. 11, № 2. С. 329–342.
2. Kooiman N., Latten J., Bontje M. Human capital migration: a longitudinal perspective // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2018. Vol. 109, № 5. P. 644–660. <https://doi.org/10.1111/tesg.12324>
3. Human Capital Project, The World Bank. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/human-capital#Index> (дата обращения: 25.08.2021).
4. Минаев Н.Н., Жарова Е.А. Анализ накопления человеческого капитала в регионах России в условиях технологических сдвигов и перехода к цифровой экономике // Экономика труда. 2021. Т. 8, № 6. С. 565–584. doi: 10.18334/et.8.6.112314

В.В. Мосейко

Калининградский государственный технический университет

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ В ПЕНСИОННЫХ СТРАТЕГИЯХ МОЛЧАЛИВОГО ПРИСОЕДИНЕНИЯ

Ключевые слова: молчаливое присоединение, автоматическое подключение, рациональность

Один из ключевых вопросов экономической теории – рациональность индивидов. Множественные трактовки категории «рациональность» формируют нетождественные смыслы. Отсутствие единой теории рациональности стало одной из причин популярности концепций ограниченной рациональности и позже иррациональности [1].

Рекомендации поведенческих экономистов сводятся к применению инструментов подталкивания [6]. В пенсионном планировании таким является подключение «по умолчанию» к пенсионным программам. Самым известным стало присоединение к плану 401 (k) в США. Из-за низкого охвата пенсионным планом утвердилось мнение о нерациональном поведении американцев [1, с. 398–399], многие экономисты выступили за автоматические механизмы в пенсионировании.

Несмотря на критические замечания плана 401 (k), такие как: попадание в налоговый капкан без учета инфляции [4, с. 256–263]; снижение темпов накоплений при низком уровне отчислений [1, с. 417]; игнорирование интересов индивидов со сверхсбережениями [3, с. 21]; применение работодателями оппортунистических стратегий [1, с. 415–416] идея автоматического подключения к нему получила широкую поддержку среди экономистов и вскоре стала претендентом на новый мировой стандарт в пенсионировании [5, с. 423].

Как панацея от финансовой безграмотности, бедности в старости автоматическое подключение к пенсионным программам реализуется в России: с 2002 г. по умолчанию перенаправлялись пенсионные накопления неопределившихся «молчунов»; несколько лет назад обсуждалась концепция индивидуального пенсионного капитала, также предполагающая автоматическое подключение.

Пассивность и безынициативность россиян нередко объясняются через их нерациональность. Такая трактовка является излишне упрощенной, поскольку не учитывает особенности внешней среды, уровень доверия в обществе и к пенсионным институтам, прочие культурные детерминанты, например, установку на патернализм, а также мотивы «молчунов». Результатом являются адаптивные пенсионные стратегии неуверенных россиян.

Если государство ставит перед собой цель иметь больше финансово грамотных и вовлеченных в пенсионный процесс индивидов, то вместо молчаливого присоединения необходимо использовать прямое волеизъявление. Это обеспечит обучение, повысит информированность о возможностях пенсионного планирования, приведет к изменению пенсионных стратегий.

Литература

1. Беширс Дж., Чои Дж., Лейбсон Д., Мэдриан Б., Уэллер Б. Глава 12. Публичная политика и пенсионные накопления // Как экономическая наука помогает делать нашу жизнь лучше / под ред. Д. Зигфрида; пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 432 с.
2. Канеман Д. Думай медленно...решай быстро. М.: АСТ, 2017. 653 с.
3. Капелюшников Р.И. Вокруг поведенческой экономики: несколько комментариев о рациональности и иррациональности: препринт WP3/2018/04. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 36 с.
4. Котликофф Л., Бернс С. Пенсионная система перед бурей: То, что нужно знать каждому о финансовом будущем своей страны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 348 с.
5. Шиллер Р. Комментарий// Как экономическая наука помогает делать нашу жизнь лучше / под ред. Д. Зигфрида; пер. с англ. Н. Эдельмана. М.: Изд. Института Гайдара, 2011. 432 с.
6. Sunstein C., Thaler R. Libertarian Paternalism // American Economic Review. 2003. Vol. 93, № 2. P. 175–179.

О.П. Недоспасова, И.А. Павлова

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Национальный исследовательский Томский политехнический университет*

МОНИТОРИНГ БЛАГОПОЛУЧИЯ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ ИНДЕКСОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: пожилые люди, благополучие, качество жизни, мониторинг, оценка, индексы

Оценка и мониторинг прогресса общества на основе различного рода индексов является очень распространенной практикой последних десятилетий как для международных организаций, так и для отдельных государств. Хорошо известны и пользуются заслуженным уважением международные социально-экономические индексы и индикаторы, применяемые ООН, Мировым банком, Европейским союзом и другими международными структурами (например, Human Development Index, The World Development Indicators, Indicators of Sustainable Development, The Social Progress Index, OECD Better Life Index, Happy Planet Index, Legatum Prosperity Index, Human Capital Index и другие). С их помощью исследователи, политики и чиновники могут оценивать успешность той или иной страны на фоне других государств, отслеживать динамику национального прогресса по отдельным направлениям, выявлять наиболее проблемные зоны социально-экономического устройства, обосновывать решения для развития соответствующих институтов и внедрения лучших практик.

В последние десятилетия индексный метод получил новый импульс к развитию в связи с новым глобальным вызовом – старением населения, что требует фокусирования общественного внимания на повышении благополучия и качества жизни пожилых людей как самой быстрорастущей группы современного общества. Для мониторинга прогресса в этом направлении в последние годы было создано несколько международных индексов, наиболее известными из которых являются Индекс активного долголетия (Active Ageing Index) и Global AgeWatch. Другие варианты оценивания прогресса в данной сфере (Глобальный пенсионный индекс (Natixis Global Retirement Index), Индекс благополучия пожилых (Wellbeing in Later Life Index, WILL), Индекс благосостояния пожилых людей (SCL / PRB)) менее известны, но безусловно представляют большую исследовательскую ценность.

Для мониторинга благополучия пожилых людей в России исследователями Международной научно-образовательной лаборатории Технологий улучшения благополучия пожилых людей создан специальный инструмент – Российский индекс благополучия старшего поколения (РИБСП). С его помощью можно получить оценку качества жизни пожилых людей в регионах России по четырем направлениям анализа, характеризующим экономику, социум, здоровье и региональное пространство. Источники данных для РИБСП – открытые формы Росстата и данные «Комплексного обследования условий жизни населения» (КОУЖ).

В 2021 году авторы проанализировали результаты расчета РИБСП за 2014, 2016 и 2018 гг., сделали выводы о его динамике за весь период наблюдения как в целом, так и в разрезе его доменов. Отдельно были проанализированы данные по РИБСП для Томской области. Сделаны выводы о негативной динамике региона в общероссийском рейтинге по РИБСП и нестабильном (в основном негативном) изменении рейтинговых позиций области по большинству доменов данного индекса. Проведен анализ динамики Томской области по отдельным индикаторам каждого домена.

По итогам работы выдвинуты предположения о возможных причинах ухудшения рейтинговых значений Томской области в РИБСП. Выдвинуты предположения о возможных причинах негативной динамики Томской области в данном рейтинге как в целом, так и по его отдельным доменам и индикаторам. На основе полученных данных сделаны предвари-

тельные выводы о рисках невыполнения в Томской области национального плана действий по повышению качества жизни пожилых людей, а также о неполной согласованности осуществляемых в нашей стране и в регионе действий международным программам в данной сфере.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Институты реализации ресурсного потенциала старшего поколения в экономике старения» (проект № 19-18-00300).

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-91

О.П. Недоспасова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТЬЮ И КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ В РОССИИ И ВЬЕТНАМЕ

Ключевые слова: технологическое пространство, пожилые люди, экономическая активность, качество жизни, Россия, Вьетнам

Формирование современного технологического пространства является ответом на вызовы глобальной экономики и политики и представляет собой один из актуальных трендов современного общества. Вбирая в себя широкий спектр знаний и инноваций, технологическое пространство представляет собой не только среду для их аккумуляции и приращения, но систему использования технологических новшеств, ориентированную как на повышение эффективности экономики, так и на рост качества жизни граждан. Не менее важно и то, что технологическое пространство неразрывно связано с определённым сообществом и представляет собой особую среду, которая не ограничена формальными географическими, культурными, институциональными или демографическими границами. Отдельные грани этой среды пересекаются и накладываются друг на друга, формируя значительные синергетические эффекты, в результате которых качество жизни может повышаться в самом широком смысле.

Современное технологическое пространство открывает новые возможности для повышения качества жизни наиболее быстро растущей социальной группы – пожилых людей. По международным оценкам доля граждан в возрасте, старше трудоспособного к 2100 г. в мире может превысить 22%, при этом уже сейчас в развитых странах, достигших высокой продолжительности жизни (Япония, Швеция, Италия и др.) граждане старшего возраста составляют более 20% населения.

Без новых технологических решений общество не справится с демографическими вызовами. Информационно-коммуникационные технологии и их внедрение в пространство жизни пожилых людей способны сделать его более комфортным, безопасным, здоровым, интересным, эмоционально-насыщенным. Новые технологические решения имеют высокий потенциал для сохранения и продолжения экономической и личностной активности граждан старшего возраста, позволяют продлить их автономное проживание, повысить качество общения и общую вовлечённость в социум.

Можно выделить несколько направлений потенциального роста качества жизни пожилых людей за счет внедрения в единое для социума пространство современных технологических решений:

- создание «умной» транспортной инфраструктуры;

- повышение эффективности систем безопасности;
- улучшение качества окружающей среды;
- развитие цифрового образования и здравоохранения;
- улучшение условий проживания;
- развитие сетевых коммуникаций.

Важно, что перечисленные направления применения современных технологий способны улучшить качество жизни не только для тех пожилых людей, которые живут в городах, но и для сельских жителей. Несмотря на продолжающуюся урбанизацию, значительная часть граждан старшего возраста будет по-прежнему проживать в сельской местности.

Исследование посвящено изучению специфики формирования и развития современного технологического пространства во взаимосвязи с экономической активностью и качеством жизни пожилых людей для России и Вьетнама. Ряд культурно-исторических и институциональных факторов, национальные приоритеты и уровень амбиций при формировании современного технологического пространства, его актуальный на сегодняшний день уровень в анализируемых странах безусловно очень различаются. Однако, ответы современного российского и вьетнамского общества на глобальные демографические вызовы во многом схожи, поскольку обе страны являются переходными экономиками, проводят реформирование базовых социально-экономических институтов, представляют собой активно стареющие социумы со значительной долей сельского населения в старших возрастах. При этом в обеих странах запрос на повышение качества жизни пожилых людей очень высок и не может быть снят с актуальной политической повестки.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-510-92007 «Влияние регионального технологического пространства на качество жизни пожилого населения»

УДК 330
DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-92

В.И. Нефёдкин

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ И КОРПОРАТИВНАЯ РЕНТА В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Ключевые слова: экономическая власть, корпоративная рента, институционализация

Важным, хотя и заранее непрогнозируемым результатом постсоветских реформ стала институционализация системы экономической власти. Основой этой системы стали крупные корпорации – государственные и частные. Гипотетический совершенный рынок предполагает равномерное распределение экономической власти между участниками этого рынка. Трансакции на реальных рынках осуществляются в условиях неравенства рыночных агентов (доминирование/подчинение). Концентрация активов в отдельных крупных корпорациях увеличивает асимметрию в распределении экономической власти. Чем больше экономическая власть корпорации, тем больше возможности извлечения ею дополнительных выгод, имеющих рентную природу.

Влияние распределения экономической власти на поведение опосредовано структурой издержек и выгод экономического поведения, на величину которых оказывает влияние власть. В процессе трансакций возникают особого рода издержки, которые носят институциональный по своему происхождению характер, но не связаны с устранением неопределенности и затратностью информации, т.е. не являются по своей природе трансакционными из-

держками. Для анализа власти поведенческая модель, основанная на трансакционном подходе, недостаточна. Возможен и другой подход, который исходит из посылки о том, что агенты, вступающие в трансакции, неравны между собой и один из них может принуждать другого действовать в своих интересах. Экономическая власть в данном случае понимается как способность одних агентов влиять на поведение других агентов, обеспечивая себе преимущество через угрозу применения санкций. Асимметрия в распределении власти позволяет даже на конкурентном рынке извлекать особую ренту.

Если субъектом власти является корпорация, то можно говорить об экономической власти корпораций (корпоративной власти). На практике рост власти одной корпорации приводит к увеличению объема контролируемых ею трансакций в разных отраслях и секторах экономики, в которых она участвует. Обладание экономической властью означает возможность корпорации влиять на экономику страны в целом и отдельных регионов в своих интересах. Следствием экономической власти является известное в экономической теории несоответствие частных и общественных издержек (выгод). В отличие от моделей, базирующихся на предпосылках равного и добровольного обмена, расхождение частных и социальных издержек и выгод уже представляет собой не экстерналию, а сознательный результат максимизации полезности в условиях неравенства агентов. Максимизация выгод в условиях отсутствия или слабости сдерживающих формальных институтов порождает стремление к корпоративной экспансии за счет неорганического роста.

Наши исследования показывают, что в России с 2004 г. действует устойчивая тенденция к концентрации экономической власти. Все большая часть трансакций внутри реального сектора осуществляется в пределах крупных вертикально-интегрированных структур. Это обуславливает относительное, а при растущей экономике и абсолютное увеличение корпоративной ренты. Как следствие – снижается конкурентное поле в реальном и финансовом секторах экономики. Поскольку в конечном счете любая рента реализуется в виде надбавки к ценам товаров и услуг и/или уменьшении располагаемых доходов населения, может наблюдаться эффект, аналогичный эффекту монополии в отдельной отрасли, когда излишек производителя не компенсирует потери потребителя и в итоге возникают чистые суммарные потери для общества.

В качестве примеров проявления «институционализированной» корпоративной ренты можно рассматривать экономически выгодные регулируемые тарифы для естественных монополий; прямые государственные субсидии для финансирования операционной деятельности или для осуществления инвестиционных проектов; доступ к внешнему финансированию на нерыночных условиях; льготы по налогам и прочим платежам в бюджет; преференции в получении крупных государственных заказов и подрядов.

УДК 331

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-93

Е.В. Нехода

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ НОВЫХ ФОРМ ЗАНЯТОСТИ

Ключевые слова: рынок труда, занятость, гиг-занятость, институциональное регулирование занятости

Цифровая экономика, использование цифровых платформ и сервисов влияют на все сферы общественной жизни. Не исключением является и трудовая деятельность, претерпевающая в настоящее время колоссальные изменения. Труд в привычном его понимании все больше ассоциируется с каким-либо делом, и все меньше с работой по найму, привязанностью к конкретной организации и идентификацией с конкретным видом экономической деятельности.

Исследователи выделяют несколько основных тенденций, оказывающих влияние на рынок труда и занятость: гиг-экономика, платформы и совместное использование (экономика совместного использования) [1]. Гиг-экономика (gig economy) (в некоторых исследованиях – гигномика, гигономика) является новой экономической моделью, охватывающей многообразие форм краткосрочной занятости (гиг-занятость – фриланс, самозанятость, групповая занятость, случайная работа и др.), распространяющейся быстрыми темпами по миру, становясь повседневной реальностью [2, 3]. Последние исследования PwC подтверждают рост рынка фриланса в условиях гиг-экономики: прогнозный среднегодовой темп роста глобального рынка фриланса с 2020 до 2025 г. составит 16%, а сам рынок вырастет до 13,84 трлн долл. Среднегодовой темп роста сегмента B2B Human Cloud (фриланс-платформы и специализированные провайдеры, предоставляющие доступ к фрилансерам для корпоративного сектора) до 2025 г. составит порядка 19%, и его объем вырастет до 28,3 млрд долл. Прогнозные оценки темпов российского рынка фриланса по данным PwC также подтверждают положительную динамику: среднегодовой темп роста российского рынка фриланса с 2020 г. до 2025 г. составит 20%, сам же рынок вырастет до 102 млрд долл.; 25% компаний планируют до 30% работников заместить фрилансерами; доля российского рынка фриланса в общей структуре глобального рынка фриланса к 2025 г. составит порядка 1,1% [4]. Эти же тенденции подтверждают исследования НИУ ВШЭ совместно с ИТ-холдингом TalentTech и биржей фриланса FL.ru [5]. Мировая пандемия и распространение новой коронавирусной инфекции (COVID-19) лишь ускорили эти процессы.

Для обозначения новых тенденций в сфере занятости сегодня применяется множество терминов, которые связаны с «эрозией» традиционных форм занятости и традиционных трудовых отношений – «нетипичная занятость», «условная занятость», «гибкая занятость», «платформенная занятость», «временная работа», «случайная работа» и «нестандартные рабочие договоренности», означающие, что не все рабочие места имеют низкую квалификацию. Также встречаются термины – «неполная занятость» (занятые лица, которые не достигли полного уровня занятости) и «неформальная работа» (в которых рассматриваются аспекты трудовых отношений, такие как отсутствие письменного договора или минимальная социальная защита) [6].

Как показывает теория и практика, институты занятости и социально-трудовых отношений ориентированы на традиционные формы занятости (стандартную занятость – работу полный рабочий день) и жесткие социально-трудовые отношения (наличие контрактов между работодателями и наемными работниками с обязательствами и ответственностью с обеих сторон и со стороны государства за условия труда, вознаграждение, социальную защиту, гарантии прав работников в сфере труда и т.п.). Особенностью же и основным направлением трансформации занятости на современном этапе развития экономики выступает потребность в повышении степени ее адаптации к меняющимся технологиям и социально-экономическим условиям, характеризующимися развитием новых форм занятости, и требующих целенаправленного институционального воздействия со стороны всех участников социально-трудовых отношений (работника, работодателя, государства) и др. заинтересованных сторон.

Вопросы институционального регулирования новых форм занятости и меняющихся на их основе социально-трудовых отношений только-только начинают привлекать внимание ученых, экспертов, практиков [7, 8]. Ряд авторов придерживается той точки зрения (и с ней сложно не согласиться), что новые формы занятости, в частности платформенная занятость, не могут регулироваться теми же нормами, что и традиционная занятость, и традиционные трудовые отношения [9]. В любом случае, институциональные механизмы регулирования новых форм занятости должны способствовать повышению социальной защищенности новых категорий работников, вовлечению их в социальный диалог, расширению концепции Достойного труда для новых форм совместной деятельности. В качестве таких институциональных механизмов могут быть предложены: изменения в законодательстве и нормативно-правовом регулировании новых форм занятости; формирование института доверия и накоп-

ление социального капитала (прочных социальных связей и отношений); расширение показателей Достойного труда с учетом ценностей новых категорий работников (например, нахождение баланса между работой и личной жизнью); развитие инфраструктуры рынка труда (например, цифровой найм, биржи удаленной работы).

Институционализация новых форм занятости и регулирования социально-трудовых отношений должна способствовать вовлечению новых категорий работников (гиг-работников) в систему фундаментальных прав в сфере труда, социальной защиты и эффективного социального диалога.

Литература

1. Экосистемы: подход к регулированию. Доклад Банка России. Апрель, 2021. 45 с.
2. Баник Н., Падалкар М. Распространение гигномики // Форсайт. 2021. Т. 15, № 1. С. 19–29.
3. Липидус Л.В., Полякова Ю.М. Гигномика как новая социально-экономическая модель: развитие фрилансинга и аутсорсинга // Вестник Института экономики российской академии наук. 2018. № 6. С. 73–89.
4. Прогноз PwC на основании данных CNBC. The 10 countries with the fastest-growing earnings for freelancers. Февраль, 2021. 26 с.
5. Исследование заказчиков услуг фрилансеров 2020. ИТ-холдинг TalentTech, Высшая Школа Экономики, биржа фриланса FL.ru, 2021. 3 с.
6. Маслюкова Е.В., Зайцева Ю.Ю. Занятость в неформальном секторе: количественные методы анализа // Экономика труда. 2017. Т. 4, № 4. С. 423–430.
7. Лютов Н.Л. Адаптация трудового права к развитию цифровых технологий: вызовы и перспективы // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6 (103). С. 98–107.
8. Савельева Е.А. Подходы к нормативно-правовому регулированию платформенной занятости в контексте обеспечения экономической безопасности России при переходе к цифровой экономике // Экономическая безопасность. 2020. Т. 3, № 4. С. 469–488.
9. Платформенная занятость: определение и регулирование / авт. коллектив: О.В. Синявская, С.С. Бирюкова, А.П. Аптекарь, Е.С. Горват, Н.Б. Грищенко, Т.Б. Гудкова, Д.Е. Карева. М.: НИУ ВШЭ, 2021. 77 с.

УДК 336.67

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-94

Л.И. Ткаченко, У.А. Норенов

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ ФИНАНСОВОЙ ОТЧЁТНОСТИ ПО МСФО НА ПРИМЕРЕ АО «АЛМАЛЫКСКИЙ ГОРНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ КОМБИНАТ»

Ключевые слова: МСФО, АО «Алмалыкский ГМК», финансовая отчетность, финансовый учёт

Международные стандарты финансовой отчетности (далее – МСФО) применяются большинством зарубежных компаний, ввиду чего, внедрение соответствующих требований для узбекских корпораций позволит сделать их более привлекательными для зарубежных партнеров, так как зарубежные компании смогут более точно оценивать финансовое состояние узбекских [1].

Существенной проблемой в практике организации учета по требованиям МСФО в узбекских корпорациях являются способы организации и ведения учета по требованиям МСФО.

Выделяется три способа ведения учета по требованиям МСФО [2]:

1. Трансформация вне учетной системы (внешняя) – предполагает осуществление учета в соответствии с национальными требованиями и представление непосредственно публикуемой отчетности по требованиям МСФО.

2. Трансформация внутри учетной системы, при которой при организации финансового учета по национальным требованиям в систему учета встраивается автоматизированный модуль, позволяющий осуществлять учет в соответствии с МСФО.

3. Параллельное ведение учета – осуществление учета в двух системах независимо друг от друга. Такая система, хотя и наиболее эффективна, однако требует существенных временных, физических, финансовых затрат на саму процедуру организации учета [3].

В АО «Алмалыкский горно-металлургический комбинат» используется второй вариант, при котором одни учетные данные обрабатываются по требованиям МСФО, а другие – в соответствии с национальными стандартами.

Можно отметить влияние такого подхода на учет имущества, подлежащего амортизации. Так, в соответствии с МСФО (IAS) (пункт 58) (IAS) 16 «Основные средства» (Property, Plant and Equipment) земля и здания должны в учете подлежать отображению отдельно. При этом, земля не подлежит амортизации, а здания – амортизируемое имущество. Для АО «Алмалыкский горно-металлургический комбинат» это позволяет более оперативно использовать принципы МСФО-16 при применении национальной отчетности.

Методы амортизации, применяемые в АО «Алмалыкский горно-металлургический комбинат», также соответствует требованиям МСФО.

Некоторые особенности существуют и при организации учета арендованных средств. Так, в соответствии 4.9 Учетной политики АО «Алмалыкский горно-металлургический комбинат», арендованные основные средства учитываются на забалансовом счете 001 «Арендованные основные средства» по стоимости, указанной в акте приема-передачи. По нормам МСФО (IAS) 17 «Аренда» (Leases), пункт 22, АО «Алмалыкский горно-металлургический комбинат» обязано признавать данные объекты в бухгалтерском балансе как активы и обязательства по справедливой стоимости, кроме того, данные средства должны амортизироваться. Это позволяет несколько снижать налоговую нагрузку на предприятие, что актуально в современных условиях.

Таким образом, использование в узбекских корпорациях требований МСФО при подготовке финансовой отчетности предполагает индивидуальный подход с тем, чтобы организация учета положительно сказывалась на финансовом состоянии предприятий, а также более реалистично и репрезентативно отражала его финансовое состояние, что позволяет своевременно выявить риски в деятельности предприятия.

Литература

1. Алексеева Г.И. Теоретико-методологические основы учета нематериальных активов как результата инновационной деятельности хозяйствующих субъектов // Международный бухгалтерский учет. 2018. № 3.
2. Горбунова Н.А., Орешкина С.А. Этапы трансформации финансовой отчетности в формат МСФО для оценки финансовой устойчивости акционерного общества // Вестник ВУиТ. 2018. № 1.
3. Дружиловская Э.С. Новые правила оценки нематериальных активов в российском учете и их соотношение с требованиями МСФО // Бухгалтер и закон. 2017. № 2 (182). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyye-pravila-otsenki-nematerialnyh-aktivov-v-rossiyskom-uchete-i-ih-sootnoshenie-s-trebovaniyami-msfo> (дата обращения: 12.09.2021).

УДК 332.17:332.83

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-95

Т.Ю. Овсянникова, О.В. Рабцевич, И.В. Югова

Томский государственный архитектурно-строительный университет

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ В РАЗВИТИИ РЫНКА ЖИЛИЩНЫХ ИНВЕСТИЦИЙ КАК ФАКТОР ДЕГРАДАЦИИ ТЕРРИТОРИЙ

Ключевые слова: диспропорции, урбосистемы, рынок жилищных инвестиций, сбалансированное развитие

Доминирующим глобальным трендом конца XX и начала XXI в. является постоянный приток населения в крупные урбосистемы – городские агломерации с высокой концентраци-

ей промышленного, финансового и человеческого капитала. В 2020 г. в Российской Федерации было 24 000 поселений, в том числе 15 городов-миллионников. В этих мегаполисах проживает более 25 % населения России – каждый четвертый россиянин. На основе статистического анализа было выявлено, что из 85 субъектов Российской Федерации в 27 субъектах численность населения увеличилась, а в 58 уменьшилась [1]. Численность населения в мегаполисах продолжает увеличиваться, в первую очередь за счет миграционных процессов.

В результате центростремительных миграционных процессов в стране усиливаются пространственные диспропорции, масштабы территории России превращаются из конкурентного преимущества в источник «сложных и чрезвычайно болезненных проблем, вызовов и угроз, преодоление которых... требует осознанного государственного вмешательства» [2].

Государство понимает серьезность этих угроз, что подтверждает принятие в 2019 г. Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 г. [3]. Целью пространственного развития Российской Федерации является обеспечение сбалансированного пространственного развития Российской Федерации, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны.

Одним из важнейших индикаторов пространственных диспропорций, по нашему мнению, является распределение инвестиций по регионам страны, так в 2020 г. по предварительным оценкам за 9 месяцев при общем спаде инвестиционной деятельности в стране более, чем на 4% в некоторых крупнейших регионах наблюдался рост: Москва +24,6%, Московская область + 7,7%.

Также ещё одним важным индикатором оценки пространственных диспропорций является объём строящегося жилья. По данным ЕИСЖС более 50% строящегося по состоянию на 01.01.2021 многоквартирного жилья сконцентрировано в пяти субъектах Российской Федерации [4]. Более детальный анализ данных, представленных в Единой информационной системе жилищного строительства, свидетельствует о неполном охвате строящихся объектов. Но даже если предположить некоторую возможную неполноту исходных данных, несбалансированность пространственного распределения жилищного строительства остается очевидной.

Жилищное строительство является и фактором, и следствием территориального развития – мультипликативный эффект жилищных инвестиций способствует экономическому росту регионов, а уровень развития территории повышает ее привлекательность для инвестиций, в том числе, жилищных инвестиций и человеческого капитала, что, в свою очередь, дает мультипликативный эффект роста региона [5]. Важно понимать, что без создания новых рабочих мест в регионах не сдержать центростремительные потоки населения, а, следовательно, пространственные социально-экономические диспропорции в регионах России будут только усиливаться.

Выполненное исследование позволило выявить значительные пространственные диспропорции в развитии рынков жилищных инвестиций, проявляющиеся в локации жилищных инвестиций на отдельных территориях и их структуре. Можно сделать вывод о том, что несбалансированное распределение жилищных инвестиций отражается на социально-экономическом развитии территорий, которое проявляется в центростремительной миграции населения страны и деградации большей части регионов Сибири и Дальнего Востока. Авторами предложены инструменты, способствующие выравниванию пространственных диспропорций и сбалансированному развитию региональных рынков жилищных инвестиций.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Томской области в рамках научного проекта № 18-410-700013.

Литература

1. Группировка субъектов Российской Федерации по степени влияния показателей естественного движения и миграции // Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_107/IssWWW.exe/Stg/1-4.xlsx

2. Кулешов В.В., Селиверстов В.Е. Роль Сибири в пространственном развитии России и ее позиционирование в стратегии пространственного развития РФ // Регион: экономика и социология. 2017. № 4 (96). С. 3–24.
3. Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года / Утв. Распоряжением Правительства Российской Федерации № 207-р от 13.02.2019.
4. Долевое строительство жилья, в том числе на основе проектного финансирования с использованием счетов эскроу // Единая информационная система жилищного строительства ДОМ.РФ. URL: <https://xn--80az8a.xn--dlaqf.xn--plai>.
5. Овсянникова Т.Ю., Рабцевич О.В., Югова И.В. Диспропорции на рынке жилищных инвестиций: анализ причин и оценка последствий // Жилищные стратегии. 2018. Т. 5, № 4. С. 453–468. doi: 10.18334/zhs.5.4.39694

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-96

П.А. Ореховский

Институт экономики РАН

СТРУКТУРЫ КОГНИТИВНОСТИ И ПАРАДОКСЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ключевые слова: экономическая наука, равновесие, структуры когнитивности

Коллективные структуры когнитивности фиксируются в доминирующих речевых практиках, применяемом экономико-математическом инструментарии, способах сбора и получения первичной информации. Во многом понятие «структуры когнитивности» пересекается с более привычным понятием «парадигмы»; различия связаны, в первую очередь, с открытостью (рассматриваемое понятие ближе к «эпистеме»), что приводит к важности социально-психологических травм. Именно последние способствуют, с одной стороны, становлению той или иной структуры, с другой – вытеснению части экономических феноменов в коллективное бессознательное (отчасти это также связано с эволюцией ценностных, этических структурами, но здесь мы от них абстрагируемся). В отличие от парадигм структуры когнитивности изначально являются внутренне противоречивыми и способствующими исключению (и маргинализации) части экономических феноменов из рассмотрения.

Центральным концептом экономической теории уже полтора века является *равновесие*. Оно включает в себя как микроуровень (равновесие спроса и предложения на отраслевом рынке), так и макроуровень (здесь возможны варианты – равновесие по Вальрасу, включая развитую форму равновесия Эрроу – Дебре, и разные формы равновесия по Кейнсу, включая наличие так называемой «вынужденной безработицы»). Кроме того, оно предполагает макроэкономическое равновесие в *краткосрочном* и в *долгосрочном* периодах, описываемое моделью Солоу: последняя с момента появления её в 1950-х гг. многократно модифицировалась. В результате прежней теории циклов, связанной с видами равновесия в долгосрочном периоде, в современной теории уже мало что осталось: «реальный цикл» Кидланда – Прескотта связан с шоками и абстрагируется от прежней привязки к срокам жизни активов, П. Ромер свёл остаток Солоу к НИОКР и человеческому капиталу и т.д.

Наряду с концептом равновесия на периферии теории существует феномен неоднородности экономики вместе с *неэквивалентным обменом*. Любопытно, что теории сравнительных преимуществ Д. Рикардо исполнилось уже два века; и в городской, и в региональной экономике эта теория применяется для описания межрегионального обмена. Теории монополистической конкуренции – восемьдесят лет, феномену асимметрии информации, описанному Акерлофом – почти полвека. Неэквивалентный обмен в принципе отрицает существование равновесия экономической системы, можно говорить только о типах роста (сбалансированном или диспропорциональном). Это не вписывается в структуру когнитивности экономической теории и, как мы полагаем, будет игнорироваться ещё долго.

Другой важный концепт экономической теории – *кривая спроса*, описывающая функциональную зависимость между ценой и объёмом спроса. Опять-таки, более века назад Т. Веблен показал, что для товаров, потребление которых подчёркивает социальный статус владельца, такая зависимость отсутствует. Современный маркетинг потребительских товаров и услуг основан на том, что покупатель определённого товара (услуги) повышает (подчёркивает) свой статус; практически всё потребление в странах со средним и высоким доходом является *позиционным*. Поэтому функциональной зависимости между ценой и спросом для потребительских товаров не существует, что хорошо известно многим экономистам. Но это маргинализированное и стигматизированное знание. Ведь если такой зависимости нет, то как же тогда говорить о *равновесии*?

Последний пример – концепт *человеческого капитала*, который, по сути, отрицает существование наёмного труда. В случае признания его реальности необходимо было бы отказаться от трудовых контрактов и перейти к соглашениям об аренде и/или инвестициях. Фирма тем самым не нанимала бы работников, но инвестировала (арендовала) бы человеческий капитал. Это обстоятельство теории человеческого капитала просто игнорируют.

Всё это ставит любопытный вопрос о статусе экономической науки. Какую роль в современном обществе она выполняет? Является ли она позитивистской наукой или в первую очередь служит целям *политической религии*, формируя необходимое для функционирования современных технических систем мировоззрение?

УДК 336.76

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-97

Р.Е. Орловский

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ ИНВЕСТИРОВАНИЯ ФИЗИЧЕСКИМИ ЛИЦАМИ В РОССИИ

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная активность, экономика России

Введение. Актуальность исследования заключается в низкой инвестиционной деятельности в РФ относительно развитых стран. В странах Европы и США люди еще в молодом возрасте вовлекаются в инвестирование, приобретают ценные бумаги, выходят на финансовые рынки, в то время как в России большинство молодых людей никогда не занималось инвестированием. Цель работы – выделение проблем инвестирования физическими лицами в России. В работе применяются сравнительный и относительный методы анализа, наблюдение.

Основная часть. Инвестиционная деятельность физических лиц является одним из важнейших факторов развития экономики. Проблема сохранения и приумножения денежных средств (ранее – продуктов натурального обмена) существует в мире со времен возникновения первых цивилизаций. С течением времени видоизменялись объекты инвестиционной деятельности, при этом цель получения дохода и увеличения капитала оставалась неизменной.

В настоящий момент времени физические лица формируют инвестиционный портфель: инвестируют самостоятельно, приобретая ценные бумаги и индексы фондов, а также передают средства в доверительное управление. Классическим считается портфель, включающий в себя набор различных ценных бумаг: акции, облигации, как корпоративные, так и федерального займа, обеспеченные различным уровнем риска и доходности. Основной задачей портфельного инвестирования считается максимизация доходов при минимизации допустимого уровня риска [1].

В странах развитой устойчивой рыночной экономикой правительства стимулируют формирование инвестиционного поведения населения путем создания механизмов привле-

чения денежных средств в развитие экономики. Такими методами могут являться налоговые льготы, специальные финансовые инструменты, выпуск государственных облигаций.

По данным результата опроса, проведенным РБК в феврале 2020 г., 63,6% россиян не имеют никаких сбережений. Из оставшихся 36,4% опрошенных доли распределились следующим образом:

- 21,2% респондентов имеют сбережения, достаточные для проживания 1 месяц;
- 2% имеют сбережения для комфортного проживания более 3 лет [2].

Результаты данного опроса отображают факт, что большинство населения России не имеет возможности для долгосрочного инвестирования. Наиболее распространенным способом хранения денежных средств является наиболее ликвидный и наименее доходный финансовый инструмент – 57,3% опрошенных используют банковский депозит в рублях, 22,1% респондентов хранят накопления дома в рублях. Валютные вклады имеют 7,5% опрошенных, хранят сбережения в валюте дома – 4,7%.

Несмотря на то, что более половины респондентов склонны к сохранности сбережений на банковских депозитах, инвестиционные продукты и ценные бумаги имеют лишь 3,3% населения [2]. Принято считать, что одним из важнейших факторов низкой инвестиционной активности населения является низкий уровень доходов. При этом, нужно помнить о причинно-следственной связи, и о том, что именно долгосрочное инвестирование является методом получения высокой доходности.

Для сравнения возьмем страны Евросоюза и США. По данным исследования американского портала *Gallup*, в 2017 г. 52% населения Соединенных штатов имели активы в виде ценных бумаг [3]. Широко развитая культура инвестирования в европейских странах и США стимулирует как развитие экономики в целом, так и доходность физических лиц. В связи с этим, возникает эффект снежного кома: население начинает приобретать еще большее количество ценных бумаг, тем самым еще больше увеличивая темпы экономического прироста [4].

В США рынок ценных бумаг обширен и хорошо регулируется. Инвестирование распространено не только среди зажиточного населения, но и среди студентов и домохозяек. За счет большого количества участников рынка ценные бумаги обладают высокой ликвидностью.

Идея инвестирования широко транслируется жителям Европы и США. На телеканалах часто видны биржевые сводки, СМИ рассказывают об успешных историях инвестирования. Ставки по вкладам либо равны 0, либо принимают отрицательные значения: банки берут проценты с физических лиц за хранение денежных средств. Данная среда побуждает людей заниматься инвестированием.

Принято считать, что одним из важнейших факторов низкой инвестиционной активности населения в России является низкий уровень доходов. При этом люди зачастую совершают необдуманные и незапланированные покупки и траты денег. При первоначальном отложении денежных средств для сбережения возникает вероятность большого сокращения затрат. Большинство финансовых экспертов сходятся во мнении, что если человек не находится за чертой бедности, то он всегда может сократить траты на 10% для накопления и инвестиций.

Существенной причиной различия инвестиционного поведения людей в США и Европе от поведения в России является поддержка государства в виде пенсии. Жители экономически развитых государств самостоятельно с молодых лет вынуждены инвестировать, чтобы обеспечить себя на пенсии, в то время как в России, как правило, люди, даже при возможности открытия негосударственных пенсионных планов, ориентируются на государственную пенсию.

Отрицательный опыт инвестирования в конце 1990-х гг. в частный финансовый сектор наложил отпечаток на восприятие рынка ценных бумаг людьми. Половина опрошенных считает абсолютно неприемлемой для себя возможность приобретения ценных бумаг, вложений в финансовые инструменты, считая, что абсолютно любой финансовый инструмент является высокорисковым. Большое влияние на массовый сектор оказало создание «Агентства страхования вкладов» – для большинства потенциальных инвесторов фактор «защищенности» является определяющим. Помимо этого, многие опрошенные выражают недоверие в целом к финансовым институтам [5].

Низкая финансовая грамотность населения является большим препятствием для широкого распространения массового инвестирования. Зачастую, люди не знают разницы между акцией и облигацией, не понимают, как устроен фондовый рынок.

Инвестиционная деятельность – это не только инвестирование денежных средств с целью получения прибыли. К данному определению относятся практические действия, которые совершаются в целях получения прибыли или положительного эффекта.

Необходимо отметить, что в XXI в. произошла большая трансформация рынка труда, что особенно сильно выделяется в России. Если во второй половине XX в. человек, получая образование, с большей долей вероятности знал, где он будет работать в дальнейшем и какие карьерные перспективы его ожидают, то в настоящее время все больше людей работают не по специальности, которую изучали в учебных заведениях, все чаще кардинально меняют сферу своей профессиональной деятельности.

Все вышеперечисленное говорит о том, что финансовая составляющая становится не единственным фактором инвестиционной деятельности: помимо этого существуют факторы времени, образования и прикладных навыков, здоровья, инвестиций в трудовую жизнь. В настоящее время необходимо не только вкладывать денежные средства в активы, но и грамотно инвестировать свое время, заботиться о здоровье, инвестировать в образование, уделять большое внимание выбору места работы.

Заключение. Исходя из вышесказанного, выделяются следующие проблемы инвестирования в России: низкий уровень реальных доходов населения, ориентированность населения на потребление либо на сбережение, но не на инвестирование, отрицательный опыт инвестирования среди населения и недоверие к финансовым институтам, недостаточная финансовая грамотность населения. Инвестированием в России занимаются лишь 3,3% процента населения, в то время как в развитых странах – более половины населения.

Литература

1. Ковалёв В.В. Финансовый менеджмент: теория и практика. М. : Проспект, 2013. 1104 с.
2. Закирзянова К.Н., Фасхутдинова М.С. Долгосрочные инвестиции и источники их финансирования // Дни студенческой науки : сб. науч. тр. Междунар. студ. конф. 2020. С. 28–30.
3. Кирьянов Е.О. Использование источников финансирования при реализации финансово-инвестиционной стратегии: разработка методики оценки эффективности // Финансы. Деньги. Инвестиции. 2020. № 1 (61). С. 16–19.
4. Сребник Б.В., Вилкова Т.Б. Финансовые рынки: профессиональная деятельность на рынке ценных бумаг : учеб. пособие. М. : ИНФРА-М, 2014. 365 с.
5. Боровкова В.А. Рынок ценных бумаг : учеб. пособие. 3-е изд. СПб. : Питер, 2012. 352 с.

УДК 316.48

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-98

Л.А. Осьмук

Новосибирский государственный технический университет

ЧЕЛОВЕК И ГОРОД: ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В ПРОСТРАНСТВЕ РИСКА

Ключевые слова: город, городская среда, пространство риска, социальное поведение, оборонительное поведение

В социологии признается, что современное общество можно описать как общество неопределенности, «текучести», рисков, агрессивной среды. Практически все социальные процессы демонстрируют усиление жесткости, агрессивности и рациональности в поведении человека. Если общество риска – единственный возможный контекст системных изменений, то для человека он визуализируется через ситуации риска, от которых следует постоянно за-

щищаться. Естественно предположить, что чем больше рисков в обществе, тем сильнее социальная напряженность и тем больше конфликтов. Но человек адаптируется к любым условиям, поэтому в обществе риска ситуация напряженности воспринимается как естественная, отсюда отношение к конфликтам рационализируется. Отдельный интерес представляет поведение человека в пространствах риска. Таким пространством, где риски аккумулируются, выступает город с его социальными и экономическими рисками. Поскольку урбанизация является доминирующей тенденцией общества, а доля городского населения за последнее время выросла в половину, стоит ожидать, что вопрос проживания человека в городском пространстве рисков надолго останется открытым. Известно, что антропогенные риски вполне прогнозируемы и предполагают в своей структуре не только человеческий фактор как причину, но и специфику социальных отношений между: людьми (горожанами), группами горожан или городскими сообществами, человеком/группой/сообществом и структурами/организациями. В большинстве случаев речь идет о конфликтных отношениях. Таким образом, риски рожают конфликтные ситуации и конфликтные отношения, следствием чего закономерно становится оборонительное поведение горожан [1].

Попробуем понять, что такое оборона, оборонительная реакция, оборонительное поведение, стратегия оборонительного поведения. Описание поведения горожан в данном дискурсе позволяет рассмотреть, как именно ситуация влияет на человека, как изменяется его поведение. Понятия оборона и оборонительное поведение ранее применялись большей частью в военной и юридической психологии, но, с нашей точки зрения, закономерно использовать данное понятие в исследовании поведения субъектов в ситуации рисков и конфликтных ситуациях. Термин «оборона» означает «противодействие нападению», это всегда активное социальное действие, связанное с выбором стратегии в конфликтной ситуации. Сущностью обороны является защита. Но можно предположить, что между оборонительным поведением и защитой как поведением есть отличие. Оборонительное поведение всегда более осмысленно и рационально, оно предполагает ориентацию на действия нападающей стороны или стороны, наносящей ущерб. Так, оборонительное поведение в большинстве случаев предполагает целенаправленное использование имеющихся ресурсов и их преумножение. Так, к преумножению ресурсов может относиться объединение социальных субъектов вокруг одной цели для защиты своих интересов. Тогда уместно говорить об оборонительных сообществах, которые все чаще появляются в городе. Чем сильнее вызовы общества риска и напряженнее ситуация, тем больше таких сообществ и тем они активнее. Экспертное интервью (эксперты: психологи, социологи, специалисты-практики; n = 24) позволило уточнить детали, описать поведение и состояние обороняющихся социальных субъектов и предположить наличие разных типов оборонительного поведения.

Статья подготовлена в рамках проекта «Оборонительные сообщества жителей в городских конфликтах (РГНФ № 20-411-540003).

Литература

1. Скалабан И.А. Оборонительные сообщества в городских конфликтах. Становление концепции // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города : сборник научных трудов / науч. ред. Т.И. Грабельных. Иркутск, 2021. С. 109–144.

И.А. Павлова

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Национальный исследовательский Томский государственный университет*

РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ И АКТУАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ

Ключевые слова: пожилые люди, благополучие, качество жизни, институты, институциональные ограничения, ресурсный потенциал

В современной России исследование человеческого потенциала является недооцененным направлением применительно к старшей возрастной группе. При проведении межстрановых сравнений для России отмечают довольно высокий уровень развития человеческого потенциала. Однако, как правило, результаты международных сравнений не распространяются на оценку эффективности институтов, задействованные в реализации человеческого потенциала.

Ресурсный потенциал можно рассматривать как неактивизированный резерв индивида, незадействованные возможности реализации личности в экономике и обществе [1, с. 116], что справедливо для любого, в том числе, и старшего возраста. Для России старший возраст, зачастую, дискриминационно определяется временем наступления пенсионного возраста, что частично связано со средней продолжительностью жизни в России.

В контексте исследования ресурсного потенциала в старшем возрасте можно применить ресурсный подход для систематизации траекторий реализации ресурсного потенциала в старшем возрасте: (1) ресурсы пожилых людей как производителей; (2) ресурсы пожилых людей как потребителей; (3) ресурсы пожилых людей, формирующие сети поддержки разных поколений; (4) социальные и культурно-политические ресурсы старшего поколения [3]. Этот подход позволяет максимально широко определять разнообразные направления реализации ресурсного потенциала в старшем возрасте, не ограничивая понимание вклада пожилых людей в социально-экономическое развитие страны только через их трудовую функцию или стереотипно рассматривая старшее поколение исключительно как потребителей ресурсов. В рамках данных траекторий следует учитывать и характер участия лиц старшего возраста в реализации своего ресурсного потенциала – скорее активная позиция (вовлеченность в процесс, исходя из внутренних побудительных стимулов) или пассивная позиция (вовлечение через внешние побудительные стимулы и условия).

Ресурсный потенциал в старшем возрасте можно также рассматривать через систему поддерживающих или ограничивающих институтов, которые создают социально-экономический институциональный каркас. Автором были выделены и описаны 24 институциональные функции, формирующие нормативную модель реализации ресурсного потенциала в старшем возрасте. Нормативная модель (отвечает на вопрос «Как должно быть?») построена на основе анализа литературы и лучших мировых практик в сфере реализации ресурсного потенциала в старшем возрасте, поддержания качества жизни и благополучия на достойном уровне. Позитивная модель (отвечает на вопрос «Как есть?») для российской действительности характеризуется наличием значительных институциональных барьеров и ограничений, которые можно системно представить по трем группам – ограничения в (1) сфере экономических отношений, (2) сфере социальных отношений и (3) сфере здоровья. Примеры ограничений представлены в таблице 1. Отметим, что ряд институциональных ограничений являются системными и охватывают несколько сфер одновременно.

Примеры институциональных ограничений реализации ресурсного потенциала в старшем возрасте в России [2]

Сфера экономических отношений	Сфера социальных отношений	Сфера здоровья
Широкое распространение дискриминационных практик официального и неофициального трудоустройства, переводящих занятость лиц старшего возраста в «серую» (неофициальную) зону	Недостаток публичности процесса волонтерства и волонтерского движения – нет системного подхода по информированию о возможностях волонтерства и продвижению волонтерства как социально значимого института	Недостаточно развиты институты системы здравоохранения, ориентированные на профилактику и предотвращение заболеваний

Проведенное качественное исследование в виде экспертных интервью подтвердило наличие наиболее значимых институциональных ограничений в сфере реализации ресурсного потенциала старшего поколения по следующим направлениям деятельности институтов: разнообразие источников дохода и средства к существованию, покупательская способность и разнообразие потребления, финансовая устойчивость и материальная автономия, самозанятость и предпринимательство, физическая и психологическая безопасность, личностный рост и самореализация, борьба с возрастной дискриминацией и эйджизмом.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Институты реализации ресурсного потенциала старшего поколения в экономике старения» (проект № 19-18-00300).

Литература

1. Павлова И.А., Недоспасова О.П. Ресурсный потенциал старшего поколения: от уточнения терминологии к разработке рекомендаций по повышению степени его реализации в социуме // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 456. С. 115–127.
2. Павлова И.А., Недоспасова О.П. Институциональные функции в анализе ресурсного потенциала старшего поколения // Региональная экономика: теория и практика. 2021. Т. 19, № 5 (488). С. 972–1002.
3. Павлова И.А., Недоспасова О.П. Методический подход к оценке социально-экономической эффективности траекторий вовлеченности пожилых людей в региональный социум // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2021. Т. 17, № 3 (396). С. 500–537.

УДК 334.012.5

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-100

Ю.В. Панкова, В.М. Гильмундинов

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ МЕР МАКРОРЕГУЛИРОВАНИЯ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Ключевые слова: пространство, согласование, макроэкономическая политика, регион, межотраслевые межрегиональные связи

В теории и практике макроэкономического регулирования вопросы учета его дифференцированного воздействия на социально-экономическое пространство не получили достаточного изучения. Так, исследования в области региональной экономики свидетельствуют о преобладании пространственной слепоты макрополитики [1], которая может быть слепой по своему дизайну, но не по эффектам [2]. Кроме того, в условиях высокой специфичности региональных факторов, определяющих неоднородность пространственного развития, игнори-

рование данных аспектов при оценке и обосновании как мер макроэкономической политики в частности, так и в целом реагирования центров принятия решений относительно корректировки системы мер государственной политики в ответ на изменения макроэкономических условий может приводить к существенным неучтенным пространственным эффектам. В качестве иллюстрации можно привести «китайский шок» в США, когда небольшие на национальном уровне эффекты сокращения занятости концентрировались географически, становясь значительными для некоторых локальных сообществ [3].

Существующие эмпирические работы указывают на значительные различия между отдельными регионами по эффективности различных видов государственного регулирования таких, например, как меры в сфере денежно-кредитной политики, внешнеторговой политики, предпринимательской деятельности и другие (например, [4; 5, с. 41]).

Значительная дифференциация уровня развития российских регионов на фоне существенных макроэкономических изменений, обусловленных как внешними, так и внутренними факторами, определяют актуальность настоящего исследования, основной целью которого выступает формирование подхода, позволяющего учитывать воздействие мер макрорегулирования на социально-экономическое пространство.

Одной из особенностей предлагаемого подхода выступает учет институциональных различий и ограничений регулирования на федеральном уровне и на уровне отдельных регионов. Другая важная особенность предлагаемого подхода заключается в развитии методических основ для оценки эффектов, оказываемых мерами государственного регулирования на социально-экономическое развитие отдельных регионов с учетом их структурных особенностей, межотраслевых и межрегиональных связей, имеющихся ограничений. Предлагаемый подход, основанный на синтезе концепций кейнсианского и матричного межотраслевого мультипликаторов, апробирован в рамках исследования на примере Республики Саха (Якутия) в сравнении с Российской Федерацией в целом и позволил получить оценки возникающих различий в региональном и народнохозяйственном эффектах.

Исследование выполнено по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.6.4 (0260–2021–0007) «Инструменты, технологии и результаты анализа, моделирования и прогнозирования пространственного развития социально-экономической системы России и её отдельных территорий», № 121040100262–7.

Литература

1. Hewings G.J.D. Spatially blind trade and fiscal impact policies and their impact on regional economies // The Quarterly Review of Economics and Finance. 2014. Vol. 54 (4). P. 590–602.
2. World Development Report. Reshaping economic geography. Washington, DC : World Bank, 2009. 383 p.
3. Autor D.H., David D., Gordon H.H. The China Syndrome: Local Labor Market Effects of Import Competition in the United States // American Economic Review. 2013. Vol. 103 (6). P. 2121–2168.
4. Blanco E. et al. Regional and state heterogeneity of monetary shocks in Argentina // The Journal of Economic Asymmetries. 2019. Vol. 20. 17 p.
5. Re-mapping Opportunity. Making best use of the economic potential of Russia's regions. Washington, DC; Moscow : World Bank, 2018. 77 p.

С.А. Пантеева
Южный федеральный университет

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ВИТАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ

Ключевые слова: национальная инновационная система, институты, воспроизводство кадров, инновации

Создание и развитие инновационных систем неотъемлемо для развития экономики. При этом важно поддержание всех ее составляющих, в том числе и кадровой, которая является основой производства инноваций [5]. Это обуславливает актуальность анализа состояния интеллектуального потенциала РИС.

Поскольку РИС испытывает недостаток квалифицированных научных кадров [1, 3], возникают две базовых проблемы непосредственно производство кадров и их распределения. Используя нарративный подход, можно выявить значимые препятствия в системе обеспечения научных кадров в России.

Одна из главных проблем кадрового потенциала научной сферы, – финансирование. В нарративах отражается тот факт, что недостаточное финансовое обеспечение приводит к уменьшению привлекательности научной сферы в глазах потенциальных ученых. При этом важно то, что это происходит еще на ранних этапах профессионального обучения: существенная часть кадров для науки теряется, не успев в нее попасть. Снижает интерес молодых исследователей к науке отсутствие условий для осуществления научной деятельности и интересных задач. Утерянный престиж научной деятельности отрицательно влияет на приток специалистов.

Другая проблема российской науки в части кадрового обеспечения – утечка специалистов в другие страны. Поскольку образование является ключевым фактором экономического развития [6], то очевидно, что эмиграция исследователей представляет негативную тенденцию. Нарративный анализ показывает, что не только финансирование и материально-техническое обеспечение не удовлетворяют российских ученых, но и более глубокие проблемы. Так, несовершенство институтов, некомплементарность системы организации и управления наукой побуждают исследователей мигрировать.

Хотя открытость российской науки можно расценивать не с точки зрения утечки, а циркуляции умов [2], это движение носит скорее отрицательный характер. Рассмотренные нарративы подтверждают влияние именно «выталкивающих» [4] факторов на эмиграцию ученых: отмечаются бюрократия, коррупция, административные барьеры и законодательные препятствия. Неэкономические факторы оказываются важнее экономических: «зарегулированность» науки, отсутствие возможностей самореализации и творческой свободы указываются в качестве причин эмиграции.

Ответом государства на утечку умов стал ряд мер по возвращению ученых на родину. Формально институт репатриации представлен рядом программ, среди которых «Мегагрант», «5-100» и др. Фактически этот институт оказывается неэффективным. Проблема усугубляется тем, что привлечение иностранных специалистов также сопровождается трудностями в виде административных барьеров, провалов законодательства, в результате нельзя утверждать, что российская инновационная система полноценно встроена в систему циркуляции умов.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00562).

Литература

1. Варавва М.Ю. Интеллектуальная миграция как дестабилизирующий фактор на пути к инновационной модели развития России // Россия: тенденции и перспективы развития. 2017. № 12–1.
2. Латова Н.В. «Утечка умов» в системе институтов воспроизводства человеческого капитала современной России // Journal of institutional studies (Журнал институциональных исследований). 2011. Т. 3, № 3.
3. Наумова Т.В. Эмиграция ученых как индикатор состояния современной российской науки // Философская школа. 2019. № 8.
4. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 24–35.
5. Freeman C. Technological infrastructure and international competitiveness // Industrial and Corporate Change. 2004. Vol. 13, № 3. P. 541–569.
6. Lucas Jr R.E. On the mechanics of economic development // Journal of monetary economics. 1988. Vol. 22, № 1. P. 3–42.

УДК 331.104

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-102

Пань Ли

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ТЕНДЕНЦИИ В СФЕРЕ НОВОЙ ЗАНЯТОСТИ В КИТАЕ

Ключевые слова: занятость, гибкие формы занятости, фриланс, цифровые экоплатформы

В Китае с 2015 г. была выдвинута государственная концепция «развития новой занятости» на основе цифровой экономики, в которой отмечалось, что необходимо усилить поддержку гибкой занятости и новых форм занятости. В последние годы по мере технического сдвига возникло стремительное развитие таких экономических моделей, как платформенная экономика, экономика совместного использования, краудсорсинг и др., которые оказали воздействие на рост разнообразия гибких форм и видов занятости. В сфере новой занятости в условиях цифровизации наблюдаются такие тенденции, как рост количества фрилансеров в области навыков по знаниям (Knowledge Workers) и трансформация спроса на цифровые навыки, в частности, после вспышки мировой пандемии COVID-19. Однако при явных преимуществах новых форм занятости, растут незащищенность работников в неформальной занятости и структурная безработица, нестабильность доходов.

Исследование данных тенденций является актуальным для способствования восстановления рынка труда после распространения COVID-19, повышения качества принимаемых решений в сфере занятости, расширения сфер применения гибкой занятости.

По данным Гостата Китая уровень безработицы в стране в 2020 г. снизился до 5,2%, на 11,86 млн. увеличилось число новых рабочих мест в городах [1]. Новая занятость с новыми моделями интернет-бизнеса (например, платформы) способствует содействию трудоустройству и создает множество рабочих мест с гибкой занятостью. Данные государственного информационного центра показывают, что в 2020 г. объем сделок в платформенной экономике, направленной на использование общих ресурсов, охватывая такие области как транспорт, гостиницы, бытовое обслуживание, медицина, услуги и др., достиг 3,377 трлрд юаней (6,03 трлрд долл. США; 3,283 трлрд юаней в 2019 г.). Число участников в сфере такой экономики составило 830 млн чел., относящихся в основном к фрилансерам, в том числе поставщики услуг – около 84 млн, сотрудники на платформах примерно 6,31 млн. По рейтингу роста в основных секторах этого рынка в 2020 г. сектор навыков по знаниям (например, создание контента) вырос больше всего и достиг 30,9%. С 2017 по 2019 г. наблюдается его устойчивый рост [2].

В соответствии с данными Академии информационных и коммуникационных технологий в 2020 г. в приложении WeChat платформенной компании Tescen, занимающей 7-е место в Топ-10 самых дорогих компаний мира, было трудоустроено 36,84 млн чел. В 2019 г. этот показатель составлял 29,63 млн чел., в том числе доля фрилансеров составляла примерно 60% от общих рабочих мест. В Топ-10 вакансий на этой платформе в 2019–2020 гг. вакансии по операциям новых медиа, связанных с созданием контента, занимала первое место [3, 4]. Данные показывают также следующую тенденцию – после вспышки эпидемии COVID-19 многие фрилансеры перешли к полной цифровой занятости на этой платформе. В 2020 г. на полную занятость на цифровой экоплатформе WeChat приходилось 51,7%, что примерно на 10% больше, чем в 2019 г. [4].

По оценкам индекса конкуренции занятости Китая (CIER Index)¹, начиная с 2011 г. в целом спрос на рынке труда увеличивается быстрее, чем предложение, за исключением пика пандемии в 1–3 кварталах 2020 г. [5]. В 2020 г. проникновение цифровой экономики в сфере услуги достигло 40,7% (37,8% в 2019 г.), работники данной сферы становятся главной силой фриланса [6].

В целом, новая занятость в Китае способствует созданию множества рабочих мест гибкой занятости на цифровых экоплатформах, особенно после COVID-19. Спрос на навыки фрилансеров в основном связан с навыками по знаниям. Под воздействием развития автоматизации и цифровизации необходима переподготовка с акцентом на цифровые навыки для сокращения структурной безработицы, особенно для работников в сфере услуг, в наибольшей степени подверженной цифровой трансформации.

Литература

1. Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2020 National Economic and Social Development. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202102/t20210228_1814177.html (дата обращения: 12.07.2021).
2. Отчет о развитии экономики совместного использования 2021. URL: <http://www.sic.gov.cn/News/557/10779.htm> (дата обращения: 12.07.2021).
3. Отчет о воздействии занятости WeChat 2019-2020. URL: http://www.caict.ac.cn/kxyj/qwfb/zitbg/202005/t20200514_281774.htm (дата обращения: 17.07.2021).
4. Цифровая занятость 2021. URL: <https://cloud.tencent.com/developer/article/1821353> (дата обращения: 15.08.2021).
5. Индекса конкуренции занятости Китая (CIER Index). URL: <http://cier.org.cn/ShowNews.asp?ID=1021&Catid=459> (дата обращения: 13.08.2021).
6. Статус развития гиг-экономики в Китае. URL: <https://www.tioe.tsinghua.edu.cn/info/1109/1801.htm> (дата обращения: 12.08.2021).

УДК 334.012.5

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-103

С.П. Петров, В.М. Гильмундинов

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

ИНТЕГРАЦИЯ ЦЕПЕЙ ПОСТАВОК В РАМКАХ ТЕОРИИ ФИРМЫ

Ключевые слова: интеграция цепей поставок, теория фирмы, транзакционные издержки, издержки контроля, фундаментальная трансформация, транзакционно-специфические активы

Большинство существующих подходов к объяснению форм вертикального взаимодействия в цепях поставок делает акцент на вертикальной интеграции или контроле (например,

¹ Индекс конкуренции в сфере занятости Китая (CIER Index), публикуемый китайским институтом исследований занятости с 2011 г., может точно отражать изменения опроса и предложения на рынке труда страны. См.: <http://cier.org.cn/english/Info.asp?Catid=447> (дата обращения: 12.08.2021).

в работах [1, 4]). На современных же отраслевых рынках активно выделяется интеграция цепей поставок [2], которая рассматривается стратегическим менеджментом и остается малоизученной с позиций экономической теории. Целью данной работы выступает в рамках теории фирмы определить место интеграции цепей поставок как формы вертикального взаимодействия фирм.

В результате исследования на основе анализа типов контрактов, используемых при интеграции цепей поставок и формируемых ими форм связей между участниками цепи, а также соотношения уровня транзакционных издержек и издержек контроля определено место интеграции цепей поставок среди форм вертикального взаимодействия участников цепи. Это в свою очередь позволяет выявить влияние таких форм на результативность цепи, обозначить факторы, определяющие выбор формы вертикального взаимодействия.

Показано, что интеграция цепей поставок подразумевает выполнение фирмой своих функций на основе внутренних отношенческих контрактов при одновременном выстраивании тесного сотрудничества с участниками цепи на основе внешних. В межфирменном взаимодействии при интеграции цепи доминируют контракты купли-продажи, что присуще рынку. Замена безликой контрактации на парное соответствие участников приводит к инвестициям в транзакционно-специфические активы, что определяет фундаментальную трансформацию рыночных многосторонних отношений в двусторонние контракты поставки, основанные на доверии [5, с. 10].

Формирование транзакционно-специфических активов и развитие технологий приводит к снижению транзакционных издержек [3, с. 373–374]. В совокупности с необходимостью проведения внутренней интеграции для осуществления внешней изменяется и размер издержек контроля. При внешней интеграции требуется механизм контроля исполнения взятых обязательств, что приводит к увеличению издержек, которые можно отнести к издержкам контроля, так как они возникают не в результате рыночных взаимодействий, а на основе отношенческих контрактов.

Таким образом, в рамках исследования показано, что интеграция цепей поставок включает признаки как иерархии, так и рынка и среди форм вертикального взаимодействия занимает промежуточное место между рынком и вертикальной интеграцией или контролем. Такая конкретизация форм вертикального взаимодействия позволила выявить факторы, определяющие выбор способа организации цепи поставок ее участниками.

Работа подготовлена по результатам исследования, проводимого при финансовой поддержке Российской Федерации в лице Министерства науки и высшего образования России в рамках крупного научного проекта «Социально-экономическое развитие Азиатской России на основе синергии транспортной доступности, системных знаний о природно-ресурсном потенциале, расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий», Соглашение № 075-15-2020-804 от 02.10.2020 г. (грант № 13.1902.21.0016).

Литература

1. Антимонопольная политика на связанных рынках: теория и практика / под ред. С.Б. Авдашева, А.Е. Шаститко. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. 440 с.
2. Сторчевой М.А. Теория фирмы, управление цепочками поставок и маркетинг взаимоотношений // Вопросы экономики. 2014. № 1. С. 40–60.
3. Boon-itt S. Achieving product quality performance: The roles of supply chain integration and information technology // International Journal of Innovation and Technology. 2011. № 2 (5). P. 373–376.
4. Mathewson G.F., Winter R.A. An economic theory of vertical restraints // The RAND Journal of Economics. 1984. № 15 (1). P. 27–38. DOI: 10.2307/3003667.
5. Williamson O.E. Outsourcing: Transaction cost economics and supply chain management // Journal of Supply Chain Management. 2008. № 44 (2). P. 5–16. DOI: 10.1111/j.1745-493X.2008.00051.x.

С.Н. Полбицын
Институт экономики УрО РАН

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В РАЗВИТИИ СЕЛЬСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Ключевые слова: сельское предпринимательство, предпринимательская экосистемы, сельские территории, институциональная модель, устойчивое развитие

Российские и зарубежные исследователи уделяют постоянное внимание роли институтов в развитии предпринимательства, в том числе сельского. В своем исследовании мы изучаем институты развития сельского предпринимательства в рамках концепции социального капитала предпринимательства. Исследуя институты, играющие критическую роль в развитии сельского предпринимательства, необходимо определить научное концептуальное поле исследования институтов. Можно назвать российских и зарубежных исследователей, справедливо полагающих, что устойчивое развитие предпринимательства неразрывно связано со стабильностью формальных и неформальных институтов, создающих поле деятельности предпринимателей [1]. Среди них следует назвать работу Ф. Велтера и Д. Смолбона [6], показавших, что именно институты формируют предпринимательское поле и определяют поведение предпринимателей. Дж. Вебб с соавторами убедительно показали, что природа предпринимательской деятельности оказывает воздействие на грань между формальными и неформальными институтами, постоянно меняя «правила игры» [5]. З. Акс считает институты «недостающим звеном» в существующих концепциях предпринимательских систем, и, создавая концепцию предпринимательской экосистемы, обязательно необходимо использовать именно институциональный подход [2].

Проведенный обзор позволяет отметить, что, несмотря на всевозрастающий интерес как исследователей, так и практиков к проблемам развития сельских предпринимательских экосистем, единой институциональной концепции сельской предпринимательской экосистемы не выработано. Мы считаем, что эта концепция должна создавать фундамент для полноценного исследования институтов. В своей статье мы ставим цель выявить наиболее важные для развития сельского предпринимательства институты и предложить авторскую концепцию социального капитала сельской предпринимательской экосистемы.

В первую очередь необходимо понять роль как формальных, так и неформальных институтов. С. Апаричио в своем исследовании неформальных институтов [3] пришел к выводу, что развитость неформальных институтов на макроуровне позитивно воздействует на развитие предпринимательского потенциала на микроуровне, что благотворно сказывается на развитии предпринимательства в регионе или территории. Развивая тему предпринимательского потенциала, Д. Эскандон-Барбоса предложил применять термин социального капитала предпринимательства, определяемого соотношением формальных и неформальных институтов [4]. По мнению автора, оптимальное соотношение формальных и неформальных институтов обеспечивает максимизацию социального капитала предпринимательства.

В результате проведенного в рамках проекта дескриптивного исследования формальных и неформальных институтов развития автором была выявлена значимость основных институтов сельского предпринимательства с точки зрения самих сельских предпринимателей. Опрошенные предприниматели признали два основных института, которые определяют их развитие: это неформальный институт семьи и формальный институт государственной поддержки сельского предпринимательства. Таким образом, можно признать, что социальный капитал сельского предпринимательства сбалансирован, что создает наиболее благоприятные условия для развития предпринимательства. Полученные результаты убедительно пока-

зали, что как формальные, так и неформальные институты, совместно формирующие социальный капитал сельского предпринимательства, равнозначно важны для его развития.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-010-00480 «Роль предпринимательских экосистем в социально-экономическом развитии сельских территорий России».

Литература

1. Полбицын С.Н. Роль предпринимательства в устойчивом развитии сельских территорий России // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 2. С. 619–631. doi 10.17059/ekon.reg.2021-2-1
2. Acs Z.J., Estrin S., Mickiewicz T., Szerb L. Entrepreneurship, institutional economics, and economic growth: an ecosystem perspective // Small Business Economics. 2018. № 51. P. 501–514.
3. Aparicio S., Urbano D., Stenholm P. Attracting the entrepreneurial potential: A multilevel institutional approach // Technological Forecasting and Social Change. 2021. P. 168.
4. Escandon-Barbosa D., Urbano-Pulido D., Hurtado-Ayala A. Exploring the Relationship between Formal and Informal Institutions, Social Capital, and Entrepreneurial Activity in Developing and Developed Countries // Sustainability. 2019. № 11.
5. Webb J.W., Tihanyi L., Ireland R.D., Sirmon D.G. You say illegal, I say legitimate: entrepreneurship in the informal economy // Academy of Management Review. 2009. № 34. P. 492–510.
6. Welter F., Smallbone D. Institutional Perspectives on Entrepreneurial Behavior in Challenging Environments // Journal of Small Business Management. 2011. № 49. P. 107–125.

УДК 316.334.2

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-105

М.А. Попова

Институт экономики УрО РАН

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК ОСОБЫЙ ТИП СУБЪЕКТОВ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ РЕГИОНА

Ключевые слова: профессиональные сообщества, методология управления развитием производительных сил региона, экономика управления развитием, сохранение профессиональных традиций

В современной экономической теории отсутствует термин «профессиональное сообщество» и методология управления развитием производительных сил региона.

Цель – разработать термин «профессиональное сообщество», выявить основные виды, дать краткую характеристику институциональному типу профессионального сообщества.

Профессиональное сообщество (далее – Сообщество) – это некоммерческая негосударственная организация, объединяющая людей на основании общих интересов, целей, задач, профессиональных навыков, потребностей, разделяющих единую ментальную установку, а также обладающих механизмами управления производительными силами региона.

Основные виды Сообществ: 1) институциональные; 2) сообщества, создаваемые под влиянием современной политической экономики; 3) отраслевые; 4) региональные; 5) коммуникационные; 6) формальные; 7) неформальные.

В конце XX в. изменился подход к тенденциям институционализма в экономической теории в сообществе отечественных ученых экономистов. «Развитие отечественной экономической науки в начале XXI в. можно с полным основанием охарактеризовать как «бум» институционализма», – отмечает Фролов Д.П. [1, с. 130].

В конце XX века в России активизировались институциональные сообщества. Стоит отметить, что необходимость изучения актуальности деятельности отдельных институтов достаточно освящена, например, работы В.М. Полтеровича и О.Ю. Старкова в 2007 г.; В.М. Полтеровича, В. Попова и А. Тониса в 2007 г. [2, 3] в отличие от теоретических и аналитических схем институционализма.

Ключевая роль институциональных сообществ в начале XXI в. в России – это не только его признание как конвенционального и перспективного раздела современного экономического анализа [4, с. 28], но и новая теоретическая база для разработки методологии экономики управления развитием, а также сохранение институционалистами профессиональных традиций из опыта прошлых лет.

Подробное изучение и разработка теории и аналитических схем институционализма позволит не только в парадигмальном смысле перейти на новый уровень изучения проблематики, но и разработать определенные методологии, схемы, теоретическую и терминологическую базы в управлении развитием производительных сил региона с помощью институциональных сообществ, что впоследствии можно реализовать даже на законодательном уровне.

В связи с вышеизложенными обстоятельствами необходимо поднятие уровня развития институционализма в российской экономической науке.

Литература

1. Фролов Д.П. Институциональная эволюция постсоветского институционализма // Вопросы экономики. 2008. № 4. С. 130–139.
2. Полтерович В.М., Старков О.Ю. Формирование ипотеки в догоняющих экономиках: проблема трансплантации. М.: Наука, 2007. 193 с.
3. Полтерович В.М., Попов В., Тонис А. Экономическая политика, качество институтов и механизмы «ресурсного проклятия». М.: ГУ-ВШЭ, 2007. 98 с.
4. Кирдина С.Г. Институционализм в России в 1930–2010-е гг.: инверсионный цикл? // JIS. 2015. № 2. С. 6–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institutsionalizm-v-rossii-v-1930-2010-e-gg-inversionnyy-tsikl> (дата обращения: 26.08.2021).

УДК 336.6

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-106

В.А. Портенко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

КЛАССИФИКАЦИЯ МЕТОДОВ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ХЕДЖИРОВАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ ПОТОКОВ

Ключевые слова: оценка эффективности хеджирования, качественные методы, количественные методы, метод долларowego взаимозачета

Глобализация финансовых рынков, процессы секьюритизации и усложнения финансовых продуктов обуславливают необходимость трансформации международных стандартов финансовой отчетности, особенно в части хеджирования. С 01.01.2018 на смену МСФО (IAS) 39 в действие введен МСФО (IFRS) 9, который практически полностью сфокусирован на установлении требований к общему порядку хеджирования. Тем не менее, ни стандарт, утративший силу, ни новый стандарт не содержат конкретной методики определения эффективности хеджирования денежных потоков, что привело к развитию множества методов решения данной задачи.

Методы оценки эффективности денежных потоков можно разделить на количественные и качественные. Наиболее распространенным качественным методом является метод сравнения основных параметров. Согласно данному методу, основные характеристики производного инструмента хеджирования должны полностью соответствовать аналогичным характеристикам объекта хеджирования. Следующий метод – «Shortcut» – предполагает, что при соответствии отношений хеджирования установленному набору критериев организация может оценить эти отношения как совершенно эффективные. Поскольку признание проводится без проведения количественной оценки, использование метода «Shortcut» ограничено.

В соответствии с GAAP США, он применяется в тех случаях, когда указанные отношения включают процентные свопы [1].

Важно отметить, что использование только качественной оценки является недостаточным, так как качественные методы не учитывают изменение кредитного риска контрагентов. В ходе отношений хеджирования основные характеристики операции изменяются, поэтому организация должна задокументировать количественный метод, который она будет использовать для оценки эффективности хеджирования.

Количественные методы оценки можно разделить на две группы. Основу методов первой группы составляет метод долларowego взаимозачета. В соответствии с ним, организации необходимо рассчитать соотношение изменения приведенной стоимости ожидаемых денежных потоков от инструмента хеджирования с аналогичным показателем по хеджируемой операции. В литературе выделяют три разновидности данного метода: метод гипотетического дериватива, метод таргетируемой ставки и анализ чувствительности [2].

Ключевым недостатком данного метода является «эффект малого доллара». Метод относительных разниц позволяет устранить влияние данного эффекта, т. к. предполагает расчет процентного изменения. Еще одним решением выступает применение метода изменчивости редукции, где производится расчет коэффициента вариации.

Вторую группу количественных методов составляют статистические методы, в частности – регрессионный анализ. По его результатам устанавливаются параметры кривой, которые определяют степень взаимосвязи между хеджируемой операцией и инструментом хеджирования. Эффективное применение статистических методов требует определенного математического аппарата и навыков интерпретации результатов анализа.

Таким образом, комплексная оценка эффективности хеджирования денежных потоков предполагает использование и качественных, и количественных методов. Целесообразность применения конкретного метода зависит от стратегии управления рисками, принятой в компании.

Литература

1. Derivatives and Hedging (Topic 815) // Financial Accounting Standards Board. 2017. № 12. Norwalk : Financial Accounting Foundation, 2017. URL: <https://asc.fasb.org/imageRoot/38/112270638.pdf>, свободный. Загл. с экрана.
2. Гончарова О.А. Основы хеджирования. Учет хеджирования процентного риска // МСФО и МСА в кредитной организации. 2009. № 2. URL: http://www.reglament.net/bank/msfo/2009_2_article.htm, свободный. Загл. с экрана.

УДК 334.7/У04

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-107

Е.В. Потапцева

Институт экономики УрО РАН

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО В ВОСПРИЯТИИ БИЗНЕСА: ЕСТЬ ЛИ ЭФФЕКТЫ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ?

Ключевые слова: Россия, Беларусь, Союзное государство, региональная интеграция, экономическая интеграция

Союзное государство России и Беларуси – самый продолжительный на постсоветском пространстве проект региональной интеграции. Несмотря на это, российско-белорусская интеграция носит реверсивный характер. Российско-белорусские экономические отношения развиваются в двух интеграционных проектах: Союзное государство и ЕАЭС. Вопросы о роли каждого интеграционного объединения в общем процессе интеграции рассматриваются многими российскими, белорусскими и зарубежными исследователями [2, 4–6, 8, 11, 10].

Наибольшего взаимопонимания России и Беларуси удалось достичь во внешнеполитической и военно-стратегической сферах [6]. При этом наибольший объем противоречий аккумулируется в области экономической интеграции [1, 3, 5, 7]. Вместе с тем, на словах Россия и Беларусь заинтересованы в дальнейшем развитии интеграционного взаимодействия.

Цель исследования – анализ восприятия Союзного государства российскими региональными предприятиями как проекта экономической интеграции России и Беларуси.

Методы исследования – полуструктурированное фокусированное интервью с представителями (собственники, руководители) предприятий Свердловской области, включающее следующие блоки:

- поведение предприятий на рынках Республики Беларусь;
- отношение к интеграционным объединениям с участием России и Беларусь;
- оценка эффективности организационной поддержки федеральной, региональной и местной власти;
- восприятие предприятиями процесса экономической интеграции России и Беларуси;
- перспективы углубления экономической интеграции.

Объект исследования – предприятия и организации Свердловской области:

- с 07.08.2019 по 01.06.2020 года оформили сертификаты происхождения на экспорт продукции (работ, услуг) в Беларусь;
- по информации, предоставленной Уральской ТПП, заинтересованы в сотрудничестве с предприятиями Беларуси;
- по информации Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области имеют деловые контакты с партнерами в Беларуси.

Сроки проведения интервью: сентябрь – ноябрь 2020. Средняя продолжительность интервью – 45 мин.

Восприятие Союзного государства респондентами представлено на рис. 1.

Рис. 1. Восприятие Союзного государства российским региональным бизнесом

Выводы по результатам исследования:

- большинство предприятий не стремятся к углублению экономической интеграции России и Беларуси – предприятия выступают за прозрачные правила ведения бизнеса на территории Союзного государства;
- российские предприятия, не смотря на культурную и историческую взаимосвязь между двумя странами, наличие более 20 лет интеграционного проекта и пр., не рассматривают Союзное государство как единое и экономически выгодное пространство для ведения бизнеса;

- российские предприятия видят необходимость устранения национальных барьеров для облегчения взаимодействия между предприятиями России и Беларуси;
- правительства России и Беларуси одновременно воспринимаются российским региональным бизнесом, с одной стороны, как основные двигатели интеграционного процесса, а с другой, являются основным препятствием экономической интеграции между странами.

Литература

1. Абрамов Р.А., Стрельченко С.Г., Деревянко С.В. Межрегиональное сотрудничество в интеграционных процессах Союзного государства // Пространственная экономика. 2016. № 4. С. 153–173.
2. Буконкин, Д.А. Проблемы отложенной интеграции: что мешает Беларуси и России усилить Союзное государство // Евразия. Эксперт. 03.03.2021. URL: <https://eurasia.expert/cto-meshaet-belarusi-i-rossii-usilit-soyuznoe-gosudarstvo/>
3. Селиванова И.Ф. Российско-белорусские отношения: Союзное государство или союз государств? // Мир перемен. 2006. № 2. С. 184–187.
4. Суздальцев А.И. Кризис Союзного государства Беларуси и России // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 3. С. 56–67. DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-3-56-67
5. Суздальцев А.И. Республика Беларусь: Эволюция политики балансирования между Союзным государством Белоруссии и России и Евразийским экономическим союзом // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 1 (109). С. 193–232. DOI: 10.31249/ape/2021.01.09
6. Шурубович А.В. Союзное государство и актуальные проблемы российско-белорусской интеграции // Проблемы постсоветского пространства. 2019. № 6. С. 244–258. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-3-244-258>
7. Эпштейн В.А., Вильчинский А.С. Проблемные узлы интеграционного взаимодействия России и Белоруссии // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 1 (3). С. 22–34. DOI: 10.20323/2658-7866-2020-1-3-22-34
8. Newnham R. Russia and Belarus: Economic Linkage in a Patron-Client Relationship // Journal of Belarusian Studies. 2020. Vol. 9, № 1. P. 3–26. DOI: <https://doi.org/10.30965/20526512-12340002>
9. Vieira A.A. Tale of Two Unions: Russia-Belarus Integration Experience and its Lessons for the Eurasian Economic Union // Journal of Borderlands Studies. 2017. Vol. 32, № 1. P. 41–53. DOI: <https://doi.org/gate3.library.lse.ac.uk/10.1080/08865655.2016.1211959>
10. Pugačiauskas V. The Russian – Belarusian Integration: Political Puzzles of «31 Roadmaps» // Lithuanian Annual Strategic Review. 2020. Vol. 18, № 1. P. 177–193. DOI: <https://doi.org/10.47459/lasr.2020.18.8>
11. Polglase-Korostelev G. The Union State: a changing relationship between Belarus and Russia // Journal of the Belarusian State University. International Relations. 2020. № 2. P. 38–46.
12. Žulys A. Towards A Union State Of Russia And Belarus // Lithuanian Foreign Policy Review. 2005. № 15–16. P. 148–169. URL: <https://www.ceeol.com/search/article-detail?id=22322>

УДК 330.101.2

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-108

Т.О. Проволович

Институт экономики РАН

КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ НЕЙРОБИОЛОГИИ В СФЕРУ ЭКОНОМИКИ ВЛИЯЕТ НА СПОСОБЫ ОБЪЯСНЕНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АГЕНТА?

Ключевые слова: экономика, нейроэкономика, методология науки, эпистемология, социальная когнитивная нейробиология

С конца XX в. появляются и получают свое развития «новые» экономические теории и подходы, для которых методологической основой являются естественно-научные биологические практики. За счет методологической экспансии [1, 4] нейробиологии в область экономики предполагается обнаружение связей между социально-экономическим объектом (поведение экономического агента) и нейробиологическим (мозгом). Одной из таких теорий является нейроэкономика, в рамках которой предполагается, что экономическое поведение ка-

узально обусловлено биохимическими реакциями мозга, в рамках данной теории происходит отождествление нейробиологических и социально-экономических объектов [5], а для исследования экономических связей, институтов и способов взаимодействия экономических агентов предлагается использовать естественно-научную методологию. В результате некритического перенесения естественно-научной нейробиологической методологии нейроэкономика сталкивается с некоторыми трудностями. Во-первых, в нейроэкономике не учитывается онтологическая специфика объектов из разных наук (мозга из нейробиологии и экономического поведения и экономического взаимодействия из экономики) [6, р. 13]. Во-вторых, пока не установлена однозначная корреляция между отделами мозга и поведенческими реакциями, экстраполяция данных из нейробиологических и психологических экспериментов в социально-экономическую сферу требует дополнительной проверки [8]. В-третьих, в нейроэкономике практически не уделяется внимание исследованию психической составляющей экономического субъекта, тем самым нивелируется влияние психологических состояний на способы взаимодействия экономических субъектов [2].

В отличие от нейроэкономики экономический социально-когнитивно-нейробиологический подход Питера Уайброу и Мэтью Либермана [3] основывается на поиске пересечения и взаимообусловленности нейробиологических, психологических и экономических объектов. Исследования интуитивного (иррационального) мышления, проведенное Либерманом, показало, что на поведение экономического агента, оказывает влияние не только рациональные факторы, но и закрепленные в памяти, неосознаваемые (интуитивные или иррациональные) шаблоны социального и экономического поведения [7, р. 128]. Таким образом, при прогнозировании поведения экономического агента предлагается учитывать условия социальной среды, которые в процессе опыта взаимодействия закрепляются на как нейробиологическом (предположительно в базальных ганглиях), так и на психическом (бессознательные реакции) уровнях.

Таким образом, методологическая экспансия нейробиологии в сферу экономики может приводить к разным результатам, в зависимости от целей экспансии. Если в нейроэкономике предлагается за счет привнесения в экономику естественно-научной методологии редуцировать социально-экономические объекты к нейробиологическим, то экономический социально-когнитивно-нейробиологический подход Питера Уайброу и Мэтью Либермана направлен на поиск корреляционных взаимосвязей между нейробиологическими, психологическими и социально-экономическими объектами.

Литература

1. Вахштайн В.С. Эпистемические интервенции. 7 фактов о «военных действиях» между дисциплинами // Постнаука. 2014. URL: <https://postnauka.ru/faq/27198> (дата обращения: 14.09.2021).
2. Раквиашвили А.А. Нейробиология и новые возможности экспериментальной экономики // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 124–137. DOI: 10.32609/0042-8736-2015-12-124-137
3. Уайброу П. Мозг: Тонкая настройка. Наша жизнь с точки зрения нейронауки. М. : Альпина Паблишер, 2016. 510 с.
4. Филатова А.А. Нейронаука и гуманитаристика: идеологические основания и методы дисциплинарной колонизации // История и философия науки в эпоху перемен : сборник научных статей : в 6 т. Москва, 14–16 сентября 2018 года. М. : Межрегиональная общественная организация «Русское общество истории и философии науки». 2018. С. 26–29.
5. Glimcher P. Foundations of Neuroeconomic Analysis. N.Y. : Oxford University Press, 2011. 488 p.
6. Koshovets O.B., Varkhotov T.A. Neuroeconomics: new heart for economics or new face of economic imperialism? // JIS. 2019. № 1. P. 7–19.
7. Lieberman M. Intuition: a social cognitive neuroscience approach // Psychological bulletin. 2000. Vol. 126, № 1. P. 109–137.
8. Sarapultsev A., Sarapultsev P. Novelty, Stress, and Biological Roots in Human Market Behavior // Behavioral Sciences. 2014. Vol. 4, № 1. P. 53–69.

А.И. Пыжев, А.А. Кытманов, О.А. Слинкина

*Сибирский федеральный университет,
Институт леса им. В.Н. Сукачева СО РАН*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДАННЫХ ДИСТАНЦИОННОГО ЗОНДИРОВАНИЯ ЗЕМЛИ ИЗ КОСМОСА В ЦЕЛЯХ ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ ЛЕСНЫМ СЕКТОРОМ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

Ключевые слова: лесные ресурсы, управление лесным сектором, институциональные преобразования, данные дистанционного зондирования земли

Качество принятия управленческих решений напрямую зависит от полноты и достоверности информации, используемой для анализа объекта управления. Данный тезис приобретает исключительное значение для проведения институциональных преобразований на уровне отдельных отраслей экономики или их секторов.

В России проблема качества официальных данных стоит достаточно остро [2]. В особенности это относится к лесному хозяйству, что обусловлено отраслевой спецификой [3, 4]. Основной проблемой здесь является отсутствие актуальной и полномасштабной базы данных о состоянии национальных лесных ресурсов. Официальные данные Государственного лесного реестра, на которые в той или иной мере опираются рассчитанные Рослесхозом отраслевые показатели, более чем наполовину восходят к полевым измерениям, проведенным более 20 лет назад [1]. С учетом того, что в отличие ресурсов недр, леса находятся в постоянной динамике под воздействием естественных и антропогенных причин, данные такой степени давности фактически являются бесполезными.

В нашей работе показаны возможности практического применения данных дистанционного зондирования Земли из космоса для анализа действительной динамики лесных ресурсов на примере измерения действительной потери лесов Приангарья. Обсуждаются направления дальнейшего развития исследований по данной тематике.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российской Федерации в лице Министерства науки и высшего образования России в рамках крупного научного проекта «Социально-экономическое развитие Азиатской России на основе синергии транспортной доступности, системных знаний о природно-ресурсном потенциале, расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий», Соглашение № 075-15-2020-804 от 02.10.2020 г. (грант № 13.1902.21.0016).

Литература

1. Филипчук А.Н., Малышева Н.В., Золина Т.А., Югов А.Н. Бореальные леса России: возможности для смягчения изменения климата // Лесохозяйственная информация. 2020. № 1. С. 92–114. DOI: 10.24419/LHI.2304-3083.2020.1.10.
2. Широков А.А. Статистика в интересах экономики и общества // Проблемы прогнозирования. 2020. № 2 (179). С. 36–47.
3. Pyzhev A.I., Gordeev R.V., Vaganov E.A. Reliability and Integrity of Forest Sector Statistics—A Major Constraint to Effective Forest Policy in Russia // Sustainability. 2020. № 13. Item 86.
4. Ulybina O. Russian forests: The path of reform // Forest Policy and Economics. 2014. № 38. P. 143–150.

К.Р. Рахимова

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ПРИМЕНЕНИЕ ФРЕЙМВОРКА SAF ДЛЯ ВНЕДРЕНИЯ ОКР НА КРУПНОМ ПРЕДПРИЯТИИ

Ключевые слова: цели и ключевые результаты, фреймворк, управление проектами, масштабируемая гибкая структура

Сложно переоценить важность постановки целей в компании. Актуальным инструментом в этой сфере является ОКР – методология управления проектами для синхронизации командных и индивидуальных целей, созданная на рубеже веков в Кремниевой Долине. Идея проста: «О» означает «Objective» – это четкая достижимая цель, «KR» означает «Key Results» – набор из 2-5 измеримых ключевых результатов.

Удачное внедрение ОКР приводит к следующим результатам [1]:

- 1) прозрачность стратегии и приоритетов компании для сотрудников;
- 2) автономность команд в выборе эффективных средств решения задач;
- 3) кооперация разных отделов для достижения общих целей.

Множество компаний по всему миру пользуются этим инструментом. Согласно ежегодным отчетам компании There Be Giants в 2019 г. ОКР использовались преимущественно малыми предприятиями численностью около 100 сотрудников. В 2020 г. около половины компаний по-прежнему были небольшими, однако на 3 место вышли крупные компании с 2 и более тысячами сотрудников (рис. 1).

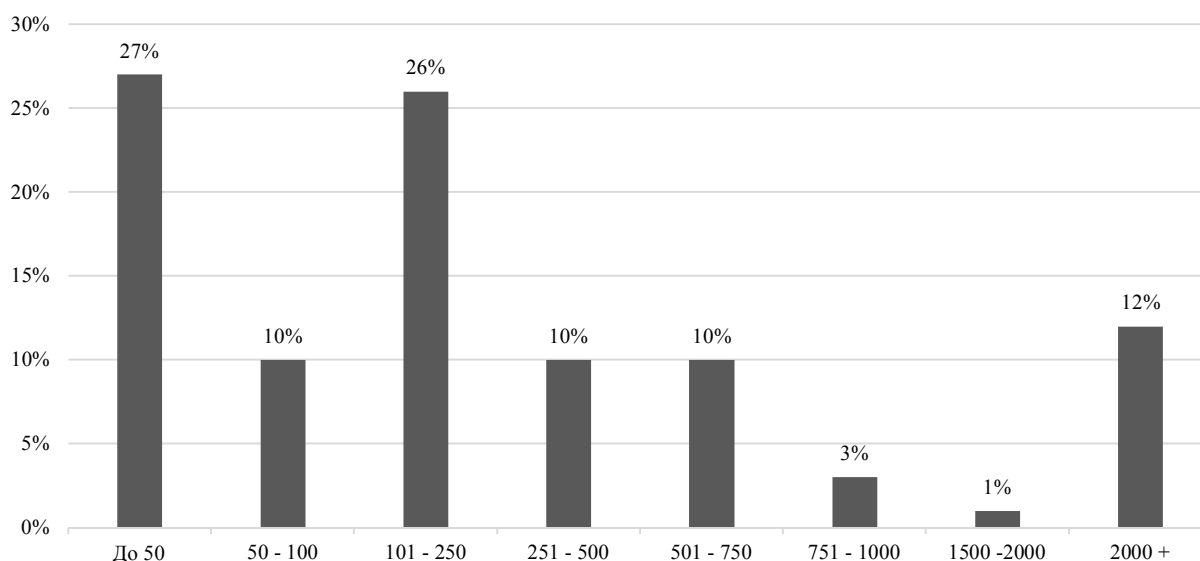

Рис. 1. Численность сотрудников в компаниях, внедривших ОКР в 2020 г.

Источник: составлено автором на основе [2]

TBG связывают рост популярности ОКР в крупных компаниях с растущим пониманием их выгоды в бизнесе, что делает актуальным поиск способов эффективного внедрения этого инструмента.

Одним из таких способов является Scaled Agile Framework (SAFe). Это гибкий фреймворк для управления компанией, в которой требуется координация выполнения одного или нескольких проектов для 5 и более команд. Проверенные преимущества в производительности, времени вывода продукта на рынок и вовлеченности сотрудников обусловили его популярность во всем мире.

SAFe является объемным инструментом и имеет 3 уровня [3]:

1. Essential. Он является отправной точкой для внедрения SAFe. Непрерывный процесс разработки и развития бизнес-решений здесь происходит посредством Agile Release Train (ART), т.е. команд, состоящих из Agile команд.

2. Large Solution. Здесь создаются крупномасштабные решения, разработка которых выходит за рамки одного ART. Это требует дополнительной координации усилий множества ART и поставщиков по доставке самых крупных и сложных систем в мире.

3. Portfolio. С помощью механизмов управления и бюджетирования портфель организует экономичное и гибкое предприятие вокруг потока создания ценности, гарантируя направление инвестиций на создание правильных вещей в соответствии со стратегией.

Уровни обладают особым набором ролей, событий и артефактов и по-разному компонуются в различных конфигурациях. Каждый из них должен быть обеспечен целями, согласованными со стратегией компании и текущими приоритетами, что является благоприятной почвой для применения OKR.

Таким образом, совместное применение OKR и SAFe является взаимовыгодным и помогает компании выстроить эффективную систему постановки и достижения целей в условиях большого количества сотрудников и проектов.

Литература

1. Нетипичное исследование про OKR // TYPICAL. [М. ; Амстердам?]: TYPICAL [распр.], 2020. URL: <https://typicalokr.co/>, свободный.
2. 2020 OKR Annual Report // There Be Giants. In Manchester: There Be Giants [distr.], 2020. URL: https://f.hubspotusercontent20.net/hubfs/3820722/TBG%202020%20OKR%20Annual%20Report_FinalV2.pdf?utm_campaign=OKRs&utm_medium=email&_hsmi=107181840&_hsenc=p2ANqtz-9Gm9GIMIMTiVOMLVVOnwPqoMrecZrMgQY8TNskTXundKHVK34D5WJbjXomzdn5opHDE6VdD9DqzeUP_L6hgDf9YbDfzLFp2LCZ7ynIp_lw5yWCYM_k&utm_content=107181840&utm_source=hs_automation, для зарег. пользователей.
3. Scaled Agile Framework : official website // Scaled Agile. Boulder : Scaled Agile [distr.], 2021. URL: <https://www.scaledagileframework.com/>, свободный.

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-111

Е.А. Радионова

Кузбасский государственный технический университет

ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Ключевые слова: государственная состоятельность, оценка государственной деятельности, комплексный индикатор, подходы к оценке государственной состоятельности

Государственная состоятельность (state capacity) является категорией, изучение которой позволяет оценить результаты государственной деятельности. В общих чертах она сводится к способности государства реализовывать свои цели в соответствии с национальными интересами. Более детальная концептуализация зависит от предметной области, в рамках которой рассматривается понятие [10, с. 3–4].

В процессе операционализации и измерения государственной состоятельности исследователи сталкиваются с методологическими трудностями, которые связаны [10, с. 8–23]:

- с латентным характером понятия, определяющим необходимость косвенной оценки;
- с важностью обоснования категории в качестве универсальной или дифференцированной характеристики;
- с необходимостью выделения ключевых сфер реализации государственных функций;

- с определением оптимального набора индикаторов, минимизирующего риски редуцирования понятия или создания информационного шума.

Методики, применяемые для оценки различных аспектов государственной состоятельности, по-разному решают озвученные проблемы. К числу широко используемых можно отнести комплексные индексы международных организаций (индексы Worldwide Governance Indicators [14], The Global Competitiveness Index [12]), а также тематические показатели, отражающие определенную сферу реализации государственных полномочий (индекс Doing Business [7], Corruption Perceptions Index [13], The European Quality of Government Index [11] и др.). Существуют авторские подходы к оценке [1, 6, 8], нормативно закреплённые ориентиры повышения качества государственного управления [4] и оценки рейтинговых агентств.

Каждая методика имеет достоинства, недостатки и обусловленные ими особенности применения. Ключевые различия связаны с источником первичной информации (статистические данные, результаты исследования удовлетворенности населения, экспертные оценки, законодательные нормы), широтой территориального и временного охватов, возможностью статического и динамического наблюдения, уровнем детализации.

На основе изучения перечисленных методик и с опорой на методологию построения комплексных индикаторов [9] был разработан авторский подход к оценке государственной состоятельности. В его основе лежит составной показатель, структурированный по четырем блокам, отражающим ключевые сферы реализации государственных функций (экономическую, политическую, социальную и идеологическую). Блоки представлены набором показателей, выбор которых обоснован современными научными тенденциями (приоритет человеческой личности [2], изменение содержания категории «благосостояние» [3], отказ от старой парадигмы «государство vs рынок» [5]).

Апробация предложенного подхода реализована на примере выборки из 19 стран. Результаты расчетов за 2018 год представлены в таблице в совокупности с данными по двум другим методикам. Графическое сопоставление полученных результатов отражено на рис. 1.

Оценка государственной состоятельности, 2018 г.

Страна	Комплексный индекс государственной состоятельности (КИГС) ¹	Government Effectiveness – подиндекс WGI (GE) ²	The Global Competitiveness Index (GCI) ³
Бельгия	59,95	83,7	76,6
Великобритания	56,25	88,0	82,0
Венгрия	41,34	70,2	64,3
Германия	63,60	93,3	82,8
Дания	72,05	97,1	80,6
Израиль	56,19	86,1	76,6
Ирландия	57,15	89,9	76,7

¹ Источник: рассчитано автором по данным: The European Social Survey (ESS). URL: <https://www.european-socialsurvey.org/data/> (accessed: 29.03.2021); Российское социальное исследование по программе Европейского Социального Исследования. URL: <http://www.ess-ru.ru/> (дата обращения: 29.03.2021); Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS HSE), проводимый Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 29.03.2021); European Quality of Life Surveys. URL: <https://www.eurofound.europa.eu/surveys/european-quality-of-life-surveys> (дата обращения: 26.04.2021); Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: <https://www.oecd.org/> (accessed: 29.03.2021); World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/> (accessed: 29.03.2021).

² Источник: Worldwide Governance Indicators. DataBank. URL: <https://databank.worldbank.org/source/worldwide-governance-indicators> (accessed: 11.08.2021).

³ Источник: The Global Competitiveness Report 2018. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2018> (accessed: 11.08.2021).

Страна	Комплексный индекс государственной состоятельности (КИГС) ¹	Government Effectiveness – подиндекс WGI (GE) ²	The Global Competitiveness Index (GCI) ³
Испания	47,98	79,3	74,2
Нидерланды	70,23	96,6	82,4
Норвегия	74,52	97,6	78,2
Польша	46,11	75,0	68,2
Португалия	45,85	86,5	70,2
Россия	37,55	51,0	65,6
Словакия	40,42	75,5	66,8
Словения	45,61	83,2	69,6
Финляндия	74,25	99,0	80,3
Чехия	50,45	78,4	71,2
Швейцария	74,19	99,5	82,6
Швеция	67,11	96,2	81,7
Эстония	53,82	84,6	70,8

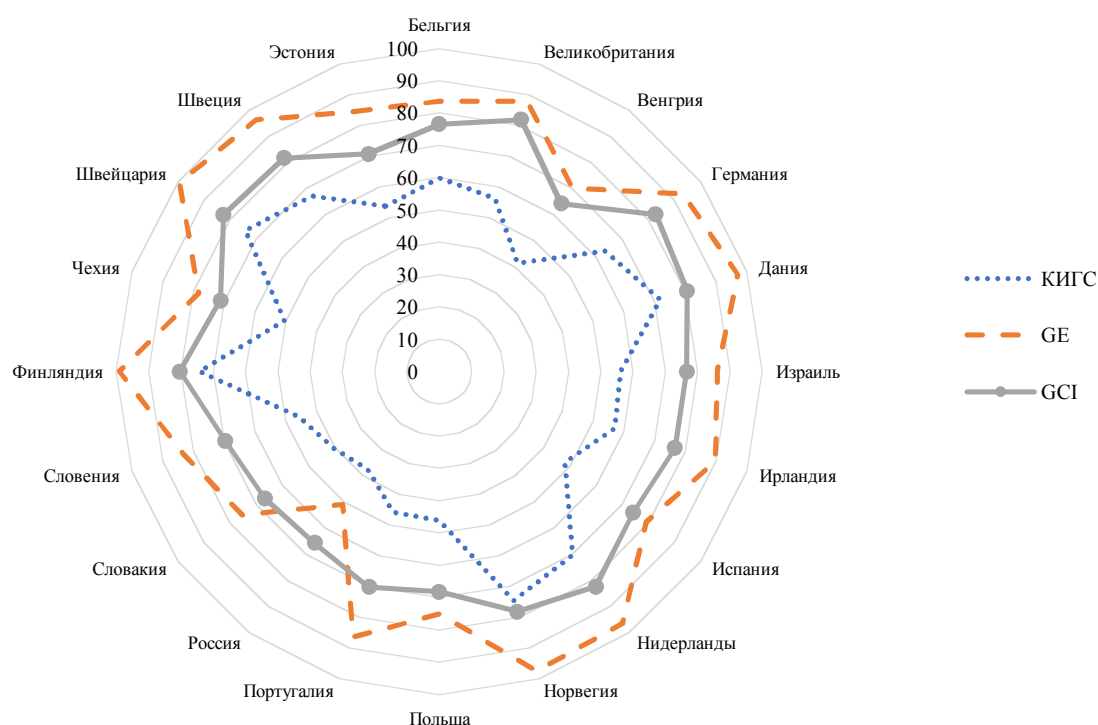

Рис. 1. Оценка государственной состоятельности, 2018 г.

Перспективность предложенного метода обусловлена возможностью проведения исследований по расширенной номенклатуре стран с длительным периодом наблюдения. Прикладная значимость разработанного индекса обеспечивается его составным характером, позволяющим проводить анализ на нескольких уровнях.

Литература

1. Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 8–23.
2. Банерджи А., Дюфло Э. Экономическая наука в тяжелые времена. Продуманные решения самых важных проблем современности / пер. с англ. М. Маркова и А. Лашева; под науч. ред. Д. Раскова. М. : Изд-во Института Гайдара, 2021. 624 с.
3. Мау В.А. Экономика и политики 2019–2020 гг.: глобальные вызовы и национальные ответы // Вопросы экономики. 2020. № 3. С. 5–27.
4. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001> (дата обращения: 05.08.2021).

5. Block F., Evans E. The State and the Economy // The handbook of economic sociology / eds by N.J. Smelser, R. Swedberg. Princeton University Press, 2005. 736 p.
6. Charron N. Diverging cohesion? Globalisation, state capacity and regional inequalities within and across European countries // European Urban and Regional Studies. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0969776413512844> (accessed: 09.08.2021).
7. Doing Business. URL: <https://www.doingbusiness.org/en/doingbusiness> (accessed: 05.08.2021).
8. Hanson J.K. Leviathan's Latent Dimensions: Measuring State Capacity for Comparative Political Research. URL: http://www-personal.umich.edu/~jkhanson/resources/hanson_sigman13.pdf (accessed: 07.08.2021).
9. Organisation for Economic Co-operation and Development. Handbook on Constructing Composite Indicators: Methodology and user guide. URL: <https://www.oecd.org/sdd/42495745.pdf> (accessed: 29.03.2021).
10. Ottervik M. Conceptualizing and Measuring State Capacity: Testing the Validity of Tax Compliance as a Measure of State Capacity. URL: https://www.gu.se/sites/default/files/2020-05/2013_20_Ottervik.pdf (accessed: 08.08.2021).
11. The QoG Institute, University of Gothenburg. URL: <https://www.gu.se/en/quality-government> (accessed: 07.08.2021).
12. The World Economic Forum. URL: <https://www.weforum.org/> (accessed: 05.08.2021).
13. Transparency International. URL: <https://www.transparency.org/en/> (accessed: 05.08.2021).
14. Worldwide Governance Indicators. URL: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/Home/Documents> (accessed: 05.08.2021).

УДК 338.9

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-112

Е.М. Рождественская

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Национальный исследовательский Томский политехнический университет*

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАКТИКИ ПОТРЕБЛЕНИЯ В СТАРШЕМ ВОЗРАСТЕ

Ключевые слова: активное долголетие, практики потребления, ресурсный потенциал, экономика старения, институциональная экономика, благополучие, социальные институты

Введение. Старение населения оказывает влияние на социально-экономическое, культурное, демографическое развитие. Выявлено, что существует вытесняющий эффект потребления в связи с расходами на поддержку пожилых людей [1, 2]. Согласно данным Всемирного банка население стареет темпами по 3% в год [3], что затрагивает все экономики мира, включая Россию. Изменения в возрастной структуре происходят из-за сокращения рождаемости и смертности, что приводит к «старению» и повышению нагрузки на пенсионную систему [4]. С одной стороны, увеличение продолжительности жизни дает мощный импульс экономическому развитию за счет прироста трудового потенциала, или так называемые «демографические дивиденды» [5]. С другой стороны, меняется образ жизни и потребительское поведение, появляются новые потребности и вызовы для экономической системы в целом, повышается нагрузка на социальные институты, что приводит к стагнации и неравенству. В старшем возрасте трудовые доходы ниже потребности в особых товарах и услугах, часть этой социальной нагрузки покрывается за счет государства, но часть ложится на плечи молодого поколения, снижая общую потребительскую силу домохозяйства. Практики потребления представляют собой набор рутинизированных действий в целях удовлетворения потребностей [6]. В данной работе *целью* является определить потребительские паттерны поведения [7] в старшем возрасте в зависимости от ценностных установок и имеющихся финансовых ресурсов на основе анализа субъективных оценок респондентов в возрасте 55+ по результатам опроса, проведенного в Томской области.

Методы исследования. Эмпирической базой исследования являются результаты опроса, проведенного Международной научно-образовательной лабораторией технологий улучшения благополучия пожилых людей Томского политехнического университета [8] в марте-

апреле 2021 года. Выборка составила 400 человек, использовались квоты по географическому (50% г. Томск, 20% город области, 30% сельская местность) и демографическому признакам (36% мужчины, 64% женщины). Использовались квоты по возрастным группам, соответствующие генеральной совокупности по Томской области. Анкета опроса состояла из 78 вопросов, разделенных по блокам – социально-демографические параметры, уровень материального благополучия, социальное настроение и ожидания, оценка качества предоставления социальных услуг, социальная активность, уровень владения современными технологиями. В данном исследовании предпринята попытка выявить потребительские предпочтения в старшем возрасте в зависимости от покупательной способности. Гипотезой исследования является предпосылка о низкой покупательной способности, вынуждающей применять стратегии экономии в старшем возрасте [7].

Практики потребления в старшем возрасте. Традиционно считается, что в старшем возрасте падает покупательная способность в связи с потерей трудового дохода. На основе проведенного исследования выявлено, что более трети опрошенных в возрасте 55 + сталкиваются с проблемой низкого материального положения, характеризуя ситуацию как «денег хватает только на питание», причем в районном центре эта проблема стоит острее, чем в сельской местности (рис. 1).

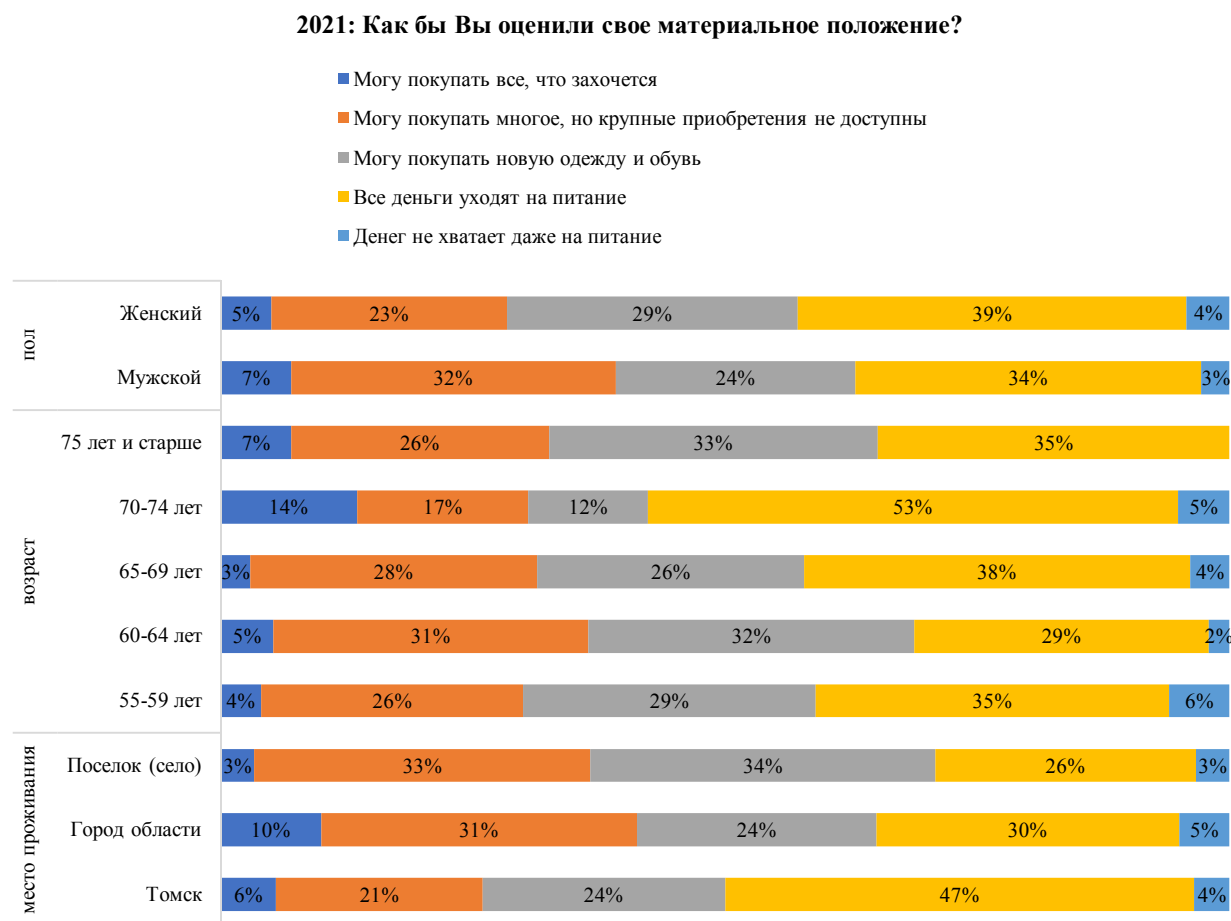

Рис. 1. Покупательная способность в субъективных оценках респондентов 55+ в Томской области в зависимости от пола, возраста и места проживания, 2021.
Источник: данные МНОЛ ТУБПЛ ТПУ [8]

Кроме того, выявлена группа респондентов, кто отмечает, что «денег не хватает даже на еду» – 4% (по сравнению с замерами предыдущих лет этот показатель растет). В целом, можно говорить о низком уровне потребительной способности в возрасте 55+, когда 41% респондентов отмечает, что располагаемые доходы по субъективным ощущениям достаточны (или не вполне достаточны) для удовлетворения потребностей в питании.

В финансовом плане выявлены неудовлетворенные потребности, которые связаны с рядом ограничений в удовлетворении потребностей («Нет, не могу, но хотел бы»). Каждый второй опрошенный хотел бы, но не может себе позволить, путешествия (53%). 44% отметили, что им не доступны платные медицинские услуги, столько же – не могут поменять бытовую технику. В сравнении с замерами до пандемийных лет эти показатели выросли. Больше всего положительных оценок получили две категории – делать подарки детям (84% при суммировании ответов «да, без ограничений» и «да, но с ограничениями») и покупать качественные продукты (73% при суммировании показателей). Скорее, следует говорить о ценностных предпочтениях, связанных с возрастом, в первую очередь, социальных ценностях и здоровье, которые выходят на первый план. Следовательно, располагаемый доход «тратится» в первую очередь на удовлетворение наиболее «ценных» с точки зрения респондентов 55+ потребностей. Рейтинг самых значимых ценностных ориентаций возглавляют «хорошее здоровье» (84%) и «благополучие родных и близких» (82%).

Выявлена статистически значимая связь между субъективными оценками удовлетворенности жизнью и покупательной способностью (эмпирический уровень значимости меньше 0,05). Так, те, кто может позволить себе широкий набор товаров и услуг, включая возможности путешествовать, чаще отвечали, что они полностью или частично удовлетворены жизнью в целом. Следует отметить, что на возможности путешествовать влияют не только финансовые ресурсы, но и социальные ограничения и физическое состояние [9]. Среди «недовольных» жизнью высокий процент тех, кто не может и не хотел бы иметь возможности путешествовать. Данные результаты исследования по Томской области коррелируют с исследованиями из других стран [10].

Таким образом, покупательная способность влияет не только на формирование практики потребления, но и на удовлетворенность жизнью в целом. Вынужденное низкое материальное обеспечение развивает стратегии экономии, причем респонденты 55+ склонны предпочесть сэкономить на одежде или спорте и отдыхе, чем на питании и лечении. Всего 11% респондентов выбирали варианты экономии на услугах ЖКХ, что говорит о высокой финансовой дисциплине и социальной ответственности в старшем возрасте. Социальные институты поддержки пожилых людей сглаживают неравенство в доступе к товарам и услугам в старшем возрасте, как показали данные опроса, становится доступнее страховая медицина, включая стоматологические услуги, растет удовлетворенность квалификацией врачей и качеством оказываемых услуг. Но тем не менее, говорить о том, что возрастная группа 55+ формирует новую практику потребления не приходится, скорее речь идет о гетерогенности потребительских предпочтений и необходимости дифференциации в зависимости от косвенных показателей (не только дохода), как удовлетворенность жизнью, возможности и желания путешествовать, наличие стратегии экономии, желания помогать детям и внукам и т.п. [11].

Заключение. Таким образом, практики потребления в старшем возрасте формируются под воздействием не только демографических факторов, но и социально-экономических и культурных факторов. Важным является наличие стратегий экономии, в том числе на питании, лечении, отдыхе и покупке одежды. В приоритете ценностных установок находятся забота о ближнем круге (дети и внуки) и поддержание здоровья. Частично потребности в медицинских услугах закрываются благодаря социальной поддержке государства, но степень удовлетворенности такой помощью крайне низкая (хотя, отмечается рост положительных оценок). Выявлено, что существует зависимость удовлетворенности жизнью (общим субъективным благополучием) и наличие широких потребительских возможностей. Одним из косвенных показателей формирования практики потребления можно выделить возможность и желание путешествовать. С одной стороны, выявлено, что этот показатель коррелирует с финансовыми возможностями респондентов, с другой стороны, желание путешествовать отражает и состояние здоровья в определенном аспекте, чтобы наслаждаться мобильностью. Следовательно, данный показатель может быть использован как критерии сегментирования потребителей с таршем возрасте с учетом особых потребностей как физиологических, так и

материальных и социально-ориентированных установок (стилей жизни). Возрастная группа 55+ гетерогенна, следует продолжить исследования для выявления подгрупп с различными характеристиками и практиками потребления.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00300).

Литература

1. Huo C., Xiao G., Chen L. The crowding-out effect of elderly support expenditure on household consumption from the perspective of population aging // Evidence from china. *Frontiers of Business Research in China*. 2021. № 15(1). DOI: 10.1186/s11782-021-00099-5
2. Shi M., Jiang Z., Qiu X. How ageing affects the expenditure of household consumption in China—Evidence from Chinese social survey // *Economic Theory and Economic Management*. 2019. № 4. P. 62–79.
3. United Nations (2017). World population prospects: The 2017 revision. United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division Retrieved from: <https://Esa.Un.Org>.
4. Kim H.K., Lee S.-H. The effects of population aging on South Korea's economy: The National Transfer Accounts approach // *The Journal of the Economics of Ageing*. 2021. Vol. 20. P. 100340. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jeoa.2021.100340>
5. Mason A., Lee R., Abrigo M., Lee S.H. Support ratios and demographic dividends: Estimates for the World. 2017. Technical Paper. 1.
6. Reckwitz A. Toward a Theory of Social Practices // *European J. of Social Theory*. 2002. Vol. 5:2. P. 243–263.
7. Ечевская О.Г. Потребление и различие: социальные значения и практики потребительского поведения горожан / под ред. Т.Ю. Богомоловой. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2011. 160 с.
8. Официальный сайт Международной научно-образовательной лаборатории технологий улучшения пожилых людей Томского политехнического университета. URL: <https://tpu.ru/university/structure/departments/view?id=7381> (дата обращения: 06.08.2021).
9. Кучмаева О.В. Социальная активность пожилых россиян и перспективы реализации политики... «активного старения» // *Население и экономика*. 2018. Т. 2, № 4. С. 47–84. DOI: <https://doi.org/10.3897/popecon.2.e36060>
10. Choung Y., Pak T.-Y., Chatterjee S. Consumption and life satisfaction: The Korean evidence // *International Journal of Consumer Studies*. 2021. № 45 (5). Сс. 1007–1019. DOI: <https://doi-org.ez.lib.tsu.ru/10.1111/ijcs.12620>
11. Шерешева М.Ю., Валитова Л.А., Березка С.М. Потребительское поведение россиян возрастной категории 50+: пилотное исследование // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*. 2017. Т. 16, № 2. С. 242–267.

УДК:338.2444.4

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-112

В.Б. Романюк, Лю Сян

Национальный исследовательский Томский государственный университет

СИСТЕМА КОМПЛЕКСНОГО ФИНАНСОВОГО АНАЛИЗА DUPONT

Ключевые слова: анализ, рентабельность, движение денег, декомпозиция, фактор

Система финансового анализа DuPont основана на рентабельности чистых активов в качестве основного показателя, который органично сочетает в себе прибыльность, операционную мощность и платежеспособность и формирует систему финансового анализа посредством послышной декомпозиции. Исходя из перспективы движения денежных средств, анализ традиционной системы финансового анализа DuPont, имеет следующие недостатки.

Во-первых, недостатки в целях финансового управления. Традиционной целью финансового менеджмента является максимизация стоимости предприятия. Стоимость предприятия – это рыночная цена всех активов предприятия, отражающая потенциальную или ожидаемую прибыльность предприятия, а потенциальная или ожидаемая прибыльность определяется годовым денежным потоком и ставкой дисконтирования предприятия. Традиционная система финансового анализа DuPont, в которой основное внимание уделяется балансовой

прибыли предприятия, игнорируется качество поступлений и чистый поток наличности, что приводит к тому, что предприятие не имеет соответствующих гарантий движения наличных средств и сталкивается с финансовым кризисом и угрозой банкротства.

Во-вторых, игнорирование анализа движения денежных средств. Традиционные показатели прибыли системы финансового анализа DuPont в полной мере отражают рентабельность предприятия, однако чистая балансовая прибыль легко поддается манипулированию, в то время как движение денежной наличности, основанное на кассовом методе, не поддается манипулированию, но отражает относительно низкую рентабельность предприятия. Поэтому следует уделять внимание сопоставлению доходов и движения денежных средств, а информацию о доходах и движении денежных средств следует объединять и использовать для того, чтобы более правдиво отражать результаты деятельности предприятия.

В-третьих, игнорирование реальной платежеспособности предприятия. Декомпозиция второго уровня традиционной системы финансового анализа DuPont отражает только степень задолженности предприятия, игнорируя фактическую платежеспособность предприятия. В целом, чем больше коэффициент задолженности, тем больше мультипликатор собственного капитала. Мультипликатор собственного капитала – это обоюдоострый меч. В то время как предприятие имеет большую прибыль от финансовых рычагов, также несут более высокий Финансовый риск, когда, если они не имеют достаточного чистого потока наличных средств, они часто впадают в финансовый кризис и даже приводят к банкротству.

Таким образом, интеграция операционного денежного потока в традиционную систему финансового анализа Dupont не только способствует внешним заинтересованным сторонам контролировать работу предприятия, но и способствует внутренним операторам проводить комплексный финансовый анализ, что является методом или способом эффективного повышения адаптивности системы финансового анализа к среде предприятия.

Основываясь на приведенном выше анализе, предлагается реконструировать комплексную систему финансового анализа DuPont с точки зрения движения денежных средств.

Система финансового анализа DuPont по сути является приложением и расширением метода факторного анализа. Разницы методы и уровни декомпозиции основных показателей приводят к различным системам декомпозиции индексов. Таким образом, метод декомпозиции рентабельности собственного капитала может быть изменен путем введения соответствующих показателей движения денежных средств, таких как коэффициент гарантии избыточных денежных средств и коэффициент денежных средств от продаж.

Система комплексного финансового анализа типа чистого денежного потока Dupont использует коррекцию рентабельности собственного капитала в качестве логической отправной точки, интегрируя влияющие факторы базового индекса «рентабельность собственного капитала» с балансом, соответствующими данными отчета о движении денежных средств, ставкой возврата денежных средств и коэффициентом гарантии избыточных денежных средств.

$$R = K1 * I / K2 * Mck = K1 * R1 * I / K3 * Mck, \quad (1)$$

где R – рентабельность чистых активов, в %; R1 – рентабельность продаж; K1 – коэффициент возврата денежных средств по активам; K2 – коэффициент гарантии избыточных денежных средств; K3 – коэффициент денежных средств от продаж; Mck – мультипликатор собственного капитала.

Рентабельность чистых активов. Рентабельность чистых активов отражает эффективность различных видов деятельности по управлению финансами, таких как корпоративное финансирование, инвестиции, эксплуатация активов и так далее.

Коэффициент возврата денежных средств по активам.

$$K1 = Q / C, \quad (2)$$

где K1 – коэффициент возврата денежных средств по активам; Q – чистый операционный денежный поток; C – средняя общая сумма активов.

Этот показатель предназначен для оценки способности предприятия генерировать наличные средства по всем активам, и чем выше этот показатель, тем выше эффективность использования активов предприятия. Этот показатель может быть использован для отражения качества активов предприятия и эффективности использования активов и в определенной степени отражает их эксплуатационную способность.

Коэффициент гарантии избыточных денежных средств.

$$K2 = Q/P, \quad (3)$$

где K2 – коэффициент гарантии избыточных денежных средств; Q – чистый операционный денежный поток; P – чистая прибыль.

Этот показатель отражает, какая часть текущей чистой прибыли предприятия защищена от денежных средств, и используется для оценки качества прибыли предприятия. Чем больше этот показатель, тем больше чистая прибыль, получаемая от операционной деятельности, приносит наличные средства. Как правило, коэффициент гарантии избыточных денежных средств предприятия равен или превышает 1, что указывает на то, что прибыль предприятия имеет соответствующий денежный поток в качестве гарантии.

Рентабельность продаж.

$$R1 = P/I, \quad (4)$$

где R1 – рентабельность продаж; I – выручка от продаж; P – чистая прибыль.

Этот показатель измеряет доход от продаж, полученный предприятием за определенный период времени, и оценивает способность предприятия получать прибыль за счет продажи продукции или оказания трудовых услуг, то есть рентабельность. Чем выше коэффициент, тем сильнее способность предприятий получать прибыль за счет расширения продаж.

Коэффициент денежных средств от продаж.

$$K3 = Q/I, \quad (5)$$

где K3 – коэффициент денежных средств от продаж; I – выручка от продаж; Q – чистый операционный денежный поток.

Этот показатель отражает прибыльность предприятия с точки зрения денежного потока и отражает чистый денежный поток, полученный в расчете на рубль выручки от продаж. Чем больше значение, тем лучше качество дохода предприятия и тем лучше эффект от использования средств. Этот показатель связан с политикой предприятий насчет продажи в кредит, и если предприятия получают ложные доходы, то этот показатель будет весьма низким.

Система комплексного финансового анализа типа чистого денежного потока Dupont более всесторонне и глубоко раскрывает финансовое положение, операционные результаты и качество доходов предприятия, с более сильным научным и практическим подходом, чтобы лучше обеспечивать техническую поддержку финансовых решений различных заинтересованных сторон.

Литература

1. Ван Гангсу. Исследование усовершенствованной системы финансового анализа DuPont // Финансовый мир. 2020. № 25. С. 141–142.
2. Сун Янпин. Исследование по совершенствованию метода анализа Дюпона, основанного на движении денежных средств и реальной прибыльности предприятий // Современный бухгалтерский учет. 2016. № 7. Р. 29–30.
3. Ши Хунвэй. Внедрение системы анализа денежных потоков DuPont и ее применение // Современная экономика. 2014. № 21. Р. 123–127.
4. Лю Юньлун. Совершенствование системы анализа DuPont на основе финансового коэффициента и денежного потока – возьмем в качестве примера компанию Shanghai Automobile Group // Финансовый мир. 2016. № 9. Р. 251.

В.Н. Рудкий, А.А. Фукаляк

*Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Сибирский федеральный университет*

ФОРМИРОВАНИЕ И ОЦЕНКА ИНДЕКСА БЛАГОСОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Ключевые слова: благосостояние населения, индекс благосостояния, факторы благосостояния, региональная экономика, экономическое развитие

Одним из важных направлений социально-экономической политики государства в России является повышение благосостояния населения, от которого напрямую зависит экономическое развитие страны. В российской и зарубежной научной литературе, а также в социально-экономической политике встречаются различные подходы к определению и измерению благосостояния населения. Разработано достаточно большое количество частных показателей и индексов, которые позволяют анализировать уровень благосостояния [1]. Однако формирование интегральных индикаторов благосостояния, учитывающих различные социальные и экономические показатели, а также измерение факторов интегрального благосостояния все еще остаются недостаточно изученными темами. Такого рода исследовательские задачи особенно актуальны для российских регионов, характеризующихся высоким уровнем дифференциации уровня развития экономики и благосостояния населения [2].

Авторы настоящего исследования провели сопоставление различных подходов и предложили разновидность композитного подхода к оценке благосостояния. Последний учитывает как субъективные факторы благополучия населения, так и объективные, связанные с его состоянием, экономической активностью и соответствующей государственной политикой («welfare» и «wellbeing») [3, 4]. На основе этого подхода и с использованием индексного метода и модели индекса развития человеческого потенциала [5] была разработана авторская методика измерения интегрального индекса благосостояния населения в региональной экономике, апробированная на примере российских регионов. Также было проведено эконометрическое моделирование факторов интегрального благосостояния населения с оценкой взаимосвязи индекса благосостояния и различных его факторов в экономике российских регионов на основе региональной выборки статистических данных Росстата и Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ

В результате проведенного исследования было выявлено, что экономическая активность в регионах оказывается более значимой для интегрального благосостояния населения, чем качество человеческого капитала, в частности, уровень здоровья населения. Одними из наиболее значимых факторов оказались такие показатели, как среднедушевые доходы населения, прожиточный минимум, доля расходов на покупку недвижимости. Результаты исследования имеют ценность для социально-экономической политики и говорят о важности приоритета создания условий для развития экономики и повышения материального благосостояния населения по сравнению с социально-экономической политикой в иных сферах благосостояния населения.

Литература

1. Van der Slycken J., Bleys B. A Conceptual Exploration and Critical Inquiry into the Theoretical Foundation(s) of Economic Welfare Measures // *Ecological Economics*. 2020. Vol. 176.
2. Морощкина М.В. Межрегиональная дифференциация российских регионов: тенденции и перспективы сближения // *Теоретическая и прикладная экономика*. 2018. № 3. С. 48–60.
3. Fleche S., Smith C., Sorsa P. Exploring Determinants of Subjective Well-being in OECD Countries: Evidence from the World Value Survey // *OECD Economics Department Working Papers*. 2011. Vol. 921.

4. Андреева О.Н. Система показателей уровня и качества жизни населения // Социальные и демографические структуры. 2013. № 1. С. 75–77.
5. Ефимова Л.А. Индекс человеческого развития в России: анализ и перспективы // Региональная экономика: теория и практика. 2015. № 22 (397). С. 53–62.

УДК 316.346.32-053.9:332.142.4(571.16)
DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-115

М.В. Рыжкова, Е.И. Клемашева

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Национальный исследовательский Томский политехнический университет*

ВКЛЮЧЕННОСТЬ ПОЖИЛОГО НАСЕЛЕНИЯ г. ТОМСКА В РЕГИОНАЛЬНОЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Ключевые слова: технологическое пространство, пожилые люди, включенность, цифровизация, рутина

Трендом мирового общественного развития является замена природной среды искусственной. В этом смысле пространства, как среды, в которых протекает жизнедеятельность членов общества, могут быть подразделены по объектам на личное, социальное, образовательное пространство и т.д. Объектом данного исследования является территориальное (региональное) технологическое пространство.

Технологическое пространство для целей данного исследования будем трактовать как социально-экономические отношения по поводу использования современных технологических достижений и выстраивающиеся на этой основе коммуникации.

На различных территориях имеется неоднородный набор элементов технологического пространства, относящихся к разным технологическим укладам, доступных населению в его повседневности. Набор практик и рутин, определяющих глубину интеграции технологических элементов в повседневную жизнь индивида, определяет уровень включенности этого индивида в территориальное технологическое пространство.

Для характеристики гетерогенности технологического пространства воспользуемся концептом технологических укладов [1]. В современных условиях наиболее актуальным является исследование различия в уровне сформированности рутин пятого технологического уклада, шестой – только начинает формироваться, повседневные рутины элементов технологического пространства шестого уклада отсутствуют.

Доступность элементов пятого технологического уклада локальна и неоднородна. Население, рутины которого сформированы в четвёртом технологическом укладе, с трудом воспринимают достижения пятого технологического уклада, что позволяет говорить о разнородности включённости разных слоёв населения в территориальное технологическое пространство. Это касается как физической доступности (наличие гаджета, доступ к инфраструктуре), так и грамотности потребителя относительно использования своих возможностей (сформированность рутины).

Разнородность включённости пожилого населения г. Томска в территориальное технологическое пространство подтверждается результатами фокус-группы «Цифровые технологии для томичей в возрасте 55 лет и старше», проведенной в г. Томске (май, 2021 г.) среди двух возрастных групп: 55–64 года; 65 лет и старше.

25% участников каждой возрастной группы имеют в распоряжении только кнопочный телефон и телевизор по причинам ценностного характера (избегание трудностей, настороженное отношение к новым технологиям). Остальные пользуются смартфонами, компьютерами, ноутбуками. Из медицинских гаджетов в домашнем обиходе электронные тонометры, термометры и глюкометры. Домашние приборы типа «лампа с красным светом», «Геска» популярностью не пользуются по причинам недоверия к прибору. «Умные часы» с шагоме-

ром и пульсомером не вызывают интереса и считаются лишними. Однако поддержка раздачи указанных приборов социальными службами была единогласной. Система «умный дом» финансово недоступна, но респонденты младшей возрастной группы считают ее перспективной для безопасного проживания пожилого населения.

Наличие и использование элементов пятого технологического уклада не синонимично и не взаимосвязанно. Например, у большинства опрошенных в обеих группах есть дебетовые карты, но ими не пользуются, предпочитая наличные деньги в расчетах по причине недоверия электронной системе платежей. Такая ситуация характерна для большинства новшеств. С другой стороны, о неоднородности вовлеченности свидетельствует популярность мобильных приложений банков.

Гаджеты используют в основном для общения в мессенджерах, ограниченно – для работы, что связано со снижением занятости в более старшей возрастной группе. Пожилое население продолжает самообучение с помощью гаджетов, в которых пользуется бесплатным контентом, поисковиками и видеохостингами.

Различные сервисы по предоставлению услуг (интернет-магазины, электронная запись к врачу, отслеживание маршрутного автобуса, каршеринг, кассы самообслуживания) знакомы пожилому населению, но в обеих исследуемых возрастных группах ими пользуются единицы из-за отсутствия потребностей и сложности контента.

По итогам проведенного исследования можно сделать вывод, что у пожилого населения г. Томска сформированные рутины пятого технологического уклада – скорее исключение из правила, чем норма. На основе пилотного исследования можно сформировать гипотезу о низкой включенности пожилого населения г. Томска в региональное технологическое пространство.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ВАОН № 21-510-92007 «Влияние регионального технологического пространства на качество жизни пожилого населения».

Литература

1. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М. : ВлаДар, 1993.

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-116

М.В. Рыжкова, М.В. Чиков, Е.А. Блаженкова-Траутман

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томское отделение СГУ Банка России*

ЭКОНОМИКА МАЛЫШЕЙ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: дети дошкольного возраста, цифровая безопасность, интернет

Интернет-коммуникации и цифровая реальность занимают все большую долю времени и приобретают все возрастающую значимость в нашей жизни и социальном успехе. Образы будущего возможно ухватить путем анализа складывающихся образцов поведения подрастающего поколения.

Проектируемое исследование имеет целью понять влияние

Объектом исследования являются дети дошкольного возраста.

Метод исследования – слабоструктурированное интервью родителей детей в возрасте 3–7 лет, ограниченно и с согласия родителей – дети в возрасте 3–7 лет.

В настоящее время используют Интернет (под контролем или без контроля родителей) дети на гаджетах (смартфонах, планшетах и телевизорах), которые не предполагают наличие навыка чтения и письма. При необходимости набор может быть осуществлен голосовым способом. Интернет-флотинг в видеохостингах настолько упрощен, а интерфейс настолько стал понятен, что позволяет уже к 3 годам ребенку самостоятельно устанавливать программы и игры, искать видео из предложенного к просмотру контента, осуществлять покупки (в случае привязки карты родителей к интернет-магазину).

Возможны две крайние позиции родителей:

1. Полный запрет просмотра интернет-контента. Это чревато выпадением ребенка из контекста общения со сверстниками и серьезным проблемам социализации для ребенка.

2. Полное дозволение смотреть и осуществлять все доступные для детей действия. Это также влечет ряд проблем прежде всего цифровой безопасности.

Экономические аспекты поведения малышей в Интернете:

1. Влияние на целенаправленное покупательское поведение. У детей, бесконтрольно отслеживающих модные тренды детских каналов видеохостингов, нет возможности сформировать запрос для родителей на покупку игрушек, поскольку тренды сменяют друг друга слишком быстро. В случае, если родители начинают цензурировать контент и отфильтровывать потребности, количество мультяшных проектов сокращается. Ребенок в состоянии сформировать запрос на товары, связанные с любимыми героями и в раннем возрасте (до 4 лет) реализует его через родителей, чья потребительская модель модифицирует проявление потребностей ребенка. С другой стороны, интересы ребенка могут влиять на потребительскую модель родителя. Зная об увлечениях ребенка и зная его любимых героев, взрослый становится более лояльным к ним даже в тех случаях, когда родитель совершает свой собственный потребительский выбор. По мере появления у ребенка собственной детской банковской карты, привязанной к карте родителей, контроль за расходами ослабевает.

2. Смена характера потребляемых товаров. Во-первых, просьбы о покупке игрушек детьми не всегда преследуют цель приобретения в собственность и последующую игру. Чаще это желание удовлетворить свое любопытство и заглянуть внутрь упаковки. Снятию этой потребности способствуют так называемые «распаковки» (видео, содержащее распаковку новой игрушки, объяснение ее функционала и игру с ней), что модифицирует характер потребления в сторону шеринговых схем. Дети к старшему дошкольному возрасту переключаются с физических игрушек на игрушки-гаджеты, тратя принадлежащие им денежные средства на онлайн-покупки в игре (прокачка героев, донаты в размере лимита). При этом наличные деньги складываются в копилку скорее из собирательства, а не накопления.

3. Приверженность фриимиум-схемам. Так как малыши не соизмеряют масштаб цен, деньги для них не имеют собственной ценности, копить они не умеют, то среди виртуальных сервисов они выбирают фриимиум-услуги. При этом рассчитаться неденежными способами они готовы: лайки, подписки, оповещения, просмотр рекламы.

4. Самообразование и бессистемность знаний. Полученные при интернет-флотинге знания позволяют ребенку самообразовываться. Не стоит думать, что ребенок смотрит только «тупые мультики». Среди просмотров есть и кулинария, и жизнь насекомых, и оружие Средневековья. Однако нередко ролики не досматривают, переключаясь по ленте подборок на другие видео. От блоггеров дети получают много ложных знаний, отделить ложь от истины они не в состоянии, кроме родителей некому расставить акценты в полученной информации. По-хорошему, родителям нужно обсуждать идеи, почерпнутые детьми из интернета и фильтровать источники. Существующий на настоящий момент родительский контроль слишком топорный.

5. Автоматические покупки в Интернете. Малыши не обладают возможностями к соизмерению цены покупаемого товара с бюджетом, поэтому выбор происходит путем «научного тыка» – если лимит привязанной карты родителей позволяет осуществить покупку, покупка будет сделана. Иногда в процессе покупки обнаруживаются баги, что ведет к тысячным слу-

чайным покупкам, сделанным детьми, отменить которые родителям чаще всего не удастся. Часто это происходит во время онлайн-игр.

Во что выльется такое начало включения наших детей в новую экономическую жизнь, родители пока не знают. Но при загруженности родителей в условиях цифровой реальности времени и сил на слом глобальных трендов просто нет.

УДК 331, УДК 378

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-117

И.В. Рязанцева

*Новосибирский государственный университет
архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова*

ВЛИЯНИЕ КРЕАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ КАЧЕСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ

Ключевые слова: цифровизация, креативные технологии, творчество, образование, подготовка специалистов

В современных реалиях существует явный запрос на формирование нового типа профессиональной личности, способной превратить идею в инновацию. Сегодня креативность и творческие способности становятся ключевым фактором успешности выпускника любого творческого вуза. Творческие способности важны в связи с ростом сложности задач, которые должны выполнять работники, поэтому не случайно их относят к обязательным навыкам работников будущего [1].

Под креативностью понимают уровень творческой одаренности, способности к творчеству, составляющий относительно устойчивую характеристику личности [2]. Поэтому изучение и использование креативных технологий, как инструмента, позволяющего активизировать творческую направленность мыслительного процесса, приобретает особую актуальность.

Использование креативных технологий и творческого потенциала в дизайне, применение этих концепций в процессе проектирования и создания дизайнерского продукта, возможности синтеза творчества и креативности – вот основные вопросы, которые необходимо учитывать в процессе подготовки специалистов – дизайнеров.

Возможности использования креативных технологий в образовании лучше всего раскрываются в междисциплинарном исследовании и взаимодействии. И сегодня Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств имени А.Д. Крячкова (далее – НГУАДИ), как университет, ведущий подготовку высококвалифицированных специалистов для целого спектра направлений креативной индустрии предлагает широкие академические возможности в междисциплинарной творческой среде, способствует развитию креативного потенциала и генерации междисциплинарных инновационных идей.

Сегодня дизайн является наукоемким направлением создания виртуальных и физических форм. Наши образовательные программы ориентированы на подготовку специалистов для различных сфер креативной индустрии. Мы готовим дизайнеров в сфере:

- разработки объектов полиграфии, игровой и анимационной индустрии;
- разработки интерьеров, мебели и оборудования;
- проектирования и применения моушн-дизайна в различных областях;
- индустрии моды и аксессуаров;
- моделирования, прототипирования и создания ювелирных изделий;
- архитектуры и дизайна для проектирования жилых и общественных зданий, разработок интерьеров и ландшафтного дизайна.

Креативные технологии – особый инструмент достижения сложных целей и решения непростых задач [3]. Спектр современных креативных технологий, используемый НГУАДИ в образовании достаточно широк, кроме того мы реализуем практикоориентированную подготовку, позволяющую сделать процесс мышления более гибким и эффективным. Образовательные траектории дизайнеров включают базовые способы аналитики, поиск проблематики, построение предложения на основе проведенных исследований.

Сегодня цифровизация в дизайн-образовании приобретает особую актуальность и выходит на новые рубежи в своем развитии и применении. Основная суть дизайнерской деятельности – это творческое проектирование, требующее особых мыслительных процессов для воплощения идеи дизайнера. Использование цифровых технологий позволяет в процессе проектирования снять задачи рутинной деятельности.

Информационные технологии сейчас в первую очередь касаются моделирования, это пластическое моделирование или это моделирование по поверхностям – это работа быстрого моделирования в программах Blender, 3D MAX, Maya. Наши специалисты и студенты широко используют возможности 3D моделирования при работе с проектами и заказчиками, визуализируя и показывая идею, форму при помощи трехмерных моделей.

При работе над проектами используется твердотельное моделирование при помощи программы Fusion 360, 3D-сканеры, позволяющие быстро и четко получить информацию об уже существующем объекте.

Особое место в дизайн-образовании занимает генеративный дизайн, позволяющий существенно упростить решение задач, связанных с моделированием.

В качестве перспективного направления необходимо рассмотреть и использование различных систем искусственного интеллекта, основанных на создании алгоритмов, имитирующих человеческое мышление. Искусственный интеллект – технология, которая существенно сможет облегчить работу современного дизайнера. Современные ученые сходятся во мнении, что потенциал искусственного интеллекта востребован различными отраслями экономики [4].

Использование технологии VR (виртуальной реальности) постепенно набирает обороты при реализации образовательных программ. Наши слушатели программ дополнительного образования и студенты делают проекты в том числе и с использованием технологий виртуальной реальности.

НГУАДИ в своей образовательной деятельности старается использовать все самые передовые и современные информационные технологии при подготовке дизайнеров различной профилизации. Неотъемлемой частью этапов создания нового объекта является допроектная аналитика, на основе которой формируются выводы и задачи на проектирование.

Цифровизация как технология в дизайн-образовании, несомненно, оказывает влияние на подготовку кадров для российской креативной индустрии, включая кинопроизводство, анимацию, IT-приложения, технологии виртуальной и дополненной реальности, разработку компьютерных игр, технологии презентации и визуализации объекта, и задают вектор развития при подготовке таких важных для сегодняшнего дня специалистов.

Наш капитал – это исследователи, начиная, от обучающихся в НОЦ, студенты и аспиранты, квалифицированный преподавательский состав, все вносят ключевой вклад в исследования и разработки в области креативных технологий, направленные на продвижение передовых приемов в дизайне. Свои исследования в области креативных технологий они регулярно демонстрируют на выставках, публикуются в ведущих международных журналах и выступают на крупных конференциях, связанных с их областями исследований и конечно передают свой опыт и знания молодому поколению – студентам НГУАДИ.

Литература

1. Аранжин В.В., Нехода Е.В. Трудовые ценности и навыки будущего: структура и содержание // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. № 48. С. 150–165. DOI: 10.17223/19988648/48/11.

2. Rahma M. Doheimab Noraini Yusofac. Creativity in architecture design studio. Assessing students' and instructors' perception // Journal of Cleaner Production. Vol. 249. 10 March, 2020.
3. Хангельдиева И.Г. Креативные технологии в образовании, или как стать креатором. (Опыт переосмысления). Ч. 1. М. : Издательский дом Международного университета в Москве, 2015. 122 с.
4. Замбалаева Т.Б., Рыжкова М.В., Чиков М.В. Ключевые цифровые технологии и их влияние на потребительский рынок // Перспективы развития фундаментальных наук: сборник научных трудов XVII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Томск, 21–24 апреля 2020 года. Томск : Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2020. С. 71–73.

УДК 316.334

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-118

К.С. Саблин

Кемеровский государственный университет

ИННОВАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ РОССИИ: КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ, ПРЕСТИЖ, РЕНТОИСКАТЕЛЬСТВО

Ключевые слова: инновация, коммерциализация, престиж, рентоискательство

Вопрос преодоления ресурсно-сырьевой зависимости российской экономики остается ключевым в политической повестке дня на протяжении последних двух десятков лет. В качестве «рецепта», который позволил бы снизить зависимость России от мировых сырьевых рынков, политико-административные элиты предложили модернизировать отечественную экономику посредством генерирования различных инноваций. В течение этого времени с их стороны были предприняты неоднократные попытки стимулировать инновационную активность представителей частнопредпринимательского сектора посредством реализации политики «принуждения к инновациям», создания институтов развития, принятия комплекса нормативных документов, определяющих и предоставляющих привилегированное положение для экономических субъектов, вовлеченных в инновационный процесс. Однако, несмотря на многочисленные меры, в настоящее время Россия занимает скромные позиции в различных рейтингах, раскрывающих данные о расходах на НИОКР, патентной активности исследователей, инновационной деятельности малого и среднего бизнеса [5]. В этой связи, возникает вопрос о том, в каком качестве экономические субъекты (крупный бизнес, средние и малые инновационные предприятия, отдельные инноваторы) воспринимают генерируемые ими инновации.

В рамках классического подхода Й. Шумпетера, инновации – это новые комбинации экономических ресурсов, новая потребительская стоимость, которую предприниматель коммерциализирует и получает инновационную ренту. Данные инновации появляются на конкурентных рынках и выступают фактором, обеспечивающим победу в экономическом соревновании. Первопроходец-инноватор удерживает монопольное положение, но оно является преходящим, и необходимо прикладывать постоянные усилия, чтобы успешно конкурировать с преследователями. Инновации шумпетерианского типа появляются в рамках определенной институциональной среды, включающей, в том числе, специфицированные правила рыночной конкуренции и гарантированную защиту прав собственности [4].

Необходимо отметить, что институциональная среда российской экономики отличается от элементов вышеописанной среды, и она предоставляет определенные выгоды для инноваторов, которые не сводятся исключительно к получению инновационной ренты в результате коммерциализации шумпетерианских инноваций. Вовлечение в «занятие инновациями» предоставляет инноватору определенный статус, закрепляющий за ним привилегии и открывающий каналы доступа к необходимым ресурсам в рамках специальных структур [2]. Так, получение статуса резидента технопарка или особой экономической зоны повышает соци-

альный престиж инноватора с точки зрения гарантированного доступа к потокам бюджетных средств, идущих на их формирование. Однако история России показывает, что в разное время значительное количество технологических идей не получило своего логического завершения в форме их последующей рыночной коммерциализации [1]. Более того, «престижные демонстрационные инновации» выступали средством должностной конкуренции за повышение статуса в иерархической системе управления [3, с. 128].

В условиях современной России значительное количество ресурсов, вложенных в «стимулирование» инноваций, ведет к административно регулируемой конкуренции инноваторов за получение статуса в организационно-экономических структурах, который гарантирует набор привилегий, используемых для извлечения рентных доходов. Подобная деятельность является рентоискательством и основана на накопленных политических связях инноваторов с представителями властных структур. Происходит извлечение политической ренты и блокируется появления шумпетерианских инноваций.

Литература

1. Грэхэм Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2014. 290 с.
2. Кордонский С.Г. Инновации в России: зоны и режим // Инновации. 2011. № 1. С. 53–57.
3. Косалс Л.Я. Монополизм – тормоз развития советского общества // Постигание: Социология. Социальная политика. Экономическая реформа. М. : Прогресс, 1989. С. 121–140.
4. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М. : Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. 256 с.
5. Россия в зеркале международных рейтингов / отв. ред. В.И. Суслов. Новосибирск : Параллель, 2019. 171 с.

УДК 347.23

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-119

М.В. Семиколонов, Н.В. Исанина, С.М. Ульяхина

Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ

Ключевые слова: собственность, римское право, обычное право, крестьяне

Институт собственности в своем развитии прошел множество этапов, но основы его были сформированы и уходят своими корнями в римское право. Определение права собственности, включающее в себя владение, пользование распоряжение находит свое отражение в законах древнего Рима [1, с. 360].

Объем и пределы права частной собственности, определяемые римлянами, включали в себя все компоненты, которые и сейчас определяют круг правомочий собственника, но необходимо отметить, что также существовало право защиты, которое впоследствии за ненадобностью отпало, так как любое право подлежит защите.

Право владения – это правомочие собственника обладать вещью. *Право пользования* заключается в том, что собственник может получать от нее доходы. *Право распоряжения* заключается в том, что вещь можно подарить, продать, т.е. определить ее правовую судьбу.

Первый свод законов государства – Русская правда, был основан на нормах обычного права, которое долгое время и определяло правовые отношения в вопросах собственности. В дальнейших законодательных актах мы можем проследить дальнейшее развитие института частной собственности.

В Судебнике 1497 г. в статье 62 сказано о том, что если кто-нибудь перепашет межу или повредит межевые знаки у боярина и монастыря на земле великого князя подвергается

битью кнутом и с него взыскивается рубль в пользу истца. Если перепашет или перекосит между крестьянин у крестьянина своей же волости или села, то с виновного взыскивается штраф в 2 алтына и вознаграждение в пользу потерпевшего от перепашки в зависимости от человека и количества перепашанного по своему усмотрению. Таким образом, предусматривалась ответственность за повреждение установленных границ. Спорные земли находились временно в распоряжении великого князя и часто отдавались для обработки их той или иной стороне до разбора дела. В основе данного законодательного акта также лежат нормы обычного права.

В России понятие частной собственности было достаточно размытым, и до правления Екатерины II не употреблялось. Императрица впервые ввела в своих указах понятие «собственность», которое использовалось в Жалованных грамотах дворянству и городам.

Так, в первой из них сказано: «Подтверждается благородным право собственности, дарованное милостивым указом от 28 июня 1782 года. При этом применительно к благоприобретенным имениям раскрывается содержание этого права: «дарить, или завещать, или в приданные или на прожиток отдать, или передать, или продать, кому заблагорассудит» [2, с. 14].

Определение содержания права собственности через «триаду» правомочий (раскрытие его содержания через категории владения, пользования и распоряжения) принадлежит М.М. Сперанскому и ведет отсчет своей истории с 1833 г.

Процесс оформления права частной собственности не был завершен и на начало XX в., так как центральным оставался аграрный вопрос, и право собственности на землю, которое должны были получить крестьяне по реформе 1861 г. не был завершен.

В представлении крестьян земля принадлежала обществу в целом, а тот, кто ее обрабатывает, имеет на нее право. Нормы обычного права глубоко укоренились в сознании крестьян и стали основополагающими в их жизни. Несерьезное отношение государства к правовым обычаям приводило к противоречиям, так как закон для крестьян был свой. Проведенная в 1861 г. реформа не предоставила крестьянам землю в собственность. Право владения оставалось за государством, распоряжения за общиной, пользования за крестьянами.

Специалист по сельскому хозяйству и земельным отношениям, крупный чиновник империи князь Б.А. Васильчиков писал: «Нигде понятие поземельной собственности не было так смутно и шатко, как у нас, не только в сознании народа, но и у правительства. В России с древних времён очень твёрдо было понимание владения в смысле держания, занятия, пользования землёй, но выражение “собственность” едва ли существовало. В летописях и грамотах, как и в современном языке крестьянства, не встречается выражения соответствующего этому слову» [3, с. 31].

Надел, предоставленный крестьянину, по реформе 1861 г. не мог стать его собственностью. Он не мог свободно им распоряжаться, так как это делали члены других сословий со своей собственностью. После отмены крепостного права в 1861 г. земля была дана в распоряжение не отдельным крестьянам, а общинам. Реформа, ограничившись лишь личным освобождением крестьян, не определила точно их отношение к земле, что конечно было делом сложным и требовавшим больших затрат.

Общинное владение не являлось частной собственностью. Прежде всего, земля стала частной собственностью дворян. Отмена крепостного права не решила главный – аграрный вопрос и преодоление крестьянского малоземелья. В русском крестьянском сознании всегда была жива память о владении землей и праве ею безраздельно распоряжаться. *Право владения землей оставалось за государством, право распоряжения за общиной, право пользования – за крестьянином.*

Гражданское право в РФ определяет право собственности исходя из триады владения, пользования и распоряжения. Рассмотрев некоторые исторические аспекты данного вопроса, приходим к выводу, что она была заимствована из римского права. Обычное право долгое время определяло отношения по поводу собственности, что породило ряд проблем, и нерешенность данного вопроса на начало XX в.

Литература

1. Гончаров И.А. Исторические основы формирования и развития правовых институтов собственности // Обращение и право. 2020. № 5. С. 360–368.
2. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики: в 2 т. Т. 2. М.: Юрайт, 2019. 525 с.
3. Васильчиков А.В. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. СПб., 1883. Т. 1. С. 618.

УДК 316.48

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-120

З.Н. Сергеева

Новосибирский государственный технический университет

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА КАК НОВАЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОТСТАИВАНИЯ ЖИТЕЛЯМИ СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ В УСЛОВИЯХ ГОРОДСКИХ КОНФЛИКТОВ

Ключевые слова: социальные медиа, социальные сети, сообщество, городской конфликт

Использование социальных медиа превращается в норму поведения современного человека и дает основание говорить о превращении социальных практик в интегративный социальный мегаинститут с уникальным институциональным порядком, способным воплощать и реализовывать в цифровой среде ключевые социальные функции.

Созависимость цитируемости регионального контента с размещением и тиражируемостью его же в одноименных социальных сетях многократно увеличивают информированность и вовлеченность аудитории в обсуждение проблем региона. Наглядно это показывают их позиции в общероссийских рейтингах СМИ: НГС.Новости (13), Иркутск онлайн (59), Екатеринбург (68) [1].

Фактически ранее отсутствующая обратная связь редакции печатных локальных СМИ заменяется мгновенным распространением информации через различные инструменты социальных медиа: интернет-форумы; блоги; подкасты; вики; электронная почта; социальные сети; социальные агрегаторы; онлайн-игры. Под мощным прессом инфлюенсеров как лидеров мнений, их коллаборации, социальные медиа оказывают колоссальное влияние на процессы конфронтационной мобилизации населения в ситуациях противостояния социальным и экономическим изменениям, особенно на уровне локальной территории, города или региона.

Чтобы оценить их потенциал влияния на городские конфликты нами был осуществлен контент-анализ 72 кейсов городских конфликтов Новосибирской агломерации¹. Из выявленных конфликтов, 19 конфликтов имеют сообщество в социальной сети ВКонтакте (ВК), а 11 имеют сообщества как в ВК, так и на Facebook(FB). Они имеют признаки сообществ, действующих в онлайн и офлайн пространстве и осуществляющих активное сопротивление инфраструктурным и иным девелоперским проектам. Эти группы демонстрируют высокий индикатор вовлеченности аудитории и сфокусированы на градостроительной повестке. Характерная особенность этих групп – «репортажный» стиль ведения группы: привлечение первых лиц, наличие видео, комментариев, репостов со страниц СМИ, демонстрация документов, привлечением инфлюенсеров и т.д. Офлайн сопротивление усиливается его онлайн-продвижением через социальные сети, обеспечивая тем самым высокую мобилизацию в конфликт.

У 53 конфликтов (из 72) группы в социальных сетях отсутствуют, однако у 14 из них есть публикации в локализованных по территории, группах социальных сетей. А о 39 кон-

¹ Контент-анализ проведен с помощью сервиса статистики и аналитики контента сообществ социальных сетей Popsters конфликтов Новосибирской агломерации с октября 2020 г. по май 2021 г.

фликтах из 53 не имеющих группу, то есть у большей половины из всех изученных, отсутствует какое-либо упоминание в социальных медиа вообще. О них, можно узнать из «первых уст» или традиционных СМИ и их электронных версий.

Создание сообщества и его продвижение требует активной позиции модератора и его знаний о распространении информации, а это невозможно без роли «модератор-субъект конфликта». Устойчивость и результативность в достижении цели обеспечивается благодаря структурной устойчивости онлайн групп, достигаемой за счет совмещения возможностей сетей ВК и FB. Если коммуникативная активность первой обеспечивает высокую вовлеченность в онлайн и офлайн конфликт, то вторая, информационную поддержку, за счет активности в комментариях и поддержки региональных инфлюенсеров.

Активная коммуникация в социальных медиа повышает вовлеченность в конфликт горожан, властных и бизнес структур, способствует выходу в СМИ, что обостряет необходимость противоборствующей стороны входить в коммуникацию, тем самым создавая основания для формирования социальных контрактов. Такое групповое имплицитное соглашение может предполагать поиск компромиссных решений для выхода из конфликта: отсрочки решений, дополнение обязательств сторон, частичный отказ от каких-либо действий и др. Таким образом, эффективно выстроенные коммуникации оборонительных групп в социальных медиа сокращают транзакционные издержки по манифестированию позиций, их отстаиванию или даже согласованию интересов.

Статья подготовлена в рамках проекта «Оборонительные сообщества жителей в городских конфликтах» (РГНФ № 20-411-540003).

Литература

1. Brand Analytics // Топ-100 виральных русскоязычных медиаресурсов, ИЮНЬ 2021. 01.09.2021. URL: <https://br-analytics.ru/blog/top-100-media-june-2021/>

УДК 338

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-121

Д.А. Ситкевич

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

ТЕНЕВОЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ: ЛЕГАЛИЗИРОВАТЬ НЕЛЬЗЯ ТЕРПЕТЬ?

Ключевые слова: теневая экономика, легализация, дебюрократизация, экономическая политика

Разговоры о том, что делать с внезаконным сектором экономики, широко распространены во многих странах и регионах, в том числе и на Северном Кавказе, где власти регулярно говорят о легализации как об источнике экономического роста. Однако обоснованы ли подобного рода ожидания, и как именно можно подталкивать предпринимателей выходить из тени?

Ранние представления о теневом бизнесе подразумевали, что неформальная экономика – неэффективная форма организации производства, поэтому государство должно прилагать усилия для её сокращения. Однако современные исследования показывают, что это не совсем так:

1. Фирмы часто уходят в тень из-за того, что их легальное существование из-за высокого уровня налогов или государственного регулирования будет еще более неэффективным [6].

2. Хотя зарегистрированные фирмы демонстрируют более высокий уровень производительности, связано это с эффектом самоотбора [1].

3. Теневой сектор не живет в институциональном вакууме, а неформальные нормы порой являются более эффективным регулятором, чем формальные [2].

Влияние политики легализации на экономический рост зависит от того, как именно эти меры устроены. Выделяются две стратегии легализации – «консервативная» и «прогрессивная» [3]. Консервативная основана на том, что государство сохраняет существующие нормы ведения бизнеса и увеличивает количество проверок. Хотя это приводит к сжиманию теневого сектора, на практике меры не способствуют экономическому росту, так как трансакционные издержки при переходе к формальным институтам становятся слишком большими.

«Прогрессивный» путь основан на том, что государство позволяет фирмам частично находиться вне правового поля, однако создают стимулы для перевода предприятия из тени – например, с помощью налоговых льгот для новых предприятий, систем займов, упрощения процедуры регистрации фирмы, снижения регуляторного давления на компании. Опыт развивающихся стран [4, 5] показывает, что подобные меры приводят не только к сокращению теневого сектора, но и к росту количества легальных предприятий. При этом у реформ есть свои пределы – часть теневого бизнеса никак не реагирует на новые стимулы по следующим причинам:

- некоторые предприятия боятся выходить из тени, так как не могут легализовать неформальные контракты;
- некоторые бизнесмены являются «вынужденными предпринимателями» и не хотят вести бизнес, ожидая момента, когда появятся рабочие места;
- для микропредприятий даже сниженные административные барьеры остаются высокими.

Таким образом, можно сделать вывод, что в долгосрочном периоде политика легализации может быть эффективной. Однако для этого она должна содержать не облавы на нелегальный сектор (как это делается на Северном Кавказе), но стимулы для ведения бизнеса в правовом поле, а также улучшение институциональной среды.

Литература

1. Bruhn M., McKenzie D. Entry Regulation and the Formalization of Microenterprises in Developing Countries // World Bank Res. Obs. 2014. Vol. 29, № 2. P. 186–201.
2. Coetzee J.K. Development: Theory, policy and practice. Oxford University Press Southern Africa, 2001.
3. Dibben P., Wood G., Williams C.C. Pressures towards and against formalization: Regulation and informal employment in Mozambique // Int. Labour Rev. 2015. Vol. 154, № 3. P. 373–392.
4. Kaplan D. S., Piedra E., Seira E. Entry regulation and business start-ups: Evidence from Mexico // J. Public Econ. 2011. Vol. 95, № 11–12. P. 1501–1515.
5. Mel S. de, McKenzie D.D., Woodruff C. The demand for, and consequences of, formalization among informal firms in Sri Lanka // Am. Econ. J. Appl. Econ. 2013. Vol. 5, № 2. P. 122–150.
6. Soto H. De. The other path: the invisible revolution in the Third World // other path Invis. Revolut. Third World. 1989.

УДК 316.48

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-122

И.А. Скалабан, Ю.С. Лобанов

*Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирский государственный университет*

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА КАК СУБЪЕКТЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ ИНФРАСТРУКТУРНЫМ И ДЕВЕЛОПЕРСКИМ ПРОЕКТАМ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ЛОГИКИ

Ключевые слова: городской конфликт, оборонительное сообщество, инфраструктурные проекты

Анализ конфликтов крупных городов последнего десятилетия позволяет отметить наметившуюся тенденцию: возрастающий мобилизационный потенциал и устойчивость групп или сообществ, оказывающих сопротивление городским и локальным инфраструктурным и девелоперским проектам. Опираясь на концепции «оборонительного соседства» Г. Саттлса, концепция NIMBY-сообщества, авторы статьи определили их как оборонительные сообщества.

Поиск теоретических рамок для осмысления логики возникновения и поддержания устойчивости таких сообществ, обращает внимание на потенциал современных институциональных подходов и, в частности, институциональной логики. Его основоположники Р. Фридланд и Р. Олфорд [1] выделили базовые институциональные порядки: корпорация, профессия, государство, рынок, семья и религия, П. Торнтон, У. Окасио и М. Лаунсбери [2], конкретизируя институциональную логическую перспективу, добавили к ним еще один: сообщество.

Исследователи утверждали, что в теории ни один институциональный порядок не имеет каузального первенства априори, их логика взаимодействий как взаимозависима, так и противоречива. Это позволило сосредоточиться на анализе конфликтующих институциональных логик, в том числе, проявляющих себя во множественных логиках субъектов социальных конфликтов – носителей разных институциональных порядков. Исследователи доказывали, что конкурирующие институциональные логики могут способствовать сопротивлению институциональным изменениям. К примеру, если среди конфликтующих субъектов один опирается на ценности и сформировавшуюся культуру сообщества, а другой на рыночные ценности, то они как носители разных институциональных режимов, будут по-разному интерпретировать символы, значения и ситуации. Все это актуализирует присущие сообществам, вовлеченным в конфликт, защитные, оборонительные функции, порождает устойчивые формы конфликтующих объединений.

Это подтверждают и результаты проведенных эмпирических исследований, построенных на анализе более чем 80 кейсов конфликтов г. Новосибирска, выявленных на основании мониторинга СМИ, социальных сетей, 40 полуструктурированных интервью. Были выделены 38 оборонительных сообществ разной степени устойчивости (активно действующие в конфликтах; сохранившие устойчивость на постконфликтном этапе, включая «спящие» и распавшиеся к моменту исследования). Выделено наличие противоречий в логике взаимоотношений с иными субъектами, как на уровне внутриинституциональных порядков (местное сообщество / оборонительное сообщество, сформировавшееся на основе местного), так и межинституциональных (оборонительные сообщества / девелоперы / органы власти). Важными факторами возникновения конфликтов между субъектами стала специфика поддержания локальной идентичности, разная интерпретация источников легитимности, избираемые режимы оправданий, определяющие мотивацию к конфликту.

Конкуренция, участие в критических событиях, включая острые конфликты, способствуют осмыслению ситуации их субъектами, коэволюции институциональных логик, в ряде случаев трансформации институциональных структур и форм. Важна роль механизмов смещения и замещения, которые определенных случаях могут сближать или деформировать нормы и поведенческие практики их участников.

Статья подготовлена в рамках проекта «Оборонительные сообщества жителей в городских конфликтах» (РГНФ № 20-411-540003).

Литература

1. Friedland R., Alford R. Bringing society back in: Symbols, practices, and institutional contradictions // The new institutionalism in organizational analysis. Chicago, IL : University of Chicago Press, 1991. P. 232–263.
2. Thornton P., Ocasio W., Lounsbury M. The Institutional Logics Perspective – A New Approach to Culture, Structure and Process. Oxford University Press, 2012. 304 p.

Ю.М. Слепенкова

*Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский государственный университет*

ОЦЕНКА НАКОПЛЕННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РОССИИ

Понятие «человеческий капитал» (ЧК) имеет несколько трактовок. В данном исследовании ЧК оценивается со стороны ретроспективного подхода – по прошлым затратам в сферах, где ЧК формируется. К ним отнесены образование, здравоохранение и культура.

Объем накопленного ЧК можно оценить следующим образом:

$$HC(t) = BH(t) + HC(t - 1) \cdot (1 - \tilde{k}), \quad (1)$$

где $HC(t)$ – объем накопленного ЧК в году t ; $BH(t)$ – ввод в действие ЧК в стоимостном выражении в году t ; $\tilde{k}$ – коэффициент выбытия ЧК.

Наибольшую сложность здесь представляет оценка ввода в действие ЧК в стоимостном выражении. В случае ЧК образования физически вводом будет численность людей, завершивших обучение и вышедших на работу. С некоторой долей допущения и опираясь на данные Росстата¹, будем считать, что 90% школьников продолжают обучение после получения аттестата о среднем образовании. Кроме того, 30% из выпускников учреждений среднего профессионального образования (СПО) продолжают обучение в вузах.

Количественную оценку переведем в стоимостную, используя рассчитанные автором данные о средних расходах на одного обучающегося на соответствующей ступени образования².

Согласно расчетам максимальный лаг получения образования равен 18 годам (в случае выхода на работу человека в среднем 10 лет проучившегося в школе, потом 3 года в учреждении среднего профессионального образования (СПО) и еще 5 лет после этого в вузе (ВО)). Столь длинные лаги накладывают ограничения на возможность оценки длинных временных рядов ввода в действие ЧК. Так по постсоветской статистике удастся оценить соответствующий ряд только с 2008 года.

С учетом вышесказанного, ввод в действие ЧК в стоимостном выражении, (сформированного за счет расходов на образование) можно определить по следующим формулам:

$$BHsc(t) = 0,1 \cdot Nsc \cdot \sum_{s=0}^{10} IHsc(t-s), \quad (2)$$

$$BHspr(t) = 0,7 \cdot Nspr \cdot \left[\sum_{s=0}^2 IHspr(t-s) + \sum_{s=3}^{12} IHsc(t-s) \right], \quad (3)$$

$$BHtr(t) = Ntr \cdot \left[0,3 \cdot \left(\sum_{s=0}^4 IHtr(t-s) + \sum_{s=5}^7 IHspr(t-s) + \sum_{s=8}^{17} IHsc(t-s) \right) + \right. \\ \left. + 0,7 \cdot \left(\sum_{s=0}^4 IHtr(t-s) + \sum_{s=5}^{15} IHsc(t-s) \right) \right], \quad (4)$$

$$BHoht(t) = N \cdot IHoht(t), \quad (5)$$

$$BHe(t) = BHsc(t) + BHspr(t) + BHtr(t) + BHoht(t), \quad (6)$$

¹ Например, в статистических сборниках «Индикаторы образования» за соответствующие годы.

² По данным статистических сборников «Образование в Российской Федерации» за соответствующие годы.

где $BH_{sc}(t)$, $BH_{spr}(t)$, $BH_{tr}(t)$, $BH_{oth}(t)$ – ввод в действие ЧК, сформированный за счет расходов на среднее образование, СПО, ВО и прочих расходов на образование соответственно; IH_{sc} , IH_{spr} , IH_{tr} , IH_{oth} – соответствующие средние расходы на одного обучающегося по уровням образования; N_{sc} , N_{spr} , N_{tr} – число выпускников школ, учреждений СПО и вузов соответственно, и $N = N_{sc} + N_{spr} + N_{tr}$; $BH_e(t)$ – ввод в действие ЧК, сформированный за счет расходов на образование.

Оценка влияния инвестиций на динамику основных показателей в сфере здравоохранения показывает, что в эконометрических расчетах оказывается значимым инвестиционный лаг в один год. Поэтому ввод в действие ЧК, сформированного за счет расходов на здравоохранение, оценим как сумму расходов на образование с лагом в один год.

В сфере культуры лаги достаточно велики. Для учета их влияния на формирование ЧК вводом в действие ЧК, сформированного за счет инвестиций в культуру, будем считать весь объем расходов на культуру в соответствующем году.

Итоговый ввод в действие ЧК в стоимостном выражении складывается из вводов в действие ЧК, сформированного в различных сферах.

Результаты расчетов показаны на рис. 1.

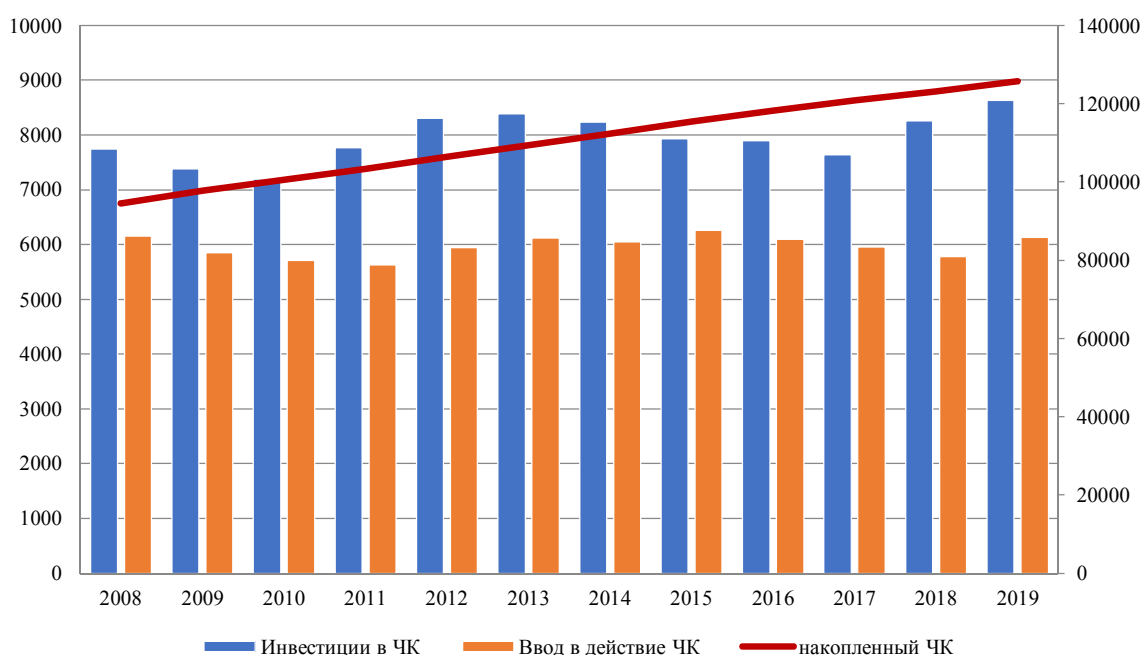

Рис. 1. Динамика инвестиций в ЧК, ввода в действие ЧК в стоимостном выражении и накопленного ЧК, млрд руб. в ценах 2019 г.

Использование предложенного подхода позволяет получить оценку накопленного ЧК и использовать ее при построении экономических моделей наравне с другими стоимостными показателями.

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.6.4. (0260-2021-0008) «Методы и модели обоснования стратегии развития экономики России в условиях меняющейся макроэкономической реальности» № 121040100281-8.

А.В. Стародубцева

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТЬЮ В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ПАТЕНТОВ

Ключевые слова: передача патента, лицензионный договор, изобретатель, интеллектуальная собственность

Передача прав интеллектуальной собственности имеет решающее значение для создания национального инновационного потенциала [1], углубления сотрудничества в области интеллектуальной собственности между Россией и другими государствами. Российское торгово-экономическое сотрудничество дает хорошую возможность изучить опыт международных реформ в сфере интеллектуальной собственности [2]. В работе рассматриваются проблемы, связанные с анализом прав собственности на патенты и предлагаются варианты их решения. Краеугольным камнем данного исследования является проблема передачи патентов изобретателей. Личностная мотивация определяется двумя уровнями: национальным и изобретательским, а также проблемами незащищенности, не востребованности объектов интеллектуальной собственности изобретателей [3], ученых, профессоров университетов и т.д.

Целью работы является выявление и анализ факторов, оказывающих наибольшее влияние на процесс передачи патентов в России.

Проведен анализ данных о факторах, собранных из анкет российских профессоров и индивидуальных изобретателей, а также из отчетных и статистических данных патентного учреждения России (ФИПС) в 2020 г. [4]. Результаты исследования выявили факторы, влияющие на передачу патентов, а именно: улучшение патентного законодательства, роялти изобретателей, государственная поддержка (компенсация затрат, бесплатная юридическая помощь заявителям), эксклюзивная лицензия, полная лицензия, материальное вознаграждение для служебного изобретения. Данные результаты не претерпели изменений по сравнению с аналогичными, проведенными мною в 2019 г., когда был сделан анализ не только в отношении российских, но и китайских изобретателей.

Кроме этого, выполнено эмпирическое исследование патентной деятельности и корреляционный анализ трансформации патентов на основе данных, собранных из статистической базы данных ВОИС 2014–2020 гг. [5], которые позволяют оценить объем передачи интеллектуальной собственности по патентным грантам, патентным заявкам РСТ, поданным через патентных поверенных и самостоятельно. Результат показал, что патентная активность российских заявителей РСТ (через поверенных и самостоятельно) в 2013–2019 гг. увеличивается в обратной пропорции к росту патентных заявок. Таким образом, активность РСТ растет в обратном направлении с ростом числа полученных патентных заявок и патентных грантов. Этот факт свидетельствует о качественном потенциале патентной трансформации в России.

Также, мною выявлено изменение общего числа патентных заявителей и заявок РСТ в 2013–2019 гг. в сторону их увеличения, о чем этом свидетельствует нижеприведенная таблица вектора патентной активности. Тем самым, подтверждается не только увеличение качественного потенциала патентов российских заявителей, но и рост вектора передачи патента из национальной на международную фазу.

Вектор патентной активности России

2013–2018 гг.		2013–2019 гг.	
1	2	1	2
247166*→203858*	247166*→12217*	282677*→237866*	282677*→14682*
82%	5%	84%	5,2%

* WIPO indicators 2014-2020; * 1 трансформация общего количества заявок в патентные гранты; * 2 трансформация общего количества заявок в заявки РСТ.

Источник: составлено автором.

В заключении выдвинуты рекомендации, включающие предполагаемые меры стимулирования передачи патентов в России, в частности: на законодательном уровне определить возможность раскрытия информационных данных и статистических показателей о нарушении патентов и конфискации контрафактной продукции у компаний и физических лиц [6], кроме этого, предпринять шаги по внесению поправок в российское патентное законодательство в отношении личных прав авторов для расширения действия самих прав, а также разработать план по унификации патентных законодательств разных стран [7] для улучшения международного инновационного взаимодействия.

Разработан ряд предложений по развитию передачи прав интеллектуальной собственности, например, через внедрение технологии блокчейн и электронной системы отслеживания их использования. Таким образом, исследование имеет важное значение для построения новой структуры будущего инновационного взаимодействия России с другими странами, которое дает ориентиры для дальнейшего укрепления и общего совершенствования патентного менеджмента в России.

Литература

1. Eremenko V.I. Trends in the development of regional organizations in domain of intellectual property. Moscow, 2012. P. 1–6.
2. Technology transfer with Steinbeis [N/OL]. 2010-05-10 [2020-12-30]. URL: <http://www.steinbeis.de/en/>
3. Artificial intelligence conference [C]. Kremlinnews, AI Journey, 2020. P. 1–2.
4. Search on PCT applicants [N/OL]. 2019-08.20 [2021-10-01].
5. Patent grants and Patent applications by office and origin [DB/MT]. WIPO Indicators, WIPO Database, 2014–2020. P. 48–69.
6. Factors That Affect Patent Infringement Litigation Could Help Improve Patent Quality [M]. United States Government Accountability Office, 2013: P. 2–6.
7. The SCO explores global governance for new era [J/OL]. Global Times, 2018-06-10 [2021-08-02]. URL: www.globaltimes.cn.

УДК 330.837

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-125

А.Ю. Стрижак, И.К. Манчева

Донецкий национальный университет

РЫНОК ЛЮКСОВЫХ ТОВАРОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: люксовые товары, предметы роскоши, бренд, демонстративное потребление, культура потребления

Рынок товаров люксовых брендов ежегодно расширяется и диверсифицируется. Так, за последние двадцать лет (до начала пандемии) объем рынка персональных люксовых товаров (одежда, обувь, аксессуары, косметика, парфюмерия и т.д.) увеличился втрое и достиг 281 млрд евро, а совокупный рынок роскоши, включающий дорогостоящие объекты движимого и недвижимого имущества (виллы, яхты, частные самолеты, автомобили и т.д.) составлял 920 млрд евро, а к 2025 г., по оценкам экспертов, превысит 1,3 трлн евро.

На сегодняшний день основными потребителями люксовых товаров являются Китай (35% рынка), США (22%) и Западная Европа (17%). Италия, Франция и Швейцария являются лидерами по количеству компаний-производителей люкса, а Франция, Италия и Германия – по стоимости брендов. Почти половина совокупного дохода от продаж люксовых товаров приходится на 10 крупнейших компаний-производителей. Этими компаниями являются: Porsche (стоимость бренда в 2020 г. составила 33,9 млрд долл. США), Gucci (17,6 млрд долл.), Louis Vuitton (16,5 млрд долл.), Cartier (15 млрд долл.), Chanel (13,7 млрд долл.), Hermès

(11,9 млрд долл.), Ferrari (9,1 млрд долл.), Rolex (7,9 млрд долл.), Dior (6,9 млрд долл.), Coach (6,8 млрд долл.). Наибольшая доля в мировом рынке роскоши по состоянию на 2020 г. принадлежит элитным автомобилям (503 млрд евро), одежде, обуви и аксессуарам (217 млрд евро).

В связи с вызванным пандемией коронавируса экономическим кризисом произошло значительное сокращение объема рынка люксовых товаров. В Европе продажи люксовых товаров в 2020 г. сократились на 36% по сравнению с 2019 г., в Азии (без учета Китая и Японии) – на 35% и Америке – 27%. Китайский рынок люксовых товаров вырос на 45% и достиг 44 млрд евро благодаря ускоренному переходу к местным закупкам. По данным Euromonitor International, во время пандемии значительно сократился спрос на одежду, обувь и часы (примерно на 30%), автомобили (25%) косметику (21%). Наименьшее падение спроса произошло на рынке элитного алкоголя (17%). В России спрос на люксовые товары за этот период сократился на 23%. Глобальный индекс роскоши S&P (S&P Global Luxury Index), демонстрирующий динамику акций производителей люксовых брендов, в марте 2020 г. снизился почти на 30% по сравнению с мартом 2019 г. и составил 4212,12 долл. США.

Основными потребителями люксовых товаров в мире являются миллениалы или поколение Y (люди в возрасте 25–40 лет), а также поколение Z (люди в возрасте 16–24 лет). В России основными потребителями люксовых товаров являются миллениалы и представители поколения X (люди в возрасте 41–60 лет), преимущественно женщины. В результате проведенного нами исследования на предмет потребления люксовых товаров в Донецкой Народной Республике выяснилось, что из 124 опрошенных хотя бы раз в жизни приобретали люксовые товары 73% респондентов, основные потребители – женщины поколения X. Большинство респондентов оценили уровень своего материального благосостояния как среднее. Основные мотивы покупки – желание обладать товарами наивысшего качества, а также приобрести товар люксового бренда в качестве подарка. При выборе товара важными неценовыми характеристиками являются: качество, удобство и комфорт, красота и гламур. 33,8 % респондентов согласились бы приобрести люксовые товары в кредит и, что примечательно, большая часть данной референтной группы периодически приобретают подделки люксовых брендов.

Анализ современных тенденций спроса на люкс, несмотря на экономические и политические кризисы, свидетельствует о положительной динамике рынка и массовизации демонстративного потребления как основного индикатора социальной успешности, в частности, среди молодежи. Это может негативно отразиться на формировании рациональной потребительской культуры и аксиологических ориентиров в обществе.

УДК 332.1

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-126

А.В. Суворова

Институт экономики УрО РАН

НАРАЩИВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО КАПИТАЛА КАК ОСНОВА МЕТОДОЛОГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Ключевые слова: территориальный капитал, пространственное развитие, экономическое пространство, управление территорией

Несмотря на интерес, проявляемый исследователями к проблемам пространственного развития, некоторые перспективные аспекты этой темы «выпадают» из перечня рассматриваемых вопросов; так, недостаточно внимания уделяется теории территориального капитала. Этот термин появился в 2001 г. (его концепция была представлена в материалах ОЭСР [2],

получила развитие в работах Р. Каманьи [1]) и может пониматься как система используемых для развития территории ресурсов, наращивание и воспроизводство которых обеспечивается местными сообществами. При этом трансформация территориального капитала обуславливает особенности пространственного развития: точки пространства, способные наилучшим образом использовать ресурсы, меняют как социально-экономическую систему, так и характер ее пространственной организации. Если территория использует свой капитал неэффективно, она теряет темп развития, а ее пространство утрачивает целостность из-за возникновения в нем «пустот» на месте территориальных единиц – аутсайдеров.

Возможность использования концепции территориального капитала в качестве основы пространственного развития экономики обуславливается его свойствами:

- системностью (он объединяет в себе все многообразие ресурсов территории вне зависимости от степени их осязаемости и востребованности хозяйственной системой, что позволяет комплексно подходить к оценке территории);
- способностью к капитализации (он отражает не только наличие активов, но и характеризует успешность их использования, позволяет определять ценность каждого ресурса для территориальной системы)
- взаимосвязью с уникальными характеристиками территории (его оценка может служить средством идентификации особенностей территории, определяя как ее текущие позиции, так и возможности их изменения).

Таким образом, территориальный капитал комплексно характеризует территорию, учитывает ее особенности (связанные с природой имеющихся ресурсов и параметрами их использования), определяет ее место в процессе организации экономического пространства.

При этом фундаментальные аспекты управления территориальным капиталом (рис. 1) во многом определяются неоднородностью пространства территории и наличием у нее разнообразных по своей природе и эффективности использования ресурсов развития.

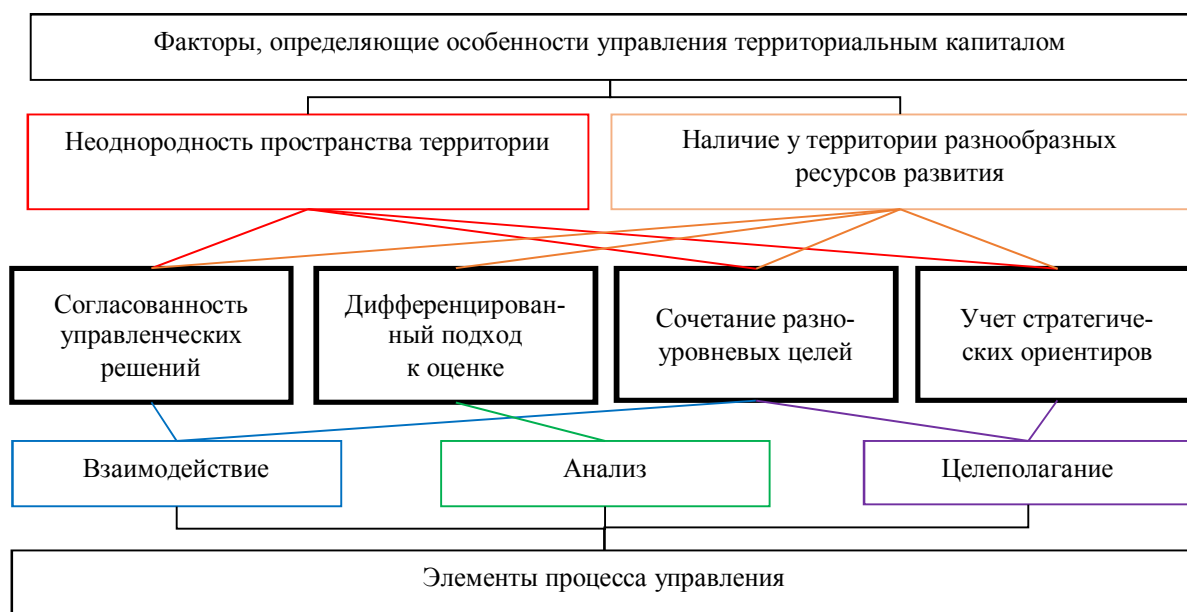

Рис. 1. Фундаментальные аспекты управления территориальным капиталом

Так, важна согласованность управленческих решений (как по вертикали, так и по горизонтали); постоянный мониторинг территориального капитала (что подразумевает и разработку алгоритмов его оценки), учитывающий дифференцированный характер его составляющих; гармоничное сочетание увязанных с определенным набором активов и набором точек в пространстве целевых ориентиров, отличающихся по срокам достижения и направлениям; согласование стратегических ориентиров развития территории и тех мер, которые направлены на преобразование территориального капитала (поскольку ключевые компоненты терри-

ториального капитала в большей степени связаны с желаемым будущим, а не с текущей ситуацией).

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-78-00067).

Литература

1. Camagni R. Regional competitiveness: Towards a concept of territorial capital // *Advances in Spatial Science*. 2008. Vol. 54, P. 33–47. DOI: 10.1007/978-3-540-74737-6_3
2. OECD Territorial Outlook. Paris : OECD Publishing, 279 p. DOI: 10.1787/9789264189911-en

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-127

Т.В. Сумская

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

ИНСТИТУТ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ БЮДЖЕТНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

Ключевые слова: бюджетный федерализм, институт местного самоуправления, межбюджетные отношения

Институт местного самоуправления (МСУ) является важным звеном общественного устройства. В круг его компетенции входит реализация основной доли социальных функций государства, обеспечение общественного порядка и т.п. Институт МСУ как основополагающее звено федеративного государственного устройства призван обеспечивать сочетание общегосударственных интересов и интересов каждой отдельной территории. Поэтому развитое и эффективно организованное МСУ является неотъемлемым элементом государственной власти, способствуя оптимизации всей системы государственного управления. Для эффективного осуществления возложенных функций и полномочий органы местной власти должны иметь достаточную финансовую базу.

Оценка бюджетных аспектов функционирования муниципальных образований (МО) проводилась на примере Новосибирской области (НСО) за период 2009–2018 гг. Доля налоговых и неналоговых (полученных) доходов для большей части МО НСО находилась в 2009–2018 гг. в пределах 20%. Соответственно для большинства МО НСО безвозмездные перечисления составляют свыше 70% бюджетных доходов, причем многочисленным остается число территорий, для которых доля трансфертов превышает 90%.

Для оценки того, насколько качественно действующая система межбюджетных отношений справляется с функциями выравнивания дифференциации бюджетной обеспеченности муниципалитетов и стимулирования их к укреплению собственной доходной базы, использовалось ранжирование муниципалитетов по показателям полученных и располагаемых бюджетных доходов. При этом интерес представляют не сами ранги, а их изменение в процессе межбюджетного регулирования. Данное изменение оценивалось с помощью коэффициентов корреляции Спирмена и Кендалла.

Расчеты показали, что территории с большими значениями полученных бюджетных доходов, имели меньшие значения располагаемых доходов, т.е. доходов с учетом безвозмездных перечислений. Данный факт свидетельствует о том, происходит существенное изменение рангов МО НСО после получения ими безвозмездных перечислений. Подобная ситуация характерна и в целом для РФ.

Было рассмотрено, отвечают ли средства, передаваемые из областного бюджета местным цели внутрирегионального выравнивания с помощью оценки уравнивания:

$$T_i = \alpha + \beta \cdot R_i + \xi_i,$$

где T_i – перечисления из областного бюджета i -му МО на д.н.; R_i – полученные доходы i -того МО на д.н.

Результаты расчетов выявили статистически значимую отрицательную зависимость между рассмотренными параметрами, т.е. бюджетная политика в области направлена на выравнивание среднедушевых бюджетных доходов муниципалитетов.

Наличие и направления действия стимулов проведения рациональной и ответственной бюджетной политики оценивалось по предельному эффекту увеличения налогов, поступающих в местные бюджеты, т.е. по увеличению располагаемых доходов при увеличении полученных доходов в бюджет на 1 рубль:

$$(Y_{it} - Y_{it-1}) = \alpha + \beta (X_{it} - X_{it-1}) + \varepsilon_{it},$$

где Y_{it} – располагаемые доходы i -го МО в году t , X_{it} – полученные доходы i -го МО в году t .

Результаты оценки свидетельствуют о том, что для 2013–2014, 2014–2015 и 2015–2016 гг. оцениваемые зависимости оказались статистически незначимыми, т.е. трансферты имели случайный характер.

В целом можно резюмировать, что одной из важнейших проблем создания эффективного местного самоуправления является его адекватное финансовое обеспечение. Решение данной проблемы требует укрепления доходной базы местных бюджетов. Процесс оказания финансовой помощи должен выступать вторичным по отношению к установлению собственной налоговой базы бюджетов каждого уровня. Для выполнения основополагающих принципов рационального формирования и эффективного функционирования всей национальной бюджетной системы – для достижения сбалансированности бюджетов разных уровней и для обеспечения их самостоятельности необходимо четко и качественно установить критерии распределения налоговых доходов между бюджетами всех уровней.

УДК 330.101

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-129

И.С. Пыжев, Е.Н. Таненкова

Сибирский федеральный университет

ОСНОВАНИЯ КОНЦЕПЦИИ ПРЯМОГО ИЗМЕРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ НА УРОВНЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Ключевые слова: институты, институциональные соглашения, контракт, транзакционно-контрактный подход, транзакционные издержки, трансформационные издержки

В рамках институциональной экономической науки и смежных областях активно исследуется проблема измерения институтов. Привлекательность этой тематики обусловлена, в первую очередь, поиском эффективных институтов.

Результаты многочисленных исследований, связанных с разработкой методов анализа институтов можно, на наш взгляд, разделить на методы косвенного и прямого анализа институтов, например [1–4] и др. Методы косвенного анализа институтов концентрируются на измерении эффектов, которые порождают институты, то есть анализируют и оценивают «последствия» введения институтов и институциональных изменений. К ним можно отнести: методы микроэкономического неоклассического анализа; теоретико-игровые модели; индикативные методы для измерения экономической, политической системы и гражданского общества. Мы считаем, что для оценки экономических отношений на уровне институциональных соглашений наиболее перспективным можно считать методы прямого анализа институтов. Суть их заключается в измерении экономических отношений как результата непосред-

ственного действия институтов. К таким методам относятся методы измерения транзакционных издержек и модели теории контрактов.

Предлагается оригинальная концепция, представляющая собой развитие методов прямого анализа институтов на основе транзакционно-контрактного подхода. Институты оказывают прямое влияние на экономические отношения и являются набором правил при том, что действующие правила характеризуются наличием механизмов принуждения. Кроме того, институциональные соглашения формализуют установление и изменения в структуре прав собственности.

Поскольку прямое измерение институтов подразумевает измерение экономических характеристик, которые зафиксированы в институциональных соглашениях, ключевым инструментом измерения будут транзакционные издержки. Данная категория институциональной теории непосредственно связана с изменениями в структуре прав собственности; в то время как институциональные соглашения, разновидностью которых являются контракты, специфицируют права собственности, снижая риски неопределённости среды. Следовательно, целесообразно использовать две основополагающие парадигмы, которые играют значительную роль в анализе прав собственности, а именно транзакционная и контрактная. В результате чего концепция прямого измерения институтов на уровне институциональных соглашений заключается в выявлении взаимосвязи между типами норм, компонентами институтов и их характеристиками, а также определении взаимосвязи транзакционных и трансформационных издержек, а в конечном счете, исследовании контрактного процесса.

Таким образом, измерение прямое институтов транзакционно-контрактным подходом основано на логике построения институциональных соглашений. Это означает, что необходимо структурировать контрактные обязательства таким образом, чтобы на основе данной логики было возможно исследовать договоренности между участниками.

Литература

1. Bromley D.W. Economic interests and institutions: the conceptual foundations of public policy. New York : Basil Blackwell, 1989. P. 37–79.
2. Aoki M. Mechanisms of endogenous institutional change // Discussion Papers. 2006. № 05-013. P. 01–40.
3. Aron J. Growth and institutions: a review of the evidence // The World Bank Research Observer. 2000. V. 15, № 1. P. 99–135.
4. Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. The Worldwide Governance Indicators. Methodology and Analytical Issues // World bank. Policy Research Working paper. № 5430. 2010.

УДК 314.7; 338.49

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-128

Н.И. Суслов, Е.Н. Исупова, А.И. Иванова

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

ЭТНИЧЕСКАЯ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РЕГИОНАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В РФ

Ключевые слова: этническая неоднородность, экономический рост, эластичность

Вопрос влияния этнической неоднородности на экономический рост изучается как на уровне экономики страны в целом [2, 3], так и на уровне отдельных регионов [4], городов и даже отдельных компаний [5]. Этническая гетерогенность на практике может быть оценена различными показателями, такими как индекс фракционализации, показатель энтропии и индекс поляризации [1]. Однозначного вывода относительно характера влияния этнической неоднородности на экономическое развитие на сегодняшний день эмпирически не выявлено – некоторые исследователи выявляют отрицательную взаимосвязь, объясняя ее ростом межна-

циональной и политической напряженности, состоянием институциональной среды. Другие – на эмпирических данных подтверждают положительную зависимость, говоря о том, что национальное разнообразие способствует экономическому росту в том числе и за счет развития специализации труда.

В нашем исследовании мы предположили, что неоднозначность выводов относительно влияния этнической неоднородности на экономический рост связана с тем, что эластичность не является постоянной во времени величиной и зависит от начального уровня экономического развития в регионе. Был предположен функциональный характер эластичности экономического роста в регионах РФ от индекса фракционализации от начального уровня дохода на душу населения в регионе.

Для подтверждения гипотезы в работе были оценены параметры уравнения на основе классической модели роста с включением в нее факторов институциональной среды (показателя детской смертности), индекса фракционализации (рассчитанного на основе данных переписи населения в 2002 и 2010 гг.), а также интерактивной переменной, равной произведению индекса фракционализации и начального уровня ВРП на душу населения в регионе. Таким образом, всего в исследовании оценивались четыре спецификации модели – классическая модель роста, модель роста с фактором развития институциональной среды, модель роста с включением индекса фракционализации и, наконец, модель роста с учетом интерактивной переменной. Последняя спецификация позволяла проверить базовую гипотезу относительно функционального характера эластичности экономического роста от этнического разнообразия в регионе.

На основе применения эконометрического анализа была продемонстрирована положительная значимость индекса фракционализации – мы показали, что этническое разнообразие благоприятно сказывается на уровне экономического роста в регионах РФ; показана значимость интерактивного показателя – что свидетельствует о функциональном характере эластичности регионального роста от этнической неоднородности.

В исследовании были рассчитаны эластичности регионального экономического роста регионов РФ от этнической неоднородности на основе полученных оценок – выявлены регионы с наибольшим и наименьшим значением показателя.

Исследование выполнено в рамках поддержки гранта РФФИ 19-010-00731А «Комплексный анализ гетерогенности регионов России и оценка ее воздействия на социально-экономическое развитие».

Литература

1. Буфетова А.Н., Коломак Е.А. Национальная неоднородность в регионах России // ЭКО. 2017. № 4. С. 110–123.
2. Alesina A., Devleeschauwer A., Easterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization // Journal of Economic Growth. 2003. № 8. P. 155–194.
3. Alesina A., Ferrara E.La. Ethnic diversity and economic performance // Journal of Economic Literature. 2005. № 43 (3). P. 762–800.
4. Caselli F., Coleman W.J. On the Theory of Ethnic Conflict. NBER Working Paper No 12125. 2006. URL: <http://www.nber.org/papers/w12125.pdf>.
5. Lee N. Ethnic diversity and employment growth in English cities // Urban Studies. 2011. № 48. P. 407–425.

Л.И. Ткаченко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ГЕНЕЗИС И МЕТОДОЛОГИЯ ФИНАНСОВОГО МЕНЕДЖМЕНТА В ОБЩЕСТВЕННОМ СЕКТОРЕ

Ключевые слова: финансовый менеджмент в общественном секторе, генезис и методология, управление, администрирование

Уже не один десяток лет и вплоть до сегодняшнего дня само словосочетание «финансовый менеджмент в общественном секторе» вызывает бурную научную дискуссию. Диапазон позиций в рамках данной дискуссии довольно широк. С одной стороны, ряд авторов указывают на невозможность использования термина «финансовый менеджмент» для общественного сектора (в России – сектор государственного управления), так как никакого менеджмента в данном секторе быть не может, а речь можно вести только об «администрировании». Авторы, придерживающиеся противоположной точки зрения, не видят разницы между «управлением» и «менеджментом», отождествляя эти понятия. Об «администрировании» же говорят, как о составной части управления, имеющей отношение к управлению человеческими ресурсами и вообще, понятию, имеющему бюрократическую коннотацию [1].

Терминологическая дискуссия в отношении использования термина «финансовый менеджмент общественного сектора» разрешена в пользу адекватности и корректности применения вышеуказанной дефиниции при управлении финансами в данном секторе экономики. Дополнительным аргументом в пользу разрешения данной дискуссии можно привести тот факт, что начиная с 2008 г. данный термин получил нормативное закрепление в законодательной базе Российской Федерации и используется органами государственной власти и управления, местного самоуправления. Так, Министерством Финансов РФ проводится оценка качества и мониторинг финансового менеджмента органов государственного управления Российской Федерации по специально разработанной методике, результаты которого регулярно публикуются в средствах массовой информации [5].

В зарубежной практике, термин Public Finance Management используется с середины 1980-х гг. К этому времени совершенно справедливо было замечено, что инструменты финансового менеджмента, применяемые частными (коммерческими) организациями, привели эти компании к процветанию. В этой связи возобладала точка зрения, что организации, относящиеся к общественному сектору (сектору государственного управления в РФ), также, как и частные компании должны использовать финансовые средства с максимальной отдачей. Более того, руководители государственных организаций обязаны подходить к расходованию бюджетных ассигнований даже с большей ответственностью, чем топ-менеджеры коммерческих организаций, поскольку они управляют ресурсами, принадлежащими всему обществу (средствами налогоплательщиков) [4].

Генезис финансового менеджмента неразрывно связан с его методологией. Наиболее известные авторы финансового менеджмента Ю. Бригхем и Л. Гапенски, Р. Брэили, С. Майерс и др. рассматривают методологию финансового менеджмента как закономерное продолжение развития общей теории финансов, к базовым концепциям которой относятся: теория дисконтированных денежных потоков; теория структуры капитала; теория дивидендов; теория портфельного выбора; модель оценки доходности финансовых активов; теория агентских отношений; теория асимметричной информации; гипотезы эффективности рынков; модель ценообразования опционов и другие [2, 6]. Возрастание сложности условий ведения финансовой деятельности любым экономическим субъектом, постоянно изменяющаяся экономическая конъюнктура, дефицит финансовых ресурсов делают «управление финансами

наиболее сложной, ответственной функцией государства, муниципальных образований, хозяйствующих субъектов» [3].

Сложность управления финансами в общественном секторе обусловлена спецификой данного сектора экономики, заключающаяся в отсроченных экономических выгодах и пользы для общества. Эти выгоды и польза, кроме того, являются трудно измеримыми или неизмеримыми вовсе. Из этого вытекает необходимость совершенствования и развития как базовых концепций финансового менеджмента в общественном секторе, так и методов, вытекающих из этих концепций.

Литература

1. Аксенов Е.П. Генезис финансового менеджмента // Вестник Кузнецкого технического государственного университета. 2010. № 5. С. 145–152.
2. Бригхем Ю., Гапенски Л. Финансовый менеджмент / пер. с англ. СПб. : Экономическая школа, 1997. 1166 с.
3. Ендовицкий Д.А. Генезис финансового менеджмента и его содержание на современном этапе развития экономики // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 30 (195). С. 2–8.
4. Общие принципы финансового менеджмента в секторе государственного управления, Отчет по проекту «Исследование проблем эффективного управления бюджетными средствами в сфере профессионального образования, разработка и апробация рекомендаций по внедрению современных методов финансового менеджмента в федеральных органах исполнительной власти и организациях сферы профессионального образования». М., 2008. URL: http://www.mirkin.ru/_docs/_budgetfin/act10_3.pdf
5. Об утверждении методических рекомендаций по проведению мониторинга качества финансового менеджмента // Приказ Министерства Финансов РФ от 14.11.2019 № 1031 п. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2019/12/main/14.11.2019_1031.pdf
6. Аллен Ф., Майерс С., Брейли Р. Принципы корпоративных финансов / пер. с англ. Н. Барышниковой. М. : Олимп-Бизнес, 2008. 1008 с.

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-131

А.Н. Токарев

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

ОСОБЕННОСТИ ПАТЕНТНОЙ АКТИВНОСТИ В НЕФТЕГАЗОВОМ КОМПЛЕКСЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Ключевые слова: нефтегазовый комплекс, патентование, инновации

Все более актуализируются проблемы встраивания нефтегазового комплекса (НГК), как важнейшего потребителя, носителя и генератора новых знаний и технологий, в инновационные системы ресурсных регионов. Специфика ресурсного сектора связана с тем, что разработка новых технологий, их апробация и внедрение требуют «привязки» к конкретным объектам освоения – месторождениям и залежам. При этом эффект географической близости к объектам НГК является важным фактором запуска и развития инновационных процессов [1, 2].

Особенности генерации новых знаний в НГК были проанализированы на примере патентов на изобретения. Была использована база данных Федерального института промышленной собственности. Анализ патентной активности в НГК России показал, что в современных условиях в большей степени эта деятельность сосредоточена в крупных центрах исследований, разработок и инноваций – агломерациях. Сегодня основная патентная активность приходится на две «столичные» агломерации, прежде всего, город Москву. Одним из специфических факторов пространственного распределения инновационной деятельности в НГК является размещение научно-технических центров, отраслевых проектных и исследовательских институтов нефтегазового профиля, изменение во времени их роли в инновационных процессах.

К безусловным лидерам по патентной активности среди нефтегазодобывающих регионов следует отнести Татарстан. Причем кроме крупнейшей нефтяной компании – ПАО «Татнефть» – заметное место в общем количестве владельцев патентов занимают региональные вузы (например, Альметьевский государственный нефтяной институт, Казанский федеральный университет), научно-исследовательские институты и физические лица.

В целом наблюдается умеренное участие в инновационных процессах в НГК юга Сибири (Омская, Новосибирская, Иркутская области, Красноярский край). Это говорит о слабой экономической связанности пространства Сибири: в данном случае применительно к инновационному развитию НГК.

Основные по объемам запасов и добычи нефтегазовые регионы России – Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа – по патентной активности намного отстают от лидеров. В целом пространственная структура патентной активности в НГК России слабо связана с показателями производственной деятельности НГК (с объемами добычи нефти и газа, количеством пробуренных скважин).

Анализ патентов на изобретения для НГК свидетельствует о значительных рисках для инновационного развития НГК, слабом взаимодействии российских компаний [3]. Общий тренд смещения инновационной активности из добывающих регионов в «столичные» регионы не создает предпосылок для инновационного развития ресурсных территорий. Не происходит встраивания НГК в инновационные системы добывающих регионов. Соответственно, теряется важный фактор экономического роста для ресурсных регионов, что создает значительные риски для устойчивого социально-экономического развития этих территорий.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (грант № 19-18-00170).

Литература

1. Moulart F., Sekia F. Territorial Innovation Models: A Critical Survey // Regional Studies. 2003. Vol. 37, is. 3. P. 289–302.
2. Shearmur R. Space, place and innovation: a distance-based approach // The Canadian Geographer. 2010. Vol. 54, is. 1. P. 47–67.
3. Kryukov V., Tokarev A. Spatial Dynamics of the Oil and Gas Field Services Sector: Global Trends and Lessons for Russia // Regional Research of Russia. 2018. Vol. 8, is. 3. P. 248–257.

УДК 303.09, 316.4

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-132

А.Г. Тутыгин, Л.А. Чижова

*Федеральный исследовательский центр
комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаврова УрО РАН*

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ КАК МАРКЕР ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ (НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ РЕГИОНОВ РОССИИ)

Ключевые слова: социальные сети, Интернет, молодежные сообщества, экологическая активность, ценностные ориентации, северные и арктические регионы России

Трансформации, происходящие в современном обществе, существенно изменили основанные на ретроспективных установках процессы социальной активности в причинно-следственной парадигме «как было – как есть – как будет». Особенно ярко это проявляется в поведении локальных групп молодежных сообществ в онлайн пространстве.

Озабоченность состоянием окружающей среды и ее жизнеспособностью является одной из основных тенденций в развитии сетевых сообществ и групп во всем мире [3]. Россия здесь не является исключением, поскольку экологическая тематика, в том числе, наиболее «агрессивная» ее часть – экологический протест выступают одним из наиболее актуальных контентов в сетевых сообществах, который не может не привлекать внимание молодого поколения [1, 2]. Поэтому анализ именно протестной компоненты сетевой экологической активности имеет, на наш взгляд, крайне важное значение в исследовании поведения молодежных сообществ и групп.

Отметим, что локальные молодежные сообщества северных и арктических регионов России обладают своеобразной территориальной и ментальной спецификой в силу особенностей социального пространства. Авторами был проведен анализ сообществ экологической направленности, представленных в наиболее популярной в России социальной сети «ВКонтакте», который позволил выявить ряд характеристик, используемых в модели конформного (порогового) поведения, а также возможности применения теоретико-игрового подхода для исследования поведения локальных сетевых сообществ.

В качестве объекта анализа нами была определена социальная сеть «ВКонтакте». После детального анализа имеющегося программного обеспечения, предназначенного для анализа социальных сетей, нами как наиболее подходящий для эксперимента был выбран парсер информации в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники» – сервис «VK.BARKOV.NET»¹, который может применяться для определения статистических значений сообществ или пользователей, показывает распределение участников по возрасту, полу, месту проживания, среднему количеству проводимого времени в социальных сетях, устройства доступа, наличие аккаунтов в других социальных сетях.

В качестве базы проведения эксперимента рассматривались локальные сетевые сообщества как общероссийского, так и регионального уровней с ярко выраженными эколого-просветительскими и протестно-экологическими направленностями: «Экология России», «РазДельный Сбор», «Всероссийское зоозащитное движение», «Экология», «Чистый Север – чистая страна», «За экологию Архангельской области!», «Экология Поморья. Северо-Запад», «Поморье – не помойка».

Проведенный анализ показал, что структурные характеристики экологических сетевых сообществ, хотя бы отчасти наполненных протестной тематикой, с точки зрения участия молодежи в возрастной группе до 25 лет, на сегодняшний день не являются критическими и не достигли пороговых ограничений, а, следовательно, не предвещают перехода из онлайн в офлайн. Однако это вовсе не означает, что протестно-экологическая повестка совсем уж безразлична локальным молодежным сообществам, участники которых проживают на северных и арктических территориях России. Более того, как показывают наблюдения, при технологически «правильном» выстраивании сетевых взаимодействий с различными группами участников, активная молодежная составляющая тех или иных сообществ может быть резко увеличена за относительно короткое время.

Литература

1. Блинова О.А., Горбунова Ю.А. Стратегии политической коммуникации молодежи в цифровом пространстве: возможные исходы // Вопросы управления. 2021. № 3(70). С. 20–34. DOI: 10.22394/2304-3369-2021-3-20-34.
2. Ленков Р.В., Колосова О.А., Ковалева С.В. Социально-психологическая диагностика и прогнозирование протестного поведения молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. 2021. Т. 4, № 1. С. 31–41. DOI: 10.26425/2658-347X-2021-4-1-31-41.
3. Саритас Озкан, Нугрохо Януар. Увидеть и осознать невидимое. Сканирование, сетевой и сценарный анализ // Форсайт. 2011. Т. 5, № 3. С. 58–69.

¹ Сервис поиска целевой аудитории в социальных сетях. URL: <https://vk.barkov.net> (дата обращения: 15.07.2021).

Н.А. Тюленева

Национальный исследовательский Томский государственный университет

АНАЛИЗ И ДИАГНОСТИКА ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ В НАПРАВЛЕНИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Ключевые слова: интегрированная отчетность, индикаторы устойчивого развития, цифровая аналитическая платформа

В данном исследовании аргументируется актуальность исследования трансформационных процессов российских компаний в направлении устойчивого развития на основе контент-анализа интегрированной отчетности. Особенности развития цифровых решений устойчивого развития, которые используются для предоставления полезной информации рынку капитала, способствуют снижению рисков, уменьшению прогнозных ошибок потенциальных инвесторов и аналитиков.

Логика рассуждений проиллюстрирована результатами обследования статистических данных Национального регистра и Библиотеки нефинансовых отчетов, администрируемых Российским союзом промышленников и предпринимателей (РСПП), зарегистрированных в 2019 г. [1]. С помощью аналитической платформы Дедуктор был проведен анализ абсолютного числа видов нефинансовых отчетов, а также относительных показателей, характеризующих удельный вес отдельных видов отчетов, исходя из отраслевой принадлежности российских компаний (рис. 1).

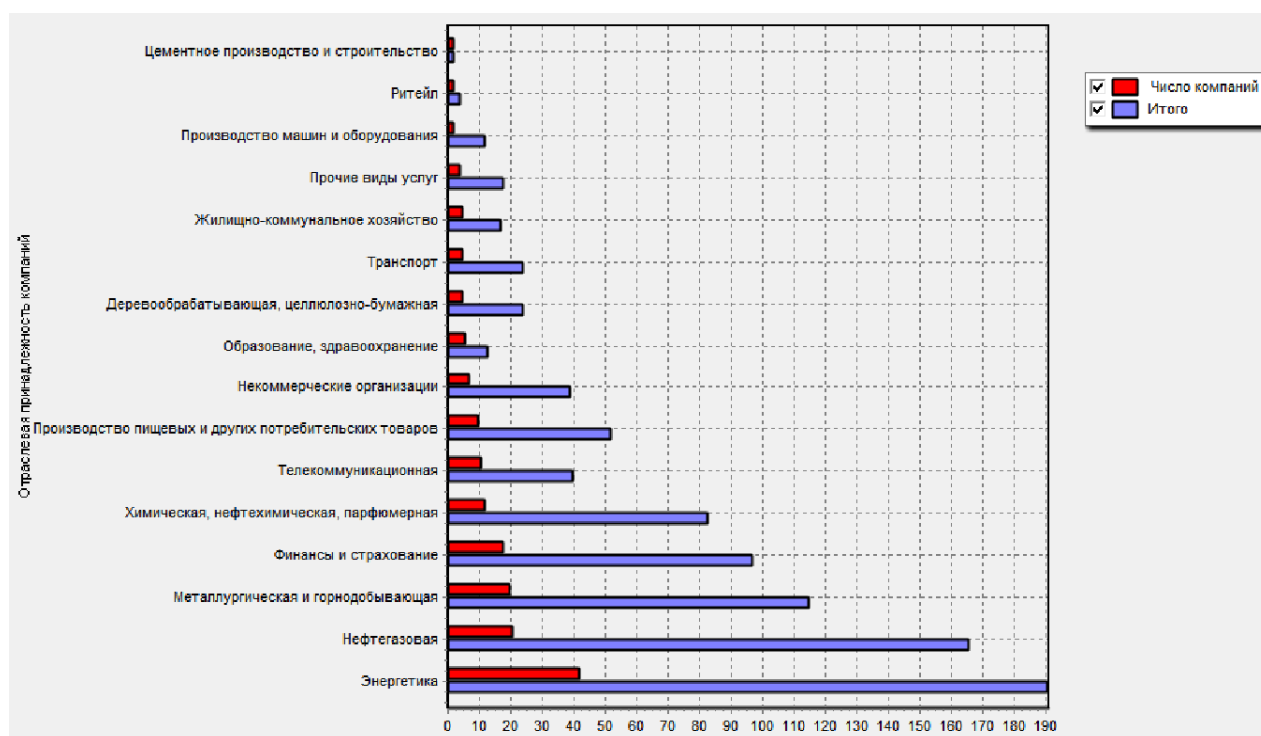

Рис. 1. Соотношение количества российских компаний и количества нефинансовых отчетов в разрезе отраслевой принадлежности.

Примечание. В расчетах принимал участие студент ИЭМ ТГУ М.А. Юстус

В ходе обследования мы не обнаружили четкой зависимости количества отчетов от количества компаний отрасли, их составляющих. Например, при одинаковом количестве ком-

паний нефтегазовой (21) и металлургической и горнодобывающей (20) отраслей, общее количество представленных ими отчетов отличается более чем на 40% (166 против 115). Лидером как по абсолютному числу компаний (42), так и по общему количеству отчетов (191) является энергетическая отрасль. А лидером по среднему числу отчетов на компанию является нефтегазовая отрасль, каждая компания которой выпустила на сегодняшний день уже порядка 8 нефинансовых отчетов.

Для исследования трансформационных процессов нами была разработана авторская методика, включающая пять этапов: *первый* – изучение состава финансовых и нефинансовых отчетов компаний; *второй* – изучение состава индикаторов оценки устойчивости по трем блокам: финансовому, социальному и экологическому; *третий* – сравнение компаний по составу отчетов; *четвертый* – сравнение компаний по составу индикаторов в разрезе трех блоков; наконец, *пятый* – сравнение компаний по составу отчетов и составу индикаторов с зарубежной компанией-аналогом. При этом за основу для сравнения были взяты индикаторы, предложенные А.Д. Шереметом и М.Г. Гармашем [4]. Апробация методики была проведена посредством контент-анализа корпоративных отчетов по данным сайтов порядка 30 российских компаний различных секторов экономики за последние пять лет (2015–2019 гг.).

В ходе исследования мы получили подтверждение существенного расширения информационной базы для комплексной оценки трансформационных процессов компаний в направлении устойчивого развития. Это выразилось в кратном увеличении количества корпоративных отчетов. Наряду с изучением состава отчетов в качестве инструментов аналитики трансформационных процессов выступают различные индикаторы оценки. Но если по выделенным трем блокам как среди отечественных [2–3], так и зарубежных исследователей [5–7, 9] достигнуто определенное единство мнений, то по наполнению этих блоков отдельными индикаторами пока не выработано универсального подхода.

Наиболее благополучно ситуация обстоит с индикаторами первого блока, характеризующего экономическую компоненту (финансово-экономическая устойчивость, в дальнейшем финансовая устойчивость). Состав входящих в него индикаторов является достаточно стандартизированным, в т.ч., благодаря разработанным Институтом профессиональных бухгалтеров и аудиторов России (ИПБР) Методическим указаниям в системе подготовки и аттестации профессиональных бухгалтеров, финансовых менеджеров и аудиторов. Это касается как названия, так и алгоритма расчета самих индикаторов по данным бухгалтерской (финансовой) отчетности компаний. Хорошо зарекомендовали себя в аудиторской практике модели прогнозирования вероятности банкротства, в частности, Z-счет, R-счет, А-счет.

Работа по стандартизации социальных и экологических индикаторов продвигается пока медленно. В определенной степени это связано с добровольным характером представления социальных и экологических отчетов, что делается по линии РСПП. В этой связи становится чрезвычайно важным вопрос государственного регулирования формирования корпоративной отчетности и индикаторов оценки, отражающих факторы создания стоимости компании [8].

В заключении мы пришли к выводу, что исследуемые отчеты и индикаторы более успешно могут быть использованы для мониторинга трансформационных процессов в цифровой среде. На сегодняшний день можно наблюдать расширение аналитических возможностей посредством формирования цифровой аналитической платформы (ЦАП). Такая работа уже начата в соответствии с принятой в 2019 году Стратегией развития Росстата до 2024 г., предусматривающей переход на потоковую модель сбора первичных статистических данных, формируемых в компаниях, использование альтернативных источников данных. В свою очередь, это позволяет использовать методы и инструментальные средства работы с большими данными, встроенные как в российские аналитические платформы (Дедуктор, Логиком, Форсайт, Прогноз и др.), так и зарубежные (Qlik, Power BI, Tableau и др.). Проведенное исследование доказывает, что ошибки прогноза финансового аналитика уменьшаются, а статус компании, формирующей и представляющей интегрированную отчетность, повышается.

Литература

1. Национальный Регистр и Библиотека корпоративных нефинансовых отчетов РСПП. 2019. URL: <http://xn--o1aabe.xn--plai/simplepage/157> (дата обращения: 11.04.2019).
2. Старикова Е.А. Современные подходы к трактовке концепции устойчивого развития // Вестник РУДН. Серия: Экономика. 2017. Т. 25, № 1. С. 7–17.
3. Шеремет А.Д. Анализ и аудит показателей устойчивого развития предприятия // Аудит и финансовый анализ. 2017. № 1. С. 154–161.
4. Шеремет А.Д., Гармаш М.Г. Комплексная рейтинговая оценка устойчивого развития предприятий // Аудит и финансовый анализ. 2017. № 3-4. С. 152–157.
5. Escrig-Olmedo E., Fernández-Izquierdo M., Ferrero-Ferrero I., Rivera-Lirio J.M., Muñoz-Torres M.J. Rating the raters: Evaluating how ESG rating agencies integrate sustainability principles // Sustainable Production and Consumption. April 2019. Vol. 18. P. 1–18.
6. Hussain N., Rigoni U., Cavezzali E. Does it pay to be sustainable? Looking inside the black box of the relationship between sustainability performance and financial performance. Vol. 25, is. 6. November/December 2018. P. 1198–1211.
7. Jiang Q., Liu Z., Liu W., Li T., Cong W., Zhang H., Shi J. A principal component analysis based three-dimensional sustainability assessment model to evaluate corporate sustainable performance // Journal of Cleaner Production. Vol. 187. 20 June 2018. P. 625–637.
8. Landrum N.E., Ohsowski B. Identifying Worldviews on Corporate Sustainability: A Content Analysis of Corporate Sustainability Reports // Business Strategy and the Environment. 2018. № 27 (1). P. 128–151.
9. Schönborn G., Berlin C., Pinzone M., Hanisch C., Georgoulas K., Lanz M. Why social sustainability counts: The impact of corporate social sustainability culture on financial success // Sustainable Production and Consumption. Vol. 17. January 2019. P. 1–10.

УДК 332.1

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-134

А.О. Ужегов

Институт экономики УрО РАН

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНДУСТРИАЛЬНЫХ РЕГИОНОВ РФ: ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: экономический потенциал, новая индустриализация, индустриальные регионы

В настоящее время, когда интенсивное экономическое развитие территорий обусловлено развитием наукоемких производств, повсеместным внедрением информационных систем и активным распространением концепции «Индустрии 4.0», актуальным являются мероприятия по мобилизации имеющихся ресурсов индустриальных регионов с целью инновационного насыщения традиционных отраслей экономики и конкурентного технологического развития страны в целом.

Рост внимания к проблемам развития индустриальных регионов обусловлен научно-техническим и инновационным трендом развития ведущих экономик мира. По данным глобального инновационного индекса за 2019 г. большинство ведущих научно-технических кластеров расположено в США, Китае и Германии¹. Говоря об инновационном развитии нужно учитывать и тот факт, что Россия и западные страны прошли разные пути в своем индустриальном становлении, соответственно и задачи, стоящие перед странами различны [1].

В целях технологического развития индустриальных регионов, целесообразно говорить об их экономическом потенциале, как драйвере инновационного и научно-технического развития. Экономический потенциал региона может быть определен как совокупность имеющихся в наличии и возможных для мобилизации ресурсов региона, необходимых для его развития при условии максимального их использования [2].

¹ Глобальный инновационный индекс 2019 г. Сайт Всемирной организации интеллектуальной собственности. 2019. URL: https://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2019/article_0008.html

Экономический потенциал развития регионов во многом определяется сложившимися факторами (внешними и внутренними), которые оказывают влияние на характер структурных изменений в экономике. Учитывая это, автором представлена модель экономического развития промышленных регионов на основе использования экономического потенциала (рис. 1).

Рис. 1. Модель экономического развития промышленных регионов на основе экономического потенциала

Модель отражает влияние движущих и сдерживающих факторов развития на экономический потенциал промышленных регионов. Сдерживающие факторы развития (некачественная институциональная среда, износ производственных фондов, низкая производительность труда и т.д.) приводят к частичному, либо существенному замедлению промышленного развития – деиндустриализации. Движущие факторы развития (модернизация производства, инновации, переход к новому технологическому укладу и т.д.), в свою очередь, способствуют модернизации производства, переводу его на новую технологическую основу. Направление промышленного развития напрямую зависит от выбора технологической базы (на основе существующих технологий – реиндустриализация, на основе новых технологий – новая индустриализация).

Принципиальное отличие новой индустриализации от предыдущих стадий технического развития является ориентация на человеческий капитал, как главную производительную силу экономического роста [3]. Важно отметить, что новая индустриализация характеризуется технологическим преобразованием всей структуры экономической деятельности, и является драйвером развития и перехода страны к следующему технологическому укладу.

Так, например, Челябинская область занимает 22 место (2019 г.) в рейтинге регионов по значению индекса «Научно-технического потенциала» и относится ко второй группе, которая характеризуется отставанием от региона-лидера в диапазоне от 20 до 40%¹. При этом в стратегии развития Челябинской области до 2035 г. определены виды актуальной на сего-

¹ Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. 6 выпуск. 2019. URL: <https://issek.hse.ru/rir2019>

дняшний день экономической специализации, к которым отнесены: металлургическое производство; производство готовых металлических изделий; производство машин и оборудования¹. Для достижения конкурентоспособности региона и экономического роста – данные виды деятельности требуют серьезной модернизации на основе инноваций.

В качестве отраслей инновационной экономической специализации, имеющих потенциал роста следует рассматривать: электронику и микроэлектронику; производство бытовой техники, компьютеров; информационные технологии; научную и техническую деятельность; программное обеспечение. В этом контексте актуальным остается вопрос о синхронизации процессов модернизации промышленного сектора и создании высокотехнологичных производств V и VI технологических укладов в региональной экономике [4].

Литература

1. Татаркин А.И., Романова О.А., Бухвалов Н.Ю. Новая индустриализация экономики России // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2014. № 3. С. 13–21.
2. Печаткин В.В. К вопросу оценки экономического потенциала регионов // Воспроизводственный потенциал региона : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., 24–26 мая 2007 г. Ч. I. Уфа, 2007. 261 с.
3. Татаркин А.И. Новая индустриализация экономики России: потребность развития и/или вызовы времени // ЭВР. 2015. № 2 (44). С. 20–31.
4. Артемова Ольга Васильевна Направления и механизмы реализации пространственного развития индустриальных регионов // Вестник ЧелГУ. 2020. № 10 (444). С. 50–61.

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-135

О.П. Фадеева

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

ПОРЕФОРМЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛИ СЕЛЬХОЗНАЗНАЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ключевые слова: права собственности, земли сельхозназначения, земельные ресурсы

Рыночные отношения в сфере владения и пользования землей имеют в постсоветской России не слишком длинную историю. Частичная денационализация земли, осуществленная в ходе экономических и институциональных реформ, продолжающихся в течение тридцати лет, запустила механизмы, позволившие постепенно и с известными ограничениями осуществлять рыночный оборот земель. Вместе с тем результаты реформ в сфере земельных отношений весьма неоднозначны. Существующие механизмы регулирования земельных отношений не обеспечивают ни перераспределения земельных ресурсов от неэффективных собственников к эффективным, ни сколько-нибудь заметных фискальных результатов. Можно говорить о нескольких этапах реформирования института земельной собственности. Первый этап – приватизация земли – происходил как условное, по сути, фиктивное (виртуальное) распределение земли между работниками сельхозпредприятий, в пользовании которых находилась эта земля. Из государственной земля перешла в коллективно-долевую или совместную собственность. Новые номинальные землевладельцы были сильно ограничены в правах распоряжения своими земельными долями. Процедуры физического выделения из земельных массивов предприятий участков новоиспеченным фермерам из числа бывших работников тех же предприятий и членов их семей была крайне сложной. И только последовавшая во

¹ Стратегия социально-экономического развития Челябинской области до 2035 года. Сайт Министерства экономического развития Челябинской области. URL: <https://mineconom74.ru/strategiya-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya>

второй половине 1990-х и в начале 2000-х гг. волна массовых банкротств крупных сельскохозяйственных предприятий, а также принятый в 2002 г. Закон об обороте земель сельскохозяйственного назначения изменили ситуацию. Результатом стал фактический отказ части сельских жителей от своих прав на земельные доли и начало процесса физического выделения земельных участков из массивов, находящихся ранее в коллективной собственности. Земля, с одной стороны, постепенно стала превращаться в более привлекательный как в юридическом, так и в экономическом смыслах актив. С другой стороны, в массовом порядке стали выявляться так называемые «невостребованные земельные доли».

В докладе будет представлен анализ тенденций изменения объемов и структуры земельных ресурсов, находящихся в собственности граждан, юридических лиц (организаций), государства и муниципалитетов вследствие массовой приватизации сельскохозяйственной земли, легализации ее купли-продажи, динамики спроса на землю под влиянием разнообразных факторов. Для понимания специфических особенностей формирования земельного рынка в России в целом и в Сибири в частности также рассматриваются правила институционального регулирования – формального и неформального, главной целью которого является создание и поддержка стабильности рынков. По нашим наблюдениям, в землеизбыточных регионах, к которым традиционно относятся многие сибирские территории, потенциальные покупатели и арендаторы земли могут посредством «джентльменских соглашений» между собой существенно сэкономить на оплате земельного ресурса, не устраивая ценовую конкуренцию за доступ к земле. В то же время в районах с высокой интенсивностью использования сельскохозяйственных земель реализовать на практике такие договоренности гораздо сложнее. Приход крупных внешних инвесторов может существенно изменить складывавшуюся годами архитектуру локального рынка и привести к росту арендной платы и цены земельных долей и участков.

На основе проведенного экономико-социологического исследования локальных рынков земли в сельских районах Алтайского края, а также Тюменской, Томской, Омской областях в докладе будет представлен анализ институциональных причин масштабного распространения необрабатываемой и невостребованной долевой земли, проблем их вовлечения в хозяйственных оборот, а также специфики существующего учета земельных ресурсов и регистрации прав собственности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 20-011-00088).

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-136

Н.Г. Филатова

Сибирский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ЭКОСИСТЕМА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: экосистема, приграничные регионы, пространственное развитие

Проблематика. Система мер стимулирования и поддержки инвестиционной деятельности, реализуемая региональными органами власти совместно с институциональными инвесторами, является неотъемлемым условием формирования благоприятного инвестиционного климата в регионе. Качество и степень развития инвестиционной экосистемы определяют экономическую, инвестиционную и инновационную активность субъектов малого и среднего предпринимательства.

Инвестиционная экосистема представляет собой результат взаимодействия государственных органов власти, финансовых институтов и институтов развития, непосредственно участвующих в формировании и реализации региональной инвестиционной политики, и выражается совокупностью локальных мер (способов и форм поддержки, цифровых сервисов и площадок), способствующих привлечению частных и иностранных инвестиций в регион. В данном случае экосистема рассматривается как совокупность участников инвестиционного процесса.

При этом региональные инвестиционные экосистемы могут существенно отличаться друг от друга по ряду показателей: уровню концентрации финансовых институтов, степени развития партнерской сети между гарантийными организациями и банками, характером кооперационных связей между участниками инвестиционного проекта (горизонтальные и вертикальные), степени вовлеченности в инвестиционные процессы центров развития инноваций (бизнес-инкубаторов, технопарков и пр.)

В приграничных регионах институты инвестиционной экосистемы являются частью институциональной системы приграничного сотрудничества, которая формируется на основе взаимодействия трех нормативно-правовых уровней: международном, государственном и локальном. Специфика взаимодействия и пространственная структура институтов приграничного сотрудничества и институтов инвестиционной экосистемы требуют детального изучения при типологизации трансграничных регионов и разработке соответствующих инвестиционных стратегий развития.

Отметим, что в Концепции приграничного сотрудничества в РФ, утвержденной Правительством РФ в октябре 2020 г., в качестве основных направлений развития сотрудничества определяется два вида деятельности: развитие торгово-кооперационных связей и сотрудничество при осуществлении инвестиционных проектов. Практические задачи развития приграничного сотрудничества актуализируют поиск теоретико-методологических подходов к управлению инвестиционной экосистемой приграничных территорий, как в масштабах государства, так и на локальном уровне.

Различия в локальных институтах поддержки предпринимательства и неразвитая региональная инвестиционная экосистема на фоне высокой международной конкуренции условий инвестирования и ведения бизнеса могут стать серьезными сдерживающими факторами развития трансграничной экономической интеграции в РФ. Кроме того, для приграничных территорий процессы неравномерной концентрации финансовых институтов характеризуются рисками миграции финансовых ресурсов, что обостряет вопросы экономической безопасности территорий.

Гипотеза исследования состоит в том, что низкий уровень пространственной концентрации финансовых институтов ограничивает рост инвестиционной привлекательности региона и отрицательно влияет на saldo прямых иностранных инвестиций.

Цель исследования: проанализировать пространственную структуру инвестиционной экосистемы приграничных регионов РФ и выявить последствия её неравномерного развития на инвестиционный потенциал и на величину прямых иностранных инвестиций.

В основу исследования заложены концептуальные подходы институционального проектирования, финансовой географии и пространственной экономики.

Результаты и выводы. На основе составленной регрессионной модели можно сделать общий вывод: усиление пространственной концентрации финансовых институтов приводит к росту инвестиционного потенциала региона и характеризуется положительным saldo прямых иностранных инвестиций. Результаты корреляционно-регрессионного анализа позволили разделить приграничные регионы РФ на группы с высокой и низкой пространственной концентрацией. Приграничные регионы с высокой пространственной концентрацией институтов характерны для европейского и постсоветского типа приграничного сотрудничества. Приграничные регионы с низкой пространственной концентрацией – для китайского, монгольского и частично для постсоветского типа приграничного сотрудничества. Сопоставление показателей пространственной

концентрации приграничных регионов с типами приграничного сотрудничества послужит основой дальнейших прикладных исследований по разработке подходов к управлению инвестиционными экосистемами приграничных территорий.

УДК 338.43

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-137

Ю.А. Фомина, А. Глинска-Невеш

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Университет Николая Коперника*

ПОДДЕРЖИВАЕМОЕ СООБЩЕСТВОМ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРОГРАММЫ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ОСНОВЕ БИБЛИОМЕТРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Ключевые слова: поддерживаемое сообществом сельское хозяйство; библиометрический анализ; здоровое питание; тематические кластеры; социальные изменения

Растущая обеспокоенность общества в отношении экологии и безопасности сельского хозяйства привела к тому, что все большее число потребителей ищут альтернативные формы поставок высококачественных продуктов питания, такие как сельское хозяйство, поддерживаемое сообществом (Community Supported Agriculture, CSA) [1]. CSA это модель прямого взаимодействия фермера с потребителем, своего рода партнерство между местными фермерами и клиентами, которые платят фермерам установленную цену до начала сезона за «долю» урожая с фермы [3].

Эта модель привязана к местному сообществу, приносит экономическую выгоду как фермерам, так и потребителям, поддерживает экологически чистое производство и распределение продуктов питания и способствует росту социальной справедливости в сообществе [4]. CSA также считается формой этичного потребления, сочетающего идеологические дискурсы и романтические идеализации с неклассическими рыночными практиками и отношениями [6]. Важным фактором привлечения клиентов является то, что фермеры CSA делают упор на органические и агроэкологические методы [2].

CSA привлекает внимание ученых, представляющих самые разные дисциплины. Например, маркетинговым интересуют потребители, участвующие в CSA, их отношение и убеждения в отношении здорового питания [3]. Предлагая продукцию для местного сообщества более высокого качества по более низкой цене, чем продуктовые магазины, CSA вдохновляют на исследования их бизнес-моделей [5]. Исследователи, интересующиеся питанием и здоровьем человека, считают CSA одним из механизмов улучшения доступа к свежим фруктам и овощам, в том числе для домохозяйств с низкими доходами. CSA привлекает внимание исследователей также в других областях науки, включая медицину, экологические исследования, устойчивость, политические исследования и экономику. Таким образом, CSA создает пространство для междисциплинарных исследований. Наша статья вносит свой вклад в эту междисциплинарную область, отображая область исследований CSA.

В академической литературе тема CSA обсуждается с 1980-х гг., и за последние десять лет ее популярность резко возросла. Однако концептуальные статьи в этой области довольно редки (мы идентифицировали только 14 из 242 исследовательских статей), и они, как правило, рассматривают CSA наряду с другими альтернативными пищевыми системами (Alternative Food Systems). Мы выделили только три концептуальные статьи, посвященные CSA, в основе которых лежали качественные методы обзора литературы. Библиометрический анализ в этой области исследований до настоящего времени не применялся. Наше исследование представляет собой попытку заполнить этот пробел и направлено на определение

исследовательской программы CSA, отображая концептуальную структуру этой области. Мы сформулировали следующие задачи нашего исследования: 1) определить область исследования CSA; 2) выявить и проанализировать основные темы в рамках CSA; 3) определить направления текущих исследований и дальнейшего развития в данной области.

В исследовании изучаются 242 научных статьи по CSA за последние три десятилетия путем проведения библиометрического анализа с помощью программного обеспечения VOSviewer. Для анализа мы применили два библиометрических метода: совпадение ключевых слов (keywords co-occurrence) и библиографической связи (bibliographic coupling), идентифицирующие кластеры тем и публикаций. Библиометрические методы были дополнены систематическим обзором литературы, проведенным для понимания содержания выявленных кластеров.

Данная работа может способствовать развитию исследований в области CSA, позволяя исследователям ориентироваться в различных темах и публикациях, выявляя ведущие тематические кластеры, направления исследований и их связи. Анализ показывает, что наиболее многообещающие направления исследований CSA сосредоточены на потребителях, их питании и здоровье, а также на социальных изменениях под влиянием CSA.

Литература

1. Diekmann M., Theuvsen L. Value Structures Determining Community Supported Agriculture: Insights from Germany. *Agriculture and Human Values*, 2019, 36 (4): 1125–1138. <https://doi.org/10.1007/s10460-019-09950-1>.
2. Galt R.E., Bradley K., Christensen L., Fake C., Munden-Dixon K., Simpson N., Surls R., van Soelen Kim J. What Difference Does Income Make for Community Supported Agriculture (CSA) Members in California? Comparing Lower-Income and Higher-Income Households. *Agriculture and Human Values*, 2017, 34 (2): 435–52. <https://doi.org/10.1007/s10460-016-9724-1>
3. Hanson K.L., Volpe L.C., Kolodinsky J., Hwang G., Wang W., Jilcott Pitts S.B., Sitaker M., Timeon E., Ammerman A.S., Seguin R.A. Knowledge, Attitudes, Beliefs and Behaviors Regarding Fruits and Vegetables among Cost-Offset Community-Supported Agriculture (Csa) Applicants, Purchasers, and a Comparison Sample. *Nutrients*, 2019, 11 (6). <https://doi.org/10.3390/nu11061320>.
4. Hinrichs C.C. Embeddedness and Local Food Systems: Notes on Two Types of Direct Agricultural Market. *Journal of Rural Studies*, 2000, 16 (3): 295–303. [https://doi.org/10.1016/S0743-0167\(99\)00063-7](https://doi.org/10.1016/S0743-0167(99)00063-7).
5. Matzembacher D.E., Meira F.B. Sustainability as Business Strategy in Community Supported Agriculture: Social, Environmental and Economic Benefits for Producers and Consumers. *British Food Journal*, 2019, 121 (2): 616–32. <https://doi.org/10.1108/BFJ-03-2018-0207>.
6. Thompson C.J., Coskuner-Balli G. Countervailing Market Responses to Corporate Co-Optation and the Ideological Recruitment of Consumption Communities. *Journal of Consumer Research*, 2007, 34 (2): 135–52. <https://doi.org/10.1086/519143>.

УДК 316.346.32

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-138

Е.А. Фролова, В.А. Маланина

*Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Национальный исследовательский Томский политехнический университет*

АКТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ И ЖИЗНЕСТОЙКОСТЬ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Ключевые слова: жизнестойкость, старшее поколение, Томская область, Томская академия активного долголетия

В современных исследованиях демографических изменений доминирует концепция активного долголетия (active ageing), в рамках которой предполагается формирование среды, ориентированной на нужды и потребности пожилого человека, в первую очередь, за счет укрепления его личного потенциала и предотвращения иждивенчества. Ключевыми пара-

метрами активного долголетия являются: трудовая активность в старшем возрасте, дружеские и родственные социальные контакты, участие пенсионеров в волонтерской и добровольческой деятельности, физическая активность, личная безопасность и предотвращение дискриминации по возрасту, достаточность доходов, возможности развития человеческого капитала и другие.

В рамках национального проекта «Демография», программы «Старшее поколение» во многих российских регионах реализуются проекты, направленные на поддержку активности в старшем возрасте. Данные программы ориентированы на лиц третьего возраста для prolongации их здоровой жизни и повышения уровня самостоятельности в повседневных делах, что позволяет экономить ресурсы служб социальной поддержки, делает жизнь человека на пенсии более яркой и насыщенной, укрепляет межпоколенческие контакты, способствует расширению кругозора и предотвращает когнитивные нарушения.

В Томской области при поддержке Фонда президентских грантов с 2018 г. реализуется проект «Томская академия активного долголетия». Цель данного проекта – создание условий для жителей региона старше 55 лет для здорового и активного долголетия.

В целях измерения эффекта от реализации программ ТААД использовались субъективные оценки жизнестойкости, удовлетворенности и счастья слушателей Академии. Жизнестойкость определяют как способность индивида справляться со стрессовыми ситуациями, которые невозможно предусмотреть и предотвратить, без существенной потери личных ресурсов адаптации («трудности – закаляют»). Она рассматривается как психологическое свойство индивида, обусловленное влиянием комплекса факторов среды и природы самого человека (характер и темперамент, воспитание, социальное окружение, стрессовые ситуации на протяжении всей жизни, ресурсы поддержки и др.).

Социологическое исследование жизнестойкости проведено в Томской области в марте-апреле 2021 г. в форме структурированного интервью (N = 400, средний возраст = 66,25 лет, мужчины = 38,25%).

Оценка жизнестойкости проводилась по шкале Коннор-Дэвидсона (CD_RISC-25) для трёх рандомизированных групп респондентов. Первая группа (ТААД_1) – это респонденты (N = 15), которые никогда не участвовали в каких-либо программах ТААД и не имеют желания участвовать. Вторая группа (ТААД_2) – это респонденты (N = 15), которые на момент исследования никогда не обучались по программам ТААД, но хотели бы принять участие в какой-либо программе. Третья группа (ТААД_3) – респонденты (N = 14), которые на момент исследования уже участвовали в одной или нескольких программах ТААД.

Сравнительный анализ социо-демографических характеристик представленных групп респондентов демонстрирует устойчивые различия в профиле среднего респондента в каждой группе. Респонденты, которые принимали участие в программах Томской академии активного долголетия (ТААД_3), обладают более высоким уровнем жизнестойкости в сравнении с респондентами из остальных групп (ТААД_3 – 71,8 баллов, ТААД_1 – 57,7 баллов, ТААД_2 – 61,2 балла), также они оказались менее подвержены негативному влиянию последствий пандемии, демонстрируют сравнительно более высокий уровень физической активности, счастья, более оптимистичны в оценках состояния здоровья при отсутствии существенных различий в субъективной удовлетворенности жизнью и доходах. Результаты однофакторного дисперсионного анализа (one-way-ANOVA) демонстрируют статистическую значимость выявленных различий на доверительном интервале 95% ($F = 4.106$, $P = 0.0491$).

Полученные результаты подтверждают важность активной жизненной позиции в среднесрочной и долгосрочной перспективе и позволяют говорить о тесной взаимосвязи инструментов реализации стратегии активного долголетия и способности индивида справляться с возникающими трудностями без существенной потери ресурсов адаптации.

Исследование было выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00282).

И.И. Харченко, Н.Г. Низовкина

*Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский государственный технический университет*

О СОЦИАЛЬНЫХ ИЗДЕРЖКАХ ДЛЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ В СФЕРАХ ОБРАЗОВАНИЯ И ЗАНЯТОСТИ И ВЛИЯЮЩИХ ФАКТОРАХ

Ключевые слова: молодежь, система образования, рынок труда, социальные издержки, риски

На современном этапе российское общество и экономика сталкиваются с нарастающим дефицитом человеческих ресурсов, в особенности молодежи. Влияние демографического фактора проявляется, в частности, через сокращение численности и доли молодежи в составе населения. При этом важной характеристикой молодежной когорты в настоящее время является ее достаточно высокий уровень формального образования, включая высшее. По нашему мнению, государство, общество и бизнес с этим человеческим ресурсом обходятся не рационально.

Данное исследование направлено на оценку возникающих социальных издержек и рисков для российского населения молодого и среднего возраста в системе образования и на рынке труда и возможных причинах.

Методологический подход в исследовании основывается на теориях человеческого потенциала (ЧП) или человеческого развития (human development), с использованием положений теории человеческого капитала (ЧК) [3, с. 226–227; 5, с. 78–94]. В нашем исследовании ЧК понимается как форма реализации ЧП, выражающаяся в получении экономических результатов для общества и доходов для населения. Использовалась также концепция «перехода от обучения к работе» («transition from school to work» concepts), в рамках которой, в частности, выявляется влияние институциональных факторов на социальное поведение молодежи, его мотивацию, на достигнутые результаты в этих сферах [6, с. 85–124].

Эмпирической базой послужили социологические обследования, проведенные ИЭОПП СО РАН в Новосибирской области: а) анкетный опрос «Человеческий потенциал и социальное самочувствие населения» (ЧПиСС), представляющий городское и сельское экономически активное население 18–45 лет (N = 1264, 2019–2020 гг., выборка доступная, построена по принципу референтных групп); б) мониторинговые выборочные обследования учащейся молодежи (студентов старших курсов и школьников выпускных классов), родителей школьников и др. Во всех обследованиях применялись также качественные методы: кейс-стади, фокус-группы, неформализованные интервью. Дополнительно использовались данные официальной статистики по России и регионам.

В национальном масштабе сложился хороший уровень охвата (либо благоприятные тенденции расширения охвата) необходимыми видами деятельности, формирующими ЧП. Это подтверждается как статическими и социологическими данными, так и международными сравнениями. Однако в исследовании получены основания относительно невысоко оценивать: во-первых, качество соответствующих социальных институтов реализации ЧП в обществе и экономике страны; во-вторых, – поощрительные стимулы для деятельностного компонента ЧП. О важности последнего, служащего решающим фактором реализации ЧП, указывает [1, с. 15]. Ряд авторов отмечают другие стороны этой проблемы, например недоиспользование потенциала профессионально подготовленных работников [4, с. 112]. Напротив, другие авторы указывают на отставание ЧК по своему качеству, более пригодному для индустриальной экономики XX в., чем для успехов в постиндустриальном развитии [2, с. 13–15].

На основе анализа полученных эмпирических данных были выявлены:

а) Недостаточная отдача от полученной специальности и соответствующего ей формального образования, так как многие респонденты по специальности не работают, не используют в работе полученные знания, сомневаются, что удастся окупить свое платное образование с точки зрения получаемой заработной платы; для части молодежи их надежды на высшее образование как гарант жизненного успеха и будущего благополучия далеки от реальности;

б) Слабая экономическая отдача от дополнительного профессионального образования (ДПО), так как относительно немного тех, кто получает после прохождения курсов более высокую заработную плату и/или карьерный рост;

в) Недостаточно эффективны институты на переходных этапах: из основного и среднего образования в профессиональное, из среднего – в высшее, из системы образования на рынок труда, а также обеспечивающие мобильность на самом рынке труда. Так, большинство опрошенных родителей желают своим детям высшее образование, однако практика показывает, что только школьной подготовки для поступления в вуз недостаточно. При этом каждый второй выпускник школы не сделал выбор профессии и соответствующего образования;

г) Примененный социологический инструментарий позволил выявить значительный «разрыв» между, с одной стороны, представлениями населения о желаемой работе (в которой гармонично сочетаются достойный заработок, карьера, самореализация, рост квалификации, а также возможность успешно совмещать работу с заботой о семье), и, с другой стороны, – реальной работой (удовлетворенность которой основывается на удобстве, разного рода коммуникациях/общении, некотором уровне самореализации и стабильности).

Высокий образовательный потенциал и деятельность по его наращиванию не гарантируют молодежи достойной экономической отдачи. Статистика показывает низкую доходность значительного количества рабочих мест, особенно в сибирских и дальневосточных регионах страны. Наряду с этим современный рынок труда в России характеризуется значительными диспропорциями, многие из которых создают риски для молодежи. Диспропорции наблюдаются между предложением подготовленных в системе высшего и профессионального образования квалифицированных кадров и спросом на рынке труда; между качественными характеристиками рабочей силы и содержанием труда, между квалификацией и уровнем оплаты труда и др.

В стране необходима долгосрочная социальная политика в сфере занятости, которая учитывала бы возникающие риски.

Эмпирическая социологическая база была создана при содействии российских научных фондов в разные годы инициативными группами сотрудников (рук. И.И. Харченко). В настоящее время работа продолжается в рамках плановых исследований организаций: НГТУ – Тем-план-2021. «Особенности государственного регулирования современной экономики с учетом гармонизации интересов общества и экономических субъектов»; ИЭОПП СО РАН – План НИР. Проект 5.2.1.3. «Акторы, драйверы, последствия социальных изменений в современном обществе: теория и эмпирика», рег. номер № 121040100280-1.

Литература

1. Заславская Т.И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе // Общественные науки и современность. 2005. № 3. С. 5–16.
2. Бирюкова С.С. и др. Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие : тез. докл. / под ред. Я.И. Кузьмина, Л.Н. Овчаровой, Л.И. Яковсона. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 63, [1] с. URL: <http://id.hse.ru>
3. Патугина Е.С. Анализ трактовки понятий «трудового потенциала» и «человеческого потенциала» в трудах отечественных и зарубежных ученых // Научное пространство: актуальные вопросы, достижения и инновации : сб. научных трудов по материалам XVII Международной научно-практической конференции (г.-к. Анапа, 18 апр. 2020 г.). Анапа : Изд-во «НИЦ ЭСП» в ЮФО, 2020. С. 219–232. URL: <https://innova-science.ru/wp-content/uploads/2020/04/sbornik-nauchnyh-trudov-18.04.2020-npi-17.pdf>

4. Российский работник: образование, профессия, квалификация / под. ред. В.Е. Гимпельсона, Р.И. Капелюшников. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 574, [2] с.
5. Формирование и использование человеческого капитала в современной экономике / под ред. Г.П. Литвинцевой. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2018. 315 с.
6. Wallace C., Kovatcheva S. Youth in Society. The Construction and Deconstruction of Youth in East and West Europe. Macmillan Press Ltd, Great Britain, 1998. 243 p.

УДК 330.342.3

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-140

В.С. Цитленок

Национальный исследовательский Томский государственный университет

ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ ГЕОАНТРОПНОЙ ЭКОНОМИКИ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Ключевые слова: жизненный цикл, геоантропная экономика, этапы, эволюция

По мере развития геоантропной экономики на основе научного знания происходит постоянный рост уровня благосостояния, продолжительности жизни народов Земли и их численности. Вместе с тем, продолжается рост деструктивных социальных и природных процессов: межгосударственные войны, внутригосударственные политические, социально-экономические, этнокультурные и религиозные конфликты, потеря устойчивости воспроизводства различных подсистем внешней природной среды, сохраняется угроза глобальной ядерно-ракетной катастрофы.

История возникновения, становления и развития современной геоантропной экономики за последние 42 тысячи лет не позволяет однозначно утверждать о бесконечности процесса её эволюции. Более того, признавая достоверность принципов диалектической логики, следует считать конечным существование любого феномена или процесса, возникшего в пространственно-временном континууме планеты Земля. Бесконечным является их замещение другими более эффективными или универсальными. Следовательно, можно говорить о существовании жизненного цикла любого из них, включая и глобальный институт «геоантропная экономика».

Актуальной является не столько проблема признания существования жизненного цикла института геоантропной экономики, как обоснование критерия периода его продолжительности и корневых инвариантных темпорально-трансформационных этапов, отражающих состояние обсуждаемого института в прошлом, настоящем и в будущем.

Постановка проблемы формирования научного критерия продолжительности жизненного цикла геоантропной экономики и корневых его этапов как множества социогенетически однородных темпоральных институциональных структур в процессе эволюции производственного пространства геоантропосферы является целью данного исследования.

Её достижение осуществляется через последовательное решение следующих задач:

- 1) определения содержания исходной мировоззренческой метапарадигмы исследования феномена «геоантропная экономика»;
- 2) обоснования интегрального критерия циклической эволюции геоантропной экономики и её глобальных инвариантных темпорально-трансформационных этапов;
- 3) общей характеристики содержания глобальных инвариантных темпорально-трансформационных этапов жизненного цикла геоантропной экономики;
- 4) гипотетическое описание основной особенности завершающего этапа её эволюции.

Исходным когнитивным принципом исследования является самокритично-конструктивный нооантропоцентризм.

Пионерным в процессе формирования концепции эволюционно-циклического характера расширенного воспроизводства геоантропной экономики стало исследование Н.Д. Кондратьева, опубликованного в 1922 г. [5], которое в первой половине XX века оказалось за пределами проблем, обсуждаемых сообществом экономистов-теоретиков. Лишь после глобального энергетического кризиса 1970-х гг. оно получило признание в концепции технико-технологических циклов С.Ю. Глазьева [3], в которой механизм формирования данных циклов рассматривался без учета конкурентно-рыночной среды функционирования фирм.

Цивилизационно-циклическая концепция развития создана российскими экономистами Ю.В. Яковцом [6, 11], Б.Н. Кузыком [6]. Они доказывают, что начиная с эпохи неолита, источником эволюционно-циклического развития является духовная сфера цивилизации, влияющая на все организационные формы существования человечества: индивидуальную, семейную, этнодемографическую, государственную, экономическую, политическую, духовную [6, с. 86–92]. Сам процесс эволюции реализуется в последовательной смене 3 глобальных этапов, каждый из которых является завершенным суперциклом [6, с. 120–121].

В концепции цивилизационно-циклической эволюции авторы абстрагируются от вероятных существенных деструктивных изменений состояния внешней природной среды как следствия интенсивного производственного потребления природных ресурсов.

Второе направление объяснения эволюции глобальной экономики представлено неоинституциональными концепциями, в которых движущим её фактором считаются организационно-правовые процессы на основе естественного отбора институтов. (Т. Веблен, [2]). Убеждение о решающем влиянии институтов в экономической эволюции определяет содержание концепции Д. Норта [8]. В работе [9] он развивает идею субъективной природы института. «Экономические изменения по большей части являются сознательным процессом, формируемым представлениями участников о последствиях их действий. Источником этих представлений служит то, во что игроки верят: теории, предсказывающие последствия их поступков и обычно неотделимых от их предпочтений» [9, с. 8–9].

Геоантропная экономика является базовым институтом всей геоантропо-сферы, основная функция которого – обеспечение непрерывности процесса воспроизводства жизненного потенциала геоантропного социума, осуществляемого в пространстве земной биосферы через присвоение природных продуктов для личного потребления и извлечения части природных ресурсов для производственного использования.

Геоантропная экономика возникла, существует и развивается как глобальный функциональный институт, созданный для обеспечения процесса максимально возможного в данных конкретных условиях удовлетворения жизненных потребностей человечества. Её жизненный цикл полностью обусловлен жизненным циклом геоантропного социума, завершение которого автоматически приведет к завершению жизненного цикла его функционального института «геоантропная экономика». В процессе создания условий для максимального удовлетворения жизненных потребностей человечества геоантропная экономика оказывает влияние на изменения в самом геоантропном социуме, стимулируя появление у него новых потребностей, в частности, потребностей в обеспечении устойчивости внешней природной среды, в повышении трудоспособности старших возрастных групп населения Земли, в развитии его интеллектуального и когнитивного потенциалов.

Поскольку современная геоантропная экономика существует только как органическая часть биосферы Земли, то непрерывное и безвозвратное потребление части её ресурсов при достижении масштабного производственного потенциала, инициирует процесс деградации всей геобиосферы, который со временем, если его не преодолеть, подорвет возможность вначале полного, а в отдаленном будущем и минимально допустимого уровня удовлетворения основной потребности человечества в непрерывности процесса воспроизводства его жизненного потенциала.

Решить эту экзистенциальную проблему представляется возможным только при условии создания таких технологий, которые в состоянии обеспечить жизненно необходимыми

благами без использования внешних природных ресурсов, т.е. заместить глобальный природодеструктивный экзоресурсный способ производства природосохранным эндоресурсным, что будет означать становление завершающего этапа эволюции института «геоантропная экономика».

Для перехода к завершающему этапу жизненного цикла геоантропной экономики производственная деятельность её субъектов должна быть постоянно ориентирована на сверхдолгосрочное согласованное совместное решение этой экзистенциальной проблемы. В контексте терминологии Й. Шумпетера [10] эту деятельность можно определить как созидательное разрушение био-сферодеструктивной экзоресурсной геоантропной экономики.

Исследование факторов динамики жизненного цикла геоантропной экономики должно основываться на научно обоснованном едином критерии эволюционно-циклического её развития. Представляется, что таким единым объективным критерием является достижение полной её независимости от регулирующего воздействия природной среды. Соответственно можно обозначить следующие этапы жизненного цикла геоантропной экономики:

- 1) полной зависимости от биосферы;
- 2) неполной зависимости;
- 3) относительной свободы от регулирующего действия природной среды;
- 4) полной свободы от регулирующего действия природной среды.

Этап полной зависимости локально обособленных субъектов становящегося геоантропного социума представляет собой поисковую природопродук-топрисваивающую коллективно-трудовую деятельность, содержание которой определяли собирательство продуктов внешней природной среды, охота, рыболовство, искусственное получение огня. Завершается этап полной зависимости трудовой деятельности становящегося геоантропного социума появлением первых примитивных орудий и предметов труда, примитивных агротехнологий, первых относительно стабильных родоплеменных поселений, одомашниванием некоторых видов диких животных.

Исследователи истории мировой экономики в настоящее время считают, что зарождение спонтанной производственной деятельности в форме собирательства плодов внешней природной среды, рыбной ловли, охоты, строительства примитивных жилищ привело 42 тысячелетия назад к появлению современного типа геоантропного социума, численность которого не превышала 2–4 млн человек [4, с. 38].

Длительность поисково-присваивающего природопродуктового этапа латентной геоантропной экономики определяется в пределах 32–33 тысячелетий.

10 тысяч лет назад геопланетный работник переходит к примитивным формам земледелия, скотоводства и ремесла. Возникает межплеменной продуктообмен. 7–6 тыс. лет назад численность геоантропного социума приблизилась к 80 млн человек, а родоплеменная общность постепенно трансформировалась в соседскую. Завершается второй инвариантно-трансформационный этап жизненного цикла геоантропной экономики появлением мануфактурных предприятий, морского судостроения и регулярного морского судоходства. Численность населения Земли к концу этого периода (к 1650 г.) достигла 579,7 млн человек (расчет по данным: [7, с. 564–565]).

Особенностью второго глобального инвариантного темпорально-трансформационного этапа стало активное освоение суши Земли как основного жизненного ресурса и предмета труда, использование животных в качестве основной движущей силы в земледелии и на транспорте. Начинается активная разработка лесных ресурсов, различных видов твердых подземных природных ресурсов. Технологической базой второго глобального инвариантного темпорально-трансформационного этапа становятся семейный ручной труд производственно-активной части жителей сельских и городских поселений на основе многовековых традиций и накопленного собственного опыта применения индивидуальных ручных орудий труда.

Продолжительность третьего инвариантного темпорально-трансформационного этапа, начавшегося с середины XVII в., к настоящему времени определяется в 370 лет, численность

народов Земли в настоящее время приближается к 8 млрд человек, увеличившись за этот период в 10,8 раз при росте стоимости произведенного мирового валового продукта в 116,4 раз (расчет по данным: [3, с. 564–565, 570–571]). Третий глобальный этап жизненного цикла геоантропной экономики начинается с появления машинотехнических средств труда, с превращения городских мануфактур в индустриальные производственные предприятия, создания предприятий по производству машин. В развитии третьего (индустриального) этапа можно выделить несколько технологических стадий, различающихся по уровням наукоемкости, ресурсоемкости, степени биосферодеструктивности:

1-я стадия высокой биосфероресурсной обеспеченности, высокой затратоемкости промышленных товаров при сохранении устойчивости внешней природной среды.

2-я стадия достаточной биосфероресурсной обеспеченности, снижающейся затратоемкости промышленной товарной продукции за счет экономии на масштабе её выпуска, низкой наукоемкости и появления деструктивных процессов во внешней природной среде.

3-я стадия дефицитной биосфероресурсной обеспеченности, масштабного применения искусственных материалов, масштабной электронизацией производства, ростом деструктивных процессов во внешней природной среде, системным снижением затратоемкости промышленных товаров, опережающим накоплением инновационного потенциала.

4-я стадия характеризуется высоким дефицитом обеспеченности производства природными ресурсами, комплексной автоматизацией и компьютеризацией производства, высокой наукоемкостью значительной части производимых промышленных товаров, превращением инновационной деятельности в основной фактор развития доминирующих национально-государственных субъектов геоантропной экономики, значительным ростом работ по стабилизации процесса деградации внешней природной среды.

В целом технологию 3-го инвариантного темпорально-трансформационного этапа геоантропной экономики можно определить как индустриальную экзоприродоресурсную биосферодеструктивную, даже при учете существенных позитивных изменений на его 4-й стадии.

Учитывая устойчивую тенденцию к существенному сокращению длительности инвариантных темпорально-трансформационных этапов жизненного цикла геоантропной экономики, вероятное завершение четвертой стадии третьего этапа может произойти к концу XXIII – середине XXIV в. Таким образом, можно предположить, что длительность четвертой ноотехнотронной экзоприродоресурсной биосферодеструктивной стадии 3-го этапа жизненного цикла геоантропной экономики не превысит 650–700 лет. В результате будет достигнуто состояние относительной свободы производственной деятельности геоантропного социума за счет существенного снижения регулирующего воздействия внешней природной среды. Тем самым будет создана технико-технологическая база для постепенного перехода от глобального экзоприродоресурсного биосферодеструктивного способа производства к эндоприродоресурсному ноотехнотронному биосферосохранному производству.

Таким образом, основной тенденцией жизненного цикла геоантропной экономики является её спонтанная трансформация в ноотехнотронное био-сферосохранное конструирование благ, обеспечивающих удовлетворение потребности замещения органического геоантропного социума формирующимся постгеоантропным социумом.

Согласно гипотезе российских исследователей В.С. Арутюнова, Л.Н. Стрековой, Л.Н. Стрелковой, существует вероятность полного отделения человечества от природы. «Может быть, именно в этом разрыве с природой и состоит эволюционная миссия человечества» [1, с. 327].

Итак, процесс замещения глобальной экзоприродоресурсной биосферо-деструктивной экономики ноотехнотронным эндоприродоресурсным биосферо-сохранным конструированием благ, обеспечивающих зарождение постантропного социума, будет означать завершение жизненного цикла геоантропной экономики.

Вероятно, длительность жизненного цикла геоантропной экономики не превысит 45–48 тыс. лет.

Литература

1. Арутюнов В.С., Стрекова Л.Н., Стрелкова Л.Н. Ступени эволюции: эволюционная концепция природы и цивилизации. М. : Наука, 2006. 347 с.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. М. : Прогресс, 1984. 367 с.
3. Глазьев С.Ю. Теория долгосрочного технико-экономического развития. М. : ВлаДар, 1993. 310 с.
4. История мировой экономики : учебник. 3-е изд. / под ред. Г.Б. Поляка. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2011. 670 с.
5. Кондратьев Н.Д. Мировое хозяйство и его конъюнктура во время и после войны. Вологда, 1922. 210 с.
6. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 1: Теория и история цивилизаций. М. : Институт экономических стратегий, 2006. 768 с.
7. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1–2030 гг. Очерки помакроэкономической истории. М. : Институт Гайдара, 2012. 584 с.
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М. : Фонд экономической книги «Начало», 1997. 180 с.
9. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. М. : Изд. дом гос. ун-та ВШЭ, 2010. 256 с.
10. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М. : Прогресс, 1982. 455 с.
11. Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М. : Наука, 1999. 448 с.

УДК 004

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-141

К.В. Чернова

Институт экономики УрО РАН

БАРЬЕРЫ НА ПУТИ ВНЕДРЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ЦИФРОВОЙ ПОДПИСИ В РФ

Ключевые слова: электронная цифровая подпись, компания, электронный документооборот, информатизация

Для успешной работы любой компании важно ввести системы электронной цифровой подписи, потому что они предоставляют широкий спектр преимуществ для бизнес-процессов:

- общая инфраструктура обмена документами;
- возможность использования одной цифровой подписи при сдаче отчетности в органы государственной власти, в электронных торгах;
- существенное сокращение времени движения документов [3, с. 26];
- использование электронной цифровой подписи для международного документооборота;
- минимизация риска финансовых потерь за счет повышения конфиденциальности информационного обмена документами, придание документам юридической значимости;
- усовершенствование и удешевление процедуры подготовки, доставки, учета и хранения документов;
- гарантия достоверности документации [2, с. 153].

Невзирая на все вышеперечисленные преимущества, в 2020 г. в России электронной цифровой подписью пользовались только 5% населения, согласно данным Федеральной службы государственной статистики [1, с. 20].

В России существует ряд барьеров, стоящих на пути введения систем цифровой подписи. Опыт зарубежных стран должен помочь найти возможные варианты решения проблемы их внедрения. Важно параллельно с бумажным документооборотом успешно развивать также и электронный документооборот.

Однако стоит обратить внимание на психолого-личностный барьер, который может помешать поэтапному внедрению на предприятия системы электронного управления документами. В начале пути нужно быть готовым к тому, что сотрудникам компаний будет тяжело принять появление чего-то нового, ранее неизвестного. Первое время работники предприятий будут относиться к цифровой подписи несерьёзно, считать её недействительной.

Для того чтобы преодолеть консервативные взгляды сотрудников, руководителям компаний следует организовать для своих работников лекции и конференции с участием академиков, также экспертов научно-исследовательских институтов с целью разъяснения преимуществ использования цифровой подписи и необходимости её внедрения на конкретном предприятии.

В дополнение, необходимо проводить конференции для компаний для ускорения процесса их вовлечения в ведение бизнеса в электронной форме с использованием цифровых подписей.

Кроме того, на рынке труда сложился кадровый барьер, который состоит в недостаточном количестве высококвалифицированных ИТ-специалистов, которые специализируются на технологиях документооборота с использованием ЭЦП и могут быстро организовать процесс перехода предприятия и совмещения традиционного документооборота и электронного.

Чтобы готовить работников с более высокой профессиональной компетентностью, стоит реализовывать проекты на базе вузов. Точнее создавать в них программы, непосредственно касающиеся улучшению системы ЭЦП и защите конфиденциальной информации.

Важно также создать единый портал, в котором будет понятно и доступно описано, как именно предприятие может перейти к использованию систем цифровых подписей.

Публикация подготовлена в рамках выполнения НИР по госзаданию Института экономики Уральского отделения РАН на 2021–2023 гг.

Литература

1. Асеев А.А., Макаров В.В., Наружный В.Е. Проблемы и практика использования электронной цифровой подписи // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 1. С. 20–23.
2. Астахова Т.С., Чадаева Е.П. Электронная цифровая подпись как фактор сохранения целостности и аутентичности документа // Известия Томского политехнического университета. 2012. № 6. С. 153–157.
3. Тимошин П.А. Перспективы развития и использования систем электронной цифровой подписи // Прикладная информатика. 2007. № 2. С. 12–27.

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-142

М.Н. Шатова, Г.А. Барышева

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА НЕФТЕГАЗОВОЙ ИНДУСТРИИ НА ТРУД ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Ключевые слова: цифровая трансформация, нефтегазовый комплекс, пожилые люди, компетенции, качество жизни

Современное развитие экономики побуждает внедрять цифровые технологии в бизнес-процессы, охватывающие все уровни социально-экономических систем [3]. Цифровая модернизация нефтегазовых компаний происходит на каждой стадии цепочки создания ценности от цифровых двойников месторождений, повышающих оперативность и качество принятия решений на стадии разведки и добычи, до цифровых автозаправочных станций с сервисом бесконтактной оплаты топлива и влияет на социальные факторы, связанные с работниками нефтегазового комплекса (НГК). Дистанционные датчики и дроны уменьшают потребность людей в физическом мониторинге оборудования. Автономное роботизированное бурение теперь позволяет полностью удалить людей с буровой площадки, грузовики с дистанционным управлением разрабатываются для транспортировки нефти или газа. Цифровые технологии не только быстро меняют производственные практики, но и сам характер рабочей силы, от опыта найма до работы и карьеры.

В НГК соотношение новых сотрудников и специалистов старшего возраста будет составлять 1:2 в ближайшие годы [4]. Одной из причин указывается снижение привлекательности отрасли для молодых людей, ввиду перспективности развития передовых компаний в сфере digital-технологий [5]. Распространено мнение, что молодые специалисты могут обрабатывать массивные данные, собранные из различных проектов в течение короткого периода времени, и принимать технологические решения более эффективно, чем более опытные и старшие сотрудники фирмы.

Данное утверждение является ярким проявлением эйджизма и не соответствует результатам проведенного структурированного интервью о влиянии цифровой трансформации на качество жизни людей, среди которых молодые специалисты и работники НГК с многолетним опытом старших возрастных групп. Несмотря на возможности новых технологий, включая технологии дополненной реальности, подготовка специалистов требует обязательного высшего профессионального образования, а цифровые технологии лишь помогают повысить их экспертные компетенции. Однако опрос также показал, что сотрудники НГК старшего возраста в отличие от молодого поколения менее охотно стремятся к освоению нового отраслевого технологического пространства и не имеют желания регулярно проходить цифровое обучение.

Таким образом, цифровая трансформация быстро меняет рабочие процессы в нефтегазовой отрасли и требует выстраивать отношения между экономическими агентами в соответствии с принципами человекоориентированности [1, 2] и цифровой гуманизации. Формирование политики повышения цифровой грамотности и переобучения персонала с учетом данного аспекта позволит сделать более привлекательным и продуктивным освоение новых навыков.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-510-92007.

Литература

1. Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/chelovecheskiy_kapital/ (дата обращения: 31.08.2021).
2. Паспорт федерального проекта «Кадры цифровой экономики». URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/pasport-federalnogo-proekta-kadryi-dlya-tsifrovoj-ekonomiki.pdf> (дата обращения: 14.09.2021).
3. Скруг В.С. Цифровая трансформация экономики (на примере нефтегазового комплекса) // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10, № 9. С. 2365–2378.
4. Nakhle C. Digitalization in Oil and Gas Is Changing the People Equation. URL: <https://www.crystolenergy.com/digitalization-in-oil-and-gas-is-changing-the-people-equation/> (дата обращения: 31.08.2021).
5. New technology can light the way, but do you know where you're going? An in-depth view of the state of digitalization in oil and gas / EY. EYGM Limited, 2018. 30 p.

УДК 330.341

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-143

Н.А. Шевченко

Национальный исследовательский Томский государственный университет

НАКОПЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА КАК ВАЖНЕЙШИЙ ОБЪЕКТ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В ЭКОНОМИКЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова: человеческий и социальный капитал, устойчивое развитие, стратегическое планирование

Основной мировой тенденцией формирования современного общества является переход от сырьевой и индустриальной экономик к так «новой» экономике, базирующейся на ин-

теллектуальных ресурсах, наукоемких и информационных технологиях. Накопление человеческого и социального капитала становится главной составляющей экономического роста, а повышение интеллектуального потенциала и восприимчивости личности к инновациям – основной движущей силой устойчивого развития.

Необходимость обеспечения устойчивого развития в условиях нарастающих деструктивных процессов (сохранение тенденции к деградации внешней природной среды, дальнейший рост дефицита энергетических, продовольственных, пресноводных и других ресурсов, усиление природных и техногенных катастроф, межэтнические конфликты и другое) [2, с. 2171] формирует потребность в институциональном механизме, фундаментизирующемся на основе системы стратегического макроэкономического планирования благодаря накопленному человеческому и социальному капиталу. В свою очередь, становление института стратегического макроэкономического планирования позволит сформировать стратегические приоритеты и направления устойчивого и эффективного развития страны в единстве социальных, экономических, научно-технических, экологических и институциональных факторов.

Формирование и развитие человеческого и социального капитала как фактора устойчивого развития способствует росту инновационного потенциала страны за счет создания развитой инновационной среды, которая, в свою очередь, способствует дальнейшему развитию инновационных способностей человека [1, с. 1032]. Такая взаимосвязь способствует появлению таких положительных эффектов, как:

1) новое знание (происходит развитие технологии, техники и различных отраслей науки).

2) экономическое развитие (происходит ускорение хозяйственных процессов, сокращение затрат на производство продукции и предоставление услуг). Высокий экономический результат новшества стимулирует дальнейшее развитие инновационной деятельности, происходит рост наукоемких секторов экономики, укрепляются конкурентные позиции страны на мировом рынке.

3) благосостояние (развитая инновационная среда способствует повышению благосостояния общества, повышению качества жизни и условий труда, увеличению производительности, ускорению обновления жизненной среды).

Данный эффект можно оценить при помощи:

- уровня жизни (доходы населения);
- образа жизни (занятость населения, количество новых рабочих мест, подготовка кадров, социальная безопасность);
- здоровья и продолжительности жизни (улучшение условий труда, развитие сферы здравоохранения).

4) экологизация экономики (создаются инновации, при производстве, эксплуатации и утилизации которых не оказывается негативного воздействия на окружающую среду).

Таким образом, устойчивое развитие экономики во многом определяется накопленным и реализованным в стране человеческим и социальным капиталом, которые становятся её доминирующими факторами.

Литература

1. Владимирова Ц.Д. Вызовы информационной экономики: развитие человеческого капитала // Экономика труда. 2019. Т. 6, № 3. С. 1029–1042.
2. Исаев Р.О. Устойчивое развитие, наука, инновации – три вектора региональной экономики будущего // Креативная экономика. 2019. Т. 13, № 11. С. 2169–2178.

И.П. Шибалков, О.П. Недоспасова
*Сибирский государственный медицинский университет,
Национальный исследовательский Томский государственный университет*

УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ КАЧЕСТВОМ ЖИЗНИ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ РЕСУРСНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, качество жизни, регионы России, ресурсный потенциал, удовлетворенность, благополучие, пожилые люди

Международные организации и экспертное сообщество все активнее привлекают внимание общественности к вопросам, связанным с качеством жизни пожилых людей. Глобальный тренд в данном направлении обусловлен актуализацией, с одной стороны, традиционной цели: повышением внимания государства и общества к удовлетворению потребностей пожилых людей и аккумулированию ресурсов для их удовлетворения, а с другой – стремлением к созданию максимально благоприятных условий для реализации гражданами своего личностного потенциала на всем протяжении жизни, в том числе на ее завершающем этапе. Активизация этих процессов в РФ возможна лишь при высоком качестве жизни пожилых людей и благоприятных условиях для реализации ими своего личностного потенциала. Авторами провели исследование по выбору и обоснованию социально-экономических показателей, позволяющих выявить региональные «разрывы» в уровне и качестве жизни пожилых людей в России.

Возрастные группы определены следующим образом: 1 группа (предпенсионный возраст) – женщины в возрасте 50–54 лет, мужчины в возрасте 55–59 лет; 2 группа (активный пенсионный возраст) – женщины в возрасте 55–66 лет, мужчины в возрасте 60–66 лет; 3 группа (нетрудоспособный пенсионный возраст) – женщины старше 67 лет, мужчины старше 67 лет. Информационные источники: Комплексное наблюдение условий жизни населения (исследование Федеральной службы государственной статистики; статистический сборник «Регионы России. Социально-экономические показатели». Расчёты проведены по данным 2018 г.

Индикаторы качества жизни определялись как доля удовлетворенных респондентов тем или иным аспектом жизни: условиями труда, оплатой труда, условиями проживания в населенном пункте, жизненной активностью, безопасностью, возможностью путешествовать, здоровьем. В качестве индикаторов социально-экономического развития регионов России выбраны: доля занятых в возрастной группе, %; удельный вес численности населения с доходами ниже прожиточного минимума, %; средний размер назначенных пенсий, рублей; коэффициент Джини; коэффициент фондов, раз; доля расходов на продукты питания и безалкогольные напитки, жилищно-коммунальные услуги и топливо в общем объеме расходов, %; доходы консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации в расчете на 1 жителя, млн руб.; прирост финансовых активов в структуре денежных доходов населения, %; количество фиксированных наборов товаров и услуг, которые можно приобрести за среднедушевой доход, ед.; общая площадь жилых помещений на 1 жителя, кв. м; удельный вес аварийного жилищного фонда в общей площади всего жилищного фонда, %; число зарегистрированных преступлений/100 человек; численность врачей всех специальностей на 10 тыс. населения.

Регионы сильно дифференцированы по выбранным индикаторам, а значения по России несущественно отличаются от медианного значения по регионам (не более чем на 15%). По совокупности индикаторов есть лидеры и аутсайдеры (например, Республика Тыва, г. Москва).

Были рассчитаны частные коэффициенты корреляции между индикаторами качества жизни и разными аспектами социально-экономического развития. Наибольшее количество связей установлено с: удельным весом аварийного жилищного фонда, доходами консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации и числом зарегистрированных преступлений, а наиболее тесную обратную связь демонстрируют количество преступлений и удовлетворенность безопасностью. Фактор пенсионного обеспечения начинает играть большую роль в удовлетворенности жизненной активностью по мере старения респондентов и их последовательного перехода из одной возрастной группы в другую.

Выбранные индикаторы демонстрируют существенные региональные различия, что говорит об укорененности социально-экономического неравенства пожилых в субъектах РФ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Институты реализации ресурсного потенциала старшего поколения в экономике старения» (проект № 19-18-00300).

УДК 338.23

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-145

А.В. Шмаков

Новосибирский государственный технический университет

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЯГКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЛЯ СНИЖЕНИЯ НЕГАТИВНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Ключевые слова: цифровая трансформация, риски цифровизации, мягкое регулирование, когнитивные искажения

Цифровая трансформация приводит к усложнению процессов принятия решений в результате быстрого изменения техногенного окружения, правил социального взаимодействия, индивидуальных психофизиологических характеристик поведения. В сложившихся условиях процессы выбора поведенческих альтернатив могут быть улучшены посредством использования мягкого регулирования. Это позволит нивелировать часть рисков цифровизации.

На поведение человека оказывает воздействие множество внешних и внутренних факторов, среди которых генетическая предрасположенность к определённым реакциям, состояние организма и особенности функционирования центральной нервной системы, характеристики сформированных в результате воспитания, обучения и приобретения жизненного опыта нейронных сетей, заложенные в культуре правила социального взаимодействия, жизненная ситуация, и наконец, непосредственно вызвавший реакцию раздражитель.

Воздействие данных факторов на поведение опосредовано возникающими когнитивными искажениями. Факторами возникновения когнитивных искажений являются: (1) ограниченность когнитивных возможностей мозга, (2) преобладание бессознательного поведения над сознательным, (3) давление со стороны социального окружения. Первый фактор может приводить к ошибкам в работе систем субъективной оценки ценности поведенческих альтернатив и вероятностей ее получения, определяющих уровень активности ответственных за решения нейронных сетей. Действие второго фактора является причиной преобладания эмоциональных реакций и проявления гиперболического межвременного дисконтирования. Воздействие третьего фактора проявляется в нерациональности индивидуального поведения в результате стремления человека соответствовать общественной системе ценностей. Данные когнитивные искажения, в одной стороны, приводят к снижению рациональности поведения, с другой, являются базисом для использования подходов мягкого регулирования.

Использование мягкого регулирования позволяет смягчить негативные последствия цифровизации, связанные со снижением оптимальности принимаемых решений в ситуации

избыточно сложного выбора, без обращения к методам, опирающимся на нормативные ограничения. В основе мягкого регулирования лежит применение подхода поведенческой экономики к проектированию «архитектуры выбора», способствующей достижению оптимальности поведения. Базовыми принципами проектирования являются следующие: эффективность поведения растет по мере упрощения поставленной задачи и облегчения восприятия необходимой для ее решения информации; люди склонны отдавать предпочтение решениям, не требующим значительных когнитивных усилий; на результат выбора можно повлиять, используя когнитивные искажения, в том числе «рамочные эффекты» и социальное давление.

Можно предложить направления по снижению рисков цифровизации посредством мягкого регулирования: упрощение цифровой инфраструктуры, интерфейса государственных порталов, программного обеспечения, сводящее к минимуму информационные перегрузки и возможные ошибки эксплуатации; обеспечение доступности цифровых благ на уровне государственных программ; подталкивание работодателя посредством социального давления и просветительской работы к снижению интенсивности перегрузок работников; формирование современных норм поведения в цифровой среде; разработка инструментов защиты от цифровых угроз и т.д.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 19-010-00195\21.

Литература

1. Lunn, P. Regulatory Policy and Behavioural Economics. OECD Publishing, 2014.
2. Schmidt, A.T. Getting Real on Rationality-Behavioral Science, Nudging, and Public Policy // ETHICS. 2019. № 129 (4). P. 511–543.

УДК 330.34

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-146

И.С. Шорохова

Югорский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИКО-ФИНАНСОВЫХ ЭФФЕКТОВ КОНЦЕНТРАЦИИ НА ИННОВАЦИОННУЮ АКТИВНОСТЬ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Ключевые слова: инновационное развитие, региональные факторы, эффекты концентрации, эконометрическое моделирование

В настоящее время, интенсивность инновационной активности субъектов РФ неравномерна, объясняется это отличиями в социально-экономическом развитии регионов и в обеспеченности территорий ресурсами. В условиях санкций и пандемии, региональные власти заинтересованы в концентрации имеющихся ресурсов и стимулировании инновационной активности, способствующей ускорению технологического развития.

Инновационный потенциал региона определяется совокупностью благоприятствующих условий, факторов и ресурсов [1, с. 28]. В эмпирических исследованиях, посвященных оценке факторов регионального инновационного развития, определена значимость таких финансовых показателей фирм, как доля агрегированной чистой прибыли компаний в ВРП [2] и сальдированного финансового результата [3]. Важным представляется оценка группы факторов, характеризующих масштаб производства [2] и размера фирмы [3, 4], определяющих способность предприятия концентрировать ресурсы для проведения исследований и внедрения инноваций. Оценка инвестиционной активности в регионе как фактора инновационного развития в эмпирических исследованиях носит разнонаправленный характер, выявлен как

положительный [2], так и отрицательный эффекты влияния [3]. О роли малых предприятий в стимулировании инноваций имеются разные точки зрения, с одной стороны, у более крупной фирмы больше финансовых возможностей для осуществления НИОКР, с другой стороны, малые предприятия более гибкие, быстрее перестраиваются под предпочтения потребителей и в большей степени идут на риск.

На основе выявленных факторов инновационного развития региона, мы выделяем группу экономико-финансовых эффектов концентрации, влияющих на инновационную активность российских регионов, это инвестиционный, финансовый, предпринимательский эффекты. Каждый тип эффекта мы оцениваем через региональный фактор инновационного развития.

Влияние экономико-финансовых эффектов концентрации на инновационную активность регионов оцениваем на основе эконометрической модели с фиксированными эффектами за 20-летний период с 2000 по 2019 гг. по 75 субъектам РФ. Предполагаем, что инвестиционный и предпринимательский эффекты влияют положительно, а финансовый – отрицательно на инновационное развитие.

По результатам эконометрического моделирования, подтвердилась гипотеза о положительном влиянии предпринимательского эффекта, а также об отрицательном влиянии финансового эффекта концентрации на региональную инновационную активность. Не удалось оценить инвестиционный эффект, ввиду незначимости переменной. Положительное влияние предпринимательского эффекта концентрации может служить индикатором для органов государственного управления к совершенствованию региональных программ поддержки развития малого предпринимательства, способствующих повышению инновационности в субъектах РФ.

Литература

1. Бабурин В.Л., Земцов С.П. Инновационный потенциал регионов России. М. : КДУ, Университетская книга, 2017. 358 с.
2. Мариев О.С., Савин И.В. Факторы инновационной активности российских регионов: моделирование и эмпирический анализ // Экономика региона. 2010. № 3. С. 235–244.
3. Штерцер Т.А. Эмпирический анализ факторов инновационной активности в субъектах Российской Федерации // Вестник НГУ. Серия: социально-экономические науки. 2005. Т. 5, вып. 2. URL: http://www.nsu.ru/exp/ref/Media:4ef1a2788846c8c01300028210_Shterzher.pdf (дата обращения: 10.08.2021).
4. Davidson N., Mariev O., Pushkarev A. The Impact of Externalities on the Innovation Activity of Russian Firms // Foresight and STI Governance. 2018. Vol. 12, № 3. P. 62–72.

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-147

А.Т. Юсупова, С.Р. Халимова, Н.А. Кравченко

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН

РОЛЬ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОГО СЕКТОРА В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНОВ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

Ключевые слова: высокотехнологичный сектор, азиатская часть России, коэффициент региональной локализации

Перспективы развития новой экономики связаны с необходимостью реализации структурных сдвигов, повышения роли экономики знаний, существенного роста высокотехнологичных отраслей промышленности.

Рост межрегионального неравенства, затрагивающего многие аспекты, является одной из наиболее острых и значимых проблем российской экономики, решение которых невозможно без существенных институциональных преобразований.

В докладе представлены результаты анализа вклада высокотехнологического сектора в экономику регионов РФ. В фокусе внимания находятся регионы Азиатской России, выявляется дифференциация субъектов федерации в зависимости от вклада высокотехнологического бизнеса (ВТБ) в региональную экономику.

Информационную основу анализа составили данные официальной статистики Росстата (индикаторы состояния региональной среды) и база данных СПАРК (показатели деятельности предприятий). В рамках данного исследования мы рассматриваем 17 видов деятельности, относящихся к высокотехнологичным и наукоемким согласно методическим указаниям Росстата.

В качестве показателя развития ВТБ были выбраны «коэффициенты локализации» (location quotients), используемые многими исследователями.

Мы определяли коэффициент региональной локализации ВТБ для региона i , сопоставив долю регионального ВТБ (оцениваемую как общая выручка региональных высокотехнологичных компаний, отнесенная к ВРП) с аналогичным показателем для РФ в целом.

$$\text{Коэффициент региональной локализации ВТБ}_i = \frac{\frac{\text{Общая выручка ВТБ}_i}{\text{ВРП}_i}}{\frac{\text{Общая выручка ВТБ}_{\text{РФ}}}{\text{ВВП}_{\text{РФ}}}}$$

На данных 2016 г. было показано, что значения этого коэффициента характеризуются существенной региональной дифференциацией. Всего в 21 регионе коэффициент региональной локализации ВТБ оказался выше 1, и в 6 из них он превысил 2.

В регионах Азиатской части России (анализировались 22 субъекта) представлены все выделенные в рамках исследования высокотехнологичные отрасли. В большинстве из них действуют предприятия многих отраслей. Однако только в Новосибирской области коэффициент локализации оказался чуть выше 1 (1,09), в остальных субъектах вклад ВТБ в региональную экономику среднего российского уровня.

В рейтинге регионов РФ по коэффициенту локализации Азиатская часть в целом выглядит значительно хуже Европейской. На рис. 1, 2 показана динамика коэффициента за 6 лет (2012–2017 гг.) для регионов с самыми высокими («лидирующие») и самыми низкими («зарывающиеся») в Азиатской части значениями.

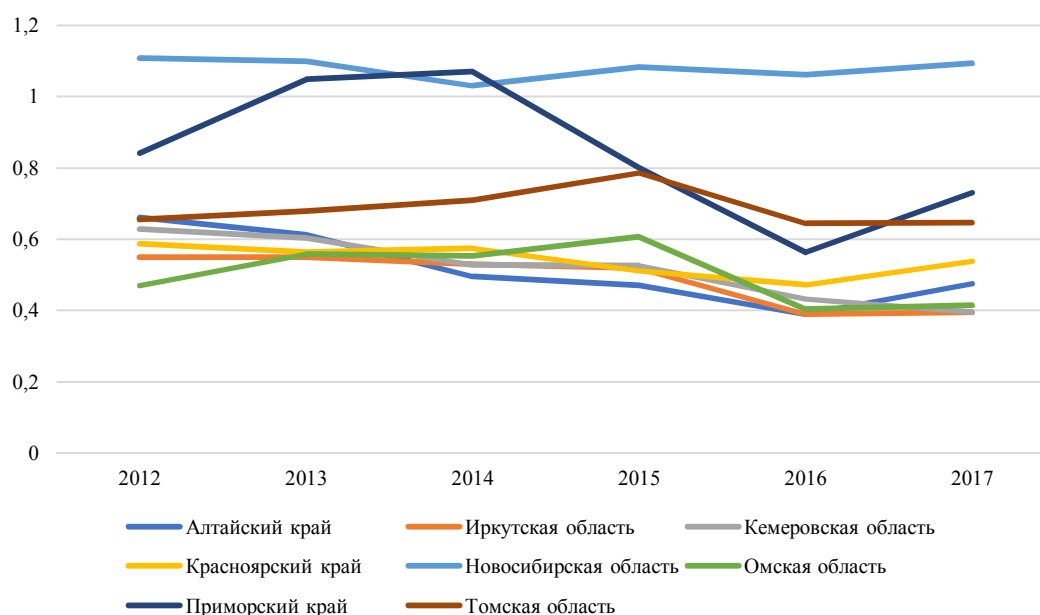

Рис. 1. Динамика коэффициента локализации ВТБ – Группа «лидирующих» регионов

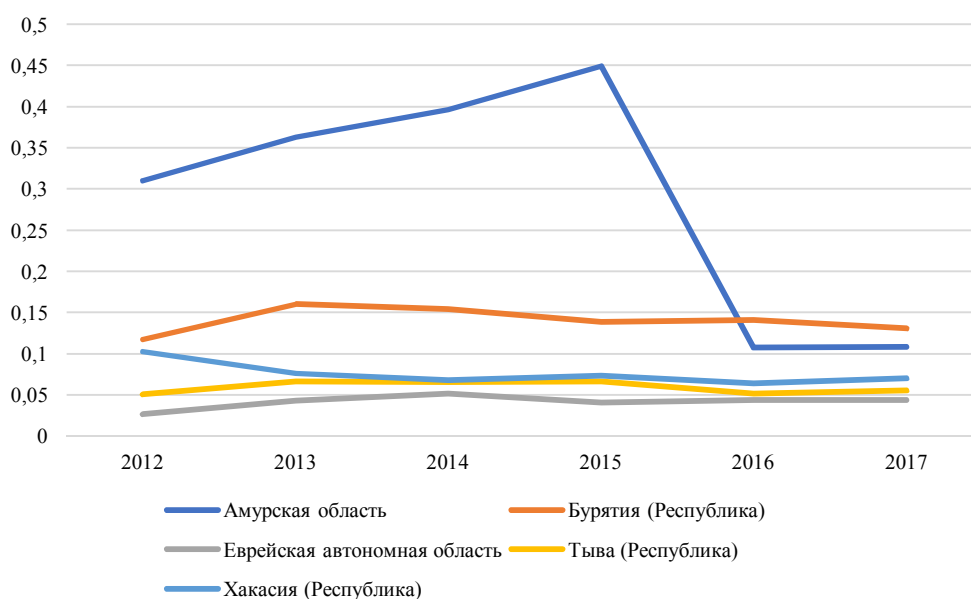

Рис. 2. Динамика коэффициента локализации ВТБ – Группа «закрывающихся» регионов

Для всех «лидеров» характерно падение коэффициента, положительная динамика отмечена лишь нескольких в регионах с незначительным вкладом ВТБ в региональную экономику. Достигнутый уровень развития ВТБ и его роль в региональной экономике явно не достаточны для обеспечения роста экономики знаний. Выявленные тенденции также не дают оснований для оптимистичных прогнозов. Актуальным становится поиск инструментов и методов, способных активизировать деятельность данного сектора.

Развитие ВТБ во многом определяется локальными условиями, влияние которых оценивалось с помощью эконометрических методов. Было показано, что положительно влияют такие факторы как высокая доля обрабатывающей промышленности в экономике, наличие кадров со средним профессиональным образованием, обеспеченность работников компьютерами, вовлеченность персонала в исследования и разработки, а также технологические инновации. Наиболее существенное влияние на высокотехнологичный сектор оказывают характеристики научного и инновационного потенциала. Мобилизация значимых факторов требует серьезных институциональных преобразований.

УДК 330

DOI: 10.17223/978-5-907442-40-5-2021-148

Я.С. Ядгаров

Финансовый университет при Правительстве РФ

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВ ЭВОЛЮЦИОННОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Ключевые слова: методология, экономическая теория, эволюционная теория

На рубеже XX–XXI столетий одна из современных исследовательских парадигм экономической науки ассоциируется, как правило, с эволюционной экономической теорией. Ее адепты, в отличие от приверженцев перманентно доминировавших в этой отрасли человеческих знаний классической и неоклассической либеральных исследовательских парадигм, во-первых, исключают суждения и умозаключения о безальтернативном и заданном «объектив-

ными экономическими законами» характере эволюции хозяйственной жизни и ее институтов. И, во-вторых, исходят из того, что в рыночной экономике происходящие в ней процессы в связи с воздействием на них многообразных внешних и внутренних социально-экономических факторов всегда по своей сути спонтанны и альтернативны, предопределяя неопределенность и не автоматически возможный характер регулирования ее хозяйственного механизма. В данном контексте едва ли приемлемо, к примеру, безапелляционное утверждение одного из «отцов» неоклассической исследовательской парадигмы А. Маршалла в его «Принципах экономикс» (1890) о том, что «экономическая наука добилась большого продвижения вперед, чем любая другая отрасль общественных наук, поскольку она является более определенной и точной, чем все другие отрасли» [1].

В современных научных исследованиях в числе «отцов» эволюционной экономической теории чаще всего упоминаются Й. Шумпетер, а вслед за ним Р. Нельсон, С. Уинтер, Л. Магнусон, Д. Ходжсон и другие ученые. Что же касается «прародителей», то есть тех, кто своим творчеством обусловил истоки данной исследовательской парадигмы, то здесь нередко упоминаются Б. Мандевиль и А. Смит, Т. Мальтус и А. Маршалл и другие имена. Но практически без какого-либо внимания остается почему-то творческое наследие первых в истории экономической науки противников ортодоксальных положений в либеральных идеологических сентенциях Смита – Рикардо и других классиков и их последователей вплоть до неоклассиков о предопределенности (благодаря «объективным экономическим законам» и их универсальном характере) экономической эволюции стран с доминированием рыночной системы хозяйствования. Речь идет о родоначальниках исследовательских парадигм экономического романтизма (С. Сисмонди и П.Ж. Прудон), утопического социализма (Р. Оуэн, К.А. Сен-Симон, Ш. Фурье), немецкой исторической школы (В. Рошер, К. Книс, Б. Гильдебранд), которые ввели в научный оборот методологические и теоретические основы исследовательской парадигмы эволюционной экономической теории.

Убедительные свидетельства истоков теоретико-методологических основ эволюционной экономической теории именно в новациях родоначальников вышеназванных нелиберальных исследовательских парадигм весьма очевидны в многообразных мероприятиях эволюционного характера посредством социально-экономических преобразований, включая реформы. В соответствии с их реформаторскими концепциями требуемые меры целесообразно инициировать «снизу» трудящимися, как полагали Р. Оуэн, Ш. Фурье и П.Ж. Прудон, либо «сверху» государством, как предлагали С. Сисмонди и К. Сен-Симон.

В частности, С. Сисмонди в своих «Новых началах политической экономии» (1819), настаивает на том, что лишь «лучше направленные частные интересы сами исправят то зло, которое они же причинили обществу» [2]. П.Ж. Прудон в своей «Философии нищеты» (1846) исходит из того, что сопровождаемые эволюцией реформаторские мероприятия должны сводиться к тому, чтобы «с помощью экономической комбинации ввести в общество те богатства, которые вышли из общества с помощью другой экономической комбинации» [3]. А.В. Рошер в первом томе своей книги «Начала народного хозяйства» (1854), ратуя исключительно на эволюционном развитии национальной экономики, утверждает о том, что «одного экономического идеала не может быть для народов, точно так же как платье не шьется по одной мерке» [4].

Литература

1. Маршалл А. Принципы экономической науки: в 3 т. М. : Прогресс, 1993. Т. III. С. 223.
2. Сисмонди С. Новые начала политической экономии или О богатстве в отношении к народонаселению : в 2 т. М. : Гос. социально-эконом. издат-во, 1937. Т. 2. С. 176.
3. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений / пер. с фр. ; предисл. Я.И. Кузьмина. М. : Экономика, 1995. С. 511.
4. Рошер В. Начала народного хозяйства. М. : Тип. В. Грачева и К, 1860. Т. I. С. 53.

П.А. Ярина, Е.М. Рождественская

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
Национальный исследовательский Томский государственный университет*

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗА КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Ключевые слова: трансформация социальных отношений, социальный институт, цифровизация, медиатизация образования, ресурсный потенциал

Введение. В условиях трансформации социальных отношений и развития новой коммуникативной среды, смены образовательных стандартов, медиатизации образования, вузы меняют способы взаимодействия с общественной средой и трансформируют собственную инфраструктуру, подстраиваясь под запросы общества [1, с. 37]. В эпоху глобализации вузы как институты создания общественных благ терпят функциональные изменения.

Целью научной работы является определение необходимых направлений трансформации в деятельности современного вуза в контексте новых цифровых условий. Проведен анализ цифрового развития современного вуза на примере Томского государственного университета, разработаны рекомендации по повышению конкурентоспособности вуза как социального института с использованием новых цифровых инструментов.

Результаты и дискуссия. Уровень развития электронных платформ современного вуза требует оптимизации, улучшения качества подачи материала и, как следствие, повышения качества образования, подготовки кадров. Взаимодействие вуза с внутренними участниками процесса и заинтересованными сторонами должно носить социально-ответственный характер. Выявлено, что вузы оказались не готовы к реализации образовательных программ в дистанционном режиме, и это, в значительной мере, ухудшило подготовку выпускников и ослабило вуз как социальный институт. Главной функцией вуза как социального института является организация деятельности по получению знаний и навыков, ориентированной на определенные общественные потребности [3, с. 3].

В ходе проведенного исследования были получены *результаты*, которые могут стать материалом для дальнейшей аналитической работы:

- 1) результаты факторного анализа показателей, оказывающих наибольшее влияние на вуз как социальный институт в условиях цифровой среды;
- 2) выявление факторов, влияющих на вуз в условиях преодоления цифрового неравенства и новых потребностей цифровой экономики России;
- 3) систематизация критериев влияния вуза на социальные процессы.

Цифровая трансформация деятельности вуза рассматривается как процесс перевода аналоговой образовательной среды в цифровую [4, с. 62]. Факторный анализ показал, что существующая диспропорция в распределении возможностей, которыми обладают вузы для создания цифрового пространства, обуславливает растущее неравенство студентов и возможностей вузов. Для создания социально ориентированной системы образования необходима цифровая трансформация вуза как социального института, позволяющая расширять границы образовательного пространства. Данные изменения оказывают влияние на социальное развитие, способствуют социальной адаптации, переходу социума на новый уровень эволюции потребления [5, с. 53].

Цифровая трансформация вуза как социального института позволяет расширять границы образовательного пространства за счет усиления сетевого взаимодействия и коммуникаций, внедрения и использования электронных учебников, библиотек, национальной платформы открытого образования, обучения навыкам работы с большими данными [6, с. 4].

Цифровая «эволюция» должна привести вузы РФ на международный рынок образования, перестроить не только процесс получения знаний, но и само знание, сформировать цифровые компетенции у будущих выпускников, что является новым витком развития вуза как социального института [7, с. 3].

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда проекта «Институты реализации ресурсного потенциала старшего поколения в экономике старения» (проект № 19-18-00300).

Литература

1. Рождественская Е.М., Ярина П.А. Проблемы повышения конкурентоспособности организации в условиях преодоления цифрового неравенства // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2021. № 1. С. 34–38.
2. Барышева Г.А., Барышев А.А., Бабышев В.Ю. Новая роль институтов в функционировании материально-дискурсивных практик // Региональное развитие: экономика и социум. Специальная тема: Национальные проекты: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Кемерово, 08–09 октября 2020 года. Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2020. С. 12–13.
3. Данилова А.А., Кучина Т.Н., Якушева Е.А. Образование как социальный институт: что мешает повышению актуальности образования // Социологические и педагогические аспекты образования: сборник трудов Международной научно-практической конференции. 2019. С. 13–16.
4. Ларионов В.Г., Шереметьева Е.Н., Горшкова Л.А. Цифровая трансформация высшего образования: технологии и цифровые компетенции // Вестник АГТУ. Сер: Экономика. 2021. № 2. С. 60–65.
5. Ярина П.А. Влияние стратегии брендинга на конкурентоспособность услуг образовательной организации на примере НИ ТГУ : магистерская диссертация. Томск, 2021. 87с.
6. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203. URL: <https://base.garant.ru/71670570/> (дата обращения: 13.09.2021).
7. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24.12.2018 № 16). URL: <https://base.garant.ru/72190282/> (дата обращения: 13.09.2021).

Научное издание

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭКОНОМИКИ:
ЧЕЛОВЕК И СОЦИУМ
(ИТЭ-ЧС 2021)**

**Материалы
VII Международной научной конференции**

Томск, 21–23 октября 2021 г.

Оригинал-макет А.И. Лелоюр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано к печати 11.10.2021 г. Формат 60×84¹/₈.
Бумага для офисной техники. Гарнитура Times.
Печ. л. 28. Усл.-печ. л. 26,04. Тираж 500 экз. Заказ № 4803.

Отпечатано на оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Тел. 8+(382-2)–52-98-49
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

ISBN 978-5-907442-40-5

